

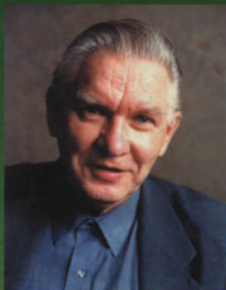
ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ
ВОКРУГ СВЕТА

ВЛАДИМИР

КОРОЧАНЦЕВ

Мадагаскар -
остров загадок

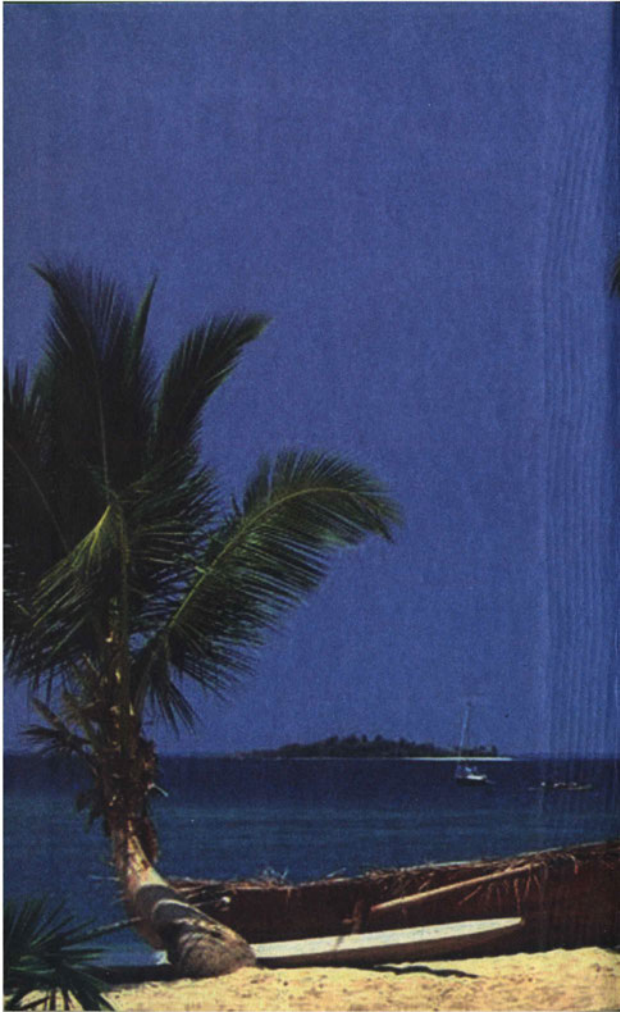
Корочанцев Владимир Алексеевич — журналист-международник.

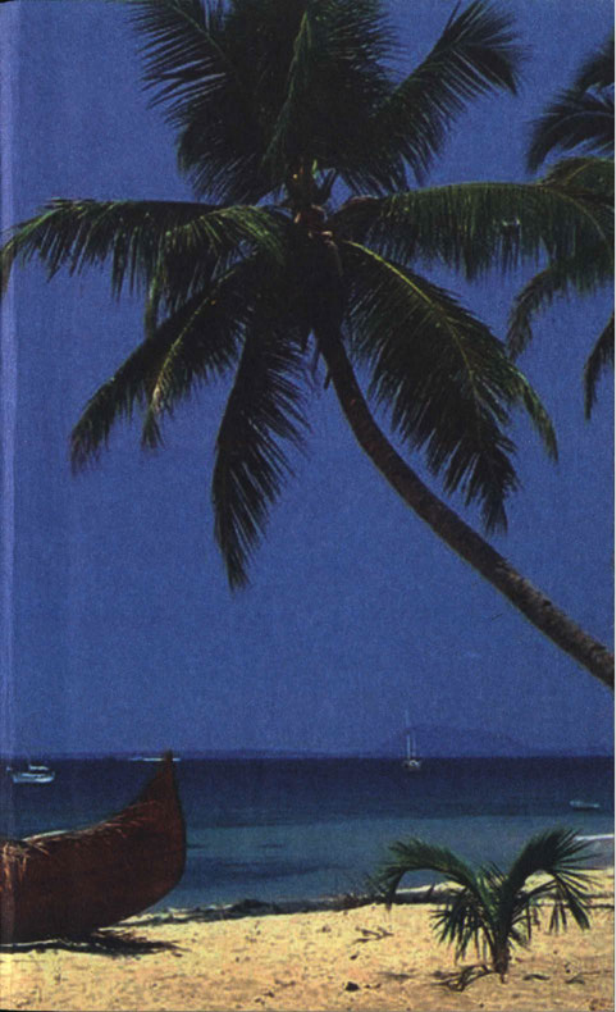
Побывал почти во всех странах Африки, а на Мадагаскаре, Сейшельских и Коморских островах, на острове Фернандо-По и в Рио-Муни был первым представителем нашей страны. Заведовал отделением ТАСС во Франции. Автор и соавтор 15 книг.

ISBN 5-7107-6365-9

9 795710 763659

**ВЛАДИМИР
КОРОЧАНЦЕВ**

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

ВОКРУГ СВЕТА

ВЛАДИМИР КОРОЧАНЩЕВ

*Мадагаскар -
остров загадок*

Москва
проф
2003

УДК 82-311.8(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-44я5
К 66

Серия основана в 1997 году

**Иллюстрации
В. Э. Брагинского**

ISBN 5-7107-6365-9

© Корочанцев В. А., 2003
© Иллюстрации, Брагинский В. Э., 2002
© ООО «Дрофа», 2003

Памяти дорогих родителей, Валентины Васильевны и Алексея Кондратьевича Корочанцевых, помогавших в работе над этой книгой и лично знавших некоторых ее персонажей, посвящается.

Глава первая
В ОБЫЧАЯХ — СВОЕОБРАЗИЕ СТРАНЫ
Остров на краю света

Огромный остров Мадагаскар, своего рода континент в миниатюре, долгие годы оставался загадочным для обитателей других материков. Причина тому — удаленность от столбовых дорог мировой цивилизации, географическая изоляция и, наконец, вторжение колонизаторов, ревниво оберегавших свое владение от посторонних глаз. Необычная форма острова, его геологическое строение, неповторимые флора и фауна, удивительное разнообразие этнических типов и обычаев неоднозначно объясняются учеными и по сей день.

Спор о происхождении Мадагаскара идет давно. Одни говорят о нем как об осколке древнего материка Гондваны, другие — как о клочке суши, чудом уцелевшем от легендарного континента Лемурии, который утонул в пучинах Индийского океана, третьи утверждают, что остров существовал всегда. У малагасийцев есть свои мнения на этот счет. По вечерам старики рассказывают предание о том, что некогда Мадагаскар был частью Африки, но однажды любимый сын богатыря Рапету упросил отца сорвать в день полнолуния серебряное светило. Разве откажешь любимому чаду? Однако когда Рапету распрямился во весь рост и его голова коснулась небосвода, а руки — луны, земля содрогнулась от землетрясения, и начался потоп. Клочок суши под левой ногой исполина откололся от материка и превратился в остров. Вот поэтому и форма его словно отпечаток левой ступни Рапету.

На нашей тесной неугомонной планете действительно уже мало уголков, прошлое которых столь смутно, как история Мадагаскара, если заглянуть в нее чуть дальше путешествий Марко Поло. Выдвинута масса теорий, гипотез и догадок о происхождении острова и его жителей. Все более или менее ясно в пределах последней тысячи лет. Для малагасийцев прошлое ограничивается «*Tantagan'ny Andriana*» — фундаментальной «Историей королей», созданной путем тщательнейшей записи эпоса и устных народных преданий. Некоторые ученые придерживаются того мнения, что Мадагаскар не ведал доисторического периода. И впрямь, там пока мало сделано археологических находок, не открыты наскальные рисунки. Жизнь его первых обитателей окутана тайной. Но иногда ловишь себя на мысли: быть может, этот ускользающий период все-таки есть, а лишь слабы наши знания? Систематического изучения Мадагаскара до недавнего времени не велось. Там пока не обнаружено веских доказательств в пользу существования доисторических поселений людей, что кажется странным для четвертого по площади острова в мире. Правда, раскопки велись только в Вухимарине и на островке Нуси-Мандза. В Малагасийской

академии наук считают, что «прошлое Мадагаскара еще предстоит воскресить».

Трудно поверить, что Мадагаскар — этот плодородный и жизнелюбивый малый континент, последнее убежище многих реликтовых видов флоры и фауны — не внес свою лепту в рождение и эволюцию человека, что судьба обделила его в этом отношении по сравнению с Азией, Африкой и даже Европой. Почему же, как и другие, более мелкие острова Индийского океана, Мадагаскар долгое время был пустынным и безлюдным? И так ли это?

У геологов на сей счет свои соображения. 230 миллионов лет назад Индийского океана не было. Южное полушарие занимал громадный континент — Гондвана (южная часть первичного древнего суперматерика Пангеи). В мезозойскую эру (конец палеозоя) началось распадение Гондваны и перемещение ее частей по поверхности Земли. Южная Америка отчалила на запад, Африка сдвинулась к северу, Индия отплыла к северо-востоку (40 миллионов лет назад она столкнулась с Азией, и в результате грандиозной катастрофы, сопровождавшей эту «стыковку», вздыбились Тибетское плоскогорье и Гималаи), а Австралия дрейфовала на восток.

Считают, что некогда Мадагаскар соединялся с Африкой в районе нынешних портов Момбаса или Бейра. Еще чаще доказывается его смычка с берегами нынешних Сомали, Танзании и Кении. С Индией остров стыковался так, что прямая линия берега Декана совпадала с Мадагаскарским побережьем от залива Антунгила до Таулинару. Геологи подтверждают схожесть кристаллического щита Мадагаскара и Индии.

Разрыв с Африкой возник 130 миллионов лет назад. Постепенно обретал свой нынешний вид Мозамбикский пролив: сначала образовалась трещина на юге, затем обрисовался просвет на северо-западе от Мадагаскара. Движение Индии к северу протекало медленно, 75—70 миллионов лет назад оно ускорилося до 17 сантиметров в год и прекратилось в палеоцене.

В третичный период остров уже обособился от материков. Правда, по временным мелководным болотистым проходам из Африки на него успели переправиться, по мнению французского историка Юбера Дешана, некоторые животные: карликовые бегемоты, речные кабаны, лемуры. В древних осадочных породах юрского и мелового периодов на западе острова, как раз вдоль цоколя, находят остатки рыб, пресмыкающихся, например *Ботриоспондилуса мадагаскариенсис* — чудовища 20-метровой длины. На столичном рынке бойко торгуют отполированными шариками и пепельницами из костей динозавра...

Летом 2001 года в песчанике Беривутры на северо-западе Мадагаскара американские ученые откопали хорошо сохранившийся скелет титанозавра, последнего вида группы зауроподов — исполинских созданий, самое крупное из которых, длиной 40 метров и весом 90 тонн, было найдено в Патагонии. Мадагаскарский скелет принадлежит молодой особи, длина которой не достигала и 6 метров, а высота едва превышала человеческий рост. Ученые назвали этого титанозавтра, жившего 65 миллионов лет назад, *Ранетозаурус краузеи* в честь мифического великана Рапету и руководителя экспедиции палеонтологов Дэвида Краузе.

Находка позволила разрешить загадку, мучившую научный мир с 1842 года, когда впервые были раскопаны останки этого вида. До сих пор ни один из трех десятков экземпляров, оказавшихся в распоряжении ученых, не обладал черепом, что породило яростные споры о том, как выглядела голова динозавра. Одна школа считала, что она походила на небольшую вытянутую лошадиную морду с ноздрями наверху и выдающимися вперед челюстями с небольшими зубами, а другая настаивала на тупой морде бульдожьего типа с ноздрями по бокам. Теперь первая школа может торжествовать победу.

Не так давно французские и итальянские исследователи, как сообщил итальянский журнал «Стория иллюстрата», нашли целиком сохранившийся скелет динозавра неизвестного науке вида, а кроме того, множество окамене-

лых костей крокодилов и удавов. Как объяснить эти находки, в особенности скелет динозавра?

Кроме того, палеонтологи установили, что эпиорнис — сказочная птица Рух — 10 миллионов лет назад гуляла по Украине, Западной Сибири, Кавказу и Средней Азии, по всему огромному пространству от Англии, которая еще не была островом, до Тихого океана. Взглянув под микроскопом на скорлупу огромных яиц, которые ученые поначалу приняли за страусиные, они обнаружили, что рисунок ее тончайших пор и структура точно такие же, как у яиц вымершего эпиорниса, которые находят на Мадагаскаре. А ведь понятно, что эта бескрылая птица-слон — существо с неправдоподобно толстыми ногами — не могла покинуть остров.

Открытие останков животных, обитавших здесь в отдаленные эпохи, полагает один из участников франко-итальянской экспедиции Филипп Таке, по-новому ставит вопрос о происхождении самого острова — «последнего свидетеля Гондваны».

Размышляя о дрейфе Мадагаскара, не можешь отмахнуться от роя резонных, а порой и явно сумасшедших вопросов: «Быть может, эндемичные животные на новорожденном острове все-таки уже были? Почему они должны были непременно прийти вброд из Африки? С чего это карликовые бегемоты, как заправские спортсмены, семьями совершили заплыв из Африки? Видимо, форсирование пролива было для этих существ рефлексом на исхоженные ранее тропы, а отнюдь не необъяснимым случаем, вылившимся в вынужденную разлуку с родиной?»

Еще большее недоумение охватывает при наблюдении за лемурами — детьми кайнозоя (70 миллионов лет назад), неспособными преодолеть даже мелкую водную преграду шириной 4—5 метров. Безумная отвага их прародителей более чем сомнительна. Да и почему, скажем, было невозможно параллельное развитие фауны Мадагаскара и остального мира? Короче говоря, мало верится, что 50 миллионов лет назад Мадагаскар, навсегда расставшийся с другими частями Гондваны, был обречен на

гордое одиночество и безлюдье среди пенистого океана. При отсутствии серьезных исследований на острове все гипотезы строятся на зыбкой основе предположений и догадок.

«Можно предвидеть, что когда-нибудь будет обнаружен и «гомо мадагаскариенсис», — оптимистично настроен французский исследователь Жан Девик. — Это могло бы случиться в каньонах Исалу, или вокруг озера Итаси, или в бассейне озера Алаутра, если этими поисками здесь серьезно займутся...»

«Человек не появился на Мадагаскаре, и остров отделился от соседних земель задолго до того, как человеческий род возник в Африке и населил Азию», — возражает ему уже упоминавшийся Ю. Дешан. Тем не менее, когда его соотечественник Лабатю изображает Мадагаскар как «страну лемуров, являющихся промежуточным звеном между насекомоядными и обезьянами», то невольно спрашиваешь себя: «Почему многие ученые так настойчиво исключают возможность эволюции к человеку на самом острове?» Антропологические данные допускают человеческое присутствие там в середине третьего тысячелетия до н. э. Допускают, но не доказывают.

Мало-помалу некоторые гипотезы дают трещины. В 1979 году группа ученых Университета Мадагаскара сделала любопытное открытие. Они обнаружили многочисленные стоянки человека в Андруе, на засушливом юге. До сих пор считалось, что Андруй был заселен всего один-два века назад. Очень важные открытия археологов отодвигают на много веков назад принятую историками дату заселения южной оконечности острова. Возраст обнаруженных в раскопках керамических предметов, установленный методом радиоактивного углерода, позволяет утверждать, что люди жили близ Андруя уже начиная с X века, во всяком случае задолго до XII века, пишет парижский журнал «Африк-Ази». По мнению сотрудников Музея искусств и археологии Мадагаскара, перед нами совершенно незнакомая ранее на острове, самобытная доисторическая культура.

Каменный век оставил свои нерасшифрованные «визитные карточки» на острове. В 1870 году в местечке Амбухицаре, в устье реки Фарантары, севернее города Манандзари, французский ученый Альфред Грандидье нашел и описал древнее каменное изображение животного. До сих пор спорят о том, слон ли это, кабан или зебу. Сходство со слоном разительное. Но ведь слоны на острове никогда не водились... Местные жители зовут изваяние то ватуламбу (каменный кабан), то ватумилахатра умби (камень в форме зебу). Каково происхождение этой скульптуры? Доставили ее из Индии, Персидского залива или же она высечена на месте? Чаше полагают, что она привезена. Но тут приходят на ум старинные каменные врата Антананариву, Амбухиманги или некоторых соседних со столицей королевских деревень, гранитные ступы для риса на восточном берегу, каменные кастрюли среди домашней утвари, «священные камни» и менгиры на дорогах, расходящихся от Фианаранцуа на юг. Ну а если вспомнить массивного и бесстрашного «Каменного стража» рувы (дворца) Мандзакамиаданы, будто бы перевезенного из Луксора? Без должного внимания исследователей остались легенды о подводном городе-форте Ис, а также некоторые находки у восточного побережья. Два грубо обтесанных на индонезийский манер камня были случайно обнаружены в разных местах долин запада. Они вызывающе лежали на виду, словно кто-то нарочно подбросил их рассеянным людям... Все эти ориентиры известны наперечет, и их ценность прежде всего в том, что они предвещают другие открытия.

Однако пока прошлое Мадагаскара — ненаписанная и потому непрочитанная книга. Ни один историк не ответил с исчерпывающей точностью на принципиальные вопросы: «Когда и как появилась жизнь на острове? Когда его начали посещать? Прибыли туда люди из-за моря или все-таки они появились прямо там? Кто же они, самые первые островитяне?»

Вполне возможно, ключ к прошлому отчасти лежит в пристальном изучении нравов и обычаев современных

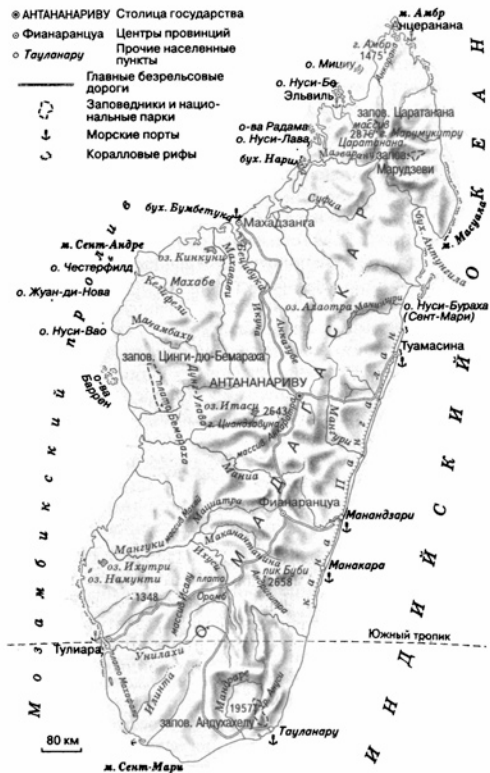
мадагаскарцев. Заросшую бурьяном забвения дорогу к истине приходится искать, сопоставляя данные географии, истории, этнографии, лингвистики, антропологии. Куда бы ни уносила человека его фантазия, она при всех обстоятельствах рождается на реальной жизненной основе. Земное существо даже в крайностях мыслит только земными категориями. Фантазировать тем более полезно, когда перед разумом зияет пропасть неведения.

При всей убедительности теории дрейфа не доказана несостоятельность другой версии — о промежуточном этапе разрушения Гондваны в результате грандиозного катаклизма, романтической гипотезы утонувшей Лемурии.

Гипотезу «океанизации», согласно которой котловину Индийского океана породили раздробление и опускание крупных участков материковой суши, отстаивал, в частности, советский ученый В. В. Белоусов.

Существование представителей рода человеческого на Мадагаскаре до пресловутого Всемирного потопа (который, согласно подсчетам геологов из Флоридского университета, имел место примерно 11 600 лет назад), несомненно, допустимо, если Мадагаскар действительно был частью континента Лемурии. Предполагают, что, после того как вследствие опускания дна Индийского океана распалась единая Гондвана, в третичном периоде исчезла и Лемурия, оставив «следы» в виде Маскаренских и Сейшельских островов, островов Шри-Ланка (Цейлон), Мадагаскар, Сен-Поль, Амстердам. Мадагаскар располагался в самом центре Лемурии. Говорят, что лемурийцы задолго до жителей Атлантиды создали развитую цивилизацию. Их внешность наделяют чертами отчасти смуглых дравидов юга Индии, отчасти современных малайцев. Указывают при этом, что на Мадагаскаре сохранились стародавние автохтонные обряды и секреты магии, представляющие собой смесь азиатских и африканских. Называют даже «столицу» Лемурии — Бахрану, где жили чернокожие люди. 25 тысяч лет назад Лемурия утонула в океанской пучине.

—	Главные безрельсовые дороги
□	Заповедники и национальные парки
↓	Морские порты
⤵	Коралловые рифы

Малагасийцы Р. Рахадзасун и А. Андриандзафиманака полагают, что до этого Лемурия, и в частности Мадагаскар, были заселены людьми, говорившими на языках малайско-полинезийской семьи. «В пользу того, что первые малагасийцы пришли с Дальнего Востока в более поздние времена, нет никаких веских аргументов, — говорят они. — Да и зачем им было покидать райские острова Полинезии, где изобилуют фрукты и дичь, не считая даров моря? И даже если допустить, что они пришли на Мадагаскар, почему тогда не найдено никаких следов их прохода по побережью?»

Халдейский поэт и жрец Бероз писал в 400 году до н. э., что первые люди Земли явились со стороны Аравии и моря, то есть огромного индо-австрало-малагасийского плато.

К мнению о давнем пребывании людей на Мадагаскаре склоняются многие лингвисты. Французский языковед Риве доказывает, что у всех языков Шумера, Австралии, Полинезии и Японии единый корень, одно происхождение. Те же названия животных и растений, та же манера счета практикуются как у малагасийцев, так и у меланезийцев. Не верится и в то, что при переселении в дальний путь можно «прихватить» с собой флору и фауну.

«Великий океан, — писал в 1935 году режюньонец Жюль Эрманн, — это место, где некогда находился ныне исчезнувший континент. И когда упоминают о языке Великого океана, речь, бесспорно, идет о малагасийском языке». По площади Мадагаскар равен Франции, Бельгии и Голландии, вместе взятым. Франции потребовалось полторы тысячи лет, чтобы французский язык в его нынешнем виде распространился на всю страну. Малагасийский же язык господствовал на всем острове в начале XIX века. Этот древний полинезийский язык, который обитатели Океании потеряли уже полтора века назад, сохранен малагасийцами в его стародавней чистоте.

Не вызывает сомнения, что в древности Мадагаскар был объектом великого переселения народов, датировать которое весьма нелегко. Разнообразны свидетельства, предположения и домыслы о первооткрывателях этого

нового мира. Таковыми считают эфиопов, финикийцев, евреев, хамитов, полинезийцев, пигмеев и даже «неизвестную и неопознанную расу». А быть может, это были буддийские монахи, прибывшие с некоего острова, погрузившегося на дно океана.

Больше всего защитников насчитывается у гипотезы заселения Мадагаскара пришельцами из Индонезии. Перелистывая одну монографию, я обратил внимание на карту, на которой прямой линией проложен маршрут яванского питекантропа через Индийский океан на Мадагаскар. Для большинства ученых неоспоримо, что жители Малайского (Индонезийского) архипелага были «ударной силой» среди первых пришельцев на Мадагаскар. Возможно, одними из первых туда высадились оранг малайю («бродячие люди») — малайское племя морских кочевников.

В рукописи Ибн Саида, например, сообщается, что малайцы «бежали от китайского нашествия, чтобы осесть на крайнем юге обитаемой Земли», то есть, скорее всего, на юге Африки. Они заселили Комр (Мадагаскар), столицей которого была Комория. Позднее их единое государство распалось на небольшие независимые королевства.

Попасть на Мадагаскар можно было как с Явы и Суматры, так и из Африки. Южное пассатное течение устремляется от южной части Явы через океан и упирается в мадагаскарские берега (до них доплыла даже пемза после извержения вулкана Кракатау).

Другой путь миграции прочерчивают по северу Индийского океана, который издавна величают «морем муссонов»: через Никобарские острова, Шри-Ланку, юг Индии, остров Сокотра, восточное побережье Африки, Коморский архипелаг. Этот маршрут довольно замысловат и требует недюжинного знания географии. Впрочем, в античные времена эти моря были неплохо освоены и об их капризах предупреждали еще древние греки.

Не составляет труда попасть на Мадагаскар и из соседней Африки, особенно с Занзибара. Хотя мудреной техникой мореплавания африканцы никогда не блистали,

форсирование Мозамбикского пролива не было для них неразрешимой задачей. В XVIII веке пираты племени бецимисарака на обыкновенных пирогах ежегодно опустошали берега Африки и Коморских островов, благополучно возвращаясь домой с добычей. На песчаном пляже острова Сент-Мари я нашел попорченную соленой водой скорлупу огромного ореха сейшельской кокосовой пальмы.

Ветры Эола в Индийском океане благоприятствовали освоению острова, и не исключено, что по их «вине» совершались исторические открытия в этой части мира. И все же, развивая мысль о том, что первыми Мадагаскар заселили малайцы, нельзя забывать, что ни в одном средневековом памятнике нет ни слова о том, как они добрались до острова. Отсутствие следов малайских первопроходцев на «промежуточных станциях» навело английского антрополога Кристи на мысли о том, что многоэтапного длительного переселения индонезийцев не было, а имел место единственный рейс единственного корабля. В VI веке н. э., считает ученый, на парусно-гребном корабле, отплывшем от берега Явы, подняли мятеж малайские гребцы. На захваченном судне они, подчинившись воле течения, плыли месяца два и вдруг увидели нескончаемую линию берега неведомой страны. Высадившись на Мадагаскаре — а это был именно он, по мнению Кристи, — мятежники и невольницы-индонезийки основали деревню. Позднее их потомки расселились по всему острову. У этой версии, похожей на арабскую сказку, есть общая черта с другими гипотезами о протомалагасийцах — они прибыли на остров морем.

Самая последняя гипотеза: люди пришли сюда из Индонезии за много веков до н. э., а позднее к ним присоединились выходцы из Африки.

В каком тысячелетии человечество узнало о Мадагаскаре? Это тоже вопрос без ответа. Несколько лет назад французские палеонтологи в очередной раз откопали на острове скелет вымершей гигантской птицы эпиорнис. Находка произвела сенсацию, так как на ногу птицы Рух

было надето бронзовое кольцо, покрытое таинственными знаками и рисунками. Радиоуглеродным методом установили, что скелету страусообразного пернатого 5 тысяч лет.

«Не открыта ли еще одна древняя цивилизация? Не прольется ли свет на гипотезу легендарной Лемурии?» — слышались предположения. Но оказалось, что знаки и изображения на кольце принадлежат древнейшей цивилизации Мохенджо-Даро, существовавшей в долине Инда. Итак, 5 тысяч лет назад жители Мохенджо-Даро побывали на Мадагаскаре и окольцевали одного из удививших их своими внушительными размерами эпиорнисов.

Диодор Сицилийский скрупулезно передает заключение грека Ямбулуса (иногда в литературе — Ямбула) и его спутников, которые во время плавания в страну пряностей — на юг Аравии — были пленены морскими разбойниками. После этого они попали в Эфиопию, где их во искупление грехов принесли в жертву. По правилам этого старинного обряда, исполнявшегося раз в 600 лет, эфиопы снабдили Ямбулуса и одного из его товарищей по несчастью крепкой баркой, продовольствием на шесть месяцев и, сославшись на волю богов, посоветовали им «держат курс все время на юг к счастливому и богатому острову». «На нем вы найдете очень добрых людей, среди которых будете жить в довольстве», — напутствовали Ямбулуса эфиопы.

После четырех месяцев плавания по безбрежному морю скитальцы достигли огромного острова. Ямбулус умел занимательно рассказывать. Он сочинил роман о неведомой стране на краю света. В клубке домыслов и легенд ясно проступают крупинки правды, и вовсе не исключено, что речь идет о Мадагаскаре. Рассказы греческого купца об исчезновении Медведиц, продолжительности дня, одежде из волокон пальмы рафия, рисе, крупных крабах, отсутствии браков ученые относят именно к Великому острову. Ямбулус пишет также об отсутствии ядовитых змей, что типично для Мадагаскара и Коморских островов, и особенно о письменности колонками (столбцами),

могушей быть либо китайской, либо малайской, которой, несомненно, пользовались предки малагасийцев.

Арабский географ Масуди описывает свое плавание по морю Зендж к острову Камбалу в 304 году на корабле, принадлежавшем неким Ахмеду и Абд аль-Семару. Многие ученые сходятся на том, что этим островом мог быть Мадагаскар — самый крупный ориентир в данном районе Индийского океана. Впоследствии Марко Поло воспроизвел утверждение Масуди о мусульманском населении Мадагаскара, поселив на нем заодно слонов, верблюдов, медведей и прочих явно не существовавших там животных. Не одну страницу отвели Великому острову аль-Идриси, Якут и Ибн-Саид, именовавшие его аль-Комором. Для Ибн аль-Варда и аль-Бакауи он был аль-Камаром. В 1508 году де Руиш изобразил его на карте под названием Каморакада.

Для Европы Мадагаскар был «открыт» португальцем Диего Диашем. В мае 1500 года свирепый шторм у мыса Доброй Надежды разметал португальскую эскадру Педральвареса Кабрала, повторявшую плавание Васко да Гамы. Далеко на восток отклонил ураган корабль капитана Диаша. Заметив на горизонте контуры берега, Диаш заключил, что перед ним Мозамбик. Однако проплыв некоторое время вдоль побережья на север, он пришел к выводу, что им обнаружен большой остров. О своем успехе Диаш в 1501 году сообщил в Португалию. В Европе решили, что, вероятно, это и есть легендарный остров Мадагаскар, который «заочно» был показан на глобусе Мартина Бехайма по одному ему известным данным. В 1506 году португальский адмирал Тристан да Кунья совершил «военную» экспедицию. Он грабил арабские лавки и убивал жителей на северо-западном побережье острова. Да Кунья переименовал его в остров Святого Лаврентия, поскольку эскадра причалила к мадагаскарским берегам в день этого святого. Но новое название не прижилось. За островом так и закрепилось его нынешнее имя — Мадагаскар, в историческом и языковом плане более обоснованное.

Малагасийцы называют остров Великим — Тани-бе. По площади он уступает лишь Гренландии, Новой Гвинее и Борнео. С севера на юг остров протянулся на 1580 километров. Великим Мадагаскар называют и потому, что большая часть его площади, составляющей 597 тысяч квадратных километров, остается малоосвоенной и даже необжитой, население же острова немногочисленно — всего 14,5 миллиона человек.

Высокое плато, занимающее большую часть острова, представляет собой остатки древней кристаллической глыбы, отделившейся от Африки в конце палеозоя. Оно протянулось с юга на север — от массива Исалу и плато Оромб до вулканических гор Царатанана с самой высокой вершиной острова, горой Марумукутру (2876 метров), — на 800 километров и расчленено на отдельные массивы. Так, в центральной своей части, в районе Антананариву, плато носит название Имерина. Пейзажи Высокого плато чарующи. Далеко за горизонт убегают зеленые волны холмов. Тут и там поднимаются потухшие вулканы с круглыми кратерами, заполненными озерами. Обширные цветущие долины чередуются с плоскодонными впадинами, занятыми болотами и озерами.

На востоке нагорье крутыми уступами понижается к узкой низменности, пролегающей вдоль всего побережья от Анталахи до Тауланару. На западе Высокое плато плавно переходит в прибрежную холмистую низменность, которая как бы уходит в Мозамбикский пролив. Летние ливни затопляют поймы рек и прибрежные долины. Океан подступает к самым отрогам Высокого плато. Два-три дождливых дня — и погрузившиеся в воду холмы становятся архипелагом мелких островков. На некоторых из них ютятся хижины крестьян. Люди терпеливо ожидают, когда отступит стихия и обнажится земля, на которой тотчас начнется сев риса. И так из года в год.

Южнее тропика Козерога простирается полупустынная равнина, царство ксерофитов — «колючих» лесов, будто застывших в заколдованном сне.

Каждая река на острове имеет свой нрав. Реки, впадающие в Индийский океан, — короткие, порожистые и бурные. Таковы Мангуру (длина 300 километров) и Манингури (260 километров), а также Вухитра, воды которой вращают турбины крупнейшей в стране ГЭС — Андекалеки. Получаемая энергия используется на разработках месторождений хромовой руды и никеля.

Реки западного побережья, более протяженные и спокойные, пригодны для ирригации обширных пространств. Воды Мангуки (длина 821 километр) орошают хлопковые поля на юго-западе Мадагаскара, Икупа с ее притоками питает влагой рисовые поля центрального района, а Суфия — плантации табака и хлопчатника на северо-западе. Если заселить и полностью освоить плодородные долины рек Суфия, Бецибука, Махавави и Михадзамба, Мадагаскар прокормил бы почти 20 миллионов человек, что вдвое больше численности его населения.

Реки южной части острова более своенравные, и приручить их труднее. Быстротечные и ворчливые летом, зимой они пересыхают от зноя, прячутся в песок. «Южанки» часто и неожиданно меняют свои русла. Ну а если сумеют использовать их воды для орошения, то юг мог бы также стать одним из перспективных районов рисоводства.

Климат Мадагаскара кажется многоликим. В разных уголках острова в один и тот же день может стоять теплая солнечная погода, бушевать ураган, свирепствовать зной, духота, подмораживать, лить утомительно долгий дождь. О мадагаскарском климате говорят примерно так: «На восточном побережье жарко и влажно, на западном — засушливо, в центральной части — тепло и даже порой холодно, а на юге — знойно». Обилие микроклиматов благоприятствует созданию курортов.

В целом же на острове различают два времени года. Зимой — с мая по сентябрь — дожди редки, сухо, дороги почти повсюду становятся проезжими. Летом — с ноября по апрель — период муссонов, когда на Мадагаскар то и дело надвигаются циклоны. Обычно циклону предшествует спокойная безветренная погода, умолкают даже ноч-

ные цикады. К полудню небо внезапно заволакивают низкие тучи, с востока в сгустившуюся сумеречную мглу врывается шквальный ветер, и с небес обрушивается водопад, озаряемый вспышками молний, рассекающих небо от горизонта до горизонта. Не всякий уснет под оглушительные раскаты грома, сотрясающие жилище с вечера до утра. Ураган валит гигантские деревья, срывает железные кровли, сдувает тростниковые хижины. Затишье во время циклона бывает коротким и чередуется с новыми и новыми приступами ярости неукротимой стихии. Таких бурь жители средних широт даже не могут себе представить.

Правда, не всюду эти два сезона хорошо выражены. На восточном побережье, где более влажно, в шутку говорят о двух временах года: периоде дождей и сезоне, когда идут дожди.

Африканского зноя в полном смысле слова жители Мадагаскара не знают. На северо-западе, во впадине близ Маеватананы, наиболее жаркой точки острова, зарегистрирован абсолютный максимум температуры — плюс 39,3 градуса, а на «полюсе холода», в Нанукели, в массиве Анкаратра, зимой ртутный столбик падает до 0 градусов и даже до минус 4,5 градуса.

Благодаря своему изолированному островному положению, Мадагаскар является своего рода уникальным заповедником, где сохранились многие виды животных и растений, нигде больше на Земле не встречающиеся. В редящих девственных лесах, занимающих 60 тысяч квадратных километров, натуралисты до сих пор делают сенсационные открытия. Из 12 тысяч видов растений 10 тысяч встречаются только на Мадагаскаре.

«Земным раем» называют натуралисты Мадагаскар, где сохранились уникальные эндемичные виды животных и растений. Из 110 видов пальм, растущих здесь, 108 присущи только этому острову. На Мадагаскаре более тысячи орхидей, и чуть ли не каждый год открывается новый их вид. Всякий растительный фрагмент — трава, корень, стебель, лист, зерно (семя) — здесь имеет право на то,

чтобы стать талисманом, амулетом или фетишем, если только у него необычный вид, особые качества, происхождение... У народности бицилеу талисман всеобщего пользования «хазуманга» изготовлен из растения, вид которого до сих пор не определен ботаниками. Растение, которое дает жизнь талисману «хавузу», оберегающему от молний, также не существует в классификации Линнея.

На острове живет 300 видов птиц, из которых 150 эндемичных. Из 96 известных в мире хамелеонов 36 присущи только Мадагаскару (в последнее время мелькает цифра 45). В этом крае порхает до 8 тысяч бабочек, большинство из которых больше нигде не встречается. Наверное, только на Мадагаскаре еще возможны какие-то сногшибательные открытия. В 1988 году в горном массиве Анкарана была обнаружена единственная в мире популяция крокодилов, обитающих в пещерных системах. Крокодилы населяют пещеры по реке Стикс, которая пересекает массив. Температура подземных рек здесь от плюс 25 до 27 градусов по Цельсию, или на 2—3 градуса выше, чем на поверхности. Это, вероятно, и привлекает крокодилов в подземное царство.

В 2000 году всего в 90 километрах от Антананариву в прогнившем дереве была обнаружена первая в мире колония муравьев-каннибалов. «Муравьи Дракулы», которые отнесены к виду *Adetomyrma*, высасывают себе пищу из собственных личинок. По словам сотрудника Калифорнийской академии наук Брайана Фишера, обнаружившего муравьев с каннибальскими наклонностями, муравьи хоть и составляют лишь около 1 процента всех насекомых, но могут помочь исследователям постичь тайну их успеха в развитии и живучести.

Природа Мадагаскара настолько тесно связана с обычаями народа, его темпераментом, национальным характером, что ее трудно воспринимать в отрыве от людей, населяющих остров с давних времен. В национальном характере слиты воедино многовековой опыт взаимоотношений человека с природой, труд поколений, вся славная и многострадальная история страны.

Даже вскользь наблюдая за поведением малагасийца, можно в общих чертах довольно верно догадываться о различных особенностях истории и географии острова. Малагасийский характер как бы вобрал в себя мягкость и плавность холмов Центрального нагорья, томительную бесконечность жаркой саванны юга, сумрачную сдержанность тропических чаш востока, нежную меланхоличность устремленных к океанам рек, бурность летних грозовых циклонов, материнскую щедрость плодородной земли. Некоторая скрытность, даже замкнутость малагасийцев объясняется длительным колониальным прошлым. Чувства гордости, достоинства и независимости обострились в кровопролитной борьбе за свободу. ореол таинственности, связанный с неразгаданным до конца происхождением острова, в значительной мере был перенесен европейцами на его народ.

Влияние природы нашло отражение в мягкости и нежности малагасийской музыки, в развитости песенных форм, в самом содержании народных песен, мелодичных, но чуть однообразных, в неторопливом ритме танцев. Оно, несомненно, наложило отпечаток на особенности быта, сознания и психологии малагасийца, в том числе на его обычаи, верования и традиции.

Поразительное богатство природы делает Мадагаскар необычайно многоликим. Не потому ли он оставляет у людей, впервые совершающих путешествие, такое разное впечатление? Это проявилось и во множестве названий острова. Аристотель назвал его Фебол (небесное тело), Плиний — Серне (лебедь), для Птолемея он был Менутиасом, для древнегреческих моряков — Медрутисом. Древние величали его в честь богинь, драгоценных камней и ракушек. Арабы присваивали ему имена принцесс из «Тысячи и одной ночи»: Джафуна, Шербезат, называли остров «волшебными словами» — Алиса, Камарокада. Португалец Д. Диаш, как вы помните, окрестил его 10 августа 1500 года Святым Лаврентием.

В XIII веке Марко Поло дал ему имя Мадейгаскар, или Майгаскар, со временем превратившееся в Мадагаскар.

Некоторые географы даже находили корни этимологии слова Мадагаскар в его созвучии со словами Могاديшо, Малакка, Макаassar, Малага. Вероятнее всего, это название произошло от слова «малагаси», как себя именуют малагасийцы. Первая его часть — «майага», «мадага» представляет собой искаженное «малагаси», вторая — «аскар» (воин) отражает впечатления чужеземцев — арабских и персидских купцов, которых иногда здесь встречали копьями.

С обычаем следует считаться

«Глаза чужеземца широко раскрыты, но он видит только то, что знает». Эту местную поговорку я всякий раз вспоминал, когда сталкивался с загадочным смыслом давних малагасийских традиций. Часто мне казалось, что я наконец-то ухватил суть, и радость удачи окрыляла меня. Я суетливо копался в кармане в поисках фандзаибулы — крошечного талисмана в виде иглы, который подарил мне актер Анри Рабариндзака. Ею, по здешним поверьям, надо успеть быстро «пришить» подвернувшуюся удачу. Но талисман как назло в нужный момент не находился...

Постепенно Мадагаскар становился ближе, понятнее и в то же время сложнее. Я старался отвлечься от всего того, что знал об иных странах, дабы избежать ненужных сравнений и аналогий. Передо мной открывался новый мир, и он вдохновлял на искания. Странствия по острову, знакомство с жизнью и обычаями народа, его гостеприимство помогали мне шаг за шагом постигать действительность, избавляться от первоначальных, порой фантастических представлений.

На Мадагаскаре часто шутят: малагасиец походит на всех и только на самого себя. В древности Мадагаскар был объектом миграции народов. Туда переселялись амхары, финикийцы, евреи, хамиты, полинезийцы, пигмеи... В облике островитян есть что-то общее с жителями Суматры, Явы, то есть Малайского (Индонезийского) ар-

хипелага, а также Индии; в их чертах можно увидеть сходство с арабами, персами, выходцами из Черной Африки. Малорослые вазимба — аборигены, исчезнувшие с острова, — оставили свой отпечаток на антропологическом типе малагасийцев. Цвет их кожи варьирует от черного, шоколадного, включая все оттенки желтого цвета, до белого.

Население острова по этническим признакам четко делится на три типа. Это прежде всего люди смуглые, с длинными, гладко причесанными волосами, среднего или низкого роста. Они похожи на яванцев, вьетнамцев и даже японцев. Второй тип — довольно высокие, чернокожие, с курчавыми волосами, выступающими вперед челюстями, широким носом и толстыми губами. Этот тип родствен африканцам. И наконец, самый распространенный, смешанный тип — с шоколадной кожей, выющимися волосами, коротким, слегка приплюснутым носом.

На всех обелисках, воздвигнутых в честь независимости в городах и деревнях, можно видеть 18 звезд — число народов Мадагаскара. По мнению специалистов, на острове существует 18 этнических групп. Если же считать народы по самоназваниям, то их количество по крайней мере удвоится. Это объясняется тем, что некоторые народы делятся на этнические группы, что свидетельствует о незавершившихся процессах консолидации. Этнические группы отличаются друг от друга по расовым характеристикам, происхождению, имеют особенности в культуре, относятся к разным хозяйственно-культурным типам. По мнению одних ученых, все малагасийцы говорят на диалектах единого языка, по мнению других — часть этих диалектов представляет собой самостоятельные языки. Ближе к истине, пожалуй, первые, к числу которых относится и французский специалист по Мадагаскару Пьер Буато. Буато отмечает «единство нравов и обычаев, языковое единство, существующее с древнейших времен и самым определенным образом противостоящее множественности антропологических типов». Надо только оговориться, что у каждой этнической группы имеются и свои специфические обычаи.

Главное, что отличает эти этнические общности, — сохраняющиеся самоназвания: мерина, бецилеу, бецимисарака, антамбахуака, антайсака, антануси, унзаци и другие.

Высокое плато заселяют крупнейшая по численности народность мерина, название которой на местном диалекте значит «живущие высоко, возле солнца», затем народности бецилеу, то есть «многочисленные и непобедимые», танала — «лесные люди», безанузану — «люди с большим количеством коротких косичек», сиханака — «живущие в болотах». На западном побережье живут сакалава — «те, кто владеет землями вширь и вдоль», цимихети — «не стригушие волос». Название последних, кстати, возникло в те далекие времена, когда смерть короля на Мадагаскаре обязывала всех его подданных стричься наголо в знак траура, и только цимихети отваживались преступать этот закон. На востоке выделяется второй по численности народ — бецимисарака — «многочисленные и сплоченные», антаймуру — «те, кто обитает по берегам рек» и антайфаси — «люди песков». Юг заселен антандруями — «выходцами из страны колючек», бара — «гигантами» и махафали — «людьми из запретной страны» и т. д.

Обычаи малагасийцев уходят своими корнями в глубины веков. К жизни их вызывали причины сугубо практические. Со временем обычаи теряли изначальный практический смысл, превращались в этическую норму. Человек действует так, как поступали предыдущие поколения, и не отдает себе порой отчета в том, насколько эти обычаи разумны или бессмысленны. В нравах и обычаях, таким образом, зашифрованы те полезные сведения об острове и его народе, которых уже не отыщешь в памяти глубоких стариков. Многие обычаи умерли, другие живут, третьи — совсем было забытые — возрождаются, подчас неожиданно, и проявляются с новой силой. Они могут существовать только в одном каком-нибудь районе или всего в нескольких деревнях: ведь именно деревня хранит старину.

В летние вечера в Антананариву, когда за окном немолчно раскатывался гром и шумел ливень, ко мне на огонек часто навевался сосед, Ноэль Ракутумахефа. Страхнув с себя бремя дневных забот, мы допоздна чаевничали и неторопливо судачили о том о сем. Ноэль любил пофилософствовать.

Однажды разговор зашел о кастах.

— Люди одинаково рождаются и умирают, — делился своими мыслями Ноэль. — Как бы высоко ни вознесся человек, сколько бы он о себе ни мнил, забывая о бренности жизни, всех неизбежно ждет одно — вечный мрак. Из всех видов неравенства наименее несправедливо то, которое обусловлено различием пола и возраста, да и то потому, что не зависит от нас. Обидно, что нет каст по степени ума и глупости.

Еще в конце XIX века по поступкам и привычкам маласийцев можно было судить, к какой касте они принадлежат. Генеалогическое древо определяло иерархию в обществе. Население острова, особенно на Высоком плато, делилось на три касты: благородные (андриана), свободные (хува) и рабы (андеву). Степень благородства андриана зависела от близости их родства с королем, так что внутри касты тоже были свои градации. Свободные селились где угодно, становились богачами, выбивались в знать. С рабами (андеву) же никто не считался. Это были люди, обращенные в рабство за долги или преступления. Их ряды пополняли пленные, захваченные во время междоусобных войн, выходцы из Африки.

А есть ли касты сегодня? Люди внешне держатся на равных в обращении, знакомятся и дружат, не спрашивая друг друга о происхождении. От некогда высокого, передаваемого по наследству кастового положения в обществе внешне остались лишь приставки к фамилиям — «андриа» или «рандриа».

— Мы дорожим родословной, — сказал мне как-то сотрудник Министерства экономики Жюльен Андрианасулу. — Разве плохо, что человек знает все о своих предках? Кастовые же привилегии обречены эпохой.

Некоторое время спустя я столкнулся лицом к лицу с Жюльеном в сквере, напротив здания Министерства информации. Он понуро брел, чем-то серьезно озабоченный.

— Что случилось? — спросил я.

Мы спустились по лестнице Ластеля и зашли в один из баров на авеню Независимости.

— Семейные проблемы, — пожаловался Жюльен.

— Какие могут быть семейные проблемы, если ты холостяк?

— В том-то и дело. Я полюбил девушку.

— Без взаимности?

— Не то, — досадливо поморщился он. — Мы души не чаем друг в друге, но она из другой касты. Родители противятся нашему союзу. Они твердят то же, что говорили наши предки 200 лет назад: «Не будь неразборчивой лианой, что готова виться по любому дереву. Живущих в одном доме хоронят на одном кладбище. Край котла одинаков по всей округности. У стоячей воды нет ни истока, ни устья».

По строгим канонам брака в обществе с кастовыми, пусть и стирающимися, предрассудками андриана должны жениться на андриана, хува — на хува, андеву — на андеву. Малагасийцы и прежде противились посягательству на столь интимное чувство, как любовь. Несчастные влюбленные убегали из дома, бросались в омуты, где их пожирали крокодилы. В деревнях из поколения в поколение передают бесчисленные легенды и были о несчастной любви молодых людей из разных каст. Все — и рассказчики и слушатели — возмущаются консерватизмом родителей, губящим жизнь детей в угоду нелепым нравам, но вряд ли каждый из них мог легко подняться над кастовыми предрассудками.

Мне рассказали об одной супружеской паре, история которой весьма показательна. Молодые люди подружись еще студентами. Их сближали общие идеалы. Они пренебрегли кастовыми различиями (в жилах супруги текла кровь королей, а в жилах супруга — кровь рабов) и стали мужем и женой. Семья отеклась от девушки, только через пять-шесть лет все утряслось.

Проклятие обрушивалось на головы тех, кто вступал в брак с неровней. Мужчину низкого происхождения упрекали в попытке присвоить себе чужих предков, если он домогался руки «благородной». Но теперь все меняется. Если «благородный» женится на девушке хува или андеву, их детям разрешают наследовать от отца все, кроме его фамилии. «Ее возвысили» — так говорят о девушке простого сословия, обрученной с «благородным».

С обычаями обращаются вольнее, но о них никогда не забывают. В феврале 1975 года к власти пришло правительство во главе с полковником Ришаром Рацимандравой. Выходец из касты рабов, он ненавидел иностранных поработителей. В школе грезил о мирной профессии агронома, но стал жандармом с затаенной мечтой рано или поздно изгнать иноземцев с острова. Со страниц реакционных газет ему открыто грозили расправой.

— Малагасиец — не француз или американец. Преднамеренное хладнокровное убийство по политическим мотивам противоречит обычаям и заветам предков, — повторял Рацимандрава друзьям, советовавшим ему принять меры предосторожности. — Я родился и умру в доме предков. Малагасиец всегда останется самим собой.

Между тем исполнители заговора — тоже малагасийцы — на тайных сборищах уточняли последние детали преступления, дважды провели рекогносцировку извилистых улочек и переулков на столичном холме Аналамanga, по которым глава государства обыкновенно возвращался домой. Вечером 11 февраля 1975 года раздалась автоматные очереди...

«Политическое убийство», — откликнулась всеведущая католическая газета «Люмьер». «Да, малагасиец изменился», — в один голос сетовали газеты, сокрушались сами островитяне.

Урок, который страна извлекла в те дни, был не нов. Обычай обычаем, но когда иностранные монополии предчувствуют конец своему благополучию, заветы предков отодвигаются на второй план, уступая место рукопашной схватке.

И тем не менее обычай или предрассудок дают о себе знать при самых неожиданных обстоятельствах. Мне вспоминается солнечное мартовское утро 1975 года. Я стоял с поднятыми вверх руками перед входом в здание Верховного суда, где военный трибунал слушал дело об антиправительственном мятеже и убийстве главы государства. Меня благожелательно ощупывал увешанный «лимонками» жандарм-охранник:

— Повернитесь спиной! Покажите каблук!

Рядом оказался бывший президент страны Циранана (правил с 1958 по 1972 год). Мне надо было идти в ложу прессы, ему — под конвоем на скамью подсудимых. Меня пропустили, а у него после обыска отняли тани бе манаики — амулет, внушающий слепое повиновение.

— Если поддержка империалистических кругов не помогает внушить страх и покорность нашему народу, то вряд ли это удастся амулету, каким бы искусным ни был изготовивший его колдун, — проронил при виде этой сцены журналист Морис Ракутубе.

Но обычай, в прошлом помогавший народу выжить, приспособиться к окружающей действительности, теперь в большинстве своем служат развитию. Даже те, которые кажутся устаревшими. В июне 1975 года во время первой поездки по стране в качестве главы государства капитан второго ранга Дидье Рацирака повсюду выполнял стародавний клятвенный обряд дзуру. В присутствии народа он приносил в жертву быка, скрепляя его кровью общенародную клятву единства в построении подлинно независимого государства.

Игнорировать обычай на Мадагаскаре — это не только пренебрегать его прошлым, но и заранее отказаться от знакомства с его настоящим. Европейец-колонизатор видел здесь лишь то, что хотел видеть — нужное или ему лично, или метрополии в целом. Он взлелеял миф об экзотическом острове, с тем чтобы доказать «дикость туземцев», их неспособность к созиданию.

«Лицемеры», «обманщики», «вероломные», «двоедушные» — такими рисовали малагасийцев западные иссле-

дователи. Еще первый из колонизаторов, португальский адмирал Тристан да Кунья, бросивший якорь у берегов Мадагаскара в 1506 году, назвал его народ «предателями и мошенниками». В середине XVII века остров навестил французский путешественник Эжен де Флакур. В своей «Истории Великого острова Мадагаскара» он утверждал, что «колонизация — благо для малагасийцев». «...Побежденные французами, они, к счастью, имеют смелость подчиниться мощи победителей, убеждаясь, что французские христиане способны на большее, чем их собственные соотечественники, — писал Флакур. — Тем не менее, несмотря на все милости, выпавшие на их долю от нас, французов, в их сердце всегда тлеет жажда мщения».

В какой-то мере черты замкнутости и выдержки малагасийского характера спасли островитян от полного истребления, которому, например, португальские и испанские «христиане» подвергли коренных жителей Канарских островов, не скрывавших своей ненависти к поработителям. Шевалье ни словом не упоминает о том, по какому праву французы вторглись в земли тех, кого они столь презирают, не считая за людей.

Среди иностранцев, посещавших остров, были и сочувствовавшие мадагаскарцам. Подданный Российской империи Мориц Август Беневский, бежавший из царской ссылки на Камчатке и высадившийся в 1774 году в заливе Антунгила, на северо-востоке острова, увещевал европейцев уважать обычаи аборигенов. «Я изучал поведение французских офицеров и полностью убедился, что жадность толкала их к несправедливости и угнетению, которые стали источником всех их несчастий и, в конце концов, уничтожения первых европейских поселений, — писал Беневский. — Они были узурпаторами и тиранами, которые ради приумножения личного богатства не стеснялись покушаться на свободу народа, к которому они должны были быть привязаны узами благодарности».

Даже среди колониальных чиновников раздавались трезвые голоса в пользу пересмотра отношения к жителям острова. «Захватывая любую часть страны, западно-

европейцы, — писал французский исследователь А. Руссийон в книге «Маленький континент», — вели себя как победители, которым все обязаны подчиняться. Они обращали туземцев в рабов, тем самым собственными руками превращая себя в объект мести здешнего населения. Объятые страхом и недоверием, ощущая свою униженность и слабость, местные жители оборонялись оружием слабых: хитростью, ложью, возможно, некоторым вероломством. Легко рассматривать их как отвратительных пьяниц, когда их приучили к алкоголю и воспользовались их опьянением для более серьезных целей».

Избавившись от «хозяев», малагасийцы отвергли и иноземную культуру. Они доказали, что всегда заботливо берегли свои обычаи, свое достоинство.

Журналист и католический священник Реми Ралибера передал мне впечатление одного француза о малагасийцах:

— Когда белый высаживается на Мадагаскаре, он чувствует себя в дружественной ласковой стране, его хорошо принимают, он ведет непринужденную жизнь. В конце пребывания на острове его терзает вопрос: что же все-таки думают малагасийцы, что скрывается за их неизменной вежливостью, гостеприимством? И этот вопрос остается без ответа, рождая психологический комплекс у многих чужеземцев.

— Так что же, отец Реми, скрытность — особенность характера ваших земляков? — спросил я.

— Не совсем так. Как и все люди, мы не любим открываться первому попавшемуся, тем более господину. Ведь европейцы, какими мы их знали до недавних пор, привыкли вести себя как господа. Малагасиец, как никто, радужен и добр. Он же крестьянин! Троньте его сердце и получите от него все что угодно. Если же его сердце не лежит к вам, то не ждите от него откровенности. Обижать же других, как обижали его самого, он не способен.

Что у малагасийца на душе

Когда по возвращении на родину я задумываюсь о главном впечатлении от пребывания на Мадагаскаре, то всегда теряюсь (уж слишком много я пережил ярких впе-

чатлений), однако в конечном счете отвечаю стандартно, но искренне: мне несказанно повезло побывать на необыкновенном острове и встретиться с его жителями, которые — каждый сам по себе — являлись настоящими философами и психологами. В сознании осталось удивительно светлое чувство от поездки на землю, которую островитяне называют «священной». Отец Реми Ралибера был одним из первых, с кем я там встретился. Нельзя сказать, чтобы мы подружились с ним с первой встречи, но расстались мы как друзья, несмотря на разницу в убеждениях и взглядах.

— Малагасийца трудно узнать и понять потому, что, возможно, ему менее, чем представителям других народов, свойственно желание быстро раскрыть себя, впустить кого-то в тайники своей души, показать, что он собой представляет в действительности, — говорил Ралибера. — Его внутренний мир — святая святых, заповедная зона, в которую вход открыт лишь очень редким друзьям. На пути близкого знакомства он воздвигает частокол барьеров. Но успокойтесь: не только вам, но и малагасийцу столь же трудно узнать другого малагасийца. Мы, конечно, быстрее разбираемся в характере соотечественника, поскольку у нас есть свои ориентиры, позволяющие догадываться, оценивать, зондировать его.

Малагасийский журналист Сенен Андриамираду, работавший в журнале «Жен Африк», как-то попытался набросать портрет соотечественника. Если обобщить его и дополнить этот эскиз рассказами друзей и собственными впечатлениями, то вырисовывается очень интересный образ духовно богатого, внутренне красивого человека. Прежде всего бросается в глаза, что малагасиец по природе своей радушен — и не столько из вежливости, сколько из присущего ему образа жизни. Об этой его черте напоминают пословицы вроде: «Того, кто часто ходит в гости, любят друзья», «Не проезжай мимо города, в котором живут твои родственники».

— Для нас вахини (гость) — персона, о которой необходимо заботиться, человек, которому непременно надо

помочь и с которым надлежит дружить или подружиться, — поясняет Сенен. — Однако речь здесь не идет просто об оказании сиюминутной услуги, но о своего рода акте взаимопомощи, который предполагает, что гость, со своей стороны, тоже берет на себя негласное, само собой разумеющееся обязательство оказать когда-нибудь в туманном будущем гостеприимство нынешнему хозяину, если оно тому вдруг понадобится.

Тот, кто отвергает гостя, совершает непростительный, кощунственный проступок и тем самым рискует сам однажды быть отвергнутым кем-то в пути или иными способами наказанным судьбою.

Традиционное гостеприимство — отнюдь не синоним открытости. Малагасийцу глубоко присуща островная психология (побывав на многих островах Индийского океана, я убедился в реальности этого понятия), поэтому он крайне сдержан по поводу всего, что касается его самого, своей жизни, окружения, своей страны. Его мир принадлежит только ему одному, и иностранец всегда останется для него иностранцем, к которому он благожелательно относится и с которым хорошо обращается, пока тот не перешел правил корректности. Но когда иностранец преступает границу дозволенного и пытается проникнуть в «личные секреты», тут его сразу же осаживают, тактично отталкивают. «Грязное белье» на Великом острове привыкли мыть только в семье, а не напоказ, за ее пределами!

— Для всех моих соотечественников самое важное — поддерживать добрые отношения, доброе согласие с тем, кто перед ним, с тем, с кем он должен трудиться и жить, — объяснял Реми Ралибера. — Да, да, мы часто твердим, в том числе и самим себе: жизнь прекрасна и приятна, когда ладишь с соседями. Если же резать начистоту всю правду-матку, отрадную для соседа или собеседника или корябашую его, значит, поставить его в неудобное положение, а возможно, и нарушить приятность, теплоту добрых отношений. Следовательно, лучше говорить только то, что ему нравится, а об остальном он догадается, если захочет. Вот он — наш подход.

В жизни и психологии народа Мадагаскара есть чудесное понятие — фихаванана, то есть традиция дорожить добрыми отношениями, всячески и любой ценой поддерживать их, во что бы то ни стало хранить мир, дружбу и лад. «Лучше потерять деньги, чем дружбу», «Лучше дорогой друг, чем плохой родственник», «Не стесняйтесь проявлять добрые чувства и любовь друг к другу, не сдерживайте их, ибо тем самым вы укрепляете хорошие взаимоотношения», «Взаимная дружба — залог согласия», — назидают старшие младших. На фихаванане держится семья, община (фукунулуна) и даже малагасийское общество в целом. Фихаванана проявляет себя заметно и незаметно на всех уровнях и во всех областях традиционного общества. Не обходит она стороной и политику. На большие семейные советы (а родственные связи на острове учитываются до ...надцатого колена) собираются люди из разных, нередко противоположных политических партий, но семейные проблемы они решают сообща и удивительно дружно.

Обязательная улыбка без внешнего лицемерия — чисто национальный знак радушия и дружбы. Малагасиец отнюдь не воинственен по натуре. Он избегает несогласия, в то же самое время рабски не подчиняясь мнению другого. Заканчивая дискуссию, которая ему не доставляет удовольствия, он обычно проронит, улыбаясь: «Возможно, вы правы». Тут только не надо спешить с далекими выводами и не впадать в заблуждение — следует понять, что у малагасийцев невежливо не соглашаться. Иногда человек соглашается с вами именно из вежливости, а не потому, что вы его в чем-то убедили. Внутренне он может быть абсолютно не согласен, лишь узнав вас лучше, он, возможно, скажет вам прямо, что у него иное мнение.

Будучи сдержанным и немного скрытным, малагасиец приходит в ужас от нетерпения, нервности и возбуждения; силой от него никогда ничего не добьешься.

— Сдержанность, осторожность и типично малагасийская улыбка не означают однако вечной гармонии и го-

товности к согласию при всех обстоятельствах, — предостерегает Сенен Андриамираду. — В действительности малагасиец, внутренняя жизнь которого интенсивна, похожа на бурлящий в непрерывном кипении котел, — нервная, чувствительная натура, откликающаяся как на доброту, так и на несправедливость. Перед лицом злощастья и тяжких превратностей судьбы он проявляет часто непостижимое для иностранца терпение. Это терпение непритворно, но и не означает полное смирение и покорность судьбе. Оно может резко оборваться и уступить бурному излиянию накопленной энергии.

В реальности малагасиец открывает душу и доверяется человеку полностью только в момент, который считает подходящим для этого и когда его откровенность никому не вредит. Таким образом, иностранец будет хорошо принят постольку, поскольку он будет сознавать свой статус иностранца, не стараясь искусственно стать «малагасийцем», набиваться в доверенное лицо, не переходить порог интимности, то есть «святая святых».

— Если вы наберетесь терпения, особенно милосердия, и если вы найдете дорогу к сердцу малагасийцев, тогда вы, к великой своей радости, обнаружите чудо нежности, тонкости, очарования и глубокой привязанности, верности при всех испытаниях — все это одному человеку удастся хранить в себе, в недоступных глубинах своей души, — сказал однажды отец Реми.

Как-то Сенен Андриамираду сформулировал десять заповедей хорошего поведения на Мадагаскаре, которые в определенной степени учитывают характер и образ жизни малагасийцев. Вот что он советует:

«Никогда не иронизируйте по поводу смерти или предков.

Не пренебрегайте фад (запретами), существующими в стране, и не старайтесь оспорить их с помощью доводов, относящихся к чужеземному мышлению и логике.

В случае сомнений никогда не упорствуйте, лучше осведомитесь об обычаях и запретах, которые иностранец обязан уважать и соблюдать.

Никогда не ругайтесь и не ворчите на престарелых, детей, матерей и на рисовые поля.

Держите всегда в голове, что Мадагаскар — священная земля, поскольку освящена предками, которые остаются ее истинными «владельцами».

Никогда не говорите слишком громко и не демонстрируйте своего раздражения.

Запомните, что малагасийцы не умеют «тыкать» в разговоре, поскольку такая форма не существует в их языке.

Приветствуйте человека, которого вы встретили по пути, и приветствуйте человека при расставании.

Никогда назойливо не добивайтесь доверия собеседника, пытаясь вызвать его на откровенность, всегда оставляйте инициативу за ним.

В полной мере пользуйтесь гостеприимством, ни на мгновение не забывая, что вы иностранец».

Этим советам, пожалуй, не грех последовать всякому, кто захочет воспользоваться радушием малагасийцев. Кроме того, они помогают лучше понять этот народ на краю света.

Цини и туди

Чем меньше видишь в окружающем экзотику, чем меньше пытаешься воспринять новое в соответствии с привычными для тебя нормами, тем глубже проникаешься обстановкой, в которую занесла судьба.

В малагасийцах привлекают утонченность души, поэтичность характера, какая-то унаследованная, возможно от предков из Юго-Восточной Азии, тактичность и в то же время шумный темперамент, неугомонность и добродушие, привнесенные из Африки. Реакцию малагасийца, как я уже говорил, непосвященному трудно предсказать. Он кажется непроницаемым, и с непривычки не сразу поймешь, согласен ли он с вашим мнением или нет.

Один из известных малагасийских писателей как-то заметил:

— Главное не то, что мой соотечественник высказал, а то, о чем он умолчал. Научитесь читать его разговор между строк и в паузах.

Когда мне удавалось правильно истолковать молчание и паузы собеседников, я чувствовал, как признательно открывались сердца и меня принимали в свой круг. Островитяне долго примериваются к людям сообразно половице: «Соль-то у них есть, но посмотрим, умеют ли они стряпать».

Все сокровенное малагасиец держит при себе, и попытка характеризовать его по мимолетным встречам сопряжена с возможностью искажения истины, которую столь ценят на Мадагаскаре. В прошлом мошенников, воров и лгунов заставляли семь раз лизать языком раскаленное железо или доставать руками камень из котла с кипящей водой. «Ложь как больной зуб — ее лучше вырвать с корнем», — повторяют они.

Малагасиец — патриот по природе. Он не мыслит себя вне родной земли. На ней трудились предки, оберегающие ныне живущих от всяких напастей. Пускаясь в дальнюю дорогу, он берет с собой в мешочке щепоть земли, на которой родился и вырос. Она связывает его с предками, оберегает от несчастий.

— Земля священна и могущественна, — толковал мне в Тулиаре понятие родины вождь махафали Бесаранга. — Мы, старики, тоже были молодыми, и они, юные, неотвратимо постареют. Нас не будет. Сменятся поколения, а земля останется. Она вечна, потому что священна. В ней источник жизни, силы малагасийца и последнее его пристанище.

Переезжая в новые края, малагасиец смешивает горсть родной земли с землей чужой стороны. А если спросить его о родине, он назовет не деревушку, где родился, а место, где погребены предки. Недаром, знакомясь, малагасийцы осведомляются друг у друга, где могилы их предков.

Традиционно принято место своего захоронения определять рядом с семейными гробницами. С чужбины

прах родственника стараются перевезти на родину. Многие жители чуть ли не с первой зарплаты копят деньги на... могилу и, если есть деньги, строят себе вечные жилища — каменные гробницы.

Любовь к родине здесь не выставляют напоказ — впрочем, как и свои мысли и чувства. Опыт поколений научил не спешить с откровениями перед пришельцем.

Узы родства на острове крепче алмаза — генеалогическое древо заучивают наизусть сызмальства. Родню знают назубок в пятом — седьмом колене. Попавшего в беду или нуждающегося в помощи выручают сообща.

На собрание родовой общины приходят все, и кажется, что идет состязание бывалых краснобаев, а не решаются практические дела. Малагасийцы любят произносить и выслушивать длинные речи, благоухающие метафорами, точно подмеченными в жизни образами. Слушая оратора или просто разговаривая с кем-нибудь, исподволь обогащаешь свои знания в этнографии, ботанике и зоологии, но уразуметь, к чему клонит собеседник, порой не так просто. На Мадагаскаре не привыкли говорить с грубой краткостью — «да» или «нет», одним махом ставить точку над *i*. Подобная прямота там не в почете. Краткого «ени» (да) не употребит даже ребенок, но здесь не терпят и суесловия. Пустомелю одернут, высмеют. Балабонить без толку — это красть время у деловых людей, оторвавшихся от извечных забот. Речи слушают только тогда, когда в каждую фразу, если не в слово, вложен смысл, искусно сокрытый в замысловатых сочетаниях из уместно примененных пословиц и поговорок, сочных сравнений, почерпнутых из повседневного быта и родной природы.

Символы и иносказания не ставят в тупик островитян, которые живут в сложном мире, где не всегда быстро докопаешься до истины. Слушая речи в кругу семьи, на сельском сходе, светском рауте, другой раз дивишься бесчисленным, утомляющим слух извинениям и уверениям в почтении и благих намерениях и в то же время торопливости, с которой потом излагается суть дела.

— То, что я сообщу вам сейчас, абсурдно, кроме того, я не умею говорить, я лишен красноречия, престижа и опыта. Я прошу прощения за взятое слово, за косноязычие... — рассыпается в извинениях оратор или собеседник. Без перехода он сообщает, что «одним пальцем и блоху не убьешь», а «кувшин чистой воды легко испортить чайной ложкой грязи»... Изрядно устав от велеречивого предисловия, он вдруг говорит: — В сезон дождей только утро в счет...¹

И лишь потом сообщает суть вопроса, с которым к вам обращался.

— Не удивляйся. Это неотъемлемая черта нашей психологии, — пояснил Ришар Андриамандзату, автор первой отечественной книги по малагасийской психологии «Цини и туди». — Мы называем ее цини.

Беседуя с малагасийцем, временами ощущаешь, будто он перед тобой за что-то извиняется. Механически относишь его манеру разговора к чрезмерной, восточного типа вежливости. Но ведь вежливость — своего рода форма цини, проявление предусмотрительности. Один из этических принципов гласит: «Приветствуйте прохожих, так как вы не знаете, кто будет вашим тестем». Каждый ученый — психолог или этнограф — толкует цини на свой лад.

В разговоре люди иногда словно бы меняются друг с другом местами, взвешивая обоюдную реакцию на слова и поступки, соревнуясь в чуть наигранной, но несомненно искренней вежливости, упреждая подозрение в злом умысле — каждый со своей стороны. Опыт поколений выработал у островитянина, прежде всего у мерина, опасение, что заранее рассчитать последствия даже самых благонамеренных действий в быту невозможно: слишком различно люди смотрят на жизнь. Цини необходимо перед каждым действием или решением. Поэтому мысленно или вслух он загодя просит прощения за еще не совер-

¹ В летний период во второй половине дня здесь обычно идут грозовые дожди, деловая активность ограничивается утром.

шенные им, но возможные обиды, как бы оставляя себе более широкое поле деятельности, иначе говоря, право на ошибки. Быть может, в ряде случаев это и заглушает его совесть, позволяет действовать смелее и даже безрассуднее — ведь цини соблюдено!

Этнопсихологию приходится учитывать не только при личном общении. Вот пример. В одном из районов решили создать образцовое рисоводческое хозяйство. Завезли новый сорт риса, удобрения. Урожай был выращен на диво. Но крестьяне отнеслись к новшеству недоверчиво. Некоторые ворчали:

— Ну куда нам столько зерна?

Это было в тот момент, когда рис закупали за границей. Другие, более откровенные, резали правду-матку в глаза:

— Все это чепуха. Предки не так возделывали рис. Они собирали его ровно столько, чтобы прокормить семью, деревню. Не нам менять заведенный порядок.

Власти временно отложили эксперимент и приступили к терпеливой разъяснительной работе. Сейчас в стране сеют высокосортный рис. А разгадка столь парадоксальной реакции таилась в другой особенности психологии малагасийца, именуемой туди.

Слово «митуди» переводится приблизительно как «возвращаться в родную гавань». Жизнь человека — замкнутый круг, говорят на острове. Любое действие — подразумевается злоумышленное — может обернуться против человека, его совершившего. Малагасийцы считают, что человек живет в мире, где порядки установлены предками и магическими неземными силами, которые помогают ему в делах или мешают. По мере того как человек вносит коррективы в жесткий уклад жизни, он лично отвечает за все последствия своих поступков. Конечно, заведенный предками порядок, обеспечивающий относительное спокойствие, вовсе не абсолютен и незыблем, ибо жизнь по непреложным заповедям и рецептам не проживешь. Однако кто поручится за то, что новое действие, поступок, не испытанные в прошлом, сулят добро?

Человека искони пугает неизвестность. В прошлом на Мадагаскаре первым европейцам предлагались жены и дочери только потому, что ранее белых никто не видел. Они казались малагасийцам полубогами. Так почему бы не откупиться от незнакомых, быть может всесильных, существ? Малагасийцу непонятны дружеские объятия иноземца, даже если они выражают самые лучшие чувства. Объятия и поцелуи не всегда будут правильно истолкованы из-за туди. Раньше, встретившись после разлуки, близкие люди брали друг друга за руки, терлись носами, щека о щеку.

Поцелуи же были завезены на остров заодно с кинофильмами и проституцией. Увиденные на экране, они и теперь вызывают смешки зрителей.

Туди объясняет осторожность, с которой мадагаскарец, по крайней мере в личной жизни, идет на разные новшества. Естественная осмотрительность побуждает его следовать обычаям предков, придерживаться раз и навсегда заведенного порядка, работать с помощью деловских орудий. Так повелось испокон веков! «Сове не вывести голубую птицу», — гласит народная мудрость. Повторять привычное и избегать риска — такой закон выработала сама жизнь малагасийца, и он привык обуздывать свои порывы. Предприимчивость и инициатива опасны из-за неясности последствий. За несоблюдение туди судьба неизбежно нанесет удар по нарушителю, его семье, даже потомству. Порой чуть ли не слепо подчиняется он традициям, всегда и беспрекословно уважает опыт старших. Вот почему островитяне даже в мелочах тщательно и долго взвешивают каждый шаг. «Относитесь к людям так же, как вы хотели бы, чтобы они относились к вам» — такова логика туди.

Фукунулуна сменяет фуку

Слово «фукунулуна» малагасийского происхождения. Оно складывается из двух слов: фуку (по-малайски — суку) означает «род», улуна — «человек», а в целом — «люди од-

ной группы», «община, коллектив». Слово это часто мелькает в разговорах крестьян и интеллигентов, в газетах и документах, в романах и стихах. Оно один из символов Мадагаскара, частичка психологии его жителей, его прошлое, настоящее и грядущее, душа малагасийской жизни.

Среди исторических правителей Мадагаскара славой преобразователя пользуется король Андрианампуйнимерина (1787—1810). «Все малагасийцы должны быть детьми одной матери», — изрек он однажды. Всю свою жизнь он посвятил созданию единого государства, способного отразить нашествие любого заморского врага.

Как-то король созвал крестьян, живших вокруг дворца на холме Амбухиманга, близ Антананариву, и сказал им:

— Отныне вы будете жить и трудиться в фукунулуне.

Крестьяне изумились — ведь община была и при народе вазимба, который в незапамятные времена населял остров. Ее следы находят в XVII веке. Только люди в ней жили обособленно, замкнуто, родовыми общинами — фуку.

— Что ты имеешь в виду, король? — спросил из толпы самый мудрый из старейшин. Даже он не уловил замысла венценосца.

— Один человек ничто, даже если за ним стоят тысячи предков. Тысяча человек — необоримая сила. Считайте себя членами единой семьи. Живите сплоченно, терпимо друг к другу, не ссорясь. Узы крови, сходство характеров, общие традиции и привычки дадут урожай на полях, укрепят нашу страну. Каждая фукунулуна должна стать увеличенным семейным очагом, — заключил суверен.

Крестьяне качали головами: как можно трудиться и уживаться с соседями?

— У нас же разные предки! — вырвалось у Ракуту, одного из самых смелых в Амбухиманге.

— Земля-то общая, все предки похоронены в ней. А если будем мериться предками, то враг из-за моря придет, побьет нас и обратит в рабство, — отрезал Андри-

анампуйнимерина. — Все роды и семьи подобны домам одной деревни. Объединитесь как родственники. Если будем жить каждый сам по себе и для себя, то не одолеем злейших врагов — наводнение, лесные пожары, голод, не защитим себя. Вспомните слова предков: лучше умереть, чем лишиться достоинства.

— Верно говоришь, король! — нестройно загалдели крестьяне.

— Каждая фукунулуна получит от меня заболоченные и заброшенные земли, на которых зацветет рис. И его урожай будет проверкой вашей солидарности.

Король ушел, дав амбухимангской фукунулуна символическое название «Витани ви» («железный горшок, который никому не расколоть»).

Так родилась фукунулуна. Сам суверен уважительно именовал ее мпицара амбуни — верховным судьей. Внутри ее поощрялась дружба и взаимопомощь — фихавана-на. Часть урожая риса сдавалась в фонд страны, в королевские закрома. Фукунулуна отвечала за чистоту и порядок в своих границах, строительство школ, дорог, каналов, дамб, помощь беднякам, престарелым больным, за создание фонда, ремонт инвентаря и за решение многих других местных проблем. Все дела выносились на общинное собрание. Главой общины выбирали самого старшего, сметливого в практических вопросах, имеющего большой жизненный опыт.

Трезвая и степенная крестьянская натура малагасийца не терпит безудержного славословия в адрес одного человека, будь у него семь пядей во лбу, хотя малагасийцы могут хвалить друг друга за трудолюбие, доброту. Не потому ли вождю всегда помогал совет старейшин? «Лучше иметь глупого вождя, чем бестолковых лухулуна (старейшин)», — утверждал Андрианампуйнимерина.

Создатель фукунулуны заботился о том, чтобы малагасийцы трудились сообща. Когда у него просили рис, он дарил посетителю... мотыгу. Крестьяне работали при нем на общинных полях, совместно возводили дамбы и рыли каналы, некоторые сооружения сохранились и сейчас.

— Я хочу, чтобы вы помогали друг другу целыми семьями, деревнями. Одно дерево еще не лес... Если кто-то желает построить дом, но ему не хватает собственных сил, на выручку должна прийти вся деревня. Однако тот, кому помогают люди, обязан платить тем же, — учил он подданных.

С самого начала фукунулуне были отданы во владение все земли, и никто не имел права отнять их. В XIX веке французы всячески старались захватить часть земель в обмен на признание Парижем суверенитета мадагаскарских монархов. Но малагасийцы чрезвычайно изобретательно сопротивлялись. В 1881 году королевским «кодексом 305 статей» было запрещено продавать или отдавать в залог земли кому-либо, кроме подданных королевства Мадагаскар. В 1896 году, накануне того, как она была арестована колонизаторами, королева Ранавалуна III подтвердила «права граждан на застроенные или возделываемые участки».

Потеряв терпение, в Париже решили проучить упрямцев и силой отобрать у мадагаскарцев плодородные земли. В ответ крестьянство подняло восстание.

Колонизаторы не без основания считали фукунулуну оплотом народного сопротивления. В начале века серией декретов губернатор Жозеф Симон Гальени, по существу, упразднил общину, поскольку само ее существование делало незаконным иностранное землевладение.

От прошлой общины, пожалуй, осталось только название. Исчезли советы старейшин, ослабла сила вождей. Всеми делами стало вершить собрание крестьян. И относятся крестьяне к новой фукунулуне очень и очень серьезно.

Крестьяне предпочитают север

Намеченный график одной из поездок в Махадзангу расстроила чарующая краса раздольных пейзажей плоскогорья. Мы часто останавливались, любуясь природой,

и въехали в город, когда все окрест погрузилось в крошечную темень.

— Как добраться до туристической деревни? — осведомился я у случайного прохожего.

— Поезжайте прямо, у перекрестка сверните на запад, а метров через триста — на север и продолжайте далее вдоль берега, — охотно объяснил он.

Искренность ответа не подлежала сомнению, но поначалу я остолбенел от такого объяснения, потом устремил взор к небу, опознал Южный Крест, разобрался в сторонах света, сопоставил их с правилом «лево — право» и нажал на акселератор. Все же для верности один из пассажиров высунул голову наружу и корректировал путь к деревне по звездам.

В другой раз я обедал в одной столичной семье. Несколько крупинок риса прилипло к моей щеке. По подсказке хозяина я вытер щеку салфеткой.

— Нет, не там, — поправил он. — С южной стороны...

Позднее я узнал, что в быту малагасийцы столь же непринужденно ориентируются на север — юг, как мы на левую и правую стороны. Каждая сторона света имеет здесь свой смысл. На вопрос, откуда он родом, редко кто назовет родную деревню. Крестьянин просто отвечает: я с севера, с востока...

Для малагасийцев север не имеет конкуренции среди сторон света. Все, что исходит с севера, благородно, сильно и великолепно, включая людей. В любовных стихах и песнях рекомендуется не слишком долго перечить или противиться пришельцу с севера, обладающему даром очарования. Мужчина с севера считается идеальным сууженым, хотя, увы, иногда обманывает бедных доверчивых девушек. Девушка с севера — также самая желанная.

Забавная ссора случилась на моих глазах в Анцирабе. Один отец, разозлившись на беспутного сына, попустому проводившего время, прогнал его из дома.

— Ступай на все четыре стороны, захребетник! — в сердцах выпалил он.

И юноша, не пререкаясь, тут же покорно собрал котомку и, надвинув шляпу на лоб, двинулся на север, к Антананариву. Вдруг лицо отца прояснилось: выбор пути на север пришелся по сердцу. Он даже крикнул от удовольствия:

— Еще не все потеряно. Из сына выйдет толк, ведь он зашагал прямо на север. Предки владеют его душой.

Юг, наоборот, считается стороной униженных. Оттуда идут все несчастья. Почти равнозначен ему по символике запад — сторона нечестивых, рабов и дикарей. Восток — благословенное направление, где встает солнце, откуда пришли предки. Когда призывают к предкам, то обращаются на восток или в крайнем случае на север.

Французский ученый Силберман составил этнографическую карту Мадагаскара, где история народов была увязана с символикой стран света. Согласно карте, с востока на остров приплыли предки. С севера в Средние века сюда прибывали мусульмане, европейцы — по здешним понятиям, люди более высокой касты, более цивилизованные. Западное побережье заселили рабы из Африки. На юге в силу постоянной жары и засушливости жили в нужде нищие, так называемые «дикие» народы — бара, микее, антандруи.

Размещая мебель в своей квартире, я поставил кровать изголовьем на юг.

— Вы колдун? — поинтересовалась уборщица.

— У нас в роду таких не было. А в чем дело?

— Головой на юг у нас спят только колдуны. Подушка непременно должна лежать на север.

Каждой стране света соответствует свой цвет: востоку — белый, югу — красный, западу — желтый, северу — черный. Север символизирует воду и зиму, юг — огонь и лето, восток — дерево и весну, запад — металл и увядание природы.

Возводя дома, островитяне точно ориентируют их по линии север — юг, иногда, но реже — на северо-восток. Всеу внутри дома отведено свое место. Северную, луч-

шую, часть занимает хозяин. В северо-восточном углу хранится субика — корзина с талисманами, расстилается циновка или ставится стол для приема гостей. В восточном углу раньше стоял столб для культов и жертвоприношений. Там же у сакалава дверь молитв, через которую разрешается переступить лишь членам семьи и их близким друзьям. В восточной части стоит кувшин для омовений и питья. Очаг располагают в центре хижины.

Юг — сторона материальных ценностей. Там хранится рис, выкапывается силосная яма. В юго-восточном углу устраивается загон для домашней птицы. Дверь выходит на запад, и в этом есть практический смысл. С января по март циклон за циклоном врываются с востока на остров. Иногда они захватывают внутренние районы и перерастают в ураганы. В иной год на Мадагаскар наваливаются до восьми циклонов с ветрами, скорость которых достигает 200 километров в час.

Как видно, во всем у малагасийцев заведен строгий порядок, и опытный глаз вмиг окинет даже степень прочности семейного очага. На острове Сент-Мари, обходя речушки и затоны, вздувшиеся от прилива, я заблудился в поисках кладбища пиратов и корсаров. Среди зарослей драцены, филао, кокосовой пальмы и анакардиевых высоко на сваях стояла хижина, словно сотканная из побегов и листьев дерева путешественников. Народ здесь — потомки пиратов и корсаров — приветлив, и я зашел в жилище. Хозяин лежал на сундуке в северо-восточном углу (напротив обычно кладут покойников).

— Как пройти на кладбище?

— Субика, — горько промычал он, печально глянув на пустую полку на стене.

Древний обычай: жена, бросая нелюбимого мужа, уносит на голове увесистую корзину, сплетенную из листьев пальмы рафия, — субику. В корзине, похожей на усеченный конус с крышкой, одежда и украшения. Брак считается расторгнутым.

Человеку было больно, но он нашел силы посоветовать:

— Возьмите на север, а затем держитесь морского берега. А ведь раньше, бывало, мы с ней бродили, обнявшись, как пирога без весел...

Женщины плетут корзины сами и приносят их в приданое. Субика с сокровищами стоит на полке, приколоченной к стенке. Когда ее нет, нет в доме и хозяйки...

Бог, божества и духи

Малагасийцы не любят распространяться о своих верованиях и часто изъясняются на эту тему с присущей им уклончивостью, недосказанностью и туманностью. В результате почти у каждого исследователя или автора складывается свое представление о малагасийском Боге или богах. Но бесспорно то, что еще задолго до прихода на остров Библии и христианства малагасийцы верили в «единого высшего Бога» Андриаманитру (в переводе — Благоуханный Господин) или Занахари (Творца, Создателя). Причем Занахари (или Андрианахари) чаще упоминается за пределами плато Имерина. Но употребление этих слов одинаково по смыслу и силе, поскольку в каждом случае имеется в виду одно и то же лицо — Бог. Наряду с высшим Богом существует также у малагасийцев вера в некоторых более низких по рангу, подчас смутно определяемых божеств. В число божеств можно вполне включить и предков.

Однако любая молитва обычно начинается с обращения к Занахари и затем следует мольба к предкам: «О Боже, Создатель и наши предки!» Богу по мелочам не докучают, его всегда молят о чем-то большем: ведь самое главное — это его благосклонность. Есть такая пословица, которая чуть приоткрывает порядок молитвы: «Никто не молится, повернувшись лицом на запад, все делают это, глядя на север; но богатство приходит от судьбы, и тот, кому оно не предназначено, никого не получит его!»

Можно с уверенностью сказать, что у малагасийцев было и есть понятие единого Бога, но при этом они не ис-

пытавали всеохватывающего страха перед высшим существом. Они просто любили его, надеялись на то, что он вспомнит о них, а боялись и боятся духов предков. Бог является для них хозяином жизни и смерти, но его не интересуют дразги земного существования. Звездное небо малагасийцы называют «крышей Бога», и часто говорят: под крышей Бога только ему ведомо все. Он видит и знает все. Он в полной самостоятельности и неодолимости правит всем миром. В конечном счете Бог вершит справедливость для слабых и угнетенных, для всех, кто несправедливо страдает.

Судя по легендам мерина, Андриаманитра (Занахари) сотворил мир, дал людям их обычаи, на первых порах был третейским судьей, арбитром их первых семейных споров и ссор. Он творец всех необъяснимых (для людей) явлений, однако впоследствии людские дразги ему, видимо, наскучили, и он отдалился от мира. Андриаманитра, по понятиям малагасийцев, живет наверху и не влияет на непосредственное существование людей, распоряжаясь лишь жизнью и смертью. Мне как-то поведали на сей счет одно предание.

«Как ты хочешь умереть? Как луна или как банан?» — спросил как-то Бог у человека. Тот долго размышлял, а затем ответил, что предпочитает смерть банана. Вот почему с тех пор люди сменяются на земле детьми, подобно тому как отмирает после созревания плодов ствол банана, а корневища образует новые стволы на смену отмершим. А если бы человек выбрал лунную смерть, то он мог бы воскреснуть на земле, как луна, которая уходит из мира, а потом возвращается...»

Эжен де Флакур был одним из первых европейцев, добросовестно исследовавших историю Мадагаскара. В 1658 году после семилетнего пребывания на нем он опубликовал в Париже «Историю Великого острова Мадагаскар». В этой книге Флакур отмечает веру малагасийцев в Занахари, но подчеркивает при этом, что более всего их страшит дьявол, злые духи.

«Верования малагасийцев основывались главным образом на культе предков, — пытался суммировать религиозные воззрения островитян великий знаток Мадагаскара французский ученый Пьер Буато. — Существовали и другие божества, символизировавшие землю, лес или в более обобщенном виде дерево. Но они тоже были связаны с культом предков, которые после смерти вступают в сношения с этими элементами. Вера в единого Бога, даже если она существовала у некоторых пришельцев, стала социальной силой только после установления в обществе определенной иерархии».

В какой-то мере вникнуть в психологию малагасийских верований мне помог довольно крупный чиновник первых лет независимости Мадагаскара Рабеарисон, рассказавший о религиозных воззрениях своей этнической группы цимихети.

— Цимихети верят в единого Бога, живущего на небесах, — рассказывал он. — Но этот Бог обитает слишком далеко. Его мировоззрение, его замысел касается великих масс существ, глобальных масштабов и проблем. К счастью, зачастую у него под рукой есть могучие посредники вроде Раваратранамбу, Ракутукуту, Рамелукатувауна, Радзурубе, Ратуханиани, Ратумуимбе, которые выступают как избранники Божьи и более доступны людям. Они обсуждают все дела лично с Богом и обладают очень широкими полномочиями. Это избранные из избранных предков. Они могут обуздать молнии и громы, укротить циклоны, отвести опасности, сотворить человеческие жизни, поддержать дух жизни, принести изобилие. Где эти божества? Да повсюду, за облаками, среди звезд... Их нельзя увидеть глазами, но их присутствие можно почувствовать. Но и эти очень мощные посредники, по мнению цимихети, слишком далеко от маленького человека, слишком анонимны, обезличены. Ему же нужны защитники поближе, попонятнее, познакомее, тесно связанные с семьей или родом. Но так в пользу своих детей могут выступать лишь предки! И их почитают как богов. Им

приносят жертвы, им молятся, их ублажают. Дух предков относится у нас к категории божеств, играющих решающую роль в жизни.

Об отношении к единому Богу красноречивее всего говорят старинные народные пословицы, которые я специально подобрал, чтобы проиллюстрировать данную тему. Их возраст, по самым скромным прикидкам, превышает шесть веков. Они уже сами по себе отражают не только мудрый, философский подход островитян к вере, но и их психологию, никак не связанную с тем же христианством, которое проникло на Великий остров значительно позже.

«Бог поднялся выше всех и всего сущего и видит все, что находится под ним». Эта мудрость, кстати, говорилась не только о Боге, но и о всех вождях, начиная с деревенского уровня. «Бог существует повсюду и для всех». Он вознаграждает добрых и карает злых, воздает каждому по делам его. «Бессмысленно и бесполезно поворачиваться спиной к Богу, ибо Андриаманитра видит все — то, что перед нами, и то, что у нас за спиной». «Бог — свидетель всех наших действий». «Бог смотрит с высоты и видит все, что пытаются скрыть». «Не думайте, что в долине никого, кроме вас, нет, — Бог вездесущ и господствует над всем».

Когда в дом проникают лучи солнца, то люди по древнему обычаю радостно восклицают: «Бог и тут и там, он повсюду и для всех». Такое явление с незапамятных времен рассматривается как доброе знамение, неожиданная благодать, например, знак исцеления больного.

«Не Бог делает людей больными». Малагасийцы издревле полагают, что все болезни ведут происхождение исключительно от дурной судьбы, накликаемой колдунами. «Бог не имеет пороков и не совершает ошибок». Для них понятия «Бог» и «добро» совпадают. По мнению островитян, ошибки и дурные проступки принадлежат людям, исходят от них.

«Пусть Андриаманитра вознаградит вас за ваш дар, и ваше подношение станет лестницей, которая поможет

вам подняться на небо», — говорят прокаженные человеку, подавшему им милостыню.

«Пусть те, кто слишком торопится, не рассчитывают на Бога, но я полагаюсь только на него». Смысл этой поговорки — совет иметь немного терпения, поскольку Бог непременно воздаст каждому по его заслугам. «Лучше быть виноватым в глазах людей, чем в глазах Божьих».

«Бог обращается с нами так, как мы обращаемся с другими». «Бог не любит зла», поэтому злые всегда будут неотвратимо наказаны. «Змея, которую убивают, не имеет рук для того, чтобы защитить себя, но она полагается на Бога». Эта пословица относится к маленьким и слабым, которые страдают от угнетения: они ждут воздаяния справедливости от Бога. «Человек предлагает, а Бог располагает», — предупреждает другая мудрость, намекая на то, что у Всевышнего своя логика. «На того, кому что-то удается, в этот момент смотрит Бог и помогает ему».

Сакалава говорят: «Земля — первая супруга Господа: она кормит живых и мертвых, она сжимает их в своих объятиях». Эта пословица известна также и в центре Великого острова, на плато Имерина. Сравнения с первой супругой полигама связано с тем, что в малагасийской семье именно она управляет всем имуществом в доме.

«Не давайте обещаний, которые вы не выполните, тем более Богу». Сколько обещаний и клятв дают люди и быстро забывают их! «Не будьте неблагодарны Богу». «Курица, которая пьет, независимо от количества выпитого, поднимает голову к небу». Необходимо благодарить Бога за все добро, большое или малое. Да, да, «как курица, которая, выпив, поднимает голову к Богу», повторяет другая такая же по смыслу пословица. Будьте всегда довольны своей судьбой и благодарите Господа за все, что он дал вам, соглашаются все малагасийцы.

«Для Бога нет ничего неизвестного, но он иногда хочет опустить голову и ничего не знать, чтобы никого не наказывать». Автором этой пословицы о доброте Господа является царь Андрианампуйнимерина, назидавший так своего сына.

Все жители Мадагаскара либо протестанты, либо католики, выполняющие все требования этих конфессий. Но от своих традиционных верований, тем более от веры в безраздельную силу предков, они не собираются отказываться.

Малагасиец-христианин отличается от француза или любого другого христианина не тем, во что он верит, а манерой своего верования. Им больше движут чувства, чем рассудок. Основа его морали, а отсюда и веры — традиции и обычаи. И христианство он воспринял творчески, «малагасизировав» его, то есть приблизив к своей морали и мышлению. В душе он сочетает христианство с анимизмом.

В повседневной жизни все зависело и зависит от разана — предков, которые предопределяют урожай риса, здоровье и продуктивность скота, приносят в дом счастье или обрушивают беду на голову семьи или общины, преступивших обычаи или фади (запреты). Именно предкам надлежит ревностно молиться и приносить жертвы, то есть не обращаться сразу в самую высшую инстанцию, где твои мелкие проблемы покажутся непонятными, мизерными и, быть может, вызовут раздражение, а сначала искать правду на месте, у тех, кто ближе и знают тебя досконально.

Путешествуя по острову, я часто видел крупные камни, водруженные в память о каком-либо событии или о ком-то, кто умер в другой части страны или за границей и не был погребен в родовой могиле. Их называют цангам-бату, вату-лахи или орим-бату. Иногда можно набрести на кучу или пирамиду камней. Они отмечают путь похоронной процессии к захоронению, места, в которых ставился гроб. Или же это могут быть перекрестки, на которых путники добавляют каждый свой камень для предохранения от злых духов.

Малагасиец верит в существование души или духа, являющегося источником жизненной силы тела. Душа для него — дыхание, наделенное сверхъестественной силой.

Душа принимает различные формы и облики. Благородные души, говорят бецилеу, становятся огромными змеями или, как полагают бецимисарака, бабакуту, лемурами или крокодилами. Малагасиец одушевляет в своем сознании все — вещи, существа, явления. Он видит душу в животных, растениях, скалах, озерах, ручьях, в таких явлениях, как гром и молния. Люди здесь верят, что душа покидает тело во время сна, и смерть всего лишь длительный сон. Душа, не желающая жить больше в теле, расстается с ним, оставляя его гнить, поскольку ей захотелось побыть одной. Но она сохраняет черты личности усопшего, все его симпатии и антипатии к людям, которых при жизни он любил или чурался.

Каждый житель знает о необходимости оказывать уважение различным духам, умиротворять их. Если человек, например, решил обработать участок целины, то он обязательно должен оставить маленький клочок в северо-восточном углу нетронутым. Подлинным владельцем земли является дух, который живет на ней, и его ни в коем случае нельзя изгонять. Есть также духи — вазимба, которые живут в деревьях, кустах, в глубоком месте реки или среди скал. Их ни в коем случае не рекомендуется тревожить. В воде обитают духи лулурану. Почитаются некоторые животные, особенно змея дуна, в которой живут духи предков.

Традиционное понятие души у малагасийцев очень трудно уловить; она существует как двойник каждого человека. Душа фанахи относится к психической жизни человека, хотя некоторые исследователи считают, что христианское понимание духа или души также обозначается словом фанахи. Народное поверье гласит: мощь предков зависит от душ и судеб. Дух фанахи с «сильной судьбой» обладает большой чудодейственной мощью, он влияет обычно на характер человека и может делать его хорошим и плохим. Иногда он может обидеться на человека, который совершает неправильные действия, нарушает запреты. Например, фанахи покинет вас, если вы попытаете запрещенную свинину, поскольку она ему претит.

Под амбируа или авелу подразумевают душу, часто призрак, а также двойник живущего. Амбируа может иногда являться людям во сне в облике дедушки, тети, дяди и т. д. Часто она очень симпатична, приходит к нам, чтобы подсказать средства лечения от болезни в семье или предостеречь от посещения какого-нибудь опасного человека. Она может объявлять хорошую или плохую новость. Явление во сне умерших родителей — к несчастью или болезни. Видеть же во сне живого человека, который якобы умер, — добрая примета, сулящая долгую жизнь.

Амбируа иногда употребляется в значении фанахи. В этом смысле она отсутствует у детей до двух лет, а также бывает, что некоторые взрослые теряют ее. Такое случается, когда кто-то внезапно резко разбудит спящего, которому в этот момент снится сон. Сон же — дальнейшее странствие души, и при резком пробуждении с чьей-то посторонней помощью душа может не успеть вернуться. Порой человек сам теряет душу, и это выражается в упадке сил. Для спасения пострадавшие обращаются к знахарю, который ставит диагноз — «потеря души» — и устраивает ритуал с целью возратить ее в тело. Обряд возвращения души сопровождается невообразимым гвалтом, воплями, криками, пением, окуриванием, резкими телодвижениями, которые в конце концов помогают знахарю изловчиться схватить беглянку и возратить владельцу.

После смерти амбируа остается, то есть переживает усопшего, и сохраняет свои права на живущих. Как и когда она покидает тело, где живет — на эти вопросы ответы даются весьма неясные. Но ясно одно — душу с помощью похорон, проведенных с соблюдением всех, даже самых мельчайших ритуальных мелочей, следует водворить в семейную гробницу и присоединить к предкам, чтобы новый разана помогал живущим родичам...

Душа (дух) авелу показывается лишь в снах после того, как тело усопшего становится скелетом. Духи лулу («бабочки») принадлежат недавно умершим людям, и ими движет ностальгия по покинутому дому, к семье и живым. По вечерам они прилетают к дому в виде бабочек сфинк-

сов. Они безобидны, но, отмеченные более слабой судьбой, они вмешиваются в жизнь живых менее эффективно и удачно. Их присутствие неблагоприятно для младенцев и их матерей. Поэтому самый простой способ избавиться от них — поджечь по возвращении с похорон или из дома, где кто-то недавно умер, кусочек кожи, резины или волосы, прицепившиеся к гребню.

Есть и проклятые духи, которые неприкаянно слоняются по земле и совершают дурные поступки. Это души плохо захороненных людей или тех, кто, почивши, был погребен на чужбине. Ангатра — дух умершего — в некоторых частях страны рассматривается как злой дух. Ангатра блуждает по ночам, и горе живым, которые столкнутся с ней лицом к лицу. Есть специальные талисманы против встречи с ангатрой.

Культ предков

«Да помогут нам предки» — эти слова услышишь у любого очага на Мадагаскаре. Принося присягу, глава государства дает клятву Богу — Андриаманитре, соотечественникам и предкам. Деревня или город, по местным верованиям, населены живыми и невидимыми усопшими, причем разана — предки играют наибольшую, определяющую роль. На малагасийском языке нет таких слов: «Он умер». Об усопшем там говорят только: «Он ушел» или «Он ушел к предкам». После смерти человек переходит в разряд священных предков, и сила его святости зависит от его социального положения. Поклонение разана, неразрывное единение с ними пронизывают всю жизнь островитян, зачастую диктуют им, как поступать в том или ином случае. Причем мелочей здесь не бывает.

Глядя на трогательное отношение малагасийцев к предкам, я невольно вспомнил вехи пушкинские строки:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,

Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века,
По воле Бога самого,
Самостоянье человека
И все величие его.

Один мой друг, знаток малагасийских лекарственных растений и историк Мадагаскара, которого абсолютно все жители острова считали своим, как-то обронил в разговоре, что если бы ему предложили составить альбом из его лучших фотографий о Великом острове, то читатели подумали бы, что им показывают гигантское кладбище. И в самом деле, бесчисленные гробницы, обрамленные террасами садов и рисовых полей, украшенные яркими росписями, подлинными шедеврами скульптуры или искусной резьбой, попадаются чуть ли не на каждом шагу за границами городов и селений. Надо быть слепым, чтобы не заметить их и не удивиться их обилию. Дольмены (мegalитические погребальные сооружения в виде громадных каменных глыб, поставленных вертикально и покрытых сверху могильной плитой), обелиски на центральном Верхнем плато, статуи эротического толка на юге, пироги, положенные друг на друга, на восточном побережье, запретные гроты в известняковых скалах Анкараны на севере — все они выражают на чей-то чужой непосвященный взгляд немного странную мадагаскарскую цивилизацию.

К могилам здесь питают глубочайшее почтение. Запрещается отпускать шутки в их адрес, показывать на гробницу пальцем, класть во время еды на могилу мясо птицы. На Мадагаскаре поругание захоронений — величайший грех, самое кощунственное из всех кощунств. «Страны без могил не бывает», — повторяют малагасийцы старинную, как сам остров, поговорку.

Для них есть очень дорогие и священные вещи и понятия, через которые никто на острове не осмелится перешагнуть. Это, во-первых, перешедшее в наследство рисовое поле, на котором трудились дедушки и пращуры.

Продать его — страшный грех. Во-вторых, семейные могилы, в которых собирается вся-вся семья, все самые дорогие люди, чтобы за гранью видимой жизни не лишать своих милостей и помощи живущих. Самое страшное бедствие для любого малагасийца — не быть погребенным в этой гробнице вместе со всеми. Одна уже мысль о таком возможном несчастье вселяет в него ужас. Разумеется, невозможно столь категорически определить, что в подобных случаях «во-первых» и что «во-вторых» и т. д.

Малагасийцев обескураживают механические европейские понятия смерти как прекращения существования, внезапного, обрывистого конца. Человек существует вечно, считают малагасийцы. Лишь в какой-то момент он уходит от живых в иное измерение, чтобы стать предком и оттуда помогать своим любимым потомкам. Их души незримо находятся рядом с живущими, «сопровождая» их во всех обыденных делах. Все люди держатся на земле благодаря их покровительству. «Только земля единит живых и мертвых», — гласит один из постулатов житейской философии малагасийцев; иначе говоря, «члены одной семьи едины и в жизни, и в смерти».

Повсюду в стране есть земли, отведенные только для духов предков, — танин-доло, то есть владения духов. В горах Амбундрумбе к юго-востоку от Амбалавао, мне показали места, где скопились целые деревни (а скорее города) духов предков. Там они, как уверяет молва, говорят друг с другом, отдыхают, поют, танцуют, открывают и закрывают ставни окон, пасут скот, возделывают землю. Во время поездок я часто видел поставленные на попá камни с темными пятнами — следами принесенного в жертву меда. Все, что связано на Мадагаскаре с предками, относится не к фольклору, а являет собой саму жизнь. То и дело на ум приходит вопрос: «Выходит, умершие живы в этой стране?»

Да, пожалуй, но секрет в том, что у малагасийцев иное, чем у нас, понимание смерти. Повторяю, никакого исчезновения, конца у них нет: смерть — это переселение в

иное бытие, которое в преданиях олицетворяет мифическая птица Миндзоа. Это «пернатое», как считают, перевозит усопших людей в запредельную землю Анкоатра, где царят счастье и блаженство, труд и любовь, довольство и веселье, где нет земной суеты, крохоборских забот и сдлок.

Мир ушедших неустанно влияет на быт живых. «Все делается вкупе с умершими, ничто не достигается без их вмешательства» — таков один из постулатов национальной культуры. Ничего зловещего в нем нет, так как смерть не вызывает у малагасийцев даже тени отталкивающего чувства. С только что умершим человеком или давними останками здесь обращаются ласково и такого страха перед ними, как у нас, не испытывают.

Поверие гласит: «Если предок (или предки) плохо охраняет живых, то его необходимо разбудить, чтобы поиграть с ним». Пожалуй, это даже не культ предков, не сотворение из них кумиров, а поддержание неразрывных добрых отношений между живущими и «теми, кто уже выше всякой смерти».

Кончина, приключившаяся в семье, — не только неутешное горе (это само собой разумеется), но и, как это ни звучит парадоксально, немного повод для радости, ибо умерший попадает в когорту святых предков.

— Не подумай только, что мы все торопимся на тот свет, — с улыбкой предостерег меня священник Реми Ралибера. — У нас есть пословица: «Слаще жизни нет ничего на свете». Наша народная мудрость гласит: «Лучше умереть завтра, чем сегодня», «Коли мне выпал черед умирать, пусть лучше родич умрет; коли родичу выпал черед умирать, пусть лучше умрет зебу».

Цимихети никогда не желали себе смерти. Тому, кто рассуждал, что смерть освобождает, а потому желательна, они непременно отвечали: «Ну и умирай первым, если тебе так хочется, а я пусть буду самым последним. Только сумасшедший желает себе смерти».

На Мадагаскаре регулярно устраиваются церемонии массовых заклинаний умерших или поддержания в це-

лости могил и останков. Предков, вне зависимости от их возраста, даже существовавших 300—400 лет назад, до сих пор знают и почитают все. Цель фидзуране (заклинания предков), происходящего на берегу священного озера или в запретной пещере, — доверительный диалог с ушедшими в мир иной. Взывая к предкам как к свидетелям, живые признаются в ошибках, раскаиваются в греховных делах и проступках, клянутся, просят помощи: дождя в засуху и детей в случае бесплодия.

В холодный сухой сезон, в мае—сентябре, когда спадает накал полевых работ, замолкают дожди, а дороги становятся проезжими, представители народности мерина время от времени устраивают фамадихану — не имеющий аналогов в мире обряд перезахоронения или перепеленания умерших в новые погребальные ткани. В старину этот ритуал состоял главным образом в переносе тела покойного из временной могилы в семейную усыпальницу.

Регулярно заворачивать останки в новые полотна — значит отдавать дань уважения предкам, заботиться о сохранении их праха. Потеря его предвещает семье беду. Кроме того, это радостный день непосредственного общения родственников, как бы собравшихся после долгой-предолгой разлуки. Суть фамадиханы — поддержание равновесия, единства и благополучия семьи, рода, передача новым поколениям сокровенных знаний, на которых держится народ. Отними у малагасийцев связь с предками, верность их заветам — и тогда они офранцузятся или американизируются, или, как нынче модно говорить, «глобализируются», «мондиализируются», потеряют индивидуальность, культуру, перестанут быть самими собой.

Иногда обряд перезахоронения касается сразу нескольких разана, но не более пяти по обычаю, хотя последнее правило не всегда выполняется. Побудительная причина фамадиханы — наступление определенного срока для ритуала, просто приснившийся кому-нибудь сон или же случайное событие, истолкованное как знамение. День ее проведения назначает либо астролог — мпанандру, либо знахарь, консультирующий семью.

У народа антайсака на юго-востоке через три года после первого погребения останки выносят на белый свет, чистят и устанавливают в кибури — огромном склепе клана; бецимисарака на востоке делают то же самое, прежде чем положить умерших в пироги на океанском берегу.

— На днях во сне мне явился дед. Он жаловался, что забнет в гробнице, что его одежды обветшали. Пора перепеленать его, — услышал я однажды от своего друга Анри из драматической труппы «Антананариву-театр». — Приглашаю тебя на этот праздник.

Торжество — а это светлый праздник — может длиться до трех дней в зависимости от достатка семьи. В душе мадагаскарцы остаются крестьянами, даже если с рождения живут в городе. У каждого из них есть своя деревня, близ которой высятся родные гробницы. Там и проводят фамадихану.

Вечером накануне заветного дня делегация членов семьи, к которой с их разрешения примкнул и я, двинулась к семейной усыпальнице предупредить предка. Колонна шла не напрямую к цели, а петляя, хитро запутывая следы.

— Последствия всякого контакта с неясным миром мертвых непредсказуемы, — объяснил Анри эту уловку. — Предки не должны знать, каким путем мы шли к ним.

Могилу я заметил среди драцен и камфарных деревьев. Она была увенчана миниатюрным «холодным домиком», внутри которого складывают пожертвования. Учитывая, что в склепе захоронен не один, а несколько родичей, старейшина, возглавлявший группу, обратился ко всем усопшим как к живым и уведомил их о предстоящем обряде, а также сообщил имя того, кого церемония касается непосредственно. Это дань уважения ко всем ушедшим в мир иной.

Церемония фамадиханы для новичка непроста. Правда, таковым «для смелости» раздают ром из тростникового сахара вперемешку с бычьей кровью. Но тут трудно сказать, что лучше: присутствовать на ритуале всухую или

же подбадривать себя таким коктейлем. Мне пришлось испытать второе. Из любопытства.

Наутро с первыми лучами солнца гробница была вскрыта. Предков разбудили стуком палок. Крепкие юноши отодвинули увесистую плиту, замуровывавшую вход в усыпальницу — четырехугольное сооружение из дикого камня. Мрачный подземный интерьер представлял собой довольно просторный зал, на трех стенах которого были ряды полок. На каждой, в соответствии с табелем генеалогического древа, покоились останки.

Погребальная камера, как и вся гробница, была сложена из гранитных блоков шириной один метр и длиной два метра. Их отсекают в близлежащей каменоломне с помощью огня, как в старину, и доставляют к месту строительства, что служит поводом для всеобщего ликования.

Останки были извлечены и положены на широкое домотканое полотно — цихи. Радостная процессия и оркестр из трех-пяти музыкантов бодро зашагали в деревню. Под веселую музыку и бой барабанов родичи несли прах, то и дело встряхивая цихи, чтобы согнать с предка сонливость и помешать ему грустить. Я брел чуть поодаль, сбоку. Перед каждым прохожим кортеж останавливался, плясал, демонстрируя останки предка. Не жалея эпитетов и метафор, люди славословили сами себя за заботу и добрую память об усопшем:

— Ах, какие же мы отзывчивые, чуткие родственники этого мудрого, всеми уважаемого разана. Как ему повезло на столь любящих близких! Никто, кроме нас, не способен устроить столь щедрое торжество!

Такое проявление самолюбования не вяжется с присущей малагасийцам скромностью. В нормальной обстановке им несвойственно восхвалять кого-либо живого, но в данном случае их дифирамбы самим себе были простибельны: ведь люди зывали к благорасположению предка.

Прах водрузили на помост, сколоченный в северо-восточном углу двора старейшины семьи. В дом его вносить запрещено. Вокруг толпились родственники, друзья, со-

седи и те, кто случайно забрел на торжество. По обычаю, каждый был обязан внести свою лепту. Взносы скрупулезно подсчитывались.

В жертву предкам забили несколько зебу. На столах дымились, источая аппетитный аромат, котлы, горшки и подносы с угощениями. Тут же приносили в жертву зебу и разделявали тушу. Мастерски резали свиней так, что они не успевали взвизгнуть. На углях жаровен пеклось мясо, варился рис. Пиршество и неудержимое веселье словно состязались друг с другом. Не щадили сил нанятые по случаю праздника мпиалалау — народные певцы и танцоры. Актеры из традиционного театра — хира гаси — забавляли веселыми бытовыми скетчами собравшихся и вместе с ними предка, с которым обращались как с живым.

Члены семьи поочередно ласково нянчили бранные останки — череп и кости, любовно ворковали с ними, поверяя свои печали и искренне радуясь возможности вновь побыть с родным человеком. Родич на несколько часов вернулся к живым, и ему изливали все накопившееся на сердце в его вынужденное отсутствие.

— Плакать во время обряда запрещено. Это грех. Можно прогневить предков, — сказал Анри. — Женщинам, не сумевшим сдержать слез, доступ к останкам закрыт. В такую минуту плач и слезы мешают предку оказывать нам свое покровительство.

Ближе к вечеру, когда истек срок, приличествующий торжественной медитации, несколько человек принялись осторожно сметать кисточками тлен с потемневших костей, прах sprыснули водой, «помыли» и стали завертывать в ламбамены — новые полотна из местного алого шелка.

Ламбамена — замечательное достижение малагасийской материальной культуры. Домотканое полотнище из натурального шелка пропитывается естественными минеральными красителями, изготовленными на основе отвара из плодов дерева нату. Благодаря этому ткань не ист-

левать в земле, а потому используется в качестве савана. Конечно, есть и ламбамены для носки.

Разные группы семьи, которая включает и родственников в ...надцатом колене, то есть весь род, преподнесли свои ламбамены. Новые ткани навернули на старые. Обматывали, начиная с ног. Затем обернутые останки скрепили шнурами, причем число рядов крепления должно быть нечетным — пять-семь, не более.

Тут же рядом разгорелся сыр-бор из-за права нести прах. Спор был наигранным, явно рассчитанным на то, чтобы польстить предку. Затем останки под улюлюканье были подброшены высоко вверх, и, светясь счастьем от проявленного к ним доверия, новые избранники судьбы понесли их по деревне через рисовые чеки, опять по-заячьи запутывая следы, к склепу. Там сделали семь кругов, чтобы смерть не выбралась из своей обители и не нашла обратную дорогу в деревню.

Анри с блеском произнес прощальную речь, моля о благословении. Дружно навалившись, родственники задвинули массивную входную плиту гробницы, замазали ее глиной. Замуровывали ее движениями вниз, к миру мертвых, а не вверх — к живым.

Ритуал завершился. Хотя он был интересным, на сердце с непривычки навалилась тоска. «Наконец-то можно идти домой», — удовлетворенно подумал я и вздрогнул от неожиданных воплей. Молодые женщины затеяли потасовку за обладание простыней цихи, на которой несли предка. Ее рвали в клочья: ведь, говорят, если поспать на ней или проглотить хотя бы обрывки старой бахромы, отделившейся от ветхой ламбамены во время обряда, будет много детей, а на Мадагаскаре, вспомните, мечта любой семьи иметь 14 отпрысков. Часто от фамадиханы выигрывают соседи и встречные, так как, согласно обычаю, если на дороге встретишь такую процессию и ухитришься оторвать от савана лоскуток, то обретишь счастье.

Не все столь скрупулезно отправляют старинный обряд фамадиханы. В него привнесены новые элементы, а

часть устаревших опускается. В кортеже уже нередко участвуют автомобили, и в традиционное музыкальное оформление вплетаются металлические звуки радиол и транзисторных приемников. Но ритуал жив, как прежде.

По окончании торжества родственники покойного облегченно вздыхают. Однако пройдет время, и праздник снова повторится, чтобы предок не чувствовал себя одиноким и забытым.

Предков не забывают и дома, где им отведен священный северо-восточный угол. К трапезе не приступают, не бросив на пол в ту сторону несколько рисовых зернышек. Если пьют спиртное, несколько капель предварительно стряхивают на землю в том же направлении.

— Предок может в любую минуту вернуться, — сказал мне дядя Анри, рисовод Рамелина. — Помните, королева Ранавалуна I родила через год после смерти мужа Радамы I. Факт! Радама провел с ней ночь после своей смерти.

Я слушал, не споря. Стариков и обычаи надо уважать.

Фамадихана обходится дорого, порой съедает скудные сбережения всей семьи. Склепы часто обставлены богаче, чем жилища. Велики и расходы на жрецов, которым издревле положено в награду за услуги преподносить голову черной свиньи и отрез нарядной ткани.

С точки зрения медиков, переворачивание останков вроде бы негигиенично и опасно для здоровья, но чего не сделаешь ради душевного спокойствия, ради уважения к всемогущим предкам! Фамадихана никак не совместима с христианским учением, тем не менее в празднике почти всегда участвуют священники. Нередко они сами организуют обряд для собственной семьи.

Островитяне все более ощущают на себе тяжесть ритуала. Страх перед порицанием ушедших в мир иной заставляет людей тратить последние деньги, еду, скот. Эти обряды были и остаются бичом для крестьянина.

— Конечно, в этой жизни человек может жить очень бедно — в однокомнатном деревянном домишке, одеваться очень скромно, но после смерти его дом — из кам-

ня, а одежды — из шелка, — сказал куратор Музея искусств и археологии Рамалисунина.

— Такие проявления культа предков — двойное бремя для нас: гнет мертвых и иностранцев, — сокрушенно вздохнул как-то после праздника крестьянин из деревни Сисауни Раманандзату. — Гнет предков — потому что все делается в их честь. Зависимость от иностранцев — поскольку, кроме зебу и риса, все остальное для фамадиханы (ткани, ром и т. д.) мы покупаем у китайских и индийских розничных торговцев. Убытки не возмещаются. Мы забиваем 10—20 буйволов, рис готовится для всей фукунулуны, обновление могил стоит дорого...

Фамадиханы 70-х годов были намного пышнее, чем нынешние: теперь же, с годами, их справляют не на столь широкую ногу. Меньше забивают зебу. Сократилось число приглашенных. Обряд процветает, но кошельки отошали...

Фотограф Тусэн Рахарисон припоминает, как еще в конце 80-х один чиновник, решивший обратиться к предкам с просьбой помочь ему вылечиться от тяжелой болезни, устроил «переворачивание мертвых», пригласив две тысячи гостей на пятидневное торжество. Более ста предков были обернуты в новые свежие ткани и смогли встретиться на этом свете со своими потомками. Было съедено 120 коров и быков.

— Такое теперь можно повторить лишь в сказке, — вздыхает Рахарисон.

Но люди продолжают тратить свои сбережения, ибо что может быть в нашей жизни священнее, чем богоподобные предки. И как прежде, солидные цементные и каменные могилы семейств выглядят импозантнее, чем жалкие жилища живых. На более скромные обряды люди тратят от 490 тысяч малагасийских франков (80 долларов) до 2440 тысяч, тогда как средний ежегодный доход на душу населения не превышает 240 долларов.

Да, люди жалуются на трудности — от безысходности, от бедности, но их любовь к отеческим богам и гробам не

вызывает сомнений. Она не замирала в них ни на миг: ведь без этих сокровенных чувств земля бы для них, людей очень нуждающихся, стала бы «как алтарь без божества».

— Этот праздник объединяет у нас людей всех верований. Он помогает сохранять им чувство собственного достоинства. Умершие — это их удостоверение личности. Наш народ будет вечно хранить незыблемую приверженность этому обряду, — говорит Маами Ракутубе, директор Центра культурного наследия Мадагаскара.

И не потому ли вечность суждена земле мадагаскарской и ее народу?

Песня-речитатив

Антанимена, алацинаини, луатауна, тувуави, мананаси, масуандру, вулана, вуаханги, кинтана, ланитра, рауна, винтана... Напевны малагасийские слова. Часто поражает длина, из-за которой они кажутся витиеватыми, труднопроизносимыми. Однако ухо скоро привыкает к особенностям местной речи. Не мешает даже то, что малагасийцы глотают последние гласные, комкают концы слов. Можно честно зазубрить малагасийскую грамматику, идиоматические выражения, но в разговорной практике неминуемы сюрпризы. Каскад метафор, сравнений и поговорок сбивает с толку. Этот язык не освоишь, не вникнув в быт, психологию, историю народа.

Язык, на котором говорит население острова, певуч и красив. Даже для невежественного жителя глуши нет вопроса: 18 диалектов или единый язык? Быть или не быть малагасийскому языку?

— У нас есть единый родной язык, — отвечали многие из опрошенных мной на выбор людей.

Малагасийцы околдованы своим языком, преданы ему беззаветно. Душу родного языка образно передал в своих стихах поэт Флавиан Ранайву:

«О нежный малагасийский язык, столь неопытный и столь искусный, столь трудный для иностранца и столь

ласковый для любящих его! О нежный говор Высокого плато, жесткие наречия побережья! Вы как чистая речка, которая струится по мху или мягко журчит, пробиваясь сквозь заросли, чтобы где-то дальше оступиться и низвергнуться в пропасть по гранитным уступам, рассыпавшись в массу блестящих брызг. Вы как капли из единого источника, и в тысячах брызг и отражений ясно встает один только образ: душа вашей родины».

Принадлежа к индонезийской ветви малайско-полинезийской семьи языков, малагасийский язык за долгую историю своей эволюции как бы сплавил воедино малайские и полинезийские наречия, слова из арабского и даже амхарского языков, из языков банту, в том числе суахили, из европейских языков, креольские слова. Лингвисты выделяют в нем элементы санскрита и доказывают, что перед прибытием на Мадагаскар малайские мигранты прошли через Индию в те времена, когда там еще говорили на санскрите. Итак, малайские землепроходцы, если верна гипотеза переселения морем, обосновались на острове более двух тысячелетий назад.

Складывание основ малагасийского языка — запутанный клубок загадок и полуразгадок.

— Скорее всего, он пошел от старомалайского, на котором говорили в Палембанге, на Суматре, — высказал предположение обычно весьма точный П. Буато.

За долгую историю на малагасийском языке образовалось столько наслоений, что он сходствует с чудотворной иконой, на которой нанесено несколько слоев краски, и все они одинаково дороги и значительны. Он принадлежит к тем языкам, благодаря которым можно заглянуть в туманное прошлое как Мадагаскара, так и Индонезии, Полинезии, Индии.

— Мы говорим о веках и тысячелетиях, а между тем слова стареют на глазах в течение десятилетий, — возразил как-то поэт Ранайву.

— Жизнь меняется столь стремительно, а язык обогащается столь быстро, что стареют и канут в Лету многие слова. При исследовании языка так же важно не упустить

время, как и при спасении от гибели реликтовых растений. Флора и язык Мадагаскара — очевидцы далеких времен, — согласился П. Буато.

Малагасиец не останется непонятым на Яве и Суматре. На Филиппинах его поймут тагалы и висайя. Как изящным орнаментом, украшена его речь старомеланезийскими словами из языка мота, жителей островов Банкс на севере Новых Гебридов, из языков населения Никобарских и Андаманских островов, Индии, Аравии и Африки.

Лексический анализ этого еще малоизученного языка позволяет говорить о зарождении на острове земледелия, ремесел и даже обычаев. Народ-робинзон перенял от своих индонезийских родичей подсечно-огневую и поливную систему рисоводства, гончарное дело, способы выплавки металлов, строительства хижин и ведения охоты. Слова, означающие кокосовую пальму, ямс, имбирь, хлопок, имеют индонезийские корни; рис, сахарный тростник, калемас — индийские; бананы (акундру, фунци), таро (саундзу, таху) имеют двойное — африканское и индонезийское — название, а слово, означающее просо, пришло из Африки. Названия крупных животных почти сплошь африканские, а слова, обозначающие собаку и кошку, — двойные: африканские и индонезийские. Причем малагасийское наименование кошки — пису — взято из древнейшего меланезийского языка, между тем в самой Индонезии оно теперь редкость. На основе изучения лексики можно утверждать так же, что, например, культ зебу был заимствован в Индии. Подобно почитанию священного дерева, он был связан с верованиями древнеиндийцев, основывавшимися на почитании богини-матери.

Малагасиец и говорит и поет речитативом. Часто я ловил себя на том, что слушаю не смысл речи, а ее музыку. В словах преобладают гласные, согласные же обрамляют их гармоничные сочетания. Ударения чаще всего падают на третий с конца слог. Здешние тенора не берут эффектных высоких нот в конце песни. Прибаутки или музыкальная фраза, сопровождаемые обычно хлопками, завершаются

шепотом, подчас еле слышны, но никогда не обрываются. В пении, правда, иногда создается впечатление внезапного конца. Быть может, в этом есть что-то от самой человеческой жизни, которая, как бы долго ни длилась, всегда резко обрывается.

Музыка на Мадагаскаре — комбинация печальных, мягких, несколько монотонных мелодий в диапазоне одной — максимум двух октав. Эта ностальгическая музыка выражает чувства людей, крепко привязанных к отчизне. Она рвется из глубины души, неизменно вызывая у слушателей взволнованность и нередко слезы. Народ, кажется, вечно грустит о быстротечном времени, о печальной прошлой и зыбкой настоящей жизни.

Мелодические темы повторяются, варьируют, наплывая друг на друга. Органическая музыкальность островитян идет от напевности речи, их близости, даже слияния с природой. Толпа на празднестве или похоронах, не сговариваясь, стихийно делится на несколько голосов и поет на многие голоса как слаженный хор, повинаясь единому дирижеру — своему слуху, вкусу и чувству.

Каждый малагасиец по натуре не только певец, но и писатель. Его книги рождаются не на бумаге, а в обыденной речи. Образный язык не терпит черствой лаконичности. Так, солнце переводится как «глаз дня», холм — как «дитя горы», Млечный Путь — как «небесная лиана», слюда — как «зеркало ворон»...

Если вы пригласили малагасийца в гости, то он, прощаясь, не унизится до банального «большое спасибо» — мисаутра, тумпуку, а поблагодарит хозяев примерно так:

— Мы не струя воды, капли которой сталкиваются друг с другом, не ветер, с сердитым завыванием дующий в гору, не рыбы, ссорящиеся в реке, не кузнечики, бранящиеся из-за места, куда бы сесть. Цель нашей встречи — доброе согласие. Мы постучали в вашу дверь, вы распахнули ее настежь перед нами, вымолвив: «Войдите». Вы не пожалели для нас чистых циновок, вы предложили нам почетные места к северу от стола. Никто не топал ногами, не царапался ногтями. Ни один волосок не упал с нашей

головы. Вы отнеслись к нам с откровенным радушием и чистосердечием. За доставленное удовольствие мы выражаем признательность...

С непривычки такое пространное, кажущееся льстивым изъятие благодарности бросает вас в краску. Потом к нему привыкаешь, и — признаюсь — чем оно красочнее и изысканнее, тем милее кажутся гости. Разгадка опять же кроется в традициях, назидающих быть предупредительным к окружающим. Малагасийцы очень серьезно слушают свои пословицы (охабулана), употребляемые в речах и стихах. В их вещих словах, передаваемых из поколения в поколение, сконцентрированы мудрость высокочтимых предков, знание окружающего мира и человека. Стоит ли выдумывать еще что-то, если уже есть пословицы?

Пословицы содержат в себе ответы на любые жизненные ситуации. Они уснащают речь, регулируют отношения между людьми, между общинами. Их тысячи, много тысяч: «Жизнь — это тень, туман»; «Жизнь как единственная мотыга: сломается — не найдешь замены»; «В чужой стране становишься гордецом, потому что любишь родину»; «Сотня трусов не стоит десяти храбрецов»; «Лучше сойтись с колдуном, чем с лжецом»; «Променять колдуна на дикого быка».

Сколько ошибок, неприятностей и казусов можно избежать, если следовать советам пословиц! Животное не ходит без головы, дерево не растет без корней, вода не течет без канавы, человек не проживет без дела, без ремесла. «Козел всегда останется козлом, даже если он выставит рога вперед, как бык; будет бляеть, как баран; отращивать бороду, как человек; вилять хвостом, как собака, или ерошить шерсть, как кабан». «Курица кажется жирной из-за своих перьев». «Если источник заканчивается водопадом, виновата скала». «Всякий народ достоин того вождя, который правит им». В каждом из этих наблюдений скрыта целая философия.

— Малагасийский язык — целина для лингвистов, — говорил мне П. Буато. — В течение веков он варился в

собственном соку, как в герметичном сосуде, сохраняя материально осязаемую, прямую связь с истоками, которую трудно проследить у многих других народов. Малагасийцы мыслят и рассуждают реальными образами и конкретными понятиями. Их фатализм коренится в их реализме, в сознании мощи природы, таинства жизни. На Мадагаскаре все имеет свое название — даже рощица из нескольких деревьев, ручеек, бугор или овраг. По топонимике чуткий ученый способен воскресить картины и события старины, уже стершиеся из памяти живущих.

Сам Буато закончил работу над уникальным «Словарем малагасийских названий растений».

Благодаря изолированному островному положению страны и, пожалуй, патриотизму ее народа сохранились оригинальная грамматика и благозвучие языка. А ведь ему приходилось отстаивать свое право на жизнь. 8 февраля 1944 года комиссар по делам колоний Франции Р. Плевен небрежно классифицировал африканские языки как «разрозненные диалекты» и предложил сделать французский язык обязательным для всех территорий франкоязычной Африки, что якобы «обеспечит африканцам доступ к современной цивилизации».

В 1934 году Морис Мартэн дю Гар выпустил книгу «Путешествие на Мадагаскар» — плод десятидневной поездки в Антананариву.

«Что такое малагасийский язык? — писал он. — По-видимому, легко запоминающийся музыкальный диалект. Глупо и невозможно переводить на него труды по естественным наукам, медицине, философии, технические учебники. Для этого в нем не подыскать эквивалентных слов. Что же остается: мешать французские слова с диалектом мерина? Экое варварство! Почему бы не ввести французский немедленно, для всех и навсегда?»

В первой четверти XIX века на Мадагаскаре была разработана грамматика малагасийского языка и письменность на основе латиницы. К 1896 году — моменту колониального захвата острова — были опубликованы труды

отечественных специалистов по истории, этнографии, ботанике, медицине и другим отраслям науки. Некоторые из них снискали всемирную известность.

Турнир деревенских рыцарей поэзии

Красноречие слов на острове постигают сызмальства. По вечерам, когда, как здесь говорят, «последний луч глаза дня» ласкает верхушки больших деревьев, крестьяне откладывают мотыги и отдыхают. Старики, покуривая трубки, обсуждают дела фукунулуны, события в мире. Молодежь же развлекается поэтической игрой в присказки и припевки — айн-тени. К ней постепенно присоединяются и взрослые.

Однажды я провел в одной деревне день. Дело было к вечеру. Солнце уже на полдиска ушло за горизонт. Горстка красных продолговатых домиков выглядела рыжей шелвурой похожего на человеческую голову бугра, нависшего над дорогой в Аривунимаму. У подножия, по шоссе, урча, сновали автомашины.

Местные ребята играли в загадки, втянув в эту забаву моего сына. Заводилой был чумазый сорванец, Икутуфеци.

— Шелковое дерево посреди долины? — воскликнул он.

— Река! — в один голос встрепенулись сразу двое самых «веселых и находчивых».

— Правильно. Ну а кто часто меняет одежду, не раздеваясь?

— Хамелеон! — после общего молчания откликнулся закадычный друг Икутуфеци — Имахака.

— С какого дерева не опадают листья?

— С елки, — пропищал мой Шурик.

— С пальмы, — выкрикнул Имахака.

— Вы оба правы, — снисходительно подхватил «судья».

Многие загадки, по-моему, возникали тут же в ходе импровизации. Ребята старались рифмовать ответы с вопросами. Некоторые передразнивали Икутуфеци.

— Поднять это вам не под силу, но двигается оно охотно.

Ребята, насупившись, молчали. Трудная загадка.

— Тень, — вдруг неуверенно произнесла девочка в красном платье.

— Молодец, Нуру, угадала.

Наконец Икутуфеци задал настоящую головоломку:

— Когда ее режут, на ней нет никакой раны.

На сей раз все как будто в рот набрали воды, и ответил сам заводила:

— Вода!

Рдело колыхающееся зарево заката. В его малиновом свете кучевые облака выглядели как алые розы. На заходе солнца по традиции началось состязание взрослых остро-словов. Турнир деревенских рыцарей поэзии проводится только вечерами. (Обычай строг — днем люди трудятся.) Ночь, перламутровый свет луны, жесткие тени хижин, срывающиеся в темень языки костра как нельзя лучше способствуют игре воображения.

Соревнование длилось много часов, так что у детей начали слипаться глаза. И за все время его участники ни разу не повторили ни пословицы, ни рифмы, ни мелодии. Им подыгрывал на валихе музыкант. Валиха — главный народный инструмент. Это гитара, сделанная из отрезка полого бамбукового ствола полуметровой длины, вдоль которого туго натянуты струны из волокон пальмы рафия. Теперь все чаще встречаются валихи с металлическими струнами.

Игра в айн-тени все более походила на музыкальный вечер. Смушенно отмахиваясь и посмеиваясь, в круг вступил первый смельчак. Обращаясь к своей девушке, он говорком запел:

Ты — та, в которую безумно я влюблен,
Я не хочу, чтобы досталась ты другому..

Под всеобщий одобрительный смех из толпы послышался легкомысленно тонкий голосок:

Судьба подобна хамелеону,
Заползшему на верхушку дерева, —
Достаточно какому-нибудь сорванцу свистнуть,
Чтобы он переменил цвет..

Из плотного круга зрителей отделилась обладательница нежного голоса — трогательное миниатюрное создание в небесно-голубом наряде. Двусмысленность ее реплики наводила на раздумья, но претендент на ее внимание не был обескуражен:

Я — рис, ты — вода.
В поле они неразлучны,
В деревне тоже не расстаются.
И каждый раз при встрече
Они вновь влюбляются друг в друга.

Парень, чувствуется, был хватом и не лез за словом в карман. Он изо всех сил старался понравиться девушке:

У лука голубые корни,
У сахарного тростника синие листья,
Но моя любимая одета красивее.
Даже тень ее ламбы благоухает,
Но еще ароматнее ламба, в которую она наряжена.

Счастливая улыбка озарила личико девушки, но красавица все еще притворялась, что не доверяет столь обильным излияниям любви:

Для тебя я — яйцо жаворонка на обочине дороги.
Для другого я — птенец,
Который так ловко спрятался,
Что не отыскать его...

— На этот раз она обнадеживает поклонника, — шепнул мне на ухо сосед.

Метафора соперничает с метафорой, эпитет — с эпитетом, пословица — с пословицей, пока парень не приводит столь сногшибательного аргумента, что его подруга замолкает. Рука об руку, заглядывая друг другу в глаза, они уступают круг новой паре.

Кстати, девушки на Мадагаскаре скромны и не терпят прямолинейности. Заневестившаяся малагасийка уклончива, даже если любовь взаимна и пылка. Настойчивые предложения возлюбленного не вынудят ее снизить до убожески-кратких утвердительных ответов, а тем более

она никогда не обронит обидного любому юноше слова «нет». Это черта национальной психологии. В подобной ситуации есть риск проходить в женихах вечность. И поистине счастлив тот, кто найдет отгадку расплывчатых, насыщенных аллегориями ответов возлюбленной, по многим приметам прочтает свою судьбу в потупленном взоре, поймет, что ему согласны доверить руку и сердце.

Любовь не единственный предмет состязаний в красноречии. Одна тема сменяет другую. Малагасийцам не по нраву пустое словоизлияние. Они обмениваются практическими советами, привлекая на подмогу обширные познания фольклора.

Каким бы длинным ни было стихотворение, оно неизменно заканчивается народным изречением в одну-две строки. Иногда связь поучительных слов с фабулой стихотворения кажется слабой и на первый взгляд вовсе отсутствует.

Пусть никогда не разлучат нас
Ни горы, ни скалы, ни высокие плато!
Но что это? Что за узкая тропка разделяет нас?
Мне показалось, что я вижу угря,
А это головастик.

...В круг вливались новые пары. Соперники то наступали друг на друга, то, отдав инициативу, переходили к обороне. Словесная битва длится обычно до тех пор, пока кто-то из дуэлянтов не исчерпывает запас поэтических доводов. Тон речитатива мало-помалу нарастал, реплики удлинялись и все более рифмовались, а их окончания произносились звонко, с пафосом. Больше вкрапливалось поговорок. Слушатели реагировали бурно.

За любовным иносказательным сюжетом спора часто крылись обыденные вещи. Хотя образы и аргументация были почерпнуты из любовного словаря, речь шла о сугубо практических делах. Однажды я был очевидцем спора между слесарем-водопроводчиком и моим соседом по дому. Прения незаметно, сами собой перешли в айн-тени.

Мастер счел, что ему мало заплатили, и затеял спор, выбрав себе роль девушки, которая обижена негалантным обращением кавалера и намерена уйти от него.

Припоминается случай, когда один муж, разведшийся с женой, пытался из ревности или из каких-то иных побуждений помешать ей вновь выйти замуж. С этой целью он сделал ей преподношение со зловещим предзнаменованием — таха раци: красного петуха, палку, клочок седых волос и мелкую монету, обломанную там, где обозначено ее достоинство. Жена моментально истолковала смысл «подарка»: красный петух — ее долгая и нерасторжимая связь с бывшим супругом: чтобы дом семьи прочно стоял, перед строительством принято окропить фундамент кровью красного петуха. Палка — намек на неминуемую старость, спутанные седые волосы — на печальную участь, уготованную жене, если она полюбит другого. Обломок монеты предсказывает, что ее дому никогда не видать достатка и исполнения желаний.

Малагасийцы стараются выяснять отношения без грубостей и колкостей. В их языке почти нет бранных выражений. Наверное, это говорит о чистоте морали, хороших традициях в воспитании. Упиваясь айн-тени, без которых не обходится ни одно значительное событие — рождение, свадьба, празднество или похороны, соприкасаешься с жанром поэзии, который наделен особым эстетическим содержанием и лишен вульгарной эротики. Последнюю же ей иногда незаслуженно приписывают. Этот вид поэзии рассудочен, поскольку апеллирует к разуму аудитории с помощью поучений, рожденных народным творчеством, а порой и сметкой импровизатора, тонко познавшего родную природу.

...Мне показалось, что я вижу угря,
А это головастик...

Суть этой эффектной концовки одна: люди часто ссорятся по пустякам, не отдавая себе в том отчета. На диспуте или в случайной мелкой ссоре подобный айн-тени

умиротворяет противную сторону. Хоть отбавляй айн-тени, выражающих пожелание, согласие, отказ, колебание, сожаление, гордость или насмешку.

Тот вечер был увенчан поединком народных поэтов с валихами в руках. Пошипывая струны, старый бард Раку-тузафи брал аккорды и пел задорное шестистишие, в котором обязательно рифмовались первая строка с третьей и четвертой, вторая — с пятой и шестой. В ответ звучали мелодичные переборы и голос ученика-конкурента. И никаких заминок, считающихся серьезным нарушением правил. Допускается лишь маленькое послабление: ответ начинается с музыки. И пока певец элегически перебирает струны, готовится ответ.

Судьба, гадания, гороскопы

— Винтана (судьба) сильнее нас. Человека словно шепку несет течением, бросает во все стороны и вспять. Он борется с ним, силясь вырваться из стремнины, но тщетно: силы неминуемо покинут его, и он подчинится воле течения, — из века в век наставляют сельские мудрецы молодежь на Мадагаскаре.

И разве они не правы? «Все люди не созданы равными, поскольку доля у них разная», — указывает малагасийская народная мудрость. Для жителей острова, верящих в неотвратимость, фатальность судьбы, различия между людьми исстари определялись гороскопом, составленным при рождении каждого. «Довольствуйтесь тем, что имеете», — назидали меня друзья в Антананариву, растолковывая значение еще одной умной пословицы, в которой, по сути, вмещается все малагасийское представление о судьбе. В конце концов жизнь часто подтверждает, что, заняв такую позицию, люди чаще попадают в точку и реже — впросак. По понятиям островитян, уподобление крокодилу, который «хватает все, что ему попадается, и не отдает ничего из того, что захватит», разрушает личность, духовность, ибо честолюбец, ухватив-

шийся сразу за две кабаньи головы, духовно гибнет раньше, чем умирает его гнилая слабая плоть.

Мой старый приятель — режиссер, актер, а в прошлом исполнитель народных песен Анри Рабариндзака, с которым мы впервые на Мадагаскаре ставили гоголевского «Ревизора», как-то, разговорившись о взглядах соотечественников на судьбу, почти неосознанно забросал меня пословицами (кстати, говорить, не употребляя пословиц, не по-малагасийски):

— «Судьба уносит людей», «Умерших забирает Бог в мир иной», «Судьба не имеет ничего общего с желаниями людей», — твердили мне дед и отец. Предки оставили нам некоторые непреложные заветы, которые следует принять без лишних слов, чтобы легче было жить. Мы верили и верим в неотразимую, неодолимую и неизбежную судьбу. «Судьба как небо над головой: каждый носит то, что находится над ним». Каждому из нас выпадает своя доля в жизни, труде, общине и дома, и самое разумное — удовольствоваться ею, а не идти ей наперекор.

Если вдуматься, то человек и впрямь живет будто в потемках, и подчас многие его дела, успехи, неудачи, радости и печали выглядят как неожиданные, случайные, похожие на подачки или удары его очень неровной, неисповедимой планиды. Услышав эти мои рассуждения, Анри пожал плечами:

— Мы выражаем это впечатление иначе. «Когда при распределении мяса погасла лампа, люди надеются на судьбу». Наверное, и днем и ночью мы покорно полагаемся на ее властную, не подлежащую обжалованию волю, хотя и пробуем умиловить, расположить к себе Бога.

«Судьба закрепляет положение каждого человека», «Фортуна благоволит не всем», поэтому мудрее всего принять положенное достойно и безропотно, — продолжал просвещать меня Анри. — Что бы мы ни делали, все равно ничего не изменим. «Многие хотели бы иметь крепкое здоровье, но болезнь не позволяет». Эта пословица намекает на то, что судьба внимает нам, но распоряжается по-своему, согласно иной, недоступной нам логи-

ке, и что «левая рука никогда не станет правой». И еще мы говорим: «Прокаженный стал похожим на ананас не из-за порчи, наведенной родителями». Он стал таким без какого-либо их участия. Это случилось естественно, как рост ананаса, в угловатом облике которого мы усматриваем сходство с изуродованным лицом прокаженного.

— Что же делать, если жить становится невмогуту? Если злое подавляет доброе и ничего нельзя изменить к лучшему? — полюбопытствовал я.

— Не заноситься! Подражать цыпленку! — Он едва улыбнулся уголком губ. — «Цыпленок, глотнув водичку, поднимает голову к небу», «Курица, которая пьет воду, много ли, мало ли она выпила, всегда поднимает голову к небу», — учат нас предки. Разве не разумна курица, успевающая взглянуть на землю и поднять взор к небу? Иначе говоря, будь признателен Небу за ниспосланную судьбу, какой бы она ни была. Нужно понять: «Сотворил Бог крокодила: хорошего мало, да дело сделано». И не только это — необходимо осознать, что жить тоже хорошо, если радоваться тому, что имеешь.

Из обихода местных жителей уже выпали многие из старинных пословиц. Порой собеседники даже затрудняются объяснить смысл их, но код поведения островитян, зашифрованный в их языке, пусть и неведомый им самим остается все тем же, что и в канувшем в небытие прошлом.

За сельскими мудрецами и за Анри эти заповеди предков повторяют и остальные малагасийцы, фаталисты до мозга костей. Однако, как бы ни складывалось их земное существование, они не отчаиваются, поскольку верят в возможность счастья, хотя и понимают, что несчастными, к сожалению, мир полнится. Иногда, глядя на нашу трудную, полную нелепостей жизнь, кажется, что люди сравнимы с фигурами на шахматной доске: пешки погибают первыми, короли — последними, даже у самых бездарных игроков. Но королев ведь всегда мало, да и большая часть их притом, как уверяют классики и подтверждает практика, голые.

Вместе с тем втайне малагасийцы не теряют надежды поплыть против течения судьбы, перехитрить ее, нащупать у нее ахиллесову пяту, прозорливостью и смирением избежать лишних ошибок в жизни, миновать расставленные судьбой капканы. И впрямь: «Надо ли отказываться сажать горошек, если черви и другие вредители пожирают его?», «Надо ли выбрасывать ложку из-за одного неурожая риса?». И все же в глубине души боязливо прячется вопрос: «Можно ли человеку обмануть Бога, будь даже этот человек семи пядей во лбу?..»

Весьма поучителен подход малагасийцев к проблеме жизни и смерти.

— «Смерть не горе, если жизнь не радость»; «Лучше умереть и быть погребенным, чем жить, страдая»; «Смерть во цвете лет — принесенная жертва», — залп за залпом «выстреливал» пословицы на эту тему Анри. — «Жизнь словно глиняный горшок: не знаешь, когда разобьется»; «Смерть не ждет, пока соткут саван»; «Умереть не преступление, жить не заслуга»; «Как живешь, так и помрешь, ибо смерть возьмет свое». Однако, Владимир, мы также считаем: «Жить хорошо, лучше умереть завтра, чем сегодня». «Тот, кто долго живет, может совершить великие дела», — говаривал наш царь-реформатор Андрианампуйнимерина. — Главное же: «Лучше умереть подобно пчеле, оставляющей мед в улье, чем жить, как муха, бегая в грязи и нечистотах».

Извергнув фонтан пословиц, Анри улыбнулся и, как мне показалось, с грустью промолвил:

— Впрочем, люди умирают в день, назначенный судьбой при их рождении.

Практичным малагасийцам претит туманная, оторванная от земных жизненных понятий таинственность. В несуразности действий и слов они видят нечто бесовское, колдовское. «Лысый, который берется за ножницы, наводит на мрачные мысли», — говорят они о людях и вещах, окутанных странной, непонятной тайной. В любой тайне должен быть вещий жизненный смысл, урок, считают они и пытаются докопаться до существа дела, чтобы избежать ненужных неприятных сюрпризов.

Пускаясь в путь, малагасиец желает «войти в воду и не быть съеденным крокодилом, вернуться в деревню и не быть поверженным молнией». Он вечно нуждается в прогнозах, и нет ничего удивительного в том, что предсказания чаще спрашивают предприимчивые люди, которым не терпится предусмотреть последствия своих дел.

«Мудрый предвидит будущее», «Предвидение плохого дает надежду на хорошее», «Не делайте шага, не заглянув в будущее», — гласят пословицы. Вывод из них один: при всем своем фатализме малагасийцы пытаются повлиять на волю рока, противопоставить его ударам волю и разум в самом добром понимании. Кто возьмется перечислить все способы гадания, предсказаний и примет на Мадагаскаре? Сколько здесь затейливых ритуалов ворожбы! Примет еще больше. Черепаха, встреченная в начале пути, обещает удачную дорогу. Паук, прогуливающийся по телу, сулит любовь, счастье. Встреча с поющим ткачиком, называемым за ярко-малиновое оперение кардиналом, — к страстной любви.

В начале дождливого лета старики гадают по грозам. Если первая гроза разбушует в воскресенье — народ будет сыт. Если гром грянет в понедельник — жди болезней и смертей. Если же молния полыхнет в среду — быть ветреной погоде и лишениям, буря в четверг — к изобилию рыбы в реках, в пятницу — колдунам в предстоящем году придется туго, в субботу — разведется воровство. Чихание — всегда добрый знак.

Масса примет связана с животными. Жаворонок, парящий над путником, или цапля, пересекающая дорогу, пустельга на дороге обещают добрый путь, хорошую погоду, изобилие и мир. Ястреб папанго — утяжеление ноши, коршун — путникам встречу с разбойниками, а торговцу — крах, несостоятельность. Сложнее с воронами. Столкнувшись лицом к лицу с вороной, крестьянин либо возвращается восвояси, либо делает на месте поворот на 360 градусов во избежание неприятностей и только после этого продолжает путь-дорогу.

Часто странные на вид поступки людей иной земли становятся понятными и по-своему разумными, если узнаешь о подноготной обычаев и поверий. Однажды на северо-западе острова я посадил в машину голосовавшего на тропе крестьянина из народности цимихети. Неожиданно он попросил остановиться.

— Что случилось? — спросил я.

Вместо ответа он ткнул пальцем вперед. Метрах в 200—300 на разогретом вечернем асфальте грелась ворона, а над ней кружилась ее подруга.

— Ну и что? Будем делать оборот вокруг собственной оси?

— Не то. Подождите чуть-чуть.

Когда вторая птица зашагала по дороге рядом с первой, он подал знак «трогаться». Птицы вспорхнули почти из-под колес.

— Будем счастливы. Две вороны в пути обещают богатство и безмятежную жизнь, — удовлетворенно возгласил мой попутчик.

Надо отметить, что приметы и предсказания, связанные с пением, положением, поведением и полетом птиц, просто неисчерпаемы. То же самое можно сказать и о животных в целом.

Злоумышленника, затесавшегося в честную компанию, иногда разоблачают гаданием по слюне — сикиди рура. Сплевывают на ладонь, а потом сильно ударяют по слюне указательным пальцем. Тот, на кого попадают брызги, изгоняется. Впрочем, проще этого гадания не придумаешь, а люди предпочитают верить более сложным способам проникновения в сокровенные тайны бытия.

Нет малагасийца, который не знал бы, что такое сикиди, и в то же время я не встречал там ни одного историка или этнографа, который бы определенно ответил мне о времени происхождения этого широко распространенного на острове стародавнего вида гадания. Сикиди (искусство прорицания) неразрывно связано с концепцией

судьбы и практикой гороскопа. Мписикиди (прорицатель) поможет отыскать источник и причину болезни или напасти, обрушившейся на человека, предсказать его будущее. Он лечит людей и пытается свести на нет чары злых мпамосави — колдунов. К нему обычно питают доверие, но его возможности никто не преувеличивает, ибо он такой же человек, как все, с присущими каждому слабостями, и поэтому люди делают скидки на издержки «производства» кудесника. Отсюда и пошла пословица «Мписикиди ничего не знает только о себе», то есть если он болен, то себя исцелить не может и поэтому приглашает на подмогу другого прорицателя.

Я наблюдал, как в деревне под Анцирабе рядом с савговником маститый гадатель Рацимбазафи пытался облегчить жизнь своих клиентов, слегка приподняв им завесу над грядущим. В маленьком селении собралась довольно солидная толпа — и стал и млад. По-хозяйски, неторопливо расстелил на земле перед собой циновку старый рацимба. Он уселся лицом на восток, скрестив ноги и положив на циновку обладающий волшебными свойствами вату-манга (голубой камень), похожий на кварц. К гадалею робко приблизился клиент и вручил ему гонорар — петуха с красными перьями, деньги, которые в общей сумме должны заканчиваться на семерку, и обрушенный рис.

— Вы правильно поступаете, обращаясь ко мне. Вовремя замеченная беда — не беда, вовремя обнаруженная болезнь — не болезнь. — Ободрив его такими словами, мписикиди взял в руки мешок темного цвета и высыпал из него зерна с левой от себя стороны.

Ворожат обычно с помощью камней, зерен или бисера. В данном случае для обряда использовались самые общепринятые средства — зерна, похожие на горох (малагасийцы называют их вуафану — семена растения *Piptademia chrysostachys*. Или коротко: фауну).

И вот мписикиди приступил к гаданию. Для начала он запел песню, чтобы разбудить сикиди:

О сикиди... О сикиди... О сикиди...
Пробудитесь...
Пробудитесь зерна фану.
Вот больной, который страдает.
Вы одни способны сказать нам правду...
О сикиди! Вы же связаны с Занахари.
Поведайте нам правду о его болезни! Что это?
Порча или проклятие колдуна?
Гнев обиженных предков?
Или следствие нарушенного табу?
А может, это злая судьба? О сикиди!..

Закончив молитвенное песнопение, Рацимба разложил зерна фану на четыре кучки. Окончательно приготовившись, старик глухим голосом справился у клиента о цели его визита и приступил к священнодействию. Из каждой кучки он наугад брал щепоть за щепотью, не зная, сколько в ней, и раскладывал их попарно, рядом друг с другом, до тех пор, пока в руке у него не остались одна или две горошины. Из остатков каждого расклада гадалщик принялся строить вертикальную колонку. Он методично клал на посыпанную песком циновку одно или два зерна до образования соответствующей фигуры.

Эта операция то и дело повторялась, чтобы получить вторую, третью, четвертую колонки, располагавшиеся справа налево. У каждой колонки было свое название: советчик, цель визита, его брат, дом... Горизонтально эти колонки тоже имеют свои названия: ребенок, мать, жена, враг... Всего же надо было образовать 16 колонок. Послание, зашифрованное в каждой из 16 колонок, зависит и от числа зерен, которое они содержат, и от фигуры, которую предлагают эти зерна. Словно под лупой просматривал вешун каждую фигуру. Если положительный ответ дает фигура Занахари (Бог), то причина болезни — Божий гнев, а если колонка фахавалу (враг), то болезнь — результат вражьих козней. Публика, поднаторевшая на сикиди, тут же шумно подсказывала прорицателю ответы на вопросы, поставленные клиентом.

Приговор судьбы принимается безропотно, как должное, ибо звучит как воля рока. Как говорят малагасийцы, «когда сикиди обещает счастье, люди не пляшут, когда сикиди предсказывает беду, никто не плачет»...

Сикиди требует огромного терпения и внимания, порой оно поглощает многие часы. Не потому ли на Мадагаскаре муж, задержавшийся где-то без внятного повода, говорит супруге, что он «нанес визит мписикиди». Но этот предлог столь избит, что, бывает, загулявший допоздна глава семьи еще переступает через порог, а жена, уже зная заранее приготовленное им оправдание, иронически улыбается: «Ты, верно, был у мписикиди?»

Еще гадают на дощечке (примерно полметра на 30 сантиметров), посыпанной слоем тонкого песка. Описывают указательным пальцем зигзаги и считают эти отметины попарно. Если палец оставил один зигзаг, делают одну отметку на песке, если два зигзага — две отметки. На болезнь вносят только на священном песке, который знахарь носит в белом платочке или в роге. Дощечки со временем покрываются царапинами и даже вмятинами от пальцев, но от этого становятся еще «авторитетнее» в глазах клиентов и многочисленной публики.

Дощечка обладает могучими свойствами. Рацимбазафи рассказал мне занимательную историю о том, как однажды деревня, где хранилась такая дощечка, подверглась вражеской осаде. Дела выглядели хуже некуда — и тогда местный прорицатель прибег к последнему средству. Он привязал дощечку себе на спину и в одиночку отважно двинулся на нападавших. При виде знахаря с дощечкой те вдруг стали падать на землю и «будто засыпали глубоким сном». Пробудившись, они были столь напуганы, что быстро убрались восвояси.

Однако из всех видов гадания с незапамятных времен в самой большой цене на Мадагаскаре прорицания астрологов.

— Многие века мы изучаем психологию и физиологию неба, — объяснял мне ведущий мпанандру — астролог Мадагаскара Жозеф Ракутунирайни. — Зима на острове

наступает, когда у вас начинается лето. Еженошные летние грозы — спутницы тропических циклонов — вытесняются холодами. Воздух становится прозрачным. На чистом ночном небе высыпает мириады крупных глазастых звезд.

Вечерами, едва за горизонтом скроется багровое солнце, жарким огоньком загорается на западе Венера. По утрам на востоке она еще долго пульсирует среди освобождающегося от потемок неба, на котором гаснет словно под утолщающимся слоем золы звездный костер. Венеру уважительно величают и супругой Луны, поскольку вечером она зажигается в компании с Луной, и Пастушеской звездой, и звездой Вечерней...

Одной стороной Южный Крест, который, по словам поэта Рабеаривелу, «на побережье вечера выходит из загона», уперся в «Угольный мешок» — пепельный, как бездна, провал в Млечном Пути. Как и арабы в прошлом, малагасийцы называют Южный Крест «Белым быком». Четыре его звезды служили мореплавателям в Южном полушарии верным ориентиром и часами.

Взор скользит от созвездия к созвездию, и полное загадочности, упоительное небо по ходу рассказа мпанандру околдовывает вас. Вот Компас, вот звездное скопление Плеяды, а это Скорпион с его сверкающим Антаресом — столпом малагасийской астрологии. От него, а точнее от трех звезд Аликилили, мигающих чуть поодаль, в 10 градусах, отталкиваются здешние астрологи при расчете и выявлении года с 13 лунными месяцами (речь идет о вставке месяца для уравнивания летоисчислительного периода) и уточнении лунного календаря текущего года малагасийского типа. Стрелец, Водолей, Козерог, Весы, Лира... Застигнутые в пути ночью люди не отводят глаз от светящихся иероглифов неба, стараясь постичь Великую Книгу, найти свое место в ней, предугадать свой жизненный путь. Млечный Путь для них — большая дорога, разделяющая небосвод пополам, Небесная лиана, Дети, подравшиеся из-за риса... В сочетании с «Угольным мешком» он помогает предсказать погоду в предстоящем сезоне.

Чего ждать от наступающего лета? Будет ли оно благоприятным для посевов? Расположение «Угольного мешка» к Южному Кресту, а также звезд, сопровождающих Венеру, якобы отвечает на эти вопросы.

Мерина советуют не терять времени, рассматривая россыпь звезд, а остановить взгляд на Орионе. Островитяне ориентировались по путеводному созвездию в дороге, клялись его именем в верности. Наблюдая за тремя звездами, образующими «пояс Ориона», народности антайсака и сакалава устанавливают сроки сева риса.

Долговременный прогноз погоды дают по Млечному Пути или фосфоресцирующим Магеллановым облакам: по большому облаку — асара и малому — асутри. Эти облака похожи на клочья, оторвавшиеся от Млечного Пути. Асара связывают с дождливым сезоном, асутри — с холодным. Асара приметно в период дождей, поэтому народные синоптики видят в нем предвестника дождливого года. Когда Магеллановы облака поблескивают своей тончайшей кисеей — быть сухой прохладной погоде. Именно эти туманные пятна далеких галактик в большей степени, чем Южный Крест, служили в старину морякам ориентирами в Индийском океане — большое облако расположено точно на юг.

Однажды вместе с пастухами бара в деревне Беракета на юге я молча наблюдал, как с лебединым величием плыла по звездному океану луна — вулана.

— Всмотрись, вахини (добрый гость), — сказал мне один из пастухов, — на серебряном глазу ночи нарисован наш древний герой Радзуака.

Позднее мерина и бецилеу говорили мне:

— Бара ошибаются. На луне играет на валихе наш разана — предок. Прислушайся! Слышишь его наигрыш? Чего там спорить — из людей он первый попал туда.

В знании неба и светил местные астрологи не уступают самым маститым астрономам. Доктор Ракутунирайни, историк, этнограф, лингвист, член Малагасийской академии, указал ученым столичной обсерватории на ошибку в вычислении календарного времени. Звездочеты острова

путем математических выкладок определяют благоприятные для дел часы, дни и годы — удача зависит даже от времени суток. Веками они скрывали сата-эль-мабар — секрет своего ремесла (отсчет от звезд Аликилили). В октябре 1961 года 15 хранителей тайны, в их числе Жозеф Ракутунирайни, обнародовали магическую формулу, которая включает пять составных, в том числе год и месяц рождения, положение небесных тел в тот день и час. По ней астрологи составляют гороскопы, следуя за Аликилили и Антаресом, о котором написаны как поэмы, так и научные трактаты.

— По звездам мы вычисляем и читаем судьбу человека и целого народа, — рассказывал мне доктор Ракутунирайни. — Мадагаскар находится под влиянием созвездия Стрельца, которое символизирует огонь. Дружественным нам странам сопутствует Водолей, что означает воздух. Россия относится к ним. По нашим понятиям, огонь и воздух дают гармонию.

— Судьба не может быть изменена людьми, потому что ее начертал Бог. Она свершится, несмотря ни на что, — традиционно изрекает астролог, берясь за дело. — Погодите, сегодня ночью я прослежу путь луны.

Предварительно он справится у вас о часе и дне вашего рождения. И скоро будет готов гороскоп на ближайшее будущее, а если захотите — на всю жизнь. Сам я не верю в гороскопы, но на Мадагаскаре за ними стоит давнее прошлое и собственные, национальные традиции.

Подавать воду на поля, сеять, возделывать рис, собирать урожай, выгонять скот на пастбища крестьяне часто начинают лишь по совету астрологов. Астрономический календарь, подлаживаясь к ритму сезонов, диктует строгий распорядок работ. Звездочетам ведомы время зарождения новой луны и конец ее малой фазы, судьба благоприятная и несчастливая. Они укажут дни, подходящие для свадеб, крестин, похорон, предупредят о том, когда не следует начинать никаких дел.

Высшее существо — Андриаманитра — предопределило судьбу каждого. Изменить ее невозможно. Но астроло-

ги берутся приподнять завесу тайны над вашим грядущим, устранить нежелательные влияния, которые могут, если они не вмешаются, даже унести чью-то жизнь.

— Хорошей судьбы не добьешься одним желанием, а мы подскажем, как постичь винтану, — уверяют они клиентов.

Более того, признавая безапелляционность приговора судьбы, они между тем подскажут клиенту, как изменить ее хотя бы в частностях, как облегчить участь. Вера в фатум — неотвратимую судьбу — одно из древних проявлений человеческой натуры. «Когда человек с трепетным благоговением начинает ощущать, что в мире есть Непознаваемое, — утверждает старинное изречение, — в его разуме пробуждаются высшие силы, хотя чувство это часто оборачивается суеверием, духовным рабством и чрезмерной самоуверенностью». В фатализме малагасийцев — это бросается в глаза — перемешались причины и следствия, но ясно и то, что основа его — оторопь перед не познаваемой до конца жизнью, ее неожиданными, всегда застигающими врасплох поворотами и превратностями.

У звездочетов все взвешено и расставлено по своим местам: было время подумать, ведь прошли многие века.

— Ничего не поделаешь, но в нашей жизни бывают удачные и неудачные месяцы, — разводит руками Жозеф Ракутунирайни.

12 лунных месяцев года: алахамеди, адауру, адизауза, асурутани, алахасати, асумбула, адимизана, алакарабу, алакаузи, адидзади, адалу и алахуци — здешние астрологи испокон веков делили на четыре группы. Каждой из них соответствовала определенная сторона дома. Свои жилища здесь ориентируют по линии север—юг, реже северо-восток. Север и восток считаются у них благоприятными странами света, откуда грядет счастье. Для ясности стоит заранее оговориться, что малагасийские месяцы лишь приблизительно соответствуют известным нам солнечным знакам зодиака.

Название первого месяца мадагаскарского года — алахамеди — происходит от арабского наименования созвезд-

дия Альдебаран (зодикальное созвездие Овна). Этот период считается благоприятным для выходцев из касты благородных — андриана. Родившемуся под счастливой звездой алахамеди сулили власть, почести, успех. На благоуханный месяц падал малагасийский Новый год, который сопровождается пышным праздником омовения — фандруаной. В прошлом в новолуние после фандруаны с целью избавиться от злых чар жители перевязывали шелковыми нитками куски кишок, оставшиеся от пожертвованных на празднике зебу, и бросали их в сторону луны. При этом они кричали: «Сейчас попаду в нее. Пусть я доживу до следующего алахамеди, ибо я в тебя, месяц, бросил навозом!»

Знаменитый царь-объединитель Мадагаскара Андрианампуйнимерина родился в алахамеди. Слово «алахамеди», символ сильной, большой судьбы, входило в названия всего, что чтили малагасийцы (небо, глава семьи, красивые животные). Почетных людей сажали в доме на «место алахамеди». Этот месяц окрашен у южной народности бара в самый сильный красно-коричневый цвет, перед которым, как они полагают, в конечном счете никто и ничто не устоит.

В месяц адауру (созвездие Тельца), по поверьям, на дома, построенные в этот период, обрушивались удары молний и пожары. Это были «красные дни», «дни огня». Даже солнце называли адауру, «сжигающее все живое». Если последний кирпич в фундамент жилища клали в адауру, то в очаге разжигали огонь и кричали: «Дом горит!» В будущем это спасало от пожара. А перед тем как вселиться, приносили в жертву красного петуха, символизирующего огонь.

Детям, родившимся в этот месяц, рекомендовали остерегаться огня, старались снять с них «заклятие адауру». Для этого мать с малюткой приходила в специально вырытую землянку. После того как в ней разводился костер, она хватала дитя на руки и выбегала прочь. На шею ребенку вешали амулет из красного жемчуга, хранившего от напастей, связанных с огнем.

Детям, родившимся на второй день адауру, предрекали счастье. Мальчикам сулили ораторский дар, а девочкам — добрый нрав.

Месяц адизауза, связанный с созвездием Близнецов, суров для судеб людей. Рожденные в этот месяц сталкивались с трудностями во всех начинаниях, им грозила бедность и нищета, если с них не снимали с помощью специальных обрядов заклятие. Девочкам, появившимся на свет во второй день, было суждено в будущем родить много детей, но над ними постоянно нависала опасность нищеты. Однако сам месяц считался подходящим для приумножения богатства. В это время советовали жениться и строить дома.

Самым неудачным периодом года на Мадагаскаре признавали месяц асурутани (созвездие Рака). В старину детей, родившихся в этот месяц, просто уничтожали. Даже в случае снятия заклятия их разлучали с родителями, отдавали на воспитание чужим людям. Если такой ребенок чудом оставался жить, ему тотчас дарили рисовое поле. Иначе, став наследником родителей, он мог накликасть на них смерть. Следует заметить, что и сегодня понятие отрицательных месяцев остается в силе, однако детей, разумеется, не убивают, а стремятся «поправить» им судьбу, умолить Андриаманитру сжалиться над ними.

— *Bonis auspiciis* (в добрый час), — потирал руки знакомый профессор Университета Антананариву, узнав в конце асурутани, что жена подарила ему сына. Родиться в этот период — доброе предзнаменование. Если новорожденный не погибал в младенчестве, то доживал до глубокой старости и умирал богатым.

«Этот ребенок явился на белый свет под дурной судьбой алахасати: он колдун», — с горечью говорят малагасийцы о кажущихся им зловредными или неадекватными отроках, которых угораздило родиться в месяц алахасати (созвездие Льва). Тех, у кого сложилась репутация колдунов, всегда боялись и презирали на острове. Рожденные в этом месяце могли стать чародеями, иметь сильнодействующие амулеты, особенно если роды проходили в пол-

ночь. Таких детей старались избавить от чар с помощью травы удифуана. «Расколдованный» потом носил на шее старинный пиастр и черную жемчужину, а также обязан был вырастить черного петуха.

Мальчики, рожденные в месяц асумбула (созвездие Девы), должны были избегать красной одежды; им запрещалось укрываться красными одеялами, чтобы они рано не умерли. Для «снятия чар» месяца использовали травянистое растение цимбулавулу, рис, высыпавшийся при помоле из ступки, а также землю из-под фундамента рухнувшего дома. Советовали также не снимая носить на шее золотые монеты и выращивать белого петуха, белого зебу или иное домашнее животное той же масти.

Отождествление месяца асумбула с южной стороной малагасийского жилища, где ставились ступки, песты и лопаты для веяния риса, обусловило поверье, будто этот месяц приносит в дом благополучие.

Адмизана (созвездие Весов) нес роковую судьбу. Родившиеся в этот месяц старались делать добро только самим себе. Они не погибали насильственной смертью, но, по образному сравнению малагасийцев, жили словно дверь — с утра до вечера все толкали их, понуждали двигаться, действовать, тогда как сами они незыблемо оставались на одном месте. Дети бережно относились к любым весам, ухаживали за пятнистыми зебу и черно-белыми курами во имя благополучия.

В месяц алакарабу (созвездие Скорпиона) стараются посадить растения, особенно с висющими плодами (например, бананы и рис). В первый день алакарабу духам приносили в жертву плоды банана.

Королева Ранавалуна II, родившаяся в начале этого месяца, издала 20 марта 1881 года кодекс законов, по которому ввела рекрутский набор. В обиход вошло выражение: «Когда наступает алакарабу, чей сын станет солдатом?» Раньше добровольцев так и звали: «алакарабу», хотя вербовка в армию велась отнюдь не добровольно.

«Берегитесь алакауси. Он опасен, он больно бьет», — отзываются старики о в целом неблагоприятном месяце алакауси (созвездие Стрельца).

— Ребенок алакауси опасен: его судьба — смести со своего пути отца и мать, — сокрушаются люди, узнав о «зловещем» прибавлении в какой-то семье.

По поверьям, младенец, увидевший свет в первые два дня месяца, мог стать причиной гибели родителя, а дитя раба — хозяина. Детей, родившихся в алакауси, не оставляли в живых. Как правило, их топили в грудном возрасте, бросая вниз головой в воду. Иногда пытались подправить судьбу. Для устранения заклятия малютку клали в пирог, выдолбленную в стволе банана. Если она не тонула, то младенец признавался очищенным.

В жертву прорицателю, освобождавшему от заклятия, приносили жемчуг, барана, по внешнему виду похожего на козу, и черного зебу с пятнами на шкуре. Часто у ребенка, избавленного от порчи, отрубали один-два пальца руки. Кроме того, ему нарекали «доброе» имя: «Непобежденный», «Нетолкающий», «Неранящий», «Безобидный»...

В начале алакауси малагасийцы ублажали духов, с благодарностью принимавших в эту пору жертвы и дары, чем усиливали действие амулетов и зелий. Женщины на сносях воздерживались от пищи из опасения разродиться в алакауси.

Детям, родившимся в начале месяца адидзади (созвездие Козерога) гороскоп предрекал, что они будут мрачными и молчаливыми. Рождение в последующие дни несло удачу, счастье. В адидзади — это правило действует и поныне — полезно начинать любое дело, рассчитанное на длительный срок, вкладывать капитал, делать покупки, вступать в брак. Узы супружества, скрепленные в месяц под знаком Козерога, должны быть прочными и длиться до могилы. «Брак, заключенный в адидзади, держится до смерти, словно оперение птицы», — уверяют мпанандру. В эту пору дождей водоносов призывали к осторожности, чтобы они не разбивали кувшины, скользя в грязи.

Адалу (созвездие Водолея) слывет месяцем ветров, губящих плантации, разрушающих дома. Детям, родив-

шимся в этом месяце, запрещалось подбирать опавшую листву, гонимую ветром, перья птиц, шелуху с початков кукурузы. Дни месяца адалу называли «временем слез», полным горя и печали. «В адалу родятся под знаком плача и потому горюют всегда», — говорит пословица. За новые дела не брались, люди не женились, не возводили дома. Во всем сулили провал. Чары адалу умные люди рассеивают соком дерева амиана.

Месяц алахуци (созвездие Рыб) малагасийцы отождествляли с северной стороной жилища, расположенной ближе к северо-восточному углу. В этом месте хранятся ложки, которыми домочадцы пользуются с утра до вечера. Месяц считается легким, выигрышным для всякого рода дел, сооружения домов и женитьбы. Лишь в первый и второй дни алахуци возбранялось заниматься чем-либо серьезным.

В течение всего месяца маленьких детей оберегали от режущих предметов: в этот период раны не заживают. Не стригли волосы и ногти у детей. При случайном порезе рану смазывали «слюной» кузнечика. По преданию, это было единственное средство, способное устранить заклятие алахуци и излечить рану.

В алахуци не устраивались публичные похороны (покойников хоронили лишь близкие родственники), так как алахуци предшествовал алахамеди — «благоухающий» месяц фандруаны, малагасийского Нового года.

— Конечно, часть прошлого ушла в прошлое, в неизвестность, а может, уже и в небытие, но обычаи живы, по крайней мере, осели где-то в глубинах подсознания и чтятся нами. Иначе быть не может! Судьба человека начертана на звездах, — убеждал меня лауреат Международной литературной премии, доктор истории Пьер Рандрианарисуа, мерина по этнической принадлежности. — Ваша судьба заключена в месяце рождения. В каждом из 12 месяцев судьба-отец или судьба-мать сопровождаются судьбами-сыновьями и судьбами-дочерьми. Это означает, что в пределах месяца есть 28 судеб, то есть по одной на каждый день.

У бара на юге лунный месяц насчитывает 12 судеб — по одной на два-три дня.

«Мужские» судьбы астрологи помечают знаком плюс, «женские» — минус. Когда встречаются две судьбы одного «пола», их союз плодотворен. Если сходятся «разнополые», то на пороге вырисовывается силуэт неудачи.

Носителями «мужских» судеб выступают алахамади, алахасати, алакауси, символизирующие огонь, а также адизауза, адимизана и адалу, олицетворяющие ветер. С «женскими» судьбами связаны адауру, асурутани, асумбула, воплощающие землю, а также алакарабу, алахуци, адиджади, представляющие водную стихию. Удачны союзы воды с землей, огня с ветром. Другие не обещают ничего хорошего.

Если мужчина алахамади встречает женщину адизаузу, их брак имеет все шансы на удачу. Однако женщине адауру следует остерегаться супружества с мужчиной алахамади при всей пылкой любви друг к другу. В таких случаях на помощь призывают умбиаси (чародея), который обращается к двум противостоящим судьбам и упраскивает их договориться между собой.

— Любому делу свой день, — объяснял Ж. Ракутунирайни. — День может быть хорошим — цара — и принести счастье, может быть и несчастливым — раци, полным напастей.

По астрологическому календарю мерина у каждого дня недели свое предназначение и содержание. Есть удачливые и роковые дни и часы. Их значимость возрастает под влиянием определенного лунного месяца и тем более лунного года. По такому календарю жили многие поколения, да и сейчас живет немало островитян. У тех же бара личность не играет роли в жизни, поскольку в семье и общине все равны, поэтому «сильная судьба» новорожденного в определенный «сильный» день недели тревожила его близких, вела либо к искупительным жертвам, либо к убийству ребенка.

При каждом рождении ребенка старейшина семьи консультируется со знахарем. Тот по разрисованной до-

щечке фафа определяет масти быков, подлежащих жертвоприношению в зависимости от выпавших судеб. Алахамади — «мать судеб» на Мадагаскаре, поэтому новорожденному мальчику суждено стать вождем, старейшиной, поднявшись выше всех старших и даже отца. Изменить или преобразовать алахамади крайне трудно, но маг просит отца подготовить для жертвоприношения коричневого быка и пурпурную ткань, затем отправляется с тремя калебасами (сосудами из тыквы) и кувшином воды к слиянию трех рек или к двум оврагам и источнику. Он скоблит там кусочки деревьев фанула, хунвау и ува, бросая стружку в калебас с водой, и поет:

Ты священен, но пусть изменится день
 этого ребенка,
Чтобы не умерли его мать, его отцы¹.

Я изменю день его судьбы,
Он не убьет своих отцов и мать.
Для этого я использую дерево ува,
И судьба его будет иной.

После этого жертвуют быка. Два человека вырывают ему внутренности, разворачивая в виде круга, а чародей проносит ребенка сквозь него. Потом водой из кувшина моют младенца, а из калебаса — родителей.

У каждого человека в зависимости от момента рождения свои благополучные и опасные дни. У алахамеди — вторник, пятница, воскресенье, у асумбула — понедельник, среда и пятница. Всякое дело малагасиец предпочитает начинать в воскресенье — алахамеди. Это старейший из дней недели, который обладает большей мощью, чем другие. Дела, выпавшие на воскресенье, ожидают успех. Белый цвет — символ алахамеди, однако он вовсе не означает непорочность. Наоборот, побелить дверь соседа — значит очернить его. Человек, говорящий «белые слова», — ненадежный человек. Европейцы не называют белым человеком, так как это означало бы «противный человек». В

¹ Мужчины деревни. (Примеч. автора.)

малагасийском языке много выражений, которые белым предметам предписывают более низкие качества. Например, серебряные монеты — «белые», а золотые — «красные деньги».

Но не все народности так толкуют белый цвет. Некоторые воспринимают его как символ жизни, чистоты, обновления. Недаром под фундамент дома в некоторых районах кладут белые камушки, чтобы его обитатели долго жили на белом свете, а под гробницу — местные камни, чтобы предки оставались в ней.

Воскресное утро благоволит начинаниям, вечер, напротив, чреват опасностями. В алахадии нельзя прикасаться к белым предметам, пить молоко, притрагиваться к нише белого цвета, есть мясо животных белого цвета. На восходе приносят в жертву белую птицу во имя нового предприятия или в честь новорожденного. Но жертву не обязательно убивать. Малагасийцы — добрые и экономные люди. Достаточно потереть крылом птицы младенца — и обряд исполнен. В воскресенье не хоронят, чтобы не подвергать опасности жизнь молодых людей, — день-то ведь сильный!

Во все времена и повсюду понедельник — алацианаини — считался тяжелым днем. Это день траура и скорби, он окрашен в черный цвет. В понедельник не затевают нового дела. Он сулит конфликты из-за наследования земли и собственности, семейные ссоры. В старину, чтобы ослабить его отрицательное воздействие, предписывали есть только зелень, став на день вегетарианцем. Этот периодический пост выглядит как мудрый совет потомкам не чревоугодничать.

Можно заметить, что такие важные политические мероприятия, как программные речи, формирование правительств, митинги и тому подобное, случайно или нет, падают на воскресенье или вторник — талата. Вторник — легкий день, день безмятежного счастья. Он осенен спектром ярких красок. Его судьба безоблачна. Во вторник легко работать. В целом это день любви, но не обязательств. На него также падают запреты и воздержания:

упаси боже, взяться за постройку дома или заключить с кем-то союз. В этот день может рухнуть дружба, подстеречь измена.

Среда — аларубиа — присущ коричневый цвет. Это недружелюбный, даже злой день, день женщин. В аларубиа не пускаются в дорогу из боязни не вернуться обратно, не принимаются за новое дело, например обработку рисового поля, чтобы не накликать неурожай. «Среда не воздаст сторицей», — предупреждает пословица. На нее назначаются похороны, поскольку погребенные в этот день не выберутся из могил и не отыграются на живых. Именно в аларубиа проводят переворачивание умерших (перепеленание останков предков).

Четверг (алакамиси) — черный день, день рабов и мелких досад, в котором сочетаются и уживаются приятное и неприятное, доброе и злое. В алакамиси справляют свадьбы, сулящие счастье новому семейному очагу, строят дома, ибо в них будет достаток и много детей. В этом слове корень «миси» означает «существование», «жизнь» и потому указывает на обоснованность оптимизма. Однако в четверг благоразумнее не принимать подарки и не загадывать судьбу.

— Черное ассоциируется у нас с собственностью, со смертью. Это цвет рабов, — пояснил мне глава протестантской церкви Ришар Андриамандзату.

В алакамиси никогда не хоронят, так как живые боятся новых смертей. Это суеверие основано на том, что слово «четверг» по-малагасийски может означать часть чего-то, поэтому, чтобы не стать частью иного мира, похороны переносятся.

Пятница — день королей и знати, на что намекает олицетворяющий верховную власть красный цвет. В музее Антананариву были развешаны кумачовые знамена монархов. Зума, как называют пятницу, — сильный день, день горя и кровопролития. Он вмещает в себя карающую десницу власти, обрушивающуюся на народ, на тех, кто стоит ниже.

Суббота — асабуци — озарена голубым цветом. Это день, когда все растет и родится, день детей и молодых

людей, день шрамов и ран, которые легко получить на поле брани. Это день синих ламб — одежд, символизирующих свободу. Облачившись в голубое, человек показывает, что он не порабошен.

Манга — голубой цвет — выражает высокое качество, Амбухиманга — синяя гора, гора, где приятно жить. На ее вершине ошетинились чугунными пушками крепость, откуда вождь Андриандзака начал объединение островных мини-королевств. Но суббота не время для больших дел и честолюбивых коммерческих проектов.

Каждому часу приписывают прорицатели знамение судьбы. Сутки расписаны на 28 судеб. Ребенок, рожденный на заре, будет счастлив. Но если он увидит свет во время выгона скота на пастбище, ему грозит бедность. Его имущество будет разбросано, подобно тому как скот разбредается по полям. Поздним утром родиться неплохо, так как солнце поднимается выше и выше, предвосхищая удачливую жизнь.

— Все это, конечно, весьма относительно, — предупреждает Р. Андриамандзату. — Каким бы дальновидным ни был человек, он не может постоянно жить в жестких рамках дозволенного и недозволенного. Жизнь тем и захватывает, что в каждом ее мгновении таится неожиданность, непредвиденное. Но на всякий случай он стелет соломку, чтобы мягче было упасть, если могучая винтана взалкает покарать его своей десницей.

Что им стоит дом построить

«Дом в одиночку не построишь» — гласит малагасийская народная мудрость. Когда малагасиец принимает решение отделиться от родителей и обзавестись новым жилищем, он оповещает родных, зовет их к себе на подмогу. Однако, прежде чем взять в руки лопату или мастерок, надо подготовиться к делу, а именно приготовления обычно труднее всего. Точно так же поступили дети моего друга Мишеля Ракутувау Люсьен и Фихили, решившие жить самостоятельно.

— На Мадагаскаре не строят дом с бухты-барахты. К ответственному делу, от которого зависит судьба людей, тем более твоих близких, надлежит подходить серьезно. Если жена или сын прямо в лоб говорят главе семьи: «Дорогой супруг (отец), давай сварганим завтра дом», — они могут смертельно обидеть его, навлечь беду на весь род, на всю деревню, — пояснил Люсьен. — Все мы помним мудрый завет предков: «За то, что потеряно дома, отвечает дом, за то, что потеряно в деревне, — деревня». Дом и деревню строим мы, люди. Вот и решайте, кто в конечном счете виноват в своих бедах.

Планировка мадагаскарских городов и селений с их причудливым расположением кварталов и домов лишь чужеземцу может показаться хаотичной, беспорядочной. На самом деле она строго продумана, прочувствована и соответствует веками складывавшимся обычаям и предписаниям. На Великом острове действует свод неписанных, но очень подробных, свято чтимых и строго соблюдаемых правил, продиктованных законами целесообразности и велениями обычая. Нарушать эти правила и, конечно, фад (запреты) опасно для собственного душевного спокойствия и здоровья, ибо в жилище непременно поселятся привидения. Дом должен быть добротным, теплым, уютным, а люди, живущие в нем, — счастливыми, долго-долго оставаться в его стенах и иметь там много детей. Заповедь «трану михадза» гласит: от дома требуется быть процветающим и уважаемым. Вот почему его строительство начинается с ритуалов, гарантирующих его благополучную судьбу.

Для начала выбирают удобное, благоприятствующее время. Лучше всего, если это будет первый день третьего, четвертого или пятого месяца, но ни в коем случае не воскресенье и не четверг — иначе его хозяева обречены на бедность.

Тот, кто займется домостроительством весной или летом, может накликать плохой урожай, говорят в Амбатумпампи или в Антанифутси. Во всяком случае, на него все

будут показывать пальцем и скажут, что в лучшем случае он недотепа.

Но можно ли все предусмотреть? Один мой знакомый выбрал день закладки фундамента и явился доложить об этом отцу. Пожилой мудрец терпеливо выслушал его и сокрушенно покачал головой:

— Сын мой, почему ты так не любишь меня?

— Отец! Родной! Любимый! Откуда ты это взял? — воскликнул в изумлении молодой человек.

— Но это же будет мой день рождения!

Фундамент не закладывают в день, имеющий ту же судьбу, что и день рождения будущего владельца дома, а тем более его отца, так как человек, в данном случае отец, не сможет выдержать силу судьбы дома. Табу общей совместной судьбы нельзя нарушать, даже в отношении неорганического предмета — дома. Жизненная мощь нового крова, воплощенная в его судьбе, может быть настолько противоположна и антагонистична судьбе человека, что полностью сокрушит последнюю. День закладки фундамента становится судьбой дома, и в заблаговременном знании ее таится разгадка того, будут ли жильцы счастливы в его стенах или нет.

— У дома собственная судьба с характерными для нее плюсами и минусами в зависимости от способа, которым он был сооружен, и его судьба будет влиять на нас, живущих в нем, — объяснил мне Люсьен.

Мы, жители умеренного пояса, выше подобных «мелочей», мы не удосуживаемся запомнить времени закладки фундамента, даже въезда в жилище — нам лишь бы въехать в новую квартиру. И наверное, зря мы столь торопливы, ибо дом, по сути, живое существо, у которого складывается свое отношение к жилищам.

Не менее важен и выбор места строительства. В Вакинанкаратре (южной части Высокого плато) деревни разбросаны повсюду — по долинам, у подножий потухших вулканов, застеленных черными плодородными землями, или у кромки просторных равнин, разрезанных на прямо-

угольники рисовых полей и напоминающих шахматную доску. Горные гряды с их изломанным силуэтом придают фантастические очертания фону равнинного ландшафта.

Дома здесь такие же, как в деревнях мерина и бицилеу и в центре острова. Их кладут из высушенных на солнце или обожженных на месте кирпичей. Кровля кроется соломой, тростником или плоской черепицей. Деревянные дома не в моде, поскольку в этих краях не хватает дерева. Стены извне и изнутри штукатурятся клейким латеритом (красноземом) и коровьим навозом. Дома обычно имеют два этажа. Пол на первом — земляной, покрытый циновками. На каждом этаже две комнаты — маленькая кухня и более крупное помещение, используемое как спальня и гостиная. В одной из комнат часто хранится зерно.

Однако главная особенность домов на Мадагаскаре в том, что они ориентированы на страны света — на север и реже на северо-восток. Все проемы в стенах — вход и окна должны выходить на запад. Я было однажды попытался вставить свое слово, предложив восток, поскольку — де это подсказывает рельеф местности, так мой друг бросил на меня подозрительный взгляд и с некоторой обидой в голосе одернул меня:

— Ты что хочешь, чтобы от меня любимая жена ушла?

Он мог бы еще добавить, что с востока на остров набегает циклоны с их ураганными ветрами, но промолчал. С тех пор я больше не совался со своими советами. Предсказатели судьбы уверяют, что если жилище вытянуто с востока на запад, то люди в конце концов будут вынуждены покинуть его, что если вход сделать с южной стороны, то хозяин превратится в колдуна, если с восточной — лишится жены, с северной — в крышу обязательно ударит молния.

Есть еще одна достойная внимания, довольно курьезная деталь: крестьяне сознательно ориентируют дом с таким расчетом, чтобы винтана (судьба) двигалась вокруг него соответственно фазам луны и плавно менялась день ото дня, от месяца к месяцу.

— При идеальном расположении дома возможно даже чувствовать ее «пульс» от часа к часу, — уверял меня Люсьен.

Фактор кружения судьбы вокруг жилища весьма важен для его обитателей. Винтана держит курс против солнца, которое совершает круг по направлению восток—юг—запад—север, и делает полный оборот вокруг дома в течение 28 дней. Малагасийцы остерегаются в принципе избирать путь, противоположный направлению судьбы. Так, человек, идущий с севера, не пойдет прямо к западной стороне дома, то есть к двери. Он постарается сделать небольшой крюк и зайдет с восточной стороны, обойдя дом с тыла, и затем приблизится к двери с юга. Таким манером его дорога совпадет с направлением судьбы, то есть ему по пути с ней и он не столкнется с ней лоб в лоб. На практике это особенно существенно для малагасийца, когда кто-то умер и его выносят из дома. В такой момент тем более следует учитывать вектор винтаны, чтобы избежать для себя печальных последствий.

Жителю мадагаскарской деревни ни к чему иметь часы — их ему в любой момент заменяет хорошо ориентированный дом. Время малагасиец почти мгновенно определяет на глазок по положению солнца в отношении к своему жилищу, по тени, отбрасываемой домом, — и, надо признать, довольно точно.

...После совета с отцом Люсьен отправился к умбиаси (знахарю) Руиву согласовывать сроки и место строительства. Очень важно найти «место, которое не уничтожает, не губит». Только кудеснику, пользующемуся благосклонными советами предков, ведомо, сколь много на свете вещей и факторов, делающих то или иное место опасным, нежилым, а Руиву был не просто умбиаси, а еще и мпанандру, то есть специальным жрецом, которому по должности положено знать стародавние обычаи и отечественную астрологию.

В районе Анцирабе не советуют строить дом на голодной земле, поскольку все хотят быть сытыми. Под голод-

ной почвой подразумевают бедную, истощенную, сырую низину, где дом будет стоять слишком низко и на неродящей земле. Пренебрежение этим рискует обернуться недородом и бедностью, даже если в других отношениях земля хорошая.

— Предки не любят домов, поставленных на сырой бесплодной земле, и поэтому не дадут благословения. Урожай будет скудным, и в грядущем жди голода, — пояснил Люсьен.

«Мертвая долина или долина с мертвой головой не принесут преуспевания и процветания; все мертвое мертво», — исстари повторяют бецилеу. Голова долины — это ее верхняя часть. Если там есть только болота, то долина «мертва», ибо в ней нет «живой воды», ручьев, вода там вредна для здоровья, что принесет гибель поселенцам.

Умбиаси отсоветует строить дом, а тем более основывать деревню на входе в долину, так как ни дом, ни люди не вынесут ее могучей судьбы. Духи, обитающие в долине, ее оврагах и лощинах, всемогущи и неминуемо навлекут несчастье на незваных гостей. Не пощадят людей и продувающие это открытое место ветры. Ветер и уклон долины должны быть обязательно учтены, так как данные явления природы тоже наделены нежелательной силой. «Дом на вершине продувается ветром», — нет-нет да промелькнет в разговоре вроде бы простоватая и как бы сама собой разумеющаяся пословица. Но в ней имеются в виду и дома и люди, заброшенные судьбой на зыбкую, весьма неустойчивую вершину мирской славы. Проще же говоря, глупо забывать о все тех же летних циклонах с их стригущими, порой все сметающими на своем пути ураганными ветрами.

Плодородие, богатство, здоровье, счастье не удержатся даже в добротном поставленном хороме, будут скатываться вниз по долине и исчезать. Есть и другое соображение: люди, живущие в долине, не смогут вовремя обнаружить подкрадывающихся грабителей и врагов.

— У любой долины своя, очень сильная судьба, — развел руками Руиву.

Поэтому дом располагают немного в стороне от ее линии. Однако, если нет иного подходящего места, принимаются меры, чтобы там все равно можно было бы построить дом.

По указанию умбиасы друзья Люсьена водрузили высокий камень, и совершили обряд с жертвоприношениями, дабы отвести опасные влияния. Такой камень ставится на по́пá в начале долины. Он достаточно велик, чтобы парализовать, «поглотить» вредоносную мощь долины, задобрить ее.

На «мужской камень» (ватулахи) возлагают задачи стража долины, отгоняющего от нее зло. Такие стоящие торчком огромные монолиты, а также глыбы меньших размеров попадаются почти повсюду на острове. Некоторые воздвигнуты в честь великих, сильных людей, в том числе королей минувших времен, лично посетивших то или иное место. В Сакари вдоль дороги из Фианаранцуа в Цитундруину я видел монументальные камни от двух до трех метров, поставленные через несколько километров в честь короля Андриаманалимбецилеу, когда-то ездившего по этим краям.

«Мужскими» зовут также камни для семейных жертвоприношений. Обычно их ставили в честь авторитетного главы семьи. Некоторые менгиры посвящены памяти солдат, погибших и похороненных во Франции. Около них также совершаются обряды жертвоприношения.

— Люди говорят, что без камня-«стража» все богатство может уплыть из долины и ее мощь обернется против живущих в ней. Я следую их примеру и опыту, — объяснил мне Люсьен. — Образование образованием, а опыт народа необходимо уважать, даже если мы чего-то в нем не понимаем. Зачем упряமиться? Я заметил, что никакая наука не поможет, если человек начинает пренебрегать обычаями и советами предков.

Те же принципы и образ мышления, та же психология действуют, когда собираются возвести дом рядом с жилищем влиятельного соседа. По просьбе новосела знахарь располагает между двумя строениями камень, который

будет, как талисман, поглощать негативные влияния с той стороны.

Запрещено строить дом наверху, напротив крутой высокой скалы или горной вершины, поскольку дом и его обитатели не выдержат поединка с иной, очень сильной судьбой. К тому же на таких вершинах довольно часто издревле совершались обряды жертвоприношения, что еще более усиливает их воздействие.

Ни один уважающий себя умбиаси не порекомендует строить дом напротив водопада или озера, поблескивающего на солнце. Водопад священен и опасен, потому что в нем обитают духи первых жителей Мадагаскара — вазимба. То и дело маг навевается туда, особенно когда чувствует зов духов, а это случается в любое время дня. Долго сидит он в раздумье у водопада, а если возможно, под покровом падающей шумящей воды. Под ее журчанье он вступает в контакт с духами, обсуждает с ними грядущие беды, узнает от них о талисманах и амулетах, с помощью которых можно не допустить беду. Духи подсказывают ему лекарства, которые следует применять в различных ситуациях; благодаря таким доверительным беседам волшебник набирается священной мистической силы, наращивает свою, как сейчас выражаются в России, энергетику.

К водопаду позволено ходить только ему. Для других это опасное, наполненное страхами место. Рядовой человек может сломаться от контакта со сверхъестественными силами.

— Их присутствие заметить нетрудно. Посмотрите, блистание падающих вод на солнце — знак, который потусторонние силы подают нам о себе, — объяснял мне Руиву.

Запрещено также возводить дом рядом с местом, где недавно произошел оползень, ибо эта пропасть способна «поглотить людей», так как обладает «странный силой». Отказываясь от строительства дома в таком месте, думают не только об угрозе нового оползня, но и об опасности, исходящей от пропасти: она может заманить людей в бездну и погубить их имущество.

Когда враждебно настроенные колдун или ведьма вознамериваются извести кого-то из жителей деревни, наслать несчастье на какую-то семью, то они часто берут землю из оврага или пропасти и делают из нее колдовской амулет. Затем заколдованную, напитанную злом землю тайком рассыпают у порога дома жертвы или на тропинке, по которой ходит объект их ненависти.

Недопустимо строить дом или деревню там, где река разветвляется на рукава. Такое место всегда болотисто и туманно, в нем кишат комары и москиты, то есть там на людей навальются болезни. Однако столь прозаических, естественных объяснений недостаточно для принятия и узаконения табу. Умбиаси также клянется, что поселившиеся там люди не смогут преуспевать, что их дом разрушится, что жены покинут мужей и в семьях не будет детей. Первопричину же всех бед маг видит не в лихорадке, которую разносят комары, не в тумане, а в том, что река расходится на рукава.

На Мадагаскаре река, преодолевающая любые преграды, пороги, водопады, обычно олицетворяет единство. Но если она раздваивается или распадается на три рукава, то это значит, что единство нарушено, захирело, потеряно. То же может случиться и в семье, которую зачаровал дивно прекрасный пейзаж: от реки до семьи рукой подать.

Однажды, путешествуя по Мадагаскару, я поочередно попал в деревни с одинаковым названием — Антсампандрану («Там, где расходятся воды») восточнее Амбатулампи и близ Ифанадианы. Снедаемый любопытством, я спросил у ее жителя, почему он и его односельчане попирают табу.

— Наши поселения возникли не по воле отцов и дедов, а по приказу колониальной администрации, — возразил он. — Французским искателям золота и плантаторам нужна была наша рабочая сила, так что предки простили нам невольное кощунство.

Для рационально мыслящего, лишенного комплексов, несуетливого европейца разветвление реки ничего не значит, кроме констатации факта.

Подыскивая площадку для дома, его обязательно ориентируют по семейной могиле, однако рядом с ней хоромы никогда не строят. И дом и захоронение должны иметь дверь одинаково — на западной стене. Оба возводятся в соответствии с системой определения судеб и четырехмя углами судеб. Если могила уже лежит в юго-восточном направлении, дом ориентируют чуть иначе, чтобы не было полного совпадения направления — в противном случае наступит разлад между мертвыми и живыми и в доме невозможно будет жить.

Дом или деревню заказано строить севернее семейной могилы. Дело в том, что малагасийцы спят у восточной стены головой на север или на восток (за исключением клана масикуру на западном побережье, которые спят головой на юг, так как, согласно легенде, их предки прибыли с юга). Жена и дети спят южнее очага головой на восток. Головой на юг лучше не ложиться: так спят колдуны и ведьмы, делающие все наперекор нормальным людям.

Усопшие укладываются в таком же направлении, что и живые. Если дом поставлен точно севернее могилы, то получается, что люди спят ногами к югу и как бы пинают обожествляемых, горячо любимых предков. Вот почему избегают столь точной ориентации. Стоит попутно упомянуть и причину, по которой малагасийцы не спят головой на запад: чтобы не попить восход солнца, рассвет!

Южные бецилеу верят, что после смерти душа улетает к священной горе Амбундрумбе на юге Мадагаскара. В деревнях рядом с Фианаранцуа и Амбухимахасуа умерших запрещено класть головой на север, потому что такое положение помешает душе добраться до священной горы. Голова у них направляется к югу.

Дом нельзя строить ниже семейной могилы — иначе духи умерших будут оказывать давление на живых, не дадут им покоя. В холмистых просторах Высокого плато и западного побережья на вершинах одной и той же горы можно увидеть и деревню и могильники. Но если внимательно приглядеться, то захоронения всегда ниже дере-

вень, которые никогда не располагаются на одной линии с могильниками, а немного в стороне, косо, наклонно.

Бывает, что на том же склоне ютится другая деревня, лежащая ниже могилы первой, хотя это вроде бы и табу. Однако в данном случае речь идет о захоронении лучших людей, и опасность от него невелика. Для успокоения души, а точнее, для охраны себя, между деревней и чужим могильником ставят камень-покровитель.

Но даже если все эти правила и табу полностью приняты во внимание, малагасийцы чувствуют необходимость сделать что-то большее для самозащиты от всепоглощающей силы некрополя. В арсенале волшебников есть различные способы защиты. В Анцирабе бытует обычай: умбиаси закапывает различные предметы в земле сбоку от дома, повернутого лицом к склепу. Среди них «живой камень» — заранее освященный белый кварц. Рядом с ним зарываются листья алоэ — вахуна, несколько соломинок высокой травы фамуандрану (*Panicum jumentorum*), немного меда и сломанный нож.

У каждого из предметов свое предназначение. «Живой камень», подобно менгиру, воздвигнутому между могилой и деревней, призван противостоять силе смерти. Алоэ крайне горек, хуже самого горького перца. Его блестящий клейкий сок также используется в медицине и других областях. В данной же конкретной ситуации он символизирует горечь несчастья и сожаление. Когда это растение закапывается, все эти беды зарываются вместе с ним и уже больше не будут досаждать живущим.

Мед — жертвенный дар, который умилюстит усопших, побудит их хранить молчание в могиле и не возвращаться в деревню или домой, чтобы разрушить там мир. Трава фамуандрану — традиционное средство изгнания зла. Сломанный же нож разрежет связь между живыми и мертвыми так, чтобы живые могли жить в покое и согласии.

Используя эти пять предметов в обряде, умбиаси уговаривает мертвых не беспокоить людей, которые обоснуются в новом доме. Можно также сказать, что таким манером смерть как злую силу вяжут, сковывают по рукам и ногам, отлучают от живущих.

Обряд нейтрализации смерти — рискованная и сложная церемония, которая ставит под угрозу жизнь знахаря, поэтому Руиву получил за нее довольно приличный гонорар. Перед обрядом он спросил Люсьена и Фихили о вещах, которые соответствуют цене предоставляемых им услуг. По обычаю знахарь потребовал от новоселов петушка, который только что научился кукарекать, серебряный доллар, большую ламбу, новую лопату и блюдо, обратная сторона которого голубого цвета.

Петушок, освоивший кукареканье, воплощает раскрытие жизненных сил, мужской принцип жизни. Серебряный доллар — круглый, нетронутый, в отличие от монет, которые на острове разрезаются на части, — означает совершенство и полноту, но также, добавим, в свое время был и лучшим средством оплаты.

Ламба — национальная одежда, не только женская, но и мужская. Она славится в стихах и песнях. «Пусть я буду твоей ламбой, — обращается в старинной песне юноша к возлюбленной. — Пока ты жива, ты будешь носить меня у самого сердца, а после твоей смерти я составлю тебе компанию в последнем убежище». Ламбы разных цветов могут быть также шарфами и шальями. Широкие грубоотканые ламбы служат крестьянам и городским беднякам и плащами и одеялами. В ритуале отпугивания смерти ламбу стандартной ширины и длиной чуть более четырех с половиной метров разрезают на две равные части, которые затем сшивают вместе. Это обычный размер мужской ламбы. Новая, никогда не использованная лопата, на которую положено немного угля, — всегда полезный инструмент в хозяйстве. Голубой цвет блюда представляет все хорошее и ценное. Все эти вещи содержат ясную символику и должны передать ценности жизни новому дому и тем, кто въедет в него. Во время обряда их вручают как дары знахарю, выступающему в роли посредника и орудия духов предков.

Необходимо учитывать очень многие факторы, когда строишь дом или деревню на Мадагаскаре. Избранное место должно быть в правильном отношении к долине,

водопадам, озерам, горам и холодным ветрам и высотам. Очень внимательно наблюдают за птицами, особенно когда вечером летят обратно к гнездовьям. Многие птицы имеют постоянные маршруты; возвращаясь на закате, они обходят вершины гор и пролетают через проходы и ущелья, пересекают долины. Вдоль этих «птичьих коридоров» дома не строят. Птицы не присаживаются в таких проходах, не вьют там гнезда. Вдоль их дуют холодные ветры.

— Ничто не останавливается и не остается в горных проемах. Ни люди, ни скот не будут там счастливы. Счастье и богатство исчезнут с птицами и ветром, — покачал головой Руиву на мои расспросы.

В пределах деревни человек должен поставить дом в правильном положении к другим домам, особенно к отцовскому. Сыну запрещено строить дом севернее и восточнее дома отца. По размерам его жилище должно быть меньше отцовского. Если же такое случится, то ему следует преподнести отцу солидный подарок при условии, если тот примет его. Во многих местах сыну вообще не позволяют возвести дом крупнее отцовского, рассматривая такой шаг как знак пренебрежения авторитетом старшего. Судьба и авторитет отца вместе создают непоколебимую мощь, которая чересчур сильна для сына, осмелившегося занять более обширные «апартаменты». Это табу уже идет не от знахаря, а от самих предков.

Когда Руиву установил счастливый, удачливый день, все заинтересованные люди собрались и провели обряд «закладки первого камня». В центре будущего дома выкопали яму, а по углам еще четыре — для опорных столбов. Затем маг взял черную курицу, перерезал ей горло и поочередно положил ее на прорытые углубления, чтобы туда стекла кровь птицы.

После этого, пробормотав какие-то слова, он вновь взял в руки лопату и стал сосредоточенно рыхлить почву в двух южных углах. Потом бросил в южном направлении торф и землю, произнеся с чувством: «Теперь все несчастья и беды ушли в этом направлении». Такими мани-

пуляциями маг прогнал с этого места все злое и призвал доброе. Юг — направление бед и неудач. Счастье приходит с севера, со стороны солнца и тепла. В тот момент мне вспомнилась местная пословица: «Дом надо убирать до того, как в него приходит дурной человек». Зло и впрямь надо прогонять до того, как оно явилось.

Когда закончен дом или возникла деревня, то в центре двора или поселения в дар духам забивают птицу, овцу или быка. Смысл жертвоприношения — заплатить духам компенсацию за жизнь людей по принципу: погубленная жизнь живого существа (в данном случае курицы) ради сохранения жизни человека. Идет своего рода торговля с миром иным, с духами: ведь место нового дома принадлежит священным предкам. Земля в обширном районе — издавна их владение.

Закладывать фундамент должен человек, чей отец еще жив. Обычно работу начинает убеленный сединой человек, так как, считается, молодой не выдержит силы земли и может рано умереть. У земли есть собственная сила, которая может стать опасной, когда приступаешь к столь важному начинанию, как строительство дома в молодом возрасте. У стариков же есть иммунитет против силы земли. Их участие гарантирует также долгую жизнь в доме.

Ради мира и спокойствия в доме Руиву приготовил фетиш фануни («успокоение») с целью защитить его от бурь, пожаров, от всего, что грозит разрушить в нем мир и лад. Для изготовления талисмана знахари используют различные породы дерева. Порода бетамбана («великое препятствие») помогает держать на расстоянии злонамеренных людей, чтобы они не причинили кому-либо вреда. Другая носит название «уничтожающая неприятеля», третья — «враг и беда не доберутся». Порода узы объединит и подружит всех жильцов. Хамелеоновое дерево (небольшое кустарниковое растение) в быту используется для плетения корзин и в лечебных целях. В данном же случае его предназначение не допустить потерю собственности. Побег кустарника «владение деревни» поможет каждому достичь богатства и силы. Разновидность папо-

ротника «сильный могучий мужчина», имеющая едкий запах, известна как средство против малярии, но в составе фетиши призвана принести здоровье и силу.

Руиву добавил в фетиш побеги маленького, но стойкого кустарника с узкими тонкими листьями, называемого цитуавина («тот, кто не подчиняется»).

— Они защитят дом и его обитателей от гнета и подчинения, — пояснил он.

Прутья и ветви этих и других растений разрезаются на семь частей и зарываются под домом.

Закончился праздник противопожарным обрядом с обращением за помощью к силам, ведающим водой, самой сильной из стихий для малагасийца. В профилактических соображениях Люсьену посоветовали не выходить из дома с горящим факелом, не разводить скот или кур красного, огненного цвета. Ему запретили пользоваться перьевыми подушками, есть куриное крылышко или варить из него суп.

Очаг обычно сооружается на трех камнях на юге, чтобы очищать, нейтрализовывать огнем дурные влияния, приходящие с той стороны. Наверное, именно поэтому гости сидят к северу от очага.

Первый огонь в очаге разжег его отец. Ему же предоставили честь приготовить первую пищу в доме, чтобы она с тех пор стала благословенной. И надо признать, что он приготовил пищу вкусно.

Но не во всех случаях на Мадагаскаре рекомендуют заводить новый дом: излишества вредны. «Не разрушайте крепкого дома ради того, чтобы что-то сжечь», — учит одна из стариннейших заповедей умного народа.

— Если вы испытали счастье в стенах родного дома, зачем ставить новый? — задал риторический вопрос Руиву, рассказывая мне об обычаях своей родины.

Вот бы в России жили по таким же мудрым заповедям, подумал я о своей несчастной стране, где по чужому внушению, ради призрачных миражей люди нередко разрушают очаги, где впервые познали, что такое счастье, от чего и теряют важнейшие ориентиры в жизни.

Человек, имя, судьба

Малагасийцы говорят, что имя — ключ к душе и духу человека, внешнее видимое проявление его существа, личности. В этом поистине волшебном слове как бы закодирована, заложена судьба. Малагасийцы говорят, что имя — плоть от плоти, корень человека. В нем действительно есть какой-то пласт, сгусток сознательного, порой запредельного воздействия на нашу личность и поведение, ускользающий от нашего сознания, привыкшего к формально логическим суждениям по принципу «да» или «нет», повелительно требующего ясного понимания. «Имя — тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность», — глубоко подметил русский философ, отец Павел Флоренский. Без него духовная сущность и сиротлива и бесприютна, ибо лишь за ним виден конкретный человек. «Имя никогда не поддается тлену», — утверждает малагасийская пословица.

— Человек похож на свое имя, разве вы не замечали?.. — укорил меня народный врачеватель Рамарулахи. — Бывают, конечно, и исключения, — тут же оговорился он. — У нас есть пословица: «Имя оставит вас всю ночь без сна и отправит в дальний путь, но лицо напугает вас и тотчас пошлет обратно домой». Бывало, жених, услышав сладкозвучное имя девушки, летел к ней на крыльях за тридевять земель, гнал ее родителям в подарок стадо зебу, но, едва взглянув на невесту, в панике бежал восвояси, бросив скот.

Человек и в самом деле не всегда соответствует своему имени. «Его зовут «Большим домом», а он всего лишь маленькая хижина. Его называют «Большим полем», а это всего лишь крошечная рисовая делянка, которую нельзя даже залить водой», — предупреждает другая малагасийская пословица.

По местным поверьям, знание имени приоткрывает слабости человека, которые его недруги могут обратить ему во вред. Оно облегчает козни колдунов. Есть еще немало людей, страшащихся расписаться под документом,

произнести свое имя вслух. Другие, называя его, смущаются, как девицы. Некоторые поверяют имя только в случае крайней необходимости через третье лицо — как бы боясь, что интонация, с которой они представляются, выставит напоказ тайное, вывернет их наизнанку.

В Михадзанге я спросил старого сакалава, как его зовут.

— Справьтесь об этом у нее, — кивнул он на жену, усердно долбившую рис в ступе.

Я послушался его совета и таким манером познакомился с ним.

«Сказать свое имя столь же опасно, как и дать кому-то ружье, из которого он может прицелиться и пальнуть в вас», — то ли процитировал народную поговорку, то ли придумал свою малагасийский этнограф доктор Андриаманана. Историк Альфред Грандидье отмечал, что в некоторых провинциях запрещено произносить вслух собственное имя под страхом навлечь на себя большую беду.

У сакалава Бойны, у танала Амбухиманги, у андребакара и зафисуру из Фарафанганы считается недопустимым упоминание имен крупных лиц из уважения к ним. У некоторых народностей подлинное имя вождя таится в секрете и известно лишь нескольким особо доверенным приближенным или родичам. Отсюда и пошел обычай звать людей по их должности или пользоваться общими вежливыми обращениями, избегая имен. Например, к врачу обращаются не господин имярек, а Радуку (сокращенное от ра-доктор). Приставка «ра» означает «господин». Соблюдение такого этикета говорит о знании обычая, уважении к данному человеку.

Нужно ли вообще человеку имя, когда оно доставляет ему такие заботы и даже напасти? Его тяга действовать традиционно, по старинке, пренебрегая возможными опасностями и бедами, порой кажется просто фантастичной, и не лучше ли быть гражданином Абстракция, чем-то вроде «облака в штанах»? Быть может, чтобы уберечься от зла, ему вовсе не нужно имя. Возможно, если вдуматься, без имени к нему будет труднее прилепиться

злу, но, с другой стороны, не легче привиться и добру. В жизни все взаимосвязано: противоположности неразлучно шагают рядом, почти как закадычные друзья.

— Пустые сомнения, досужие рассуждения, оторванные от реальной почвы! — возразил мне писатель Арсен Рацифехера. — В нашем мире такой номер не пройдет. Остаться без имени, быть призраком человеку не позволят корыстолюбивое государство и полное зависти общество, которым безразлично, как кого зовут, но нужно, чтобы индивидуум был зарегистрирован как исправный налогоплательщик, будущий рекрут. С именем ему навязывают видимость так называемых «демократических прав», «прав человека», на деле требуя взамен выполнения массы конкретных обязанностей, зачастую расходящихся с его личными интересами. Да и предки не будут охранять безымянного, безродного! Имя — это своего рода эстафета поколений!

Получая имя, мы в какой-то степени теряем свободу. Разумеется, что-то и приобретаем, но все-таки вроде бы теряем больше, мелькает мимоходом смутная мысль. Нет и нет, твердо говорят малагасийцы, с именем человек приобретает личность со всеми вытекающими отсюда положительными и отрицательными последствиями.

Нет большей радости в жизни для малагасийца, чем рождение ребенка. Цель настоящего мужчины на Мадагаскаре — иметь 14 детей. С рождением седьмого чада отец получает социальное признание, рождение четырнадцатого дает ему право на знатность. Человек становится уважаемым в деревне, общине. Ведь он достиг желанной цели! А исполнение желаний — редкость в нашем обманчивом, зыбком мире.

Счастливых отца и мать спешат поздравить родственники, друзья и соседи.

«Бог послал вам наследника, который будет возделывать рисовые поля!» — возглашают они.

«Поздравляем вас с посланной Богом женщиной, которая будет собирать рис», — приветствуют они в случае рождения дочери.

«Пусть то же самое случится с вами!» — звучит традиционный ответ в обоих случаях.

Выбор имени — лишь отчасти случайность (кстати, лично я не думаю, что это случайность), но в еще значительно меньшей степени случаен характер человека, обусловленный определенным именем. Это давно подметили малагасийцы. Наречь человека на Мадагаскаре — сложный ритуал, процесс, дотошно продуманный и насквозь прочувствованный, незримыми нитями духа соединяющий его с родителями, предками. Сохранить преемственность поколений для малагасийцев чуть ли не сердцевина их психологии и помыслов. От того, как назовут ребенка, зависит его дальнейшая жизнь. Имя спасает человека от обезличивания и забвения, облакает его в тонкую плоть характера. Когда ему сызмала твердят: «Отважный», «Трудолюбивый», «Добрый», то он и впрямь будет смелым, лихим или упорным в труде или добрым по натуре.

Пока ребенок мал и слаб, пока у него не прорезались зубы, он получает временное имя, не имеющее конкретного смысла, часто граничащее с ругательством и вызывающее отвращение. Его можно чуть ли не выкрикивать без опаски в присутствии кого угодно, даже злого колдуна. Икутукели («Мальчик»), Икетака («Девочка»), Бетай («Вонючка»), Вуалау («Крыса»), Патса («Креветка») и т. д. Это бывает, когда ребенок рождается, по выкладкам астрологов, под неблагоприятной «мужской» судьбой, которую пытаются провести таким манером.

— Попробуй заколдовать Бетай или Вуалау — ничего не выйдет, — пошутил однажды великий знаток Мадагаскара французский историк Пьер Буато.

Когда ребенок являлся на свет в период фади, то есть под дурным знаком, в нем видели предвестника грядущей беды. При таких обстоятельствах его надлежало убить или с него следовало снять заклятие, чтобы не пострадала вся семья. Для этого младенца клали у входа в загон для быков в момент их прохождения. Если он выживал после столь беспощадных испытаний, то его растили без страха.

Иногда — опять же в старину — для большей гарантии ему ампутировали часть тела.

Вошедшему в историю Мадагаскара премьер-министру Райнилайаривуни милосердные родители отрезали при рождении кончики двух пальцев, поскольку он родился под «чересчур сильной судьбой». Его бросили на произвол судьбы. Мальчиком он занялся мелкой торговлей, смог сам получить основы начального образования, причем при королеве Ранавалуне I, запретившей школы. Решимость юноши переломить дурную судьбу изумила его отца, премьер-министра Райнихару, который взял его на службу. Вскоре он стал личным секретарем королевы. Потом женился (по очереди) на королеве Расухерине, Ранавалуне II и Ранавалуне III, сделавшись фактическим правителем Мадагаскара. Брак с тремя королевами не помешал дерзкому премьеру иметь 19 детей от своей жены и кузины Расуаналины. Малагасийский обычай признавал полигамию. Чтобы жениться христианским браком на королевах, от которых Райнилайаривуни не имел детей, он публично объявил о расторжении брака с кузиной, хотя все знали, что их любовь отнюдь не заржавела. «Маму ни айна!» («Жизнь прекрасна и сладка!») — часто повторял он детям главный житейский принцип мадагаскарцев, предписывающий им жить в мире, спокойствии, в гармонии с природой и произвести на свет как можно больше детей. Он был смещен французскими колонизаторами с помощью военной силы за чересчур отчаянную защиту национальных интересов своего народа.

Существовало и другое испытание для чад со злой, несчастной судьбой. В сахафу — лопату для веяния риса — наливали горячую воду с перцем и рисом. В эту «ванну» клали ребенка. Если он не погибал, то его судьбу считали переломленной.

Находились смелые и любящие родители, которые, пренебрегая крайностями, хорошо платили прорицателю, чтобы тот избавил ребенка от роковой судьбы. Устранив заклятие, добрый маг объявлял, что ребенок отныне неопасен для окружающих. Тогда малышу присваивали

«спокойное» имя — «Непобеждающий», «Нетолкающий», «Неспособный на дурное», «Нероняющий», «Безобидный». Однако такие никого не обижающие дети после отнятия от груди обычно не жили под одной крышей с родителями, чтобы не искушать судьбу.

По традиции окончательное имя дается на Мадагаскаре через определенный срок, который у разных этнических групп длится от трех месяцев до 12 лет. На третьем месяце младенцу впервые стригут волосы. Устраивают пир. Перед стрижкой в доме в углу предков складывают плоды и растения, гарантирующие ребенку удачу в жизни, — молодые побеги сахарного тростника, свернувшиеся в спираль на вершине стебля, свежие бананы и растение фамуа. В этот день малыш получает имя. Его выбор зависит от многих причин. На него могут повлиять события, происшедшие в момент рождения.

Вождь Раламбу создал в XVII веке сильное государство под названием Имерина амбаниандру — «Страна, которая днем видна издалека». Попутно и без всякого преувеличения отдадим должное: как правило, правители Мадагаскара больше, чем о личных выгодах, пеклись об интересах государства, отвергая чуждую их истории, складу жизни и мышлению западную цивилизацию. Раламбу дали имя в честь кабана, который стремглав пронесся мимо хижины в момент появления его на свет. Родившегося в неблагоприятные дни месяца алакарабу (созвездие Скорпиона) могли назвать Ракарабу. Рожденные в неблагоприятные, «злые» дни получали самые «неагрессивные» имена, способные якобы свести на нет влияние злого рока: «Собака», «Здоровый», «Непобеждающий», «Калebas» (от названия тыквы лагенарии).

Если у двоих людей одинаковое имя, то во избежание путаницы за их именем упоминают имя отца, мужа, брата или чада либо название деревни. Одинаковое имя вовсе не подразумевает сходство характеров. Отсюда и пошла пословица: «Не впадайте в заблуждение из-за того, что обеих девушек зовут Райву, потому что одна любит ходить в гости, другая предпочитает сидеть дома».

Христианские имена по-своему устраивают скрытных островитян, ибо позволяют им пользоваться малагасийскими именами лишь в узком семейном кругу. Даже изрядно прожив на острове, нельзя поручиться за знание имен приятелей и даже друзей. Встретившись с приятелем, я разговорился об общих знакомых. Слово за слово — и мы заспорили, ибо он называл их сына Нитуки, а я — Жаном.

— Послушай же, христианские имена — одно, а малагасийские — другое. Они мирно сосуществуют, но первые — для вас, чужеземцев, и духов, а вторые — для семьи, — заявил он.

Особенно часто имя дается в зависимости от лунного месяца и предвещаемой им судьбы. Ее определяют астрологи или прорицатели. Девочку, родившуюся под знаком Девы, называют Вула («Серебро»), мальчика — Буба («Изобилие»). Главное имя — имя судьбы держится в секрете от всех.

Рождение ребенка — честь для родителей, звено, связующее их с вечностью, а прошлое — с грядущим, знак благоволения к ним предков. На запястье новорожденному надевают нитку из камешков, стекляшек и других талисманов. У бецилеу, сакалава и бара после первого его крика стреляют из ружей и кричат: «Пусть наш сын станет знаменитым угонщиком скота!» Впрочем, это пожелание звучит теперь реже. По крайней мере, негромко.

Если семью осчастливил первенец, отец — это не касается касты андриана («благородных») — принимает его имя с приставкой Райни: «Отец такого-то», а мать — с приставкой Рени. Так, фамилия Райнилайариеуни означает «Отец того, у кого есть цветок» или «Отец того, кто был создан как цветок».

Если спросить малагасийца, целесообразно ли брать фамилию или имя отца, он ответит отрицательно, так как именно отец дал ему то имя, которое он сейчас носит, и нет причины противоречить решению отца. По отцу или другому здравствующему родственнику называть здесь не принято. В Амбухиманге, Андиламене и Царатанане со-

ветуют вообще не брать имя живущего человека, чтобы не помешать ему жить долго и не создавать впечатление, что ему желают отправиться на тот свет. Мне рассказывали о зловредном человеке, который дал своему отпрыску имя в «честь» корыстолюбивого продажного вождя, пресмыкавшегося перед вазахами (иностранцами). Но право же, сколь бы крутым или ничтожным, жадным и корыстолюбивым ни был вождь, все равно он вроде бы человек, и, наверное, никак нельзя заменять Божий суд человеческим. Так же думают и малагасийцы.

В Ивухибе верили, что имя отца не принесло бы удачи сыну, поскольку есть все шансы, что оно не подойдет ему. Потом разве нормально носить имя отца, не будучи на него абсолютно похожим, продолжают рассуждать малагасийцы. Их пословица, отражающая несходство национальных психологий, гласит: «Сыну нет смысла хотеть быть похожим на отца» в противовес французской пословице: «Каков сын, таков и отец». Однако есть народности или районы, например, сакалава и мерина Махадзанги, бара в Илуси, танала в Манандзари и Форт-Карно, которые в старину давали детям имена отцов. Сейчас этого нет. Некоторые этнические группы (бецилеу, везу и сакалава) разрешают брать имя родителя лишь после его смерти.

Если дед и бабушка мечтали о появлении внука или внучки, то его называли Рацимба («Который не как внук, а словно сын»), Рамиангула («Удовлетворение желания»), Расулумалала («Заместитель дорогого»), Разананакуту («Ребенок сына»). Кстати, отчество или добавление «разана» (предок) особо подчеркивает духовную неразделимость с предками.

Иногда имя дается с учетом нрава ребенка в младенчестве: «Спокойный», «Плакса», «Крикливый»... Однако чаще оно зависит или от желания родителей видеть своего чадо удачливым, везучим или от обстоятельств, связанных с его зачатием и рождением. Если родители очень хотели рождения ребенка, то они называли его или ее Ракутунирина — «Желанный» («Желанная»). Я знал очарова-

тельную Нирину, начальствовавшую над всеми музеями Мадагаскара. Если ребенок был зачат после долгих молений, то его так и нарекали — Ратулудзанахари — «Богоданный». За малагасийскими именами стоит как бы вся жизнь с ее простыми милыми желаниями, сбывшимися и несбывшимися мечтами, обидами и страданиями.

Порой имя отражает родительское пожелание какой-то определенной счастливой судьбы своему дитяти либо просто на него переносилась их любовь к каким-то растениям или драгоценностям: Андриампену («Богатый господин»), Ратрема («Зажиточный»), Раверуманитра («Душистая мелисса»)... Одного из почитаемых борцов против колониализма звали Равуаханги («Жемчуг»). Волею судеб в 1975 году вместе с друзьями из столичной труппы «Антананариву-театр» Элиной и Анри Рабариндзака я участвовал в постановке гоголевского «Ревизора». Марию Антоновну играла очаровательная Вуаханги — «Жемчужина». Изредка имя заимствуют за рубежом, переделывая его на местный лад: Расамуэлина (от Самуэля) и Радзауна (от Джона).

В зависимости от фантазии отец «стряпает» сыну имя (отчество обычно на Мадагаскаре не в ходу) подлиннее, позвучнее и повычурнее. Один знакомый нарек своего любимца Рацисетраиной («Тот, кого не следует провоцировать»), хотя его самого звали Рамурабе («Мирный»).

Я нигде не встречал людей, которые столь тонко и чутко ощущают соответствие имени личности человека, как малагасийцы. Единственным на моей памяти, кто чувствовал людей почти на божественном уровне, наверное, был Сальвадор Дали, который при нашем знакомстве посреди разговора вдруг вскользь обронил: «Вам правильно выбрали имя. Вы не отторгаете его». При всей его почти детской доверчивости он мгновенно определял, кто стоит перед ним. Примерно с таким случаем столкнулась Елена Козлова-Шапова, бывшая жена писателя Эдуарда Лимонова. Когда ее представили великому художнику, тот мимоходом бросил: «Тебя зовут не Елена, а Жюстин». Так вот малагасийцы не могут жить спокойно, если им выпа-

ло не подходящее по духу имя. Иначе говоря, по-видимому, как человек приспосабливается к имени, так и оно приживается к нему.

Имя на Мадагаскаре непостоянно от рождения до смерти, его меняют по разным причинам, особенно в деревне, по крайней мере трижды, надеясь перебороть или улучшить свою судьбу, привлечь к себе больше внимания, разбогатеть. Случается, что его меняют после консультации с астрологами. Новое имя берут в случае серьезных событий в жизни, при продвижении по ступенькам социальной иерархии, точно так же, как при коронации королей или обряде введения в должность духовных лиц. В день восхождения на трон короли Имерины принимали новое имя.

Бывало, что голос предков требовал перемены имени, если в жизни человека приключались крупные события или случались обстоятельства, требовавшие такого шага. В историю острова вошел такой эпизод. Один мальчик родился в 1740 году в первый день новой луны сильного месяца алахамеди, и, как гласит предание, для того, чтобы не умерли старшие в его семье, его нарекли Рамбусалама («Собака, которая хорошо ведет себя»). Затем он стал вождем Имбуасаламой («Здоровый»), и в конце концов после объединения им разных племен, обитавших на плато Имерина, в централизованное государство был окончательно переименован в Андрианампуйнимерина («Господин, которого желает Имерина»). Этого царя чтут на Мадагаскаре до сих пор.

— Это наш Петр I, — сказал мне как-то Анри Рабариндзака.

Новое имя также принимается, чтобы приобрести нужные для практической жизни качества: Цимибуни — «Не прячущийся», Исарабунуи — «Живучий». Нарекают заново и того, кто носит чересчур ходкое имя, чтобы его не спутали с умершим. Использовать имя усопшего равнозначно призывать его, обращаться к нему за помощью, вызывать его прийти и остаться в обществе живых. Но обычно никто не желает находиться в постоянной связи с

духами усопших, ибо опрометчиво и неосмотрительно напрашиваться на их участие в делах живых. Цимихети, бецилеу, масикуру, антануси, везу вообще не произносят имени умерших.

У танала взрослый человек порой принимает третье имя — вычурное, претенциозное, рассчитанное на эффект: Цимибуни, Исарабунуи. Кстати, злоупотреблять наречением странных или неблагозвучных имен детям и взрослым не рекомендуется и даже опасно: «Если человек по имени Андрианули умрет, то трудно будет его оплакивать», — предупреждает пословица. Андрианули — сказочный страшный дух, которого никто не любит. Оплакивать детей с плохими именами — это все равно что напрашиваться на беду.

— С наречением имени шутки плохи, — сказал мне поэт Жорж Андриаманантена. — Надо быть предельно осторожным, если не хочешь навлечь беду на себя и своих близких. «Имя подобно полю арахиса — только надо точно определить его границы, чтобы не попасть в беду», — предостерегает наша пословица. Можно дать себе любое имя, какое хочешь, но прежде разумно подумать о последствиях такого шага. Лучше всего взять большое или громкое посреди незанятых и невспаханных участков.

Примерно та же мысль сквозит в пословице: «Если имя не приживается, то, значит, кто-то в семье не заметил, как вырос его носитель». Речь идет о молодом человеке, который приобрел новое имя. Однако его родственники, братья и сестры по инерции окликают его прежним привычным мальчишеским именем. Новое в жизни постоянно сталкивается с привычным.

Находчивые бара иногда выбирают себе имя другого человека, чтобы заполучить, даже перехватить его привилегии; бывает и такое, что его меняют ради удовольствия, из чистой фантазии или каприза, а также когда становятся писателями, журналистами или разбойниками. Тогда это уже выглядит как нечто вроде псевдонима, который берется, чтобы не навлекать позор на семью. В принципе

не в характере малагасийцев брать псевдонимы вместо отчего имени-фамилии, поскольку такой хитроумный ход обычно выглядит как неуважение к своей семье, роду, предкам, как нечто непорядочное, наказуемое судьбой. Псевдоним, как здесь считается, носят нечестные, недостойные доверия люди, стыдящиеся своих родителей или этнической принадлежности. К человеку, маскирующемуся псевдонимом, относятся с подозрением, ожидая от него любой подвох. Мерина идут на это подчас в нечестных целях, а антандруи — решив стать разбойниками. Когда антандруй сменил имя, считай, что он готовится к дурному делу. Вообще-то имя надо менять вовремя и обоснованно — иначе посеешь подозрения. В ходу на Мадагаскаре и прозвища, которые нередко более употребительны, чем имя или фамилия.

В большинстве случаев касту «благородных» от низших и средних сословий отличает фамилия, которая начинается с префиксов Андриа или Рандриа. В стране народа мерина пользуются почетными приставками «ра» для мужчин и женщин и «андриа» — для мужчин. Приставка «и» употребляется для детей, слуг и бывших рабов. Когда берут имя предка, то возникает префикс «разана» (дочь или сын имярек) или «разафи» (внук или внучка имярек).

В фамилиях бывают причудливо соединены имена отца и матери, чтобы подчеркнуть семейный лад, а также метафоры, так что уже при знакомстве словно бы получаешь справку о характере человека. Одну из моих знакомых студенток в Университете Антананариву звали Рамалалатиана. Малала — «дорогая», тиана — «любимая». Соккурсники смотрели на нее влюбленными глазами и на свой манер объяснялись ей в любви, часто повторяя вслух милое имя. Но быть может, только я так воспринимал все? Рамалалатиана!

Малагасийцы жаловались, что у меня чересчур длинная, труднопроизносимая фамилия.

— Возьми одну из наших — покороче и попонятнее, — советовал журналист и музыковед Мишель Разакандра-

ина. — Даю тебе две на выбор, попроще: Андрианцита-катрандраина или Андрианцимитувиаминандриандехибе. Здорово звучит? Так звали королей!

«Родители ближе к Богу»

Заглянуть в грядущее народа или страны, предугадать, как сложится их судьба по крайней мере на обозримый период, в общем-то не так уж и сложно. Есть верные ориентиры нравственного толка, которые почти безошибочно позволяют сделать диагноз духовному и как следствие физическому здоровью народа и подсказывают общее течение событий в любой стране.

— Будущее народа нетрудно распознать хотя бы по отношению молодого поколения к старшему. Так испокон веков считают малагасийцы, — говорил мне священник Реми Ралибера. — Если молодые уважают стариков и старших, то за завтрашний день нечего беспокоиться. Если же такое уважение ослабло или утрачено, то данный народ тяжело — а возможно, и неизлечимо — болен, сопротивляемость его организма утеряна.

К конфликту между отцами и детьми, как это ни парадоксально, сами отцы и дети не причастны — сегодня их, грубо говоря, часто стравливают между собой. А малагасийцы искони рассматривают неуважение к старшим как один из самых тяжких пороков и грехов. Пожилые люди, пусть даже бедные, не имеющие ни гроша за душой, неизменно пользуются на Мадагаскаре почетом и вниманием. В разговорах с взрослыми молодым исстари запрещается употреблять неприличные слова и выражения. Если же невежливое, грубоватое слово вдруг срывалось с уст малагасийца, то он тут же спешил извиниться, добавляя: «Кто-то порчу навел на меня, пусть умрет он от тангина».

Тангин — растительный яд, с помощью которого на специальных обрядах проверяют невиновность человека, подозреваемого в совершении каких-либо преступлений или других антиобщественных проступков.

Грубость и неучтивость несвойственна народу Великого острова, где бестактность и неотесанность причислены к непростительным порокам, которые грозят поссорить человека со всемогущими предками.

Младший на Мадагаскаре всегда первым здоровается со старшим. Правда, мальчики из касты андриана первые слова приветствия обращают сначала к матери. Но это скорее исключение из правил, ибо все остальные их соотечественники начинают этот церемониал с отца. Сын должен приветствовать отца тотчас после пробуждения от сна.

Приветствие в адрес мпандзаки (правителя, короля) включало три части: «Привет тебе, о повелитель мой! Пусть тебе хорошо живется! Живи до глубокой старости!» Мпандзака, благосклонно кивая, отвечал: «Хорошо! Хорошо!»

В семье абсолютным, непререкаемым авторитетом пользовался отец. «Хорошего отца сыну трудно заменить», «Отец и мать подобны солнцу и луне в семье», — гласят пословицы. Дети обращаются к родителю со словами: «отец», «папа», — но им запрещается упоминать его имя вслух. Младшим не рекомендуется называть прямо, своим именем его дом или части тела, как это делают европейцы. Вместо «дом моего отца» они говорят: «там, где он живет», вместо слова «голова» — «то, что у него сверху», волосы — «то, чего у него много наверху», уши — «то, чем он слышит», губы — «то, чем он движет», рот — «его табу», язык — «то, чем он движет во всех направлениях», ноги — «то, чем он ходит».

Ребенок никогда не должен трогать голову отца. Сыну запрещено хлопать родителя или старшего брата по плечу как равного себе, как товарища, так же, как недопустимо резко отвечать на слова рассерженного отца независимо от того, прав тот или не прав. Кстати, о месте старших братьев в семье говорят такие пословицы, как «Старший брат — второй отец», «У кого есть старший брат, тот молчит», «Тот, у кого есть младший брат, не носит тяжесть».

Долг детей — уважать угол, где лежат циновки или стоит кровать их родителей. В малагасийском доме всему

есть свое место, и боже упаси, чтобы дети и младшие по возрасту родственники заняли место, отведенное родителям или старшим родственникам. Детям настрого возбраняется усаживаться к северу от очага, где испокон веков сидят старшие. Подобные табу объяснимы просто. Попытка младшего присвоить то, что положено старшему, может привести к трагическим последствиям, накликать на него беды вплоть до смерти. Младший же такими поступками позорит, оскверняет себя. К родителям на Мадагаскаре особое чувство еще и потому, что, согласно пословице, «при отце и матери сын молод».

— Да, наша молодость кончается, когда уходят наши родители... — вздохнул как-то Ришар Андриамандзату.

Старого человека в семье никто не отважится назвать «стариком». Ему с почтением говорят «отец». Супругу любого старика почитают как родную мать. Пожилые люди, даже бедные и неимущие, искони пользуются большим почетом. «Из рта старика может исходить плохой запах, но также и умные слова», «Глаза старика видят вдвойне», — поучают пословицы.

В городе, быть может, на Мадагаскаре что-то и меняется, но в деревне — а там живут девять из десяти малагасийцев — все остается, как прежде.

Во время трапезы никто не осмеливается взять первым ложку и начать есть раньше старших. Запрещено есть или пить до того, как пищу вкусил отец, если он сам того не разрешит. Если к рису подавали курицу то родителям доставалась тушка, особенно любимая островитянами гузка, а детям — ножки и крылышки. Никому не позволено пользоваться тарелкой отца, восседать на его табуретке.

Дети на Мадагаскаре ни при каких условиях не сядут или не будут стоять выше отца. Ни один малагасиец, даже крошечный, не будет есть или пить лежа, поскольку такая поза показывает непочтение к родителям и то, что им желают худого.

Когда родители предлагают детям еду или какую-нибудь вещь, то ее не рекомендуется тут же хватать, а надле-

жит протянуть руку, а лучше — подождать, пока отец или мать сами не передадут предлагаемое. Если во время обеда или ужина старшие продолжают есть, то младшие, даже будучи сытыми, не вправе выйти из-за стола. В случае, если кто-либо очень торопится куда-то, то, уходя, он просит у всех прощения: «Извините, что покидаю вас во время еды».

Весной никто в семье не мог раньше приступить к посадкам риса, маниока и бананов, пока отец или дед не посадят первый клубень или отросток. Первый собранный урожай риса или плодов отдается отцу или деду.

По многим признакам опытный специалист по Мадагаскару определит, жив ли у малагасийца отец. Еще недавно в деревнях народности бецимисарака молодые люди не носили обувь, пока здоровствовали их родители. Данный обычай связан с тем, что обувь в бедной деревне была знаком достатка, богатства, авторитета и силы. Таким образом, сын, надевая чуваки или ботинки, вольно или невольно как бы пытался поставить себя выше отца.

Во время одного из путешествий по побережью острова Пьер Буато вдруг с доброй завистью обронил:

— Счастливая деревня! У молодых есть родители.

— Каким образом вы пришли к такому заключению? — спросил я его.

— Посмотри, сколько бородатых мужчин.

Сыну во многих районах Мадагаскара запрещено бриться, если жив его отец. Кстати, хороший рост бороды означает врожденное достоинство и внушает уважение, куца же бородка свидетельствует о женских свойствах характера (у нас об этом, к сожалению, пока не задумываются, а в бороде, как говорят малагасийцы, тоже виден характер ее носителя). Иногда, конечно, сыновья бреются в случае необходимости — но только с разрешения отцов и при условии их обязательного прощения. Правда, время от времени отращивают бороду, выражая тем самым благодарность предкам за то, что они берегут здоровье их родителей.

За трапезой разговаривают старшие, а молодежь почтительно внимает им, ловит каждое их слово. «Даже глу-

пость, сказанная старшим, поучительна», — доказывает народная мудрость. Есть ведь глупости, за которыми стоят века! Если отпрыск хочет что-то спросить у отца, он сначала должен присесть перед ним на пол. Если же он спрашивает стоя, то такой афронт выдает его упрямый и неуважительный нрав. В принципе никто не должен в присутствии старших, тем более сановников, стоять во весь рост или тем более быть у них за спиной. Причина тому заключается в том, что сидящий человек безопасен, стоящий же может скрывать или демонстрировать непоказ дурные намерения.

Малагасийский этикет начинается с уважения к близким, а потом переносится на окружающий мир. «Не будьте жестким и жестоким к близким, проявляйте мягкость, робость и даже трусость на улице по отношению к незнакомцам», — предостерегает пословица против бессердечия и наглости, чисто дьявольских черт характера. Дьявольских не только на Мадагаскаре.

Уважение к старшим — общее правило. Если на пути сидит старик, то следует обязательно попросить у него разрешения пройти: «Позвольте мне пройти мимо вас, пожалуйста». Если у дороги присели люди, то благовоспитанный малагасиец скажет им: «Позвольте пройти, уважаемые». Когда приходится миновать родителей или какую-либо высокопоставленную персону, то следует не только попросить разрешения, но и сделать вид, будто вы нагибаетесь и правой рукой словно бы подметаете перед ними дорогу. Так поступают даже маленькие дети.

Исключение составляет рынок, где всегда толпится тьма народа. Там умолять каждого встречного-поперечного пропустить тебя просто смешно, недаром пословица язвительно высмеивает неуместную вежливость: «Только дурак, набитый поучениями, и на рынке просит: «Дозвольте пройти»».

Младший не имеет права обгонять старшего. Обходя пожилых незнакомцев, путник говорит: «Извините!» Если юноша обгоняет старика, несущего груз, то он просит у него разрешения сделать это, некоторое время помогает

ему нести вещи и лишь потом спокойно продолжает дорогу либо избирает другой путь. Дети и молодые люди должны помогать старшим переносить тяжелую поклажу, причем полагалось брать себе на плечи максимум груза. В то же время в разговоре младшие не торопятся первыми высказать свое мнение раньше родителей и старших вообще. Отсюда и родилась пословица: «Старшие свободны в выборе темы для разговора, младшие — в выборе груза!» Право же, истинная свобода — это не вседозволенность и узаконенное хамство, а осуществление обязанностей каждого друг перед другом.

Жизнь вдали от родного очага не освобождает малагасийца от соблюдения всех указанных фад. Обычай выполняется сознательно, без принуждения даже на чужбине — такова добрая сила хорошего воспитания.

По поверьям, сын, опозоривший отца непослушанием, пренебредший его словом или выказавший неуважение к нему, особенно в присутствии других, будет несчастлив, его потомство родится больным. Возмутителя спокойствия изгоняют из дома, отлучают от семьи, рода, деревни, ибо нарушение фад грозит заразить злом, сделать нечистой деревню. И всю жизнь блудного сына томят угрызения совести. Изгой лишается корней, придающих каждому человеку жизненную силу. Но что делать? Зло необходимо искоренять — не бороться с ним, а именно выкорчевывать его с корнем, ибо, как правильно подметили русские, паршивая овца может испортить целое стадо.

Никогда не предлагайте малагасийцу выбирать между молодостью и старостью. В лучшем случае он с горечью вздохнет на такой вопрос и вымолвит:

— Есть у нас такая пословица: «Лучше немощный старик, чем молодой лентяй».

«У каждого возраста своя прелесть, и никогда не следует торопить время», — слышал я не раз в своих поездках по мадагаскарской глубинке.

— «Родителей следует уважать — они ближе к Андриаманитре (Богу)», — объяснил мне суть одной из самых

фундаментальных норм морали своего народа Ришар Андриамандзату. — Благодаря им мы получили счастье увидеть солнце и луну. Разрывать народ на поколения, а тем более противопоставлять их одно другому губительно для любого народа. Вот почему воспитание ребенка начинается у нас с внушения ему уважения к старшим, к родной истории.

Лысины на Мадагаскаре бывают разные

— Обычай рождается практикой, он никогда не бывает сиротой, не ведающим родства, — сказал мне однажды пастор Ришар Андриамандзату. — У его колыбели вечно хлопочет трезвый ум, здравомыслие, и нет места дурному настроению, вспыльчивости и тем более мелочной, капризной раздражительности. Рождаясь, обычай, какие бы обиды ни держали на него иные люди, никому не мстит: его миссия — оберегать человека, порой в неожиданно необычной форме, подавать ему какие-то полезные советы. Вот почему у нас, на Мадагаскаре, когда желают подчеркнуть живучесть обычая или традиции, говорят: «Народ своих обычаев не меняет».

В начале 1975 года в столице Мадагаскара шел судебный процесс над военными, подозревавшимися в причастности к убийству умного и хозяйственного президента страны Ришара Рацимандравы. Осудив на смехотворные сроки пятерых вероятных исполнителей преступления, судьи сняли обвинения с остальных подсудимых. Все в этом деле выглядело как-то неловко, даже не совсем чисто.

Когда объявлялся приговор, возмущенный сотрудник газеты «Имунгу Ваувау», кстати крупный поэт, шепнул мне на ухо:

— «Лысину от людей не спрячешь, чем бы ее ни замыывать, ни замазывать».

— Что? Что ты хочешь сказать? — недоуменно переспросил я его.

— Я хочу пояснить тебе эту пословицу другой: «На свете не бывает таких тайн, которые бы рано или поздно не раскрывались».

Вот так я косвенным образом узнал, что, в отличие от нас, покладистых русских людей, для которых «лыс конь — не увечье; плешив молодец — не бесчестье», малагасийцы несколько чураются молодцев, потерявших кудри в весеннем возрасте. В юности островитяне ревниво дорожат шевелюрой. «Не спеши стать лысым», — твердит мать малютке сыну старинную пословицу, вкрапливая ее в колыбельную песню. И, как я докопался, такой совет — не ради красоты единой. Волосы, как и чуть ли не приросшие к буйным головам островитян традиционные шляпы («Кто не в шляпе, тот не малагасиец»), прежде всего рассматриваются седовласым обычаем как защита от солнечных лучей — ведь солнечная радиация в тропиках значительно выше, чем в наших умеренных краях.

— А какой прок от лысины? Как у нас говорят, на плечи котелок с похлебкой или рисом не сваришь! — пояснил мне журналист и очень хороший человек Мишель Разакандраина.

Кстати, лысых юнцов мне почему-то не довелось повстречать на Мадагаскаре (как я ни напрягал тогда зрение, а теперь память, ни одного облысевшего молодого друга или знакомого не вспомнил и не вспоминаю). Облысение на Великом острове — редкое явление: малагасийцам, возможно, известны какие-то магические средства от выпадения волос, но мне этого не удалось вывести у них. В большинстве случаев крестьяне, с которыми я общался, полагают, что человека лишают волос духи за какую-то провинность или просто в шутку (духи тоже, бывает, пошаливают...). Худшее же происходит тогда, когда от проделок какого-нибудь озорного духа буйную голову молодого, полного сил мужчины вдруг безобразят разбросанные там и сям плешины. Вот почему над безволосыми подтрунивают, над ними подсмеиваются, их сторонятся, чтобы не привлечь к себе нежелательное внимание потусторонних сил.

«Когда на голове есть волосы, деревня не замечает их, когда они исчезают, этого не замечают только жена и дети». Таких пословиц на острове много, и все они употребляются в самых различных житейских ситуациях. Берясь за рискованное дело, мы говорим: «Лиха беда — начало», а малагасийцы: «Лысина начинается с поредения висков». Некоторые, правда, настаивают на другой версии: «Плешь зарождается на макушке».

Однажды у Мишеля Разакандраины тяжело занемог сын. Он переживал это тяжело, в одиночку, зажимая боль в сердце.

— «Стоит ли скрывать лысину шляпой?» — в сердцах упрекнул его один из близких друзей. — Не усугубляй горе, раздели его, если возможно, с друзьями.

Скрягам и фатоватым самолюбцам островитяне советуют: «Не поступайте, как плешивый, который хоронит под шляпой горячий рис, чтобы не делиться им ни с кем».

Помню, как одна мать на всю улицу отругала неумейку сына, испортившего нужную в доме вещь.

— Горе ты мое! Руки у тебя как крюки! Правы предки: «Когда лысый умывается, с лицом он захватывает и плешь!» — отчитывала она его.

Немногословные, чуть скрытные мадагаскарцы не допускают, чтобы кто-то напролом лез к ним в душу, пусть даже с добрыми намерениями.

— «Что подумать о лысом, который носит шляпу там, где другие ходят с непокрытой головой?», «Когда облысевший просит ножницы, возникает много вопросов», — одернул поговорками на пресс-конференции ретивого западного журналиста член Верховного революционного совета Мадагаскара Арсен Рацифехера, писатель, человек очень остроумный и находчивый.

Об одном кичливом выскочке, не замедлившем во всей зловещей красе проявить на высоком посту свои бюрократические замашки, посетитель, утомленный долгим ожиданием в приемной, обронил:

— «Все равно, что лысый отращивает бороду». У каждого что-то есть и чего-то не хватает.

И уж конечно малагасийцы теряют уважение к бестактным людям, одергивая их пословицей: «В кругу плешивых о плечи — молчок».

Однако то, что в молодости служит предметом насмешек, в старости красит, вызывает уважение. «Не торопитесь лысеть, так как тогда вы будете носить на голове камни», — предупреждает пословица, намекая на то, что лысина в зрелом возрасте налагает на человека тяжелые обязанности. Облысевшие по старости считаются на острове многомудрыми, накопившими большой житейский опыт, от них обычно ждут умных слов и советов.

«На молодой лысине только камни таскать», — иронизируют на Мадагаскаре над преждевременно потерявшими волосы. Старики с лунными черепами чуть ли не идолизируются, обожествляются: по местным понятиям, на закате дней гладь на голове от бровей до затылка и ниже — первый признак мудрости, ибо в осеннем возрасте каждый выпавший волосок олицетворяет благоприобретенное знание. Такие старики с опавшей шевелюрой издавна признаются главами семейств, кланов, родов, облакаются важными обязанностями и правами. На их лысинах таскать камни уже грешно, даже кощунственно... Камни превращаются в мудрость...

«Лысого бедняка или лентяя не назовут рангахи» (уважаемым господином), — гласит народная мудрость. Почтительное обращение «рангахи» нужно заслужить умом и поведением, а для этого требуется время. Только к старикам и почтенным людям на острове относится это старинное обращение, сохранившееся в деревне.

Так что и на Мадагаскаре лысины бывают разные.

Время по-малагасийски

Что такое время в сознании малагасийца? Для среднего европейца в быту время линейно — это прямая линия, которая от настоящего момента уходит либо назад в прошлое, либо вперед в будущее; человек идет по ней и неот-

рывно следит по часам за тем, чтобы к какому-то следующему пункту сделать все, как полагается, не опаздывая. Представление жителей Великого острова о времени можно схематически изобразить в виде круга, в центре которого находится человек. Вокруг него происходит масса событий и имеется очень, очень многое, чего не перечешишь. «Так зачем же волноваться?» — резонно спрашивают малагасийцы. То, что не сделано сегодня, можно сделать завтра или послезавтра. «Если опаздывает поезд или в пути ломается машина, прекрасно! — невозмутимо заявляют они. — Мы все равно в круге — и у нас там есть время. Без нас ничего в этом мире не совершится». Когда я приглашал к себе друзей на шесть вечера, они приходили в лучшем случае на 15—20 минут позже, а иногда еще позднее. Точность для малагасийца — это время вазахи (иностранца).

Но это общее рассуждение, а на практике дело выглядит проще.

...Человек замер в полудреме, уронив голову на колени и обхватив ее руками. Возможно, он просто спит, возможно, размышляет под убаюкивающий дневной зной. Кажется, его мало беспокоит время.

Это мипетрака. Малагасийцы могут пребывать в такой умиротворенной позе день и ночь.

Что такое мипетрака? Пример лени или отсутствия нужды в более активном существовании? Скорее, желание сберечь силы для их лучшего применения. Когда надо, здесь умеют работать, ценить время. Предки учили: саранчу, откладывающую яйца, поймает рано встающий. И в самом деле, саранчу при яйцекладке легче ловить спозаранку, когда она скована прохладой, отягощена росой и ей трудно летать. Время на Мадагаскаре имеет свое измерение и свой ритм. В глухой деревушке Бетрука у самого тропика Козерога я задержался из-за поломки автомобиля, не вынесшего невообразимой продольной и поперечной тряски по грунтовой дороге, напоминающей стиральную доску. В тихом селении, вдали от городской сутолоки, я ощутил время на пасторальный лад — не по

часам, а по петушину пению, по солнечным лучам и приготовлению риса.

Спустилась ночь... Не спалось. Уже второй раз прокричал петух: едва проснувшись, он приветствовал проблески дня. Гасли звезды. Вот уже растворилась в лучах встающего солнца Венера. Из рассеивающейся мглы начали вырисовываться вытянутые контуры хижин, слепленных из латерита. Их буро-красный цвет был еле различим. Из хижин, отапливаемых по-черному, струились чахлые дымки. Варился рис. Позавтракав до рассвета, мужчины, зябко кутаясь в посеревшие от упорной носки, некогда белые ламбы (куски ткани), направлялись с мотыгами на плечах пропалывать поля. Из дворов выгоняли скот. Пастухи зычно понукали длиннорогих зебу. Женщины уже были в саванне. Они собирали хворост и траву для топки.

Малагасийцы рано встают. У крестьянина нет часов, но он хорошо ориентируется во времени. Между тремя и четырьмя часами лягушки на соседней топи устраивают хоровое предутреннее кваканье. В шесть — восход. В восемь жар уже бьет в спину, высыхает роса, и крестьянин гонит скот на пастбище. Сразу после полудня солнце заглядывает в хижину. Его лучи проникают сквозь дверной проем, который, как заведено, делается с западной стороны. Озаряя прохладный полумрак жилища, лучи добираются до ступы для обрушения риса, что в двух шагах от двери, — это значит, что уже три часа. В шесть вечера вслед за слабеющим последним лучом солнца, когда кабаны выходят на поиски пищи, в хижинах варят рис. В восемь вечера горшки стынут, и крестьяне ложатся спать. В полночь наступает пора колдунов и духов. Для человека же подсчет времени приостанавливается до рассвета.

Если вам надо пораньше подняться, не очень-то полагайтесь в деревне на малагасийцев. Ночь для них — пустота, дыра во времени. В деревне верят в то, что душа спящего покидает тело и, вдоволь нагулявшись, набаловавшись на воле за ночь, возвращается обратно. В Бетруке, проспав дольше обычного, я обиделся на хозяина хижины, принявшего нас на постой:

— Буту, что же вы не разбудили нас? Вы же обещали!

— Я не убийца, — сердито возразил он. — А вдруг ваши души не успели бы вернуться в тело? Если бы вы были один, а то вас много. Да еще дети. Зачем рисковать?

Наиболее смелые будили меня, роняя на пол какой-нибудь тяжелый предмет или производя шум, но ни в коем случае не дотрагиваясь.

Понятие времени в глухих деревеньках и часто по традиции в городах растяжимо. Его счет ведется в зависимости от обстоятельств, в соответствии с вековым укладом и занятиями людей, с окружающей природой. Малагасиец не задумывается о цене минут. Он — человек сезонов, прирожденный рисовод.

Однажды мы выехали в город Анцухихи на северо-западе. В пути изрядно подзадержались, фотографируя застывшие, будто океанские волны, холмы Имерины. День уже клонился к вечеру, а города все еще не было видно. Я притормозил машину рядом с одиноким путником, несшим на палке через плечо узел.

— Далеко ли до Анцухихи?

— Когда сварится горшок рисовой каши, — отозвался он.

Это примерно полчаса ходу, прикинул я. Вновь замелькали деревеньки. Пожалуй, сварилось не меньше трех порций риса в одном горшке, когда замигали городские огни.

— Тот старик, наверное, ест не рис, а камни, — проворчал один из моих спутников.

Время исчисляют на длительность жарки кузнечиков (5 минут) или баранины (15 минут). Крестьяне вспоминают какое-нибудь событие так:

— С того времени мы трижды снимали урожай риса...

И удивительно не подобное определение времени, а отношение к нему людей, которые подыскивают ему образные эквиваленты. Время свое они считают не по абстрактным минутам и часам, а по плодам своего труда. Разумность такого подхода вызывает уважение.

Новый год из тьмы времен

В сегодняшнем виде Новый год в Африке — импортное явление и выглядит не столь ярко на брызжущем сочными красками фоне прошлого. Чужое, будь оно веселое и прижившееся, всегда остается не совсем своим. Когда-то католические и протестантские миссионеры, колониальные «советники», насупившись, порекомендовали здешним сюзеренам встречать новолетие, как «весь цивилизованный мир», на Рождество или 1 января. И вот в 1862 году на Мадагаскаре впервые были отмечены Рождество и Новый год. По настойчивому внушению католических прелатов король Радама II заранее оповестил о новом празднике всех подданных, совсем еще недавно обращенных в христианство, и повелел им петь вечером религиозные гимны и песни. В четверг 25 декабря 1862 года король присутствовал на торжественном обеде у консула Франции Жана Лаборда, создателя первых литейных, оружейных и других мастерских на острове.

Огромная толпа с гулким фанатичным восторгом приветствовала короля, когда он вышел на улицу Антананариву (тогда Тананариве) после пиршества, но праздник справила на свой лад. По рассказам очевидца, королевского духовника Вебера, который разъяснил Радаме ритуал нового праздника, процессию, отправившуюся в Серебряный дворец Транувулу на холм Ярив, возглавила супруга короля Рабуду (в переводе с малагасийского «Мятежница»). Король с офицерами шагал за паланкином Рабуду. Тысячи людей, сопровождавших кортеж, в четыре голоса на традиционный малагасийский манер слаженно распевали псалмы и духовные гимны. Мало-помалу характер исполнения менялся. Разогреваясь, толпа входила в экстаз, привнося во французские и латинские кантаты святотатственные мотивы и неожиданный смысл и приплясывая в такт.

— Каким мужеством и терпением надо обладать, чтобы управлять этой бандой сумасшедших! Все они безумные язычники, у которых нет никакой веры, — негодовал король.

Верноподданным во весь голос вторила с паланкина «Мятежница», не без благословения которой, к слову сказать, король был убит несколькими месяцами позднее за многие новшества, противоречившие заветам предков.

— Рабуду дурачится, — кипел Радама. — Она безбожница, как и все они. Она поступает, как этот сброд распутников и распутниц. Эти люди — никто! Они ни католики, ни протестанты!

А тем временем на весь Антананариву гремела вакхическая сладострастная песня далеких предков «Афиндрафиндрау», в которую изредка, на всякий случай, по правилу цини малагасийской психологии, ищущей оправдания любому поступку и прощения за него, вставлялись куплеты, славившие Бога. Однако в исполнении разошедшейся толпы они звучали, по меньшей мере, кошунственно. Папские эмиссары, святые отцы Вебер и де ля Вэсиер, приехавшие на остров приобщать малагасийцев к «цивилизации», зажимали уши.

Но уж им-то заранее следовало бы знать, что сотни лет назад теплыми декабрьскими вечерами, когда в Южном полушарии лето, молодые люди, крепко и нежно обнявшись, блуждали по городу и под сопровождение гармоник, валихи или маруаваны (валиха — еще раз повторяю, нечто вроде гитары, струны которой натянуты на полый гладкий ствол бамбука, а маруавана — народный инструмент, напоминающий скрипку) пели «Афиндрафиндрау»:

Наши ноженьки поют от изнеможения,

Наши глазыньки слипаются.

Где же, о любимая, продолжится наше свидание?

И девушки успокаивали любимых, нежно воркуя в ответ:

Помолчи, о дорогой!

Разве об этом говорят вслух?..

Точно так же и в тот первый рождественский праздник на антананаривских холмах в полночь, когда кучка верующих стояла на коленях в католических храмах, толпы людей, в большинстве своем молодежь, вдруг вспомнив родимую старину, распевали «Афиндрафиндрау».

Говорят: ничто не вечно под луной, но, заметим попутно, ничто и не меняется под ее серебряным светом, а в сущности — все повторяется. До сих пор под Новый год, когда в последнюю минуту декабря звонят колокола, на улицах столицы Мадагаскара громогласно поют веселые, жизнелюбивые песни далекого прошлого, исполняются обряды многовековой давности.

То, что у малагасийцев был Новый год, в этом нет ни тени сомнения. Но ответ на вопрос о том, когда его встречали, еще не до конца ясен. Некоторые малагасийцы думают, что новый год должен начинаться в месяц вуламбита, то есть в «месяц благоприятных судеб». На Высоком плато жили по лунному календарю, и этот праздник падал на сентябрь. Другие утверждают, что — на апрель. Де Флаккур писал: «Первый месяц года начинается в новую луну марта», а историк Грандидье уточнял, что год должен был начинаться 21 марта, с точки весеннего равноденствия в Северном полушарии. Но, если исходить из данных малагасийского языка, что период лухатауна, то есть «начала года», соответствует сентябрю или сентябрю-октябрю, пришел к выводу французский ученый Жан-Клод Эрбер в работе «Малагасийская космография».

Но самым признанным моментом встречи Нового года у жителей Мадагаскара была фандруана. Праздник омовения, который дословно переводится как «праздник купания мпандзаки (короля)», с незапамятных времен отмечали не только в королевстве Имерина в центре острова, но и по всему острову. Он был связан с лунным годом и падал на месяц алахамади, который слыл благоприятным для королей. Впрочем, если у кого-нибудь из близких мпандаки появлялся ребенок, хуже того девочка, то его рождение истолковывали как угрозу жизни монарха. Новорожденного либо торжественно топили в каком-нибудь священном озере, учитывая его благородное происхождение, либо «избавляли от злых чар», давая ему при этом спокойное, «мирное» имя, нейтрализуя в его душе все признаки честолюбия. Так, у одного из мпандзак родился сын по имени «Небожок».

Впоследствии это жесткое правило было несколько ослаблено. Короли Андриамасинавалуна и Андрианампуйнимерина, как указывают летописи, появились на свет именно в алахамеди, и это не помешало им взойти на трон. При королеве Ранавалуне III (1883—1896) празднование Нового года было перенесено на ее день рождения — 22 ноября.

На время фандруаны на Великом острове устанавливался мир, прекращались все междоусобицы и войны. Последний раз его отметили в Антананариву 22 ноября 1896 года, поскольку колониальная метрополия — Франция упразднила «языческое гульбище», предложив «туземцам» отмечать вместо него классический День взятия Бастилии (это нечто вроде Дня святого Валентина или католического Рождества для современной России).

Мне посчастливилось услышать рассказы стариков об этом увлекательном празднике и составить его общую картину. Фандруана вовсе не обязательно совпадала с первым днем лунного года. Если она приходилась на среду или субботу, то это было добрым знамением, если же на другой день недели, то все омовения в семьях проводились до первого дня алахамеди. С помощью омовения люди очищались от скверны пороков и заклятий. За две недели до праздника народ созывался на площадь Андухалу, где лежал священный камень, у которого по традиции вступали на трон мадагаскарские короли. Перед собравшимися произносилась речь о предстоящих торжествах, в которой подробно излагались королевские инструкции.

Приготовление к празднику велось целый год. Загодя запасались рисом, керосином и другими необходимыми припасами. Люди подыскивали и откармливали быков, выбирали тех, которые должны были пойти на убой. Женщины активно посещали рынки, закупали керамическую посуду разных размеров и форм, обсуждали новогоднее меню. Дома они ткали ткани из рафии и шелка — ведь необходимо приготовить новые простыни и циновки, корзины из тростника, камыша или папируса. Запасались свиным жиром или жиром от ноги быка для новых причесок, которые все члены семьи — мужчины и жен-

щины — наводили к заветному дню. Повсюду чинили дома: перестилали соломенные крыши, заделывали отверстия в них, обмазывали латеритом стены жилищ.

Накануне и в день фандруаны, едва опускались сумерки, разжигались костры, дети высыпали на улицы с искрящимися факелами в руках — пучками горящей соломы, привязанными к длинным бамбуковым палкам. Они бегали по городам и деревням, размахивая факелами и тем самым разгоняя злых духов, рассеивая бесовские чары. С высоты холмов Антананариву открывается панорамный вид окрест. Снующие, перемещающиеся, сыплющие искрами, поблескивающие огни производили издалека впечатление грандиозного фейерверка. Молва утверждает, что при зорком зрении можно было до самого горизонта видеть мелькающие факелы, считающиеся сами по себе доброй приметой. В дни фандруаны советовали быть особенно внимательными. Так, если на днище котла в каком-нибудь очаге вдруг начинали вспыхивать множество мелких веселых искр, то люди радовались и удовлетворенно потирали руки: «Это к счастью!»

В первую ночь радостных огней семьи, которые с предшествующей фандруаны потеряли одного или несколько родственников, навзрыд изливали свое горе, стонали и плакали до самого утра. У малагасийцев любой праздник объединяет живых и ушедших...

По истечении ночи, предшествующей празднику, люди спозаранку отправлялись к могилам предков. С утра процессии родственников тянулись к захоронениям, которые находились где-то недалеко за городом или у деревень, чтобы пригласить предков на новогоднее веселье. Разведя у своей семейной гробницы костер, каждый жарил себе по два кусочка мяса. Один съедал сам, а второй перетирал о камень могилы. Иногда жертвоприношение оставлялось в северо-восточном углу склепа. По окончании трапезы живые прощались с мертвыми и возвращались домой.

Ранним утром в праздничный день король, принцы и вельможи собирались во дворце Мандзакамиадана, чтобы присутствовать около главного входа на принесении в жертву знаменитым прорицателем красного петуха. Ку-

десник собирал кровь птицы в лист банана, сложенный в виде ковшика, и переносил в северную часть здания. Король, окунув в банановый «сосуд» мизинец левой руки, мазал себе лоб, ложбинку горла, надчревную область, ноздри, подмышки, половой орган, ногти рук и ног. То же самое делали все его приближенные, подхватывая слова монарха: «Господи, Создатель, пусть все, что мы будем делать, не привлекает к нам несчастья!» Затем он так же оставлял пятнышко крови на ригеле над входной дверью своего дома. И в этот момент раздавались первые залпы орудейного салюта.

Мясо красного петуха делили поровну, по-братски и уносили домой. Точно так же очищался петушиной кровью и простой народ, который до окончания фандруаны не вкушал мясо животных.

В семь утра все возвращались во дворец, переодевшись в шелковые одежды — ламбамены, и тогда вскрывались королевские гробницы. Их подметали, расстилали там новые циновки. Место захоронения короля накрывалось красными тканями. Выходя из склепов, мыли ноги. Потом то же проделывали в усыпальницах королев.

Наконец наступала волнующая минута распределения нескольких сотен быков среди народа. Быки, загоняемые в специальное место в королевском дворце, с шумом и криком выгонялись на волю. Едва они вырывались за ворота дворца, как за ними начинали гоняться люди. Тот, кому удавалось поймать и обуздать быка, становился его хозяином. Погоня за озверевшими животными по улицам Таны не была безобидной и безопасной, но она придавала столице особый незабываемый облик, чем-то напоминающий арену для корриды.

Все празднование Нового года до мельчайших подробностей было наполнено присущим малагасийцам духом символики и загадочности. Дар зебу на торжестве имел целью как бы передать подданным через этих животных дух короля, являвшегося, по всем местным канонам, воплощением духа предков, и сплотить народ. В такие моменты даже самые красноречивые эмоциональные речи выглядят смешными и лицемерными. Мясо зебу — оли-

цетворение плоти короля. Монарх обожествлялся и в глазах подданных был как бы Богом и мог сказать: «Берите и ешьте — это мое тело».

После полудня в каждом доме устраивался ритуал сафо рану: один из мужчин, чьи родители были еще живы, нагревал в очаге воду, налитую в новый глиняный горшок. Каждый опускал в нее пальцы и произносил слова: «Хвала и благодарение Андриаманитре и Андриананхари! Хвала Господу, хвала Творцу! Пусть проживем мы с Твоей помощью тысячу лет, все мы, вся наша семья вместе, не расставаясь!» Вознося эту молитву, каждый подносил мокрые пальцы к голове. Затем совершавший богослужение брал часть воды и разбрызгивал ее на всех присутствующих. Остальное выносили за порог и потом выливали в священное озеро Анцахацируа.

В 1530 году королева Рафухи высказала в последнем желании, чтобы ее тело было погружено в пирогу, накрытую другой, перевернутой пирогой, и утоплено в этом озере. Приняв королевские останки, воды озера стали священными. С тех пор они укрывают в своих пучинах судьбу королей Имерины, каждый из которых всякий раз, восходя на престол, приносил жертвы своему предку или духам водоема на его берегу. Здесь же черпали воду к Новому году для королевского купания, чтобы суверен омолаживался и взбадривал свою судьбу. Знаю, что кое-кто проводит обряды с водой из Анцахацируа и по сию пору. Стоит упомянуть, что короли, очень склонные к чистоте и опрятности, использовали (а их потомки используют) любую возможность окунуться в эти священные воды, а также искупаться в озерах Мандросеза, Икупа или других подобных водоемах.

Кстати, если случилось, что в семье не было никого, у кого бы были живы отец и мать, то жреца для обрызгивания священной водой выбирали из числа преуспевавших в коммерческих делах. Без сафо рану нельзя было отмечать фандруану.

К вечеру, как и накануне ночью, дети из семей, не знавших траура в течение истекшего года, устраивали факельное шествие.

К семи-восьми вечера происходила главная церемония омовения короля — королевская баня. На нее собирались все сколько-нибудь значительные вельможи и простолюдины, одетые в белые шелковые ткани (ламбы). Они садились на столь же безукоризненно чистые белые циновки. Являлись музыканты с огромным деревянным барабаном, и под их музыку пели народные песни многочисленные певцы. Вдоль шеренг вооруженных солдат к своему обычному месту шествовал король.

На одном из специально сложенных по случаю очагов кипятили рану машина — священную воду. Эти слова могли означать также морскую воду. Когда королевство расширилось до берегов моря, на восточное побережье за ней отряжались к Новому году королевские водовозы или водоносы. До этого же вода набиралась в специальных священных источниках. Тщательно отобранный человек, имеющий живых родителей и принадлежащий к клану Андриамитундра, белым рогом набирал ее в священном озере Анганумасина, где был, по преданиям, погребен предок династии мерина Ранжита.

Когда вода была подготовлена к купанию, король заходил за перегородки, драпированные красными полотнищами, раздевался и обливался горячей священной водой. При этом он произносил заклинания: «Пусть я буду святым! Те, кто принимает королевскую ванну, заботятся о живущих и ушедших королях!» После купания суверен выходил из-за ширм, облаченный в королевские одеяния, и благословлял всех, окропляя водой из своей ванны с помощью белого рога. Когда король садился на трон с северной стороны, подданные подносили ему монеты (обычно серебряные доллары или пиастры).

И вот на блюдах начинали разносить мягкий теплый рис, копченое бычье мясо, а также мясо, сохраненное с прошлой фандруаны... Начинался пир на весь мир. Малагасийцы умеют вкусно готовить даже самые простые блюда. Гости короля были одеты в брызжущие ослепительным белым цветом одеяния. Королю подавали первому. Король брал горсть зерен риса, немного ел, а остальное сыпал на голову, желая себе тысячу лет жизни и процвета-

ния. При националистически настроенной королеве Разухерине (1864 год) в этот праздничный день запрещалось есть продукты, привезенные из Европы.

Пир длился до четырех утра и заканчивался речью, в которой выражались пожелания долгой и счастливой жизни и повиновения мудрому монарху.

А на улицах и в домах тоже шел праздник, царило буйное, подчас необузданное веселье. В семьях проводили обряд татау — возложение риса на голову. Человек, у которого были живы родители, брал щепоти риса, макал их в молоко и мед, а затем клал каждому на макушку, приговаривая: «Я кладу этот мед на вашу голову, чтобы вы были более уважаемы, чем этот вкусный мед, чтобы ваше имя приятно звучало в устах каждого, чтобы ваши слова было очень приятно слушать».

Три дня справлял с помощью различных обрядов Новый год король. Иногда новогодние празднества длились целый месяц. Это были, как выражаются малагасийцы, «ночи, в которые никто не умирает». Пробуждаясь, люди приветствовали друг друга словами: «Привет вам, которых осчастливил праздник Нового года!» А в ответ звучало: «Спасибо, всех нас обрадовал Новый год! Желаем вам столь же благополучно встретить следующую фандруану!» А на улицах пели веселые песни и восклицали: «Господи! Спаситель! Мы счастливо начали Новый год! Пусть же и впредь мы будем столь же счастливы! Пусть мы будем жить, не разлучаясь друг с другом, тысячу лет!»

Глава вторая

В СТОЛИЦЕ И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЯХ

Цветовая гамма Антананариву

На Мадагаскаре все начинается с Таны, как коротко и ласково называют малагасийцы свою столицу, и кончается на ней. И я начал знакомство со страной с живописных столичных улиц. Образ города, купающегося в море горячих красок и света, надолго западает в сердце каждого, кто хотя бы раз видел его.

Антананариву обосновался среди кирпичного цвета гор, холмов и зеленых наносных долин плато Имерина, у северных отрогов горного массива Анкаратра. Кварталы столицы разместились на высоте от 1250 до 1470 метров, и город как бы возвышается над островом.

Климат нагорья, тропический, влажный и самый прохладный на Мадагаскаре, благоприятен для человека, хотя и не лишен капризов. Летом Антананариву словно по-

падает под душ: во второй половине дня и по ночам ежедневно хлещут ливни. В среднем в столице выпадает 1350 миллиметров осадков. Хотя в жаркие месяцы температура почти не превышает 30 градусов, в эту пору бывает душновато, но не так душно, как на побережье или на юге. Зато зимой здесь весьма прохладно. Днем температура опускается до плюс 12 градусов и ниже, а ночью бывает и до 3 градусов. Люди ходят в пальто, те, что победнее, заворачиваются в байковые одеяла.

В цветовой гамме столицы преобладают голубой и красный тона, цвета неба и латеритной почвы. Голубой или синий цвет традиционно олицетворяет все прекрасное и приятное. Певучий голос, красивое место малагасийцы называют манга — «голубой». Аналаманга — в переводе Голубой, или Красивый, лес — наиболее высокий (1468 метров) из священных холмов Имерины. В начале XVII века предводитель мерина Андриандзака пустился на хитрость, чтобы отобрать холм у вазимба. Ночью он разжег вокруг горы сотни костров. Оборонявшиеся, решив, что на них надвинулись несметные полчища врагов, в ужасе разбежались. На вершине, в цитадели, вождь оставил свой гарнизон из тысячи воинов, положив начало Антананариву — «городу тысячи воинов». Есть и другие толкования этого слова. Например, город тысячи деревень. Недаром его жители в обиходе называют свой квартал деревней. Живут здесь большими семьями, нередко замкнуто.

Герб Таны состоит из двух желтых и двух голубых квадратов, сложенных в шахматном порядке. На желтых изображены черные головы зебу, на голубых — букетики из трех священных золотистых лилий, воплощающих благородство и плодородие. Над квадратами — золотая корона в виде крепостной стены с семью зубчатыми башнями. Внизу на витой позолоченной ленте надпись: «Тысяча мужчин не умирает в один день». Это девиз столицы и всего вольнолюбивого Мадагаскара. Под этим лозунгом в 1947—1948 годах малагасийцы с копьями и дубинами бесстрашно шли в бой против колониальной армии, оснащенной артиллерией, танками и самолетами.

Мадагаскарцы исстари называют свой остров красным или огненным. Объясняют это по-разному. Ссылаются на древний культ огня, на цвет латеритных почв, на великолепие багряных закатов, которыми славится остров. К тому же, по народной символике, красный цвет — цвет радости, вечности, постоянства, благородства, мужества, наконец, крови и самой жизни.

Под ярким солнцем город светится розоватыми красками спелых плодов какао, белизной коры хинного дерева, сочным пестроцветьем бутенвиллей, один из видов которой, с пунцовыми цветками, зовут мадагаскарией. Во всех отношениях Тана — алый, багряный город. Под пурпурными королевскими знаменами — а красный цвет был традиционным цветом малагасийских суверенов — его жители сражались с иноземными захватчиками. После поражения королевских войск в 1895 году от французской армии остров как грандиозный пожар с очагом в столице охватило восстание меналамба — крестьян в малиновых туниках с алыми повязками на лбу. Лишь в 1915 году это народное движение было подавлено. Число жертв «умиротворения» превысило 700 тысяч человек, включая умерших от голода.

В 1912 году молодые интеллигенты Антананариву основали общество «Ви вату сакелика» (ВВС). Эти слова соответственно означали «Железо, камень, секции». Железо и камень ассоциируются у здешних жителей с понятиями чистоты, сплоченности и крепости. Секции ВВС возникли по всей стране. В декабре 1915 года организация, взаимодействовавшая с восставшими южанами, была раскрыта, а 500 ее членов заключены в тюрьмы.

В 20-х и 30-х годах в Красном городе действовали соратники Хо Ши Мина — Жан Ралаймунгу, Жюль Ранайву, Жозеф Расета, Жозеф Равуаханги и другие народные вожди. Рядом с ними за освобождение Мадагаскара боролись французские коммунисты Поль Дюсак, Эдуард Планк, замученный впоследствии нацистами в лагере Дахау, и герой борьбы с фашизмом Франсуа Виттори, с которым я познакомился в 1977 году, незадолго до его смерти.

19 мая 1929 года в Антананариву состоялась беспрецедентная для Африки тех времен многотысячная демонстрация. «Свободу! Независимость! Мир!» — скандировали ее участники, собравшиеся под красными знаменами. Город стал «красным» волей истории, следуя заветам своих героев.

Традиции борьбы за свободу укоренились. Красный цвет диктует вкусы. По праздникам все облачаются в красное.

Город будто устремлен к небесам. Один из его кварталов так и зовется — Имаривуланитра — «возле неба». Прогулки по кварталам Последний холм, Расколота скала, Белый холм как бы переносят в поднебесное царство. Антананариву оседлал три холма, и из иллюминатора самолета он выглядит как рогатка, сориентированная с юго-востока на северо-запад. Две ее ветки господствуют над скоплениями современных домов в широкой плоской долине. Главная артерия города протягивается от парка Амбухидзатуву к огромному рынку, в самом центре переходит в авеню Независимости и упирается в железнодорожный вокзал. Старый город взирает на этот разрастающийся деловой муравейник с вершин холмов, представляющих остов столицы.

В старом городе стоит только замечаться, как, будучи в полной уверенности, что мчишься на запад, очутишься на востоке. И так всегда на Мадагаскаре — ожидаешь одно, а находишь другое, над чем никогда не задумывался.

Узкие прямоугольные домики-башни из красной глины с остроконечными крышами карабкаются по крутым гранитным уступам, поддерживая друг друга. Они будто ласточкины гнезда облепили горные кручи. Среди них мелькают как бабочки-капустницы белоснежные новые строения. Почти каждый семейный домик здесь по традиции имеет громоотвод.

— Вам тоже надо завести громоотвод. Бури у нас грозные, и не ровен час, одна из шальных молний саданет по крыше, — посоветовал престарелый священник отец Дюнан.

Некоторые домики обсажены деревьями с широкими «капустными» листьями, отводящими, по поверьям, удары молний. Такой естественный громоотвод считается надежнее.

С молниями, право же, лучше не связываться. Сойтись в поединке с молнией — значит пойти наперекор судьбе, делать себе хуже, внушали мне малагасийцы. «Стрелять из пушки в молнию — все равно что содействовать встрече двух бед», — поясняет их народная пословица. С молнией шутки плохи, считают островитяне. «Не обнимайся с молнией, не носи за пазухой метеорит: они могут поразить вас», — предупреждает пословица. Слово «молния» присутствует там в поговорках, когда от человека требуют разумного поведения, рассудительности и смирения: «Не поступайте, как еж, который не боится убивающей его молнии, но пугается фонаря», «Того, кому не везет, в воде схватят крокодилы, а на суше ударит молния». «Молния не бьет дважды в одно и то же место», — успокаивают рассердившегося человека, имея в виду, что гнев его не вечен.

Однажды мы с актером Анри Рабариндзакой, бродя по ночным улочкам Аналаманги, подошли к лобному месту, где когда-то казнили женщин, обвиняемых в колдовстве. Из одного домика донеслись приглушенные звуки струнного перебора, и тихий мягкий баритон запел старинный романс «Ни лакан цика» («Наша пирога, о моя родная»). Ему задушевно подтянул тонкий женский голос. Мы застыли в молчании на пустынной мостовой, упиваясь чужой семейной идиллией. Вокруг было тихо. Только высоко на темно-синем небосводе перемигивались звезды да посвистывали птицы. Затем звуки замолкли. Мы готовы были продолжить путь, как зазвучал другой романс — «Позволь мне, отец, отправиться на прогулку по берегам озера Итаси».

— Старинные романсы в старинном доме, — промолвил Анри. — Прошлое запечатлено не только в очертаниях домов, а даже, как в этом доме, в форме двери.

На парадной двери из массивного дерева было вырезано скульптурное изображение, похожее на женские груди.

— Это символ гостеприимства и теплоты домашнего очага, — проронил мой спутник.

Старый город начал строиться еще при королях. У домов Антананариву есть давний прототип — хижина короля Махициелафандзака. В этом вытянутом вверх строении из черного палисандра обдумывал свои реформы Андрианампуйнимерина. Такие одноэтажные домики сохранились на гребне Аналаманги рядом с мандазаками-аданой — дворцом королевы — и на вершине холма Амбухиманга, что в 16 километрах от столицы. Их крыши напоминают узкие длинные рога зебу.

Вокруг столицы — сплошное редколесье, но в прошлом каждый почитал за счастье иметь деревянный дом. Город был весь из дерева. Королева Ранавалуна I (1868—1883) даже издала декрет, запрещающий ее подданным строить каменные дома. Впрочем, «благородные» не желали жить в иных жилищах, чтобы не прогневить предков склонностью к новшествам.

В разгар жары возникали пожары. Огонь слизывал строения с холма, пылавшего, как вулкан. Не помогал талисман мандазакируа, хранившийся во дворце королевы. Издавая указ, Ранавалуна уверяла, что мандазакируа убережет столичные дома от пожарищ. Погорельцы строились и снова становились погорельцами.

С 70-х годов XIX века горожане стали складывать жилища из сырцовых латеритных кирпичей. Строительный материал брали в 10 километрах от города. Теперь на пути к аэропорту Ивату можно видеть гигантский карьер. Отсюда пошел Антананариву. Из глины, вынутой здесь и высушенной на солнце, построены все дома столицы. Глинобитные копии быстро вытеснили своих деревянных предков.

Колонизаторы не поделились с малагасийцами секретом обжига кирпичей. И по сей день в ненастье старые строения нередко оползают, унося порой человеческие

жизни. Когда в лучах вечернего солнца видишь нескончаемый каскад розовых пламенеющих домиков, пугают масштабы трагедии, которая однажды в период дождей может здесь разыграться. И над всем этим возвышаются дворцы королевы и премьер-министра. Дворец королевы огорожен кирпичной стеной. Импозантная решетка парадных ворот увенчана чугунными орлами с могучими расправленными крыльями. Дворец (по-малагасийски — «рува»), обсаженный священными деревьями, главным образом фикусами, виден со всех точек столицы. Шедевр деревянного зодчества был воздвигнут в 1839 году на площади, которую звали «Ладонь с деньгами». Сюда верно-подданные несли дары монархам. Здание сооружено вокруг 40-метрового деревянного столба: редкой породы, твердое как камень дерево было найдено в лесу в 400 километрах от столицы. 5 тысяч рабов, которым была обещана свобода, бережно тащили эту машину, но не многие из несчастных дошли до заветного Голубого холма...

Рува — исторический музей. Там же размещена картинная галерея. К сожалению, многие исторические ценности, редкостные рукописи и книги похищены. Они пополняют западные музеи и частные коллекции.

Со смотровой площадки на Аналаманге рядом с рувой открывается круговая панорама километров на 15—20. 210 метрами ниже, от подножия холма, расходятся шумные кварталы города с многоэтажными зданиями. Перед стадионом приютилось заповедное озеро Ануси, кишашее рыбой, которую никто не ловит. Купальщиков отпугивают крокодилы, обитающие здесь, в самом сердце города. Нет-нет да и выползут рептилии погреться на солнце. К ночи они не боятся выбираться даже на асфальт и нередко, мягко говоря, «пристают» к прохожим. Охотиться на них не разрешается.

Столичный рынок — одно из чудес страны. В народе его зовут «зума». В обычные дни его владения ограничиваются районом Аналакели, а по пятницам обширный лес тентов и палаток захватывает весь центр города и авеню Независимости. Этот грандиозный спектакль давно

поставлен предками, и его режиссура не меняется, разве что увеличивается число его участников. Сюда стекаются крестьяне из самых отдаленных деревень. Места занимают загодя, в четверг вечером. Здесь хозяйничает крестьянин-рисовод с Высокого плато. Он носит серые брюки, длиннополую рубашку, часто в продольную светло-розовую или голубую полоску, с клинообразными вырезами на боках. На нее наброшен пиджак. Шея повязана широким белым шарфом-ламбой, который сзади белеет как накидка кавказского горца.

Чего только нет на торжище! Корзины с личи, манго, авокадо, гуаявой, яблоками, хурмой, виноградом... Овощи и зелень — на все вкусы. Цветами, которые продаются на зуме, можно растопить сердце самой неприступной красавицы. Алые, белые, нежно-желтые розы, гладиолусы, снежные, золотые и даже фиолетовые лилии, темно-красные цветы фламинго (антуриум). Еле сдерживаешь волнение, когда бесстрастный продавец вручает тебе букет растущих в этих краях «райских птиц» (стерилиция режинас).

Вот разложили свои изделия мастера плетения: корзины всех форм, циновки, сумочки из сизаля и рафии, десятки видов шляп.

— Купи шляпу, добрый вазаха! — приглашает зазывала.

Вазаха — по-малагасийски «чужеземец». Слово произошло от индонезийского «бадзак» — «пират» и стало обращением к чужеземцу. Конечно, приятнее, когда тебя назовут вахини — «гость».

Продавец протягивает шляпу с широкими, как у сомбреро, полями. Я, смеясь, отбиваюсь от агрессивного коммерсанта, так как шел на зуму совсем не ради головного убора. Он предлагает шляпы «пирожком», плоские — для патентованных франтов, с высоким донышком...

Шляпы стоят того, чтобы о них сказать особо. «Кто не в шляпе, тот не малагасиец!» — гласит пословица. По головному убору легко отличить бецимисарака от мерина, бара от сакалава, цимихети от бецилеу. Разбираясь в шляпных нюансах, можно даже составить этническую

карту Великого острова. В каждом районе носят шляпы особой формы и манеры плетения. Едва в семье родится ребенок, как ему нахлобучивают на голову шляпу. В три-четыре года ее уже носят набекрень, а в 30 лет просто не снимают, будто она очки от близорукости. Человек, особенно в сельской местности, чувствует себя без шляпы раздетым. Даже на сцене концертного зала хористы отказываются снимать соломенные уборы предков. И если какой-нибудь остряк прозовет Мадагаскар островом в шляпе, он не будет далек от истины. О шляпах здесь можно написать научный трактат. Старожил острова, отец Дюнан, изложил мне любопытную гипотезу на сей счет:

— На мой взгляд, ношение шляп — инстинктивная защита от палящего солнца, от высокой солнечной радиации, рекомендованная предками.

Под разноцветными грибками и тентами из соломенных циновок можно приобрести все что угодно. Картины из рисовой соломки, браслеты и ожерелья из рогов зебу или панциря морской черепахи, мебель из палисандра, пепельницы из окаменелого дерева, всякого рода минералы — от агата и яшмы множества расцветок до нежно-голубого берилла и редкого турмалина, карты из самоцветов, музыкальные инструменты из бамбука и шкур животных, статуэтки из эбенового и розового деревьев, ракушки, коллекции бабочек, чучела крокодилов, хамелеонов, птички фуди (кардинал)...

Около цветочных рядов расположились умудренные опытом знахари, готовые вмиг поставить вам диагноз и снабдить необходимыми «лекарствами», снадобьями и приворотными зельями. Правда, некоторые врачеватели отказываются лечить заочно. На лотках и разостланных на земле соломенных и сизалевых простынях — корешки от гипертонии, кора, зарубцывающая раны, травка фанафуди от лихорадки и для взбадривания организма, имбирь для продления молодости, кучки каких-то таинственных зерен и орешков, пучки трав, корешки, кусочки древесины, флакончики, ожерелья из бисера или частичек белого металла, иглы, кольца, крючки. Покупатели

протягивают продавцам рецепты, и те отпускают нужные лекарства, помешав порошки с зернами, добавив тертую траву, а для усиления целебного действия лекарства вручают клиентам заодно и талисманы вакана — бусинки удачи разных размеров, форм и расцветок, изготовленные из декоративного камня, стекла, дерева или других материалов.

Знахарь протягивает мне коротенькую отполированную белую бусинку цилиндрической формы.

— Она принесет вам богатство, вазаха, — убеждает он. — Талисман находится под знаком двенадцатого месяца года, берите его, иначе в другое время не найдете.

Талисманы носят на шее или запястье на белой шелковой нити. Говорят, что их обладатели преуспевают в жизни, пользуются благосклонностью начальства. Однако есть и оговорка. Молва предупреждает, что женщина, родившаяся под сенью этой белой бусинки и раздобывшая ее, может наставить супругу рога и даже покинуть семейный очаг.

Очень распространены талисманы из различных пород священного дерева. Это кусочки, на которых выгравированы изображения людей, священных птиц и животных. Знахарь кладет их в кубки из рогов зебу, также разрисованные магическими узорами и изображениями и наполненные медом или животным жиром. Кубки обматывают тканью, в которую завертывают прах предков на церемонии перезахоронения усопших. После должной выдержки и заклинаний они готовы к употреблению и защищают от чумы, бешенства, молний, воров и дурного глаза.

Всякого рода талисманы и амулеты занимают солидное место в жизни не только столичных жителей, но и большинства малагасийцев. Как сделать, чтобы град не побил посевы, а превратился во влагу и напоил поля? Нестандартное решение этой насущной для крестьянина проблемы предлагает языческий обычай, изучению которого посвятил свою диссертацию малагасийский ученый Альфред Рацикизандракутуарисуа. Он выяснил, что в де-

ревушке Лаилава Андрефана близ Антананариву принято отводить град с помощью специального набора амулетов и идолов, которыми манипулирует языческий жрец.

Если необходимо привести эти орудия белой магии в действие, их размещают в доме и во дворе волхва. В священный, отведенный для духов предков угол дома помещают бутылку со святой водой, три свечи и тарелку с бычьими почками, благовонием, медом, а также пузырек с самогоном. Там же располагается главный идол — деревянное изображение предка, вырезанное из цельного ствола дерева. Во дворе, также в углу предков, разжигают костер из соломы, а рядом втыкают в землю два копыя и два шеста с амулетами наверху. Обращенные к небу, они-то и превращают тучи с градом в обычные дождевые.

Регулярно, каждую весну, которая на Мадагаскаре наступает в сентябре, положено приводить в порядок амулеты и идолов, восстанавливать их поистратившуюся за год «священную силу». Для этого жрец относит их в ближайшие капища, называемые андрайсиса или андрайфуна, где оmyвает в святой воде и обмазывает медом. В эффективности идолов у малагасийцев нет сомнений, ведь в идолах, по поверьям, живут духи предков, а всеми процессами в природе управляет верховное божество, с которым отождествляются наиболее дальние предки. Ну а уж одни предки с другими договорятся.

При поимке воров жители глубинки нередко обращаются не в следственные органы, а к услугам колдунов, способных в состоянии транса вселять в себя провидческий дух предков (обряд «трумба») и гаданием «сикиди» на рассыпанных зернах фану определять личность преступника и его местонахождение. Процедура традиционного «следствия» в принципе несложна и занимает мало времени.

Просто надо прийти к прорицателю с порядочной репутацией и изложить суть дела. Тот, обратившись лицом на восток, окропляет землю из расположенной перед ним плошки с водой, одновременно взывая к помощи Бога и предков. Постепенно страстная мольба переходит в рев,

затем в иступленный вой. Затем остается лишь проконсультроваться с зернами растения фану или обычными игральными картами, разложенными на зеркале. Вскоре необходимые сведения будут получены.

Мой коллега, журналист из газеты «Ми́ди Мадагасика́ра», как-то убедился в чрезвычайной действенности такого расследования. В городе Маеватанана он сопровождал местного жителя, который обратился к старой опытной колдунье после того, как у него обчистили дом. Хотя следов грабители не оставили, ведунья с помощью духа своего предка — крокодила, по преданию, непревзойденного гения ворожбы, и нескольких талисманов и амулетов быстро отыскала преступников.

Правда, все же эксперименту в некоторой степени не хватило научной чистоты. Потом выяснилось, что воры перед тем, как пойти на дело, также прибегли к ее услугам в надежде обеспечить успех предприятия и предварительно изложили провидице план действий, то есть преступный замысел.

Тем не менее надо признать, что амулеты на Мадагаскаре обладают, по мнению малагасийцев, самыми разнообразными выигрышными качествами. С их помощью можно превратить пули в капли воды, сделать человека невидимкой, навести молнию на недруга... О живучести поверий, дошедших до нас из глубины веков, напомнил мне случай с поимкой группы грабителей близ населенного пункта Ихуси на юге Мадагаскара. Помимо доблести полицейских молва отнесла ликвидацию банды на счет сверхъестественных сил. Местные жители сошлись во мнении, что преступники совершили какое-то прегрешение перед духами — покровителями амулетов, почему удача и отвернулась от них.

Могуществу амулетов долгое время приписывалась и способность известного разбойника Майнцубанги уходить от преследования. Угонщик скота, приводивший в трепет окрестности города Тулиара на юго-западе страны, был, по общему признанию, неуязвим для пуль жандармов. Висевший у него на шее амулет превращал их в

воду. Для его поимки властям пришлось применить еще более эффективное волшебное средство — обратиться за помощью к наиболее опытным знахарям — умбиаси.

Вообще-то кое-какие амулеты, по молодости и неопытности, купил на зуме и я, грешный...

В отличие от африканских, и особенно арабских, базаров, здесь никто не пристаёт к вам, не тянет за руки, не пытается силой всучить бесполезные для вас товары, не сокрушается при вашем отказе. На зуме хладнокровно ждут покупателя, кивком или жестом приглашают обратить внимание на товар, поторговаться любят, выслушают ваши предложения и спокойно соглашаются или отклоняют их. Деликатность и сдержанность — в характере малагасийцев. На рынке царит приподнятая праздничная атмосфера. Один и тот же товар здесь можно купить либо втридорога, либо в десять раз дешевле. Все зависит от красноречия торговца и неопытности покупателя.

Вот идет отчаянная торговля за ребану — материал из волокон пальмы рафия, в который заворачивают останки предков во время фамадиханы. Две модницы с берегов Сены, не зная ее назначения, задумали торговаться из-за ткани, чтобы потом шеголять в ней на улицах Парижа, то есть на этом свете. Дамам скидка показалась явно недостаточной.

— Небольшой кусок ткани вы продали по цене, за которую можно приобрести целую пальму, — проворчала одна из них.

— Мой брат, живущий в саванне, большой и сильный. Он — носильщик. Я же маленький и слабый, — засмеялся знакомый продавец, а потом повернулся ко мне и с уморительной улыбкой прошептал: — Вазахи, гоняющиеся за сувенирами, часто покупают невесть что. Если они сошьют себе платье из ребаны и пойдут у нас по улице, все прохожие разбегутся, приняв их за призраков в саване.

Женщины и девушки придиричиво, не спеша выбирают себе ламбы — яркие куски ткани длиной по 3—4 метра,

которыми они тут же обматываются, превращая их в нарядные платья или юбки.

Ламба — национальная одежда, не только женская, но и мужская. Она славится в стихах и песнях. «Пусть я буду твоей ламбой, — обращается в старинной песне юноша к своей возлюбленной. — Пока ты жива, ты будешь носить меня у своего сердца, а после твоей смерти я составлю тебе компанию в последнем убежище».

Ламбы разных цветов могут быть также шарфами и шальями.

— Если по улице шествует женщина, у которой через плечо перекинута и развевается на ветру ослепительно белая ламба — шаль из тонкой шелковой ткани, знай — красавица наверняка замужем. В замужних у нас влюбляются только повесы, — «просвещает» меня в шутку Разакандраина.

Такая ламба — украшение. Широкие груботканые ламбы служат и плащами, и одеялами мужчинам-крестьянам и городским беднякам.

По ламбе, говорят, можно судить даже о характере людей.

Стыдливой называют красотку, наглухо закрывающую ею шею. Если же ламба чуть скошена налево, то у ее владелицы усматривают интриганские наклонности, если же большинство складок перемещено вправо, то перед вами явная кокетка.

«Ламба, — пишет поэтесса Франсуаза Рацимандреси, — еще одна черточка души моего народа. В радостные мгновения она придает грациозность в танце, в печали — траур, после смерти она становится саваном — последним убранством...»

Потолкавшись между рядами, побеседовав с торговцами, получаешь полное представление и о всей стране, и о ее обычаях.

«Считать пятницей только один день в неделю...» — такое парадоксальное решение принял в 1978 году муниципалитет Таны. Напомним, что слово «зума» — арабское

и означает «пятница». Со временем оно утратило на Мадагаскаре свой корневой смысл и стало восприниматься в обиходе как «базар». В столице зума собирался ежедневно, кроме воскресенья. В интересах чистоты и порядка муниципальные власти решили вернуть зуме его старое значение и устраивать базар один раз в неделю.

Тана — это лабиринт бесконечных подъемов и спусков, тесных улиц и закоулков с односторонним движением. В полдень, набравшись впечатлений на зуме, заворачиваю на уходящую далеко вверх лестницу Ластелля, выбитую в скале Амбатунанганга. Тяжело дыша, бреду мимо кинотеатра и гостиницы «Лидо» к роще джакаранд, затеняющих разлапистыми кронами площадь Независимости. На ней посередине небольшой клумбы воздвигнут обелиск из серого камня. На его фронте три слова: «Свобода. Народ. Развитие».

Нет тени свежее и прохладнее, чем тень джакаранды. Она дарит путнику, попавшему под ее сень, такое же счастливое чувство, какое может подарить глоток воды в раскаленной Сахаре. На плечо гулко падает тяжелая капля влаги. Небо ясное, а под деревом — «дождь». В сентябре дерево роняет сиреневые цветки и «плачет», то ли прощаясь с уходящей солнечной зимой, то ли радуясь наступающему лету. Секрет «плача» джакаранды прост. В эту пору в ее кроне массами селятся слюнявницы — крошечные личинки цикад, которые и выделяют влагу «слез». Цветущая джакаранда дает густую сиреневую с фиолетовым отливом тень.

Бродя по узким петляющим улицам, попутно знакомись со здешним растительным миром. В городе можно увидеть многих коренных и завезенных представителей флоры Мадагаскара. Вдоль авеню Независимости красуются высокие киминины; эта разновидность эвкалипта особенно освежает и ароматизирует городской воздух. Одна улица обсажена камфарными деревьями и дубами, другая — каролинскими или швейцарскими тополями, третья — платанами или филао с раскидистой

лиственной... В маленьком парке Амбухидзатуву, под отвесной скалой, рядом с баугинией растет приземистое деревце с изогнутыми ветвями и крупными яркими цветами. Это хазумбуайи, или «крокодилье дерево». На западном побережье оно крупнее и селится по обрывистым берегам рек. В жару крокодилы собираются в холодок под его сень. Есть в городе и раци — огненные деревья, только здесь, на плато, они не цветут, как на побережье или островах. В Средние века их распространили здесь арабы.

На закате, когда город залит ровным апельсиновым светом, с высоты птичьего полета предстает гармоничная картина кривых и прямых линий, квадратов, прямоугольников, треугольников и кругов, нежно-сиреневых пятен джакаранд, красного латерита, белокаменных зданий, алмазного отблеска водоемов, изумруда зелени, лиловых и пурпурных бугенвиллей на фоне небесной лазури...

На свадьбе

Знания об обычаях и людях страны собираются по крупицам. Бывало, к вечеру — звонок в дверь, и на виллу без предупреждения вваливается Мишель с гурьбой приятелей. Начинаются шахматные бои, беседы за чаем о том о сем, сравнения обычаев и традиций.

— На днях я был свидетелем брака поневоле, — сказал как-то Рандриа. — В нашем понимании это брак, подготовленный по воле родителей. Давнишний обычай. Молодые были чудесны, но унылы. Любовь обошла их. Жаль, но в мире каст бывают соображения выше таких чувств, как любовь.

— Кстати, — перебил его Мишель, — скоро мы будем забивать столб, и я заранее приглашаю всех присутствующих на свадьбу сына.

По обычаю, во время свадьбы родителям невесты преподносится вудиундри — задняя часть барана вместе с хвостом — для закрепления родства. Раньше это делалось обязательно, иначе соседи могли засмеять девушку, ска-

зять: она не жена, а любовница. После подношения вудиндри забивали столб в честь новой семьи.

Приглашение Мишеля обрадовало меня. Мадагаскарскую свадьбу XX век обезличил менее всего. Попасть на нее иностранцу не всегда удается. Брак здесь — не только ритуал, блещущий остроумием, но и соприкосновение с условностями и предписаниями старины.

День свадьбы — суббота — выдался на славу. Солнце парило в бирюзовой выси, червонным сиянием высекая искры из утренней росы. Воздух был алмазно-прозрачным. Спозаранку вместе с женихом, семью его свидетелями и гурьбой родственников мы гуськом двинулись к дому невесты. Свиту жениха, облаченную в элегантные европейские костюмы, возглавлял дядя Мишеля — самый старший по возрасту. Хотя час нашего прихода был назначен заранее, нас впустили в дом не сразу.

— Как бы нам от ворот поворот не дали, — пошутил кто-то.

— Скорее всего, идут последние приготовления или собрались не все родственники, — успокоил один из свидетелей жениха.

Бывает и так, что жених целый день попусту топчется у порога, если родители невесты вдруг решили, что он недостойн их дочери. В нашем случае не было оснований для волнений. Заминки требовало соблюдение приличий, и вскоре нас впустили в дом. Внутри уже было битком народу. Подружки невесты — их было на две больше, чем друзей жениха, — блистали своими лучшими нарядами. Расфранченная родня невесты была в сборе. Жениха усадили на видном месте. Место Нирины — так звали новобрачную — пустовало. То, что последовало, было одновременно и нашим сватовством, и рукобительем, и опознаванием, и столованием, и одариванием...

В комнату втиснулись еще несколько родичей жениха.

— Все ли родные в сборе? — зычно выкрикнули с обеих сторон.

Не дожидаясь ответа, слово взял дядя Мишеля — Симон, самый умудренный опытом и наиболее красноречи-

вый из семьи претендента на руку невесты. Он исполнял традиционную роль свата.

— День равнозначен человеческой жизни. Молодость — утро, старость — вечер, и нечего терять время, — возгласил он.

С ним тут же согласился старший брат невесты — Жан-Батист, которого его родня назначила своим представителем на свадьбе.

— Конечно, мы еще многих ждем на наш праздник, — сказал Жан-Батист. — Но нас вполне достаточно, чтобы решить любое дело. Скажите же, братья и сестры, что привело вас сюда? Солнце, плывущее на запад, не возвращается вспять.

— Признателен за предоставленное слово, — раскланялся дядя Симон. — Говорят, лучше задать тысячу глупых вопросов, не боясь стать посмешищем, чем действовать наугад, рискуя попасть впросак. Прежде чем изложить суть дела, позвольте узнать об источнике, вспоившем прекрасную юную розу.

Свадьбу украшает ораторская дуэль двух сватов, находчивых людей, постигших подноготную обычая. В переводе вопрос звучал примерно так: «Простите, но кто вы такие и кто такая невеста?» Спросите об этом у будущего тестя или свекрови на свадьбе в Воронеже или в Мытищах, и они наверняка обидятся. И они будут правы. Ведь такие подробности следовало бы знать заранее. На Мадагаскаре же все наоборот. Здесь нельзя не осведомиться о родословной невесты, хотя все присутствующие заведомо знают ее наизусть. Если же не спросить об этом, то опытный сват со стороны невесты не преминет воспользоваться таким протокольным просчетом и притворится, будто не ведает, из-за какой из девиц данного очага разгорелся сыр-бор. В старину несколько недомолвок могли отсрочить и даже расстроить свадьбу.

— У дерева один ствол, но много побегов, — дипломатично отвечал Жан-Батист. — Отец невесты происходит из почтенного старинного рода Рандрианасулу, ее мать — урожденная Андриандзака. Имя девушки — Нирина.

— Спасибо, этого достаточно, — поблагодарил дядя Симон. — Мы не утомим вас долгой и монотонной, как зимняя ночь, речью, а потолкуем попросту, по-свойски. Мы не на площади, а под родным кровом. Здесь не народ, а одна единая семья. Я заранее извиняюсь перед тем, как сообщить мотивы нашей встречи. Я сын, а не отец, младший, а не старший. Я пока ношу только мотыгу и корзину. Страшновато говорить перед столь почтенными седовласыми персонами, перед теми, кто много сезонов выращивал и обрушивал рис, преуспел во всех своих деяниях, перед старшими братьями, которые уже работают наравне с отцами, перед младшими, способными преодолеть любые трудности, на виду у камней, извлеченных самой землей из недр на свой хребет-поверхность¹.

Говорить перед такими людьми — значит зажечь свечу подле лампы, облачиться в чужую одежду в присутствии ее владельца.

В течение двадцати минут он рассыпался в извинениях за возможные и невозможные обиды в последующей речи. Кто знает, вдруг что не так скажешь, а слово не ткачик, вылетит — не поймает.

— Я не мелкий угорь, туда-сюда виляющий хвостом, не легкая пирога без весел, которую увлекает течение, не звезда, что восходит раньше солнца. Я первым прокладываю путь, и разрешите мне выложить начистоту все обуравляющие меня мысли. Вас же попрошу потом дополнить упущенное. Прежде чем снести яйцо, курица раздвигает вокруг себя былинки, предупреждая возможную опасность; петух хлопает крыльями перед тем, как кукарекать; бык чистит кончики рогов, прежде чем замыкать. Подобно им хочу избежать любых обид, ибо обида, даже нечаянно причиненная, — огонь, с которым глупо играть, потому что обожжешься; глубокая пропасть, в которую свалишься, если не обойдешь ее; яд, лизнув который можно

¹ Культурных и воспитанных людей сравнивают с камнями на земле, ибо земля не прячет их, а выставляет напоказ, для всеобщего обозрения.

умереть... Легко обидеть, но тяжела за это расплата. Я семь раз извиняюсь перед вами и семь раз приветствую вас.

Разгоряченный глашатай жениховой родни витиевато просил прощения у безмолвствующей аудитории за ненароком оброненное слово, малейшую оговорку или жест. Этот приземистый морщинистый человек, по-крестьянски рассудительный, взвешивал каждое слово. Удовлетворенно кивали головами его родственники. «С какими достойными, умными людьми мы роднимся», — было написано на лицах другой половины слушателей.

— Люди мы, конечно, простые, как тысяча травинок, как ангади (лопата с острым длинным лезвием), делающая землю плодородной, как кузнечики, которые не могут выбраться из корзины¹, как лес, берегающий от лучей палящего солнца. Мы точно ламба, которую носят всю жизнь: на плечах, когда счастливы; обернув голову, когда печальны; опоясав бедра, когда утомлены; отбрасывая набок, когда сердиты; закутавшись, когда холодно. Она как тень не разлучается с нами, наделяя нас гордой осанкой. Да будут бессчетными наши дни! Пускай мы будем счастливы в семье и безупречны перед людьми! Пусть многочисленным будет наше потомство! Пусть быстро увеличиваются наши стада и урожай! Да не обойдет нас удача!

Дядя Симон поправил шляпу, смахнул рукой бисеринки пота, проступившие на лице, и продолжил:

— А теперь поговорим о женитьбе.

«Наконец-то», — облегченно подумал я, ибо умасливание судьбы чересчур затянулось, на мой взгляд.

— Если здраво поразмыслить, у нас одни корни, одни предки, — говорил оратор. — Мы не лиана, ползущая по незнакомому дереву, а птицы из одного леса, цесарки из одной стаи, рыбы из одной реки, зебу из одного загона.

¹ Малагасийцы искусно плетут корзины для сбора кузнечиков. Опушенное туда насекомое остается там, как в ловушке. Под кузнечиками здесь подразумевается народ, подчиняющийся одним законам.

Корни куста батата привязаны к единому стеблю; когда их выкапывают, они попадают в одну корзину. Их варят в общем котелке. Наша семья пришла сюда, не навязываясь вам, не из гордыни, не ради того, чтобы помериться силой или повздорить, не как буря или ливень. Мы переступили ваш порог с чистым сердцем. Мы постучали в вашу дверь, и соблаговолите нам открыть ее. Расстелите циновки для друзей. Мы пришли просить руки вашей дочери, чтобы позаботиться о ней, воспитывать и лелеять ее. Мы берем Нирину в жены нашему сыну. Она будет хранить его очаг, владеть домом, она не упустит случая предложить любому из нас место у огня, спасет заблудившегося, накормит в голоде, вылечит в холоде, похоронит в случае смерти. Но, повторяю, мы явились сюда не из корысти, не из-за размеров ваших обширных рисовых полей, не из-за денег в ваших тайниках, не из-за ваших несметных коровьих стад, не из-за плодородия вашего сада. Нас привело сюда глубокое уважение к вашему незапятнанному имени, желание взять вашу дочь за нашего сына. Вот цель нашего визита и этих слов.

Суть излагалась вкратце, а вся речь казалась бесконечной. Зато какой искрометной она была! Дядя Симон не заглядывал в бумажки-шпаргалки, он говорил экспромтом, со знанием обычаев и фольклора, от души.

Родичи невесты одобрительно кивали удачным выражениям и похвалам в свой адрес, чмокали от удовольствия, многозначительно переглядываясь. Похвалить, подольстить здесь умеют, да так, что порой от конфуза не знаешь куда деться. Делается это не из подхалимских соображений, а из уважения к человеку, как таковому, из благородного побуждения не обидеть его ненароком.

Экспромт краснобая от жениховой делегации накалил страсти. Невестина родня рвалась в бой, чтобы не уронить свою честь. Но слово принадлежало только Жану-Батисту, и никому более.

— Простите за дерзость выступать перед вами, — начал он полупшепотом, мало-помалу прибавляя звук. — Поверь-

те, я держу речь не из упрямства и самонадеянности, не из чистого каприза, а чтобы потрафить добрым людям. Но я не бык, мешающий другим вытаптывать залитое поле перед посевом риса. О моем выступлении договорились заранее. Это не все: куриные ножки предназначаются малышам, гузка — старикам, кость — старшим, слово — тому, кто его заслуживает. А еще, если есть человек моложе тебя — освобождаешься от ноши, если старше — от обязанности произносить речь. Я не буду больше извиняться, поскольку обида и злой умысел были уже утоплены в море, изгнаны из этих стен. Я не стану изощряться в приветствиях и заверениях в почтении. Мой предшественник сделал это по отношению ко всем вам. Заходящее солнце устало сиять лучами. Я не уподоблюсь и кабану, который топчет рисовое поле, уже вытоптанное зебу и взрылленное ангади, и только портит пашню. Я не собираюсь гладить уже выглаженное, приводить в порядок прибранное, стирать чистое белье, повторять сказанное. Вы стучитесь в нашу дверь, и мы впускаем вас. Вы входите, мы расстилаем для вас циновки. Вы просите нас с симпатией, как полагается близким людям, оказываете нам честь, обращаясь с добрым словом к нам, бедным и сирым. Вы предпочли нас тем, у кого дорогая красивая одежда, богатые дома, несметные стада зебу, у кого не пересчитать деньги. Наш ответ прост: мы отдаем нашу дочь в жены без всяких условий, безропотно. Целиком и полностью.

Воцарилась пауза. Ораторы погрузились в раздумье, чтобы сосредоточиться для дальнейших дебатов, а слушатели — «отдышаться» от речей. Все радостно захлопали, загалдели, так как в комнату вошла в белоснежной одежде невеста, смущаясь от сыпавшихся на ее голову порой озорных, далеко не двусмысленных шуток и пожеланий. Нирину усадили слева от суженого.

Вновь наступил черед дяди Симона. В который раз он изысканно благодарил родню невесты за теплый прием:

— Если бы вы дали нам деньги, мы бы быстро истратили их. Если бы вы одарили нас прекрасными тканями, мы

бы износили их. Если бы вы пригнали нам зебу, скот мог бы околеть. Если бы вы построили для нас красивые дома, они могли бы разрушиться. Но вы дали нам белый сахарный тростник, утоляющий жажду, голубой сахарный тростник, сладость которого долго не исчезнет. У нас появился неиссякающий колодец. Наш сын получил руку той, которая будет вечно поддерживать очаг, благодаря которой будет дружной семья и многочисленным потомство. Нелепо таить нашу радость.

— Невесту сторговали, — прошептал мне Мишель. — Настало время обговорить обязанности жениха к ее родне.

— Проданный бык уже чужой, — изменил нить дискуссии Жаң-Батист. — Дочь, выданная замуж, — собственность другого. Однако ваш сын становится и нашим. Молодой человек, — повернулся он к жениху, — от цирюльника плешь не прячут. И нам нечего играть в кошки-мышки: отныне на вашем иждивении будут и старики, и молодые, и дети. Вас позовут штукатурировать дом, чинить обветшалую кровлю или прорванную плотину, обработать рисовую делянку, вас попросят заштопать пообносившуюся одежду или сменить ее на новую, полечить занемогших, ссудить займы нуждающимся, выручить попавших в беду. На вас все надежды и в жизни, и в смерти, ибо дети рождаются для продления рода и становятся опорой старших. Во избежание сюрпризов мы откровенны, иначе бы не решились отпустить нашу дочь в ваш дом. Мы не расставляем силков, не заманиваем друзей в ловушку, но и не прячем ружье, из которого целимся в них. Подумайте хорошенько, не торопясь, молодой человек, прежде чем соглашаться, ибо потом брачный договор нелегко будет расторгнуть.

— Что это за ружье, из которого метят в друзей? — изумился я.

— В прошлом веке королевские солдаты, получив приказ стрелять по мятежникам, перед залпом кричали им: «Спасайтесь». При этом они показывали бунтарям свои ружья. Это на случай, если среди тех были родичи или друзья. Вот и сейчас жениху загодя показывают ружье,

ибо он должен понимать, что быть зятем — не такой уж мед, как кажется до свадьбы.

Золотое правило! И на других континентах в подобных житейских ситуациях ружьем лучше потрясти заранее. На Мадагаскаре новобрачным заведомо раскрывают глаза на то, что их ждет впереди.

— Да будет так, — поддержал брата невесты дядя Симон. — Чтобы не было обмана, вы не укрываете камня травой, не ловите на крючок, не готовите засаду. Как не благодарить вас за прямоту! Но ведь обязанности, о которых вы говорите, не пугают нашего сына. Они налагаются на всех, кто женится. Наш птенец знает о долге мужчины, и этим его не удивишь. Леса бояться — деревьев-великанов не увидишь. Мы поведали ему, что желающий жить при королевском дворе подчиняется этикету, а влюбленному в чью-то дочь надлежит заботиться о ее родителях. Он же ответил нам, что трус не осмелится спать в одиночку в лесу, что бараньих глаз страшиться — незачем покупать барана. Не стоит жениться, если нет понятия об обязанностях, которые налагает брак. Наш сын не опозорит нас.

— Так-то так. Однако, — заметил Жан-Батист, — мы — люди прямые. Даже самые резкие слова, сказанные в лицо без утайки, — не порок и тем более не оскорбление. Коли вы заявили, что муж должен заботиться о близких жены, мы полагаем, что ему не справиться без помощи своей подруги. Не забудем и про обязанности невестки — вашей дочери.

Долго судили-рядили вступающие в родство, обговаривая взаимоотношения, этику поведения в семейном мирке. «Этак-то лучше, чем очертя голову бросаться в неведомое дальнее плавание... — слышал я обрывки дебатов. — Бессмысленно совершать слепые прыжки во мраке — можно угодить в пропасть...» Кто-то притворно жаловался на то, что невеста покидает родимый кров, где ее так холили и ласкали. «Пусть узы с новой семьей, — говорил невестин брат, — будут как живые побеги лианы, а не хрупкие сухие ветки». Он увещевал свекра и свекровь любить девушку, хорошо обращаться с ней, заменить ей отца и мать.

Внезапно по комнате разлился приятный шашлычный аромат, разгоняя утомление от бесконечных речей. Их поток был прерван подношением вудиундри. Свежи в памяти времена, когда жених в качестве символического выкупа привозил кроме задней части барана еще кое-что: зебу и разного рода дары родителям суженой. Родителям Нирины к баранине вручили пачку банкнот.

Речи поутихли. Родня невесты устроила пиршество. От яств ломился стол, хотя излишеств не было. Нас потчевали национальными лакомыми блюдами. Лишь новобрачным подали в простых глиняных мисках рисовый суп с мелкой рыбой. Намек был прозрачный: супружескую жизнь они начинают с малого, и все лишения им предстоит преодолевать сообща.

Апофеозом трапезы был торт, испеченный по заказу в соседней булочной. Тут жених с невестой затеяли маленький — первый в их жизни — спор. Они, смеясь, ссорились из-за того, кому резать торт. Эта интермедия была обычаем, который как бы давал понять, что у мужа и жены в семье равные права.

Свадьба шла к концу. После еды семья жениха рассталась с гостеприимным домом, уводя невесту и унося с собой приданое. Мы грузили в машины одеяла, подушки, простыни, ламбы и прочий скраб. Остальное имущество уже находилось на квартире жениха. Входя в нее, новобрачные, как положено, переступили порог левой ногой, дабы долговечным был их союз.

— По той же причине, — проронил Мишель на прощание, — они в течение месяца не будут видаться с родителями.

Халабе расставляет свои тенета

Быт малагасийцев продуман до мелочей: в нем все целесообразно, все предусмотрено. Он соответствует условиям окружающей природы, ритму труда и досугу людей. Знакомая с ним, невольно вспомнить наставление, которое

сызмальства получают от старших малагасийские дети: «Тот, кто проходит мимо растения, видит только его листья, а тот, кто останавливается перед ним, — его корни».

— На Мадагаскаре вы найдете уйму примеров гармоничного сосуществования человека с природой, умелого принаравливания к окружающей среде, — сказал в одной из наших бесед Пьер Буато.

Действительно, забираясь в мадагаскарскую глухомань, я не переставал восхищаться поистине энциклопедическими знаниями неграмотных крестьян о природе, их способностью извлечь из нее максимум пользы для себя. Уйму применений находят здесь баобабу, сизалю, болотной пальме рафия. Каждая травинка, каждое дерево на учете у хозяйственных людей. Им ведомы сотни лекарств, которые предки составили из веществ, содержащихся в редчайших местных растениях.

Да что растения — даже пауки служат изобретательным малагасийцам! В конце XIX — начале XX века французский натуралист священник Камбуэ поведал миру о людях народности бецилеу, которые из паутины делают себе одежду. «Нить, изготовленная бецилеу, — писал Камбуэ, — крепче, чем любое другое известное людям волокно. Она выдерживает 500 граммов груза».

Халабе, или фулихала, — так нарекли здесь необычных ткачей — дородную, энергичную паучиху и ее крошечного, вялого супруга. Впервые этот вид пауков, родственников водящихся у нас крестовиков, был описан в самом конце XVIII века, и только в 1863 году он получил научное название *Nefila madagascariensis*.

На Великом острове я был очевидцем того, как в сезон дождей дети и взрослые собирали в корзинки жирных паучих, готовившихся к кладке яиц, и жарили их в арахисовом масле на сковородке.

— По сведениям народной медицины и кулинарии, этот деликатес возбуждает аппетит, — объяснила заведующая кафедрой Университета Мадагаскара Лала Генриетта Ракутувау, специализирующаяся на изучении физиологии паукообразных, главным образом нефилы.

Едва приехав на Мадагаскар, я обратил внимание на то, что в здешних жилищах довольно много паутины. Да и уборщица корреспондентского пункта ТАСС, малагасийка, всячески избегала сметать паучьи тенета.

— Во всяком уважаемом доме должна быть паутина, — горячо доказывала она, не вдаваясь в подробности.

В 1897 году отец Камбуэ, превратно истолковав опыт бецилеу, решил производить в коммерческих целях ткань нежно-золотистого цвета из паутины нефилы. Его помощники наловили в окрестностях Антананариву около 30 тысяч пауков и заточили их в специальные ящики, расставленные длинными рядами. В стенах этих «мастерских» были проделаны отверстия для вытягивания нити. Ткани удалось получить всего 5 метров. Дело в том, что две самки не уживаются рядом — одна непременно съест другую, так что для каждой надо строить отдельный домик. Кроме того, строптивые паучихи, которые искони плели свои сети с целью ловить доверчивых насекомых и в безопасности производить потомство, пока «не желают» выпускать больше паутины, чем надо, и становиться рабочими.

Курьезное предпринимательство имело весьма печальный побочный эффект. Уменьшение количества «вольных» пауков вскоре вызвало быстрое размножение комаров и сильную эпидемию малярии в столице. Не помогал даже хинин. Природа жестоко расплатилась с людьми за нарушение экологического равновесия. Быть может, мудрые предки рассматривали пауков и их сети как своих союзников в борьбе с малярией?

Эксперимент Камбуэ в 1929—1930 годах повторил в лабораторных условиях Л. Боннэ, а в последние годы этой темой занимается Лала Генриетта Ракутувау, которая изучает, в частности, биохимические и физиологические процессы в организме самки паука, влияние на них внешних и внутренних факторов, особенно в период размножения. Исследовательница берет для анализов серую, розовую или желтоватую кровь нефилы, проводит с

помощью миниатюрных хирургических инструментов, употребляемых при пересадке роговицы глаза, операции на насекомых. О практических результатах она говорит уклончиво:

— Прежде всего важны знания. Надеюсь, что сделанные мною общие выводы можно будет распространить и на другие виды пауков. В принципе не исключено, что мы со временем научимся искусственно регулировать производство паутины. Однако пока это фантастика, поэтому не будет загадывать.

...К радости друзей, наш дом зарастал паутиной по мере того, как нас засасывал малагасийский быт. Сначала мне любезно ссудили несколько особей нефилы в лаборатории, а затем мы сами наловили пауков в окрестностях озера Ануси.

Нефилы довольно неприхотливы. Они плетут сети где угодно: между электрическими проводами, на деревьях, на стенах и в углах помещения. Им нужны лишь толика тепла и малость солнечных лучей. Круговую паутину, в диаметре достигающую полутора метров, они ткут добротнo, на совесть. Каждая их железа вырабатывает нить определенного свойства и назначения. В центре поверх основной сети положена нежная, ароматная паутинка для приманивания насекомых. Не успеет муха или комар прикоснуться к ней, как их ноги увязают в других слоях ловчей сети из более прочной, «хваткой» нити. Случалось, в тенетах нефилы погибали птицы вроде кумачового кардинала — мадагаскарского ткачика. Остается тайной, каким образом нефила умерщвляет свои жертвы: яд ее очень слабый.

Обычно паутина располагается вертикально. В середине круговых и радиальных нитей висит пестрая, с преобладанием желтого тона самка — вниз головой, спасая ее от перегрева солнечными лучами. Длина самки по размаху лапок достигает 15 сантиметров, и рядом с ней маленький серый самец (1—1,5 сантиметра) с чрезмерно выпирающим брюшком кажется еще более невзрачным. От

супруга паучиху отличают также неутомимость и трудолюбие. Это она плетет паутину, на которой находит пристанище самец, причем только один, ибо паучиха — ярая сторонница моногамии. Если чужак, привлеченный достоинствами владелицы гнездышка, самочинно попробует вползти туда, он непременно будет съеден. Самца в свои хоромы она впускает лишь по наступлении половой зрелости. До этого момента незванный гость будет употреблен в пищу, как последняя гадкая муха. Впрочем, на вкус нефили муха, быть может, совсем и не гадкая?

Резво кидается самка на запутавшуюся жертву — насекомое, рвет добычу сильными челюстями, и только в конце трапезы к остаткам пищи семенит ее толстобрюхий муж-коротышка. Обычное состояние самца — покой и безмятежная лень. Супруга терпит его лишь потому, что без него невозможно продолжение рода. Их «любовь» длится всего полторы секунды — именно ради этих мгновений живет на свете самец. Но тотчас после оплодотворения «супруга» становится безразличной к нему и чаще всего пожирает наскучившего ей тунеядца. Жизнь самца коротка — в среднем два—четыре месяца, век же трудолюбивой самки — шесть—девять месяцев, а иногда и чуть больше.

На балконе нашего дома в часы досуга мы наблюдали, как паучиха глотала некогда любимое существо, которое, видимо, обессилев от пылкой страсти, покорно подчинилось своей незавидной участи. Позднее в саду на моих глазах то же самое проделала самка богомола, которая после спаривания загрызла своего благоверного. Она грубо вцепилась передними ногами в его голову и не отпускала жертву до тех пор, пока не обезглавила ее. Если самцы нефили неказистые, плюгавые и неинтересные, то ярость тучной и неуклюжей самки богомола была менее понятна. Ее партнер был строен и изящен, как гимнаст или молодой олень. Говорят, что за свою жизнь богомолиха казнит до восьми мужей. Ни дать ни взять — герцогиня Синяя Борода в царстве насекомых!

Ученые объясняют эту жестокость насекомых инстинктами. По-человечески понять их поведение трудно, хотя и живем мы на одной земле. Впрочем, люди тоже часто не могут понять друг друга, и, критикуя животных, мы не умеем оборотиться на самих себя.

Матч в фануруну

Кое-что типичное в характере народа подчас может проскользнуть в поведении людей во время азартной игры.

Однажды мне позвонил Рацимбазафи, коллега из журнала «Фануруна»:

— Сделай одолжение, организуй для меня вечер фануруны. Но обязательно залучи на него антрополога А. с сыном. Ты же с ним знаком.

Просьба показалась необычной. Друзья знали, что я играю в шахматы, изредка захоживаю в шахматный клуб в отеле «Терминюс», но откуда узнал Рацимбазафи, что я научился играть в фануруну? Ведь мои первые шаги в этой народной игре были нашим секретом с Анри Рабариндзакой!

Малагасийцы не без оснований сравнивают фануруну по сложности с шахматами. Они даже утверждают, что и шахматы были изобретены на Мадагаскаре. Эту гипотезу изложил в газете «Мадагаскар матэн» Р. Андриандзака, давший лексический анализ многих терминов шахматной игры, находя им аналоги в родном языке. Так, выражение «шах», по его мнению, происходит от малагасийского глагола в страдательном залоге «хецехику», который переводится как «я тебя двигаю, заставляю передвигаться».

— Что такое шахматы, если на свете есть куда более интеллектуальная фануруна! — обижался Андриандзака на мои полушутливые контрдоводы. — Нет, все говорит за то, что шахматы попали в Европу с Мадагаскара.

В его статье и в самом деле приводились довольно веские доказательства.

Сражение в фануруну разворачивается на 32-клеточной доске (четыре клетки на восемь), расчерченной еще и по диагоналям. Выигрывает тот, кто «съест» 22 фигуры противника, которыми могут быть шашки, косточки или просто камешки. Бывают и ничьи. Правила головоломные, чем-то схожие с игрой в шашки. Фигуры ходят вперед, назад, в сторону и по диагонали. Игроки победнее не могут приобрести себе настоящую доску для игры; они чертят ее на земле и бьются в фануруну-телу. Этот вариант игры попроще: квадрат из четырех клеток, перечеркнутый двумя диагоналями, и три шашки против трех.

Итак, турнир в фануруну у меня дома.

— Зачем тебе это понадобилось? Ты же не ахти какой мастер, — допытывался я.

— Признаюсь только тебе. Жена настояла. Моя дочь увлеклась сыном антрополога. Вот я и хочу дать ему бой, — ответил Рацимбазафи.

Его объяснения звучали почти убедительно, но я храбро дал согласие. Однако мозг сверлила мысль: «Какая-то нелепица! Дочь влюблена в парня, отец рвется играть с ним в шашки. При чем тут любовь и тем более я?»

Позднее в архивах Малагасийской академии я выкопал сведения о давнем обычае, когда тесть экзаменует фануруной кандидата в зятя. Если юноша проявлял себя находчивым, «зеленая улица» к невесте была открыта. Если же молодой человек становился легкой добычей старого «удава», то любви, какой бы пылкой она ни была, грозило фиаско. Вот так, оказывается, бывает и до сих пор. Истоки игры уходят в далекое прошлое. Первые письменные упоминания о Мадагаскаре сообщают и об игре в фануруну. О ней говорится и в легендах. В 1928 году пастор Рандзавула, приехав в Иерусалим, увидел там поле фануруны, размашисто высеченное на большом камне. По словам экскурсовода, никто в городе не понимал таинственного рисунка. Все термины фануруны чисто малагасийские. При вазимба — первых обитателях острова — игру звали фандрау мати пайка («боитесь быть заблоки-

рованным»). Покоритель вазимба — король Андриаманелу, правивший в 1540—1575 годах, именовал ее письменами Бога.

Она почиталась игрой богов и королей. Фануруна входила в программу традиционного воспитания молодежи. В столице сильнейшие игроки объединены в ассоциацию «Фануруна Клиуба». В старину вельможа был обязан освоить игру, которую к тому же рассматривали как часть военного обучения. Линиями фануруны определялись места короля, придворных, представителей всех каст, кланов и племен на церемониях, в частности на коронации, проводившейся на месте нынешнего столичного стадиона. Некоторые утверждают, будто эти церемонии легли в основу игры, хотя скорее все обстоит наоборот.

К северу от столицы, на горе Амбухиманга, есть священная скала Амбатумиантендру. На ней выбит узор фануруны — приходи и играй здесь камешками хоть до утра, благо партнеры всегда найдутся. Над этой «доской» часами размышлял король Андрианампуйнимерина. Наскальные доски имеются в Амбухималазе, Амбатувуре и на других священных холмах Имерины: знать любила забираться на вершины гор — так ей казалось безопаснее.

Иные короли и принцы проигрывали в фануруну свои царства и наследства. Во время военной кампании короля Радамы I вождь бецилеу, укрывшийся на неприступной горе, согласно легенде, столь увлекся перипетиями игры, что почти не следил за отражением атак осаждавших. Он недооценил мушкеты войска Радамы. В тот момент, когда король бецилеу делал один из самых блистательных ходов, пуля поразила его в голову.

Иногда в конце партии три шашки остаются против пяти и могут победить либо свести игру вничью. Четыре века назад из-за этого эндшпиля лишился наследства сын короля Раламбу — принц Андриантумпукуиндрина. В деревушке Амбухималаза он играл в фануруну, пока отец вел неравный бой с неприятелем. «С тремя шашками я выиграю против пяти», — рассеянно вымолвил он в ответ

на призыв отца о помощи. Его младший брат Андрианда схватил копье и ринулся на выручку. Отец сделал отзвучившего сына своим наследником.

Президент ассоциации острословов Самюэль Раджонсон рассказывал о незадачливом вожде из Амбухималазы, который до того увлекся игрой, что не заметил, как очутился в плену.

...У меня слипались глаза, а гости отчаянно бились в фануруну. Играть здесь могут сутками. Недаром говорят: «За болтовней теряется время, а за фануруной забываешь о своем долге». Бывало, что игра отрывала людей от рисоводства. Не случайно в пик сельскохозяйственных работ игра в фануруну была запрещена законом.

Будущие же свойственники остались довольны. Кандидат в тести потирал руки, приговаривая:

— Какой он башковитый! Из десяти партий он у меня, бывшего игрока, старого крокодила, одну все-таки выиграл. Ай да зять!

Я вторил ему и похваливал будущего зятя Рацимбазафи, хотя, по моим наблюдениям, юноша больше поглядывал на невесту, чем на доску, не в пример царьку из Амбухималазы. На сей раз победил проигравший.

Хамелеоний заповедник

В уютном дворе нашего дома с тропической щедростью плодоносили персиковое дерево, папайя, авокадо, дерево бибас с коричневыми и желтыми кисловатыми ягодами, пышно цвели розы, вьюнки. Через каменный забор на улицу высовывались пунцовые ветки мадагаскарии, всей тяжестью наваливаясь на провода. Здесь мы организовали первый на Мадагаскаре заповедник хамелеонов.

За нерасторопными и весьма добродушными существами можно наблюдать часами. Разве опишешь, как они нежатся на солнце, пульсируя волшебными красками, меняя рисунки при малейших колебаниях температуры, освещения и настроения. Лишь при бесстрастном лунном

мерцании хамелеоны белеют, так как ничто ночью не тревожит их покоя. Но и в полуночный час их глаза, как антенны радара, поворачиваются в разные стороны.

Многие безропотно разрешают даже гладить себя, не выражая ни тени испуга. Другие, едва почувствовав приближение пальца, раздражаются, надувают зоб, изгибают дугой спину.

Кое-где на острове хамелеонов побаиваются за их «страшный вид». Народ сиханака остерегается крошечного рогатого хамелеона — рамилахелуку. По их уверениям, он иногда бросается под ноги прохожим, а наступив на него, можно умереть. У мандиавату, населяющих район в 20—30 километрах к северо-востоку от Антананариву, встреча с хамелеоном в пути сулит беду всей семье. В одной из поездок в Махадзангу дорогу нам пересек кабе («большой человек») — полуметровый хамелеон Парсоны со складками кожи, похожими на откинутый назад капюшон. Через несколько километров на гладком, некрутом вираже машину занесло, и мы чудом (разбитой фарой) отделались от неприятностей. Вот и не верь в приметы мандиавату!

На востоке женщина бецимисарака, продававшая гроздь бананов, уверяла меня, что с хамелеоном опасно водить дружбу — коварный друг сглазит, помешает выйти замуж.

— Что может быть для нас хуже безмужья? — говорила она, запрашивая между тем явно дутую цену за плоды.

На востоке острова верят, что хамелеон способен ослепить человека, выстрелив ему в глаз своим длинным трубчатым языком. В разных местах их зовут по-разному: в центре — тана, на западе — сакуритра, на юго-востоке — сакурутра.

Мы жили чуть ли не в обнимку с хамелеонами. Но в одно прекрасное утро я услышал, как мой сын заголосил во дворе. Я выскочил наружу и рассмеялся. На мочке его уха болтался зеленый, с оранжевыми, желтыми и голубыми пятнами красавец (позднее оказалось — красавица),

прицепленный самим же пострадавшим. Хамелеону нравилось держать ухо своим беззубым ртом, и мне пришлось легким нажатием пальцев разомкнуть челюсти «хищника».

Это был самый хулиганский поступок хамелеона, зарегистрированный нами на Мадагаскаре. Налетчицу мы тут же прозвали Янки. «Камарабе» (в переводе — «супруга хамелеона») — так называют малагасийцы сварливых женщин, как бы намекая на непростой характер хамелеоних. Действительно, почти весь заряд агрессивности — это результат наших наблюдений — заложен в «прекрасной половине» милых пресмыкающихся из отряда ящериц.

Однажды мы подсмотрели охоту хамелеона за мухой, присевшей передохнуть на ягоде бибаса.

Тана, как мы называли его, сидел на соседней ветке, мерно ворочая глазами. Заметив «дичь», он плавными и изящными движениями стал к ней красться. Но ветка кончилась, а до мухи было еще порядочно — расстояние примерно в два языка. Хамелеоны, по-видимому, все меряют на длину языка. Тогда находчивый охотник обмотал конец ветки гибким хвостом, для верности схватился за нее еще и задними лапами. Передние лапы висели в пустоте. Ветка почти не шевелилась во время этих манипуляций. Выход в открытый космос, да и только, молча восхищался я.

Теперь хамелеона отделяли от мухи какие-то пустяковые 20—25 сантиметров. Он размышлял, замерев, старательно прицеливался, слегка приоткрыв пасть. Вдруг его липкий язык выстрелил и с быстротой молнии слизнул муху. Тана проглотил вкусную и питательную добычу, не пережевывая, затем попятился назад, приняв более удобное положение, и притих, сытый и довольный.

Свой заповедник мы пополняли за счет хамелеонов, которых обижали мальчишки, жившие по склону Аналаманги, над нашим домом. Наш дворик ютился как бы в яме, от края которой начиналась платформа с хижинами малагасийцев. Некоторые юные сорванцы изошрялись в издевательствах над безобидными тана, заставляли их ку-

рить, устраивали бои между ними. Дерутся хамелеоны редко, но очень жестоко. Победителю присваивали почетный титул каневука (фанфарон), а побежденного называли кауси (трус). Затем искалеченного героя и его жертву ребята сбрасывали к нам во двор, высмеивая нашу слабость к этим существам. Сын подбирал и лечил их.

Один из наших пациентов, прозванный Васей, нежный, ручной, доверчивый, особенно приглянулся нам. Хамелеон долго и стойчески боролся с ранами. Ему нравилось, когда мы поглаживали его, и он наряжался в спокойные лазурные одеяния с зелеными и коричневатыми крапинками, выражая языком красок свое доверие и признательность. Он словно понимал, что мы хотим спасти его. Как-то сын встревоженно позвал меня на балкон:

— Папа, посмотри, с Васей что-то неладное творится.

День клонился к закату. Склоны горы над домом сияли червонным блеском. Солнечные лучи были теплыми, неназойливыми.

— Вася только что был черным, как чучело хамелеона, которое мы купили на зуме, — прошептал сын, не отрывая глаз от друга.

Хамелеон, вялый, слабенький, лежал на журнальном столике у тянувшейся к нему через перила ветки мадагаскарии, по которой он любил ползать. Этот побег мы не срезали, оставив как забаву страдальцу. Его кожа светилась розовыми оттенками заката, затем сплошь загорелась густым малиновым пламенем. Он погибал — мы этого еще не понимали. Погибал под национальным, пурпурным цветом Мадагаскара. Таким же окровавленно-красным он оставался почти до утра. Когда мы предавали его земле, он уже начал сереть. До сих пор живы в памяти прощальные переодевания хамелеона. Его последний разговор пылающими красками звучал как вызов смерти. Не верилось, что можно умирать так ярко, красиво.

На Мадагаскаре живет 36 видов этих медлительных ящериц, от 3 до 60 сантиметров длиной. Они бывают всякие — и с рогами, и с длинными носами, и как бы в капю-

шонах. Побаиваясь грозных на вид, но по-детски беззащитных хамелеонов, малагасийцы восхищаются их осмоторительностью. «Будьте разумны: подражайте хамелеону, который одним глазом смотрит вперед, другим назад», — советуют они. Брать пример с хамелеона в поведении здесь не считается предосудительным, так как, принимая разное обличье, он искусно приноравливается к среде, спасает себе жизнь.

Смелого петуха узнают по шрамам

Перед въездом во двор корпункта ТАСС в Антананариву был просторный пустырь. В густой траве там неизменно паслось квохчущее куриное стадо, среди которого царственной статью выделялся вожак.

Это был не петух, а загляденье. Его голову венчал острозубый, ослепительно-красный гребень. Словно раздвоенная борода, свисали алые и мягкие, как девичьи губки, сережки, холка была благородно-черного, торжественно-траурного цвета, а дальше, к хвосту сменяли друг друга, плавно переливаясь, все оттенки желтого цвета — от палевого до золотого с огненным отсветом. Лишь кое-где в это радостное оперение вкрапливались черные, блестящие, как и все другие, мелкие перышки. Ступал красавец надменно, вразвалку, аристократически подергивая пышным хвостом. Это явно был вожак по призванию, я бы даже сказал, вождь, круто разогнавший прочих самцов-конкурентов. Рассердившись, он вытягивался, надувался, и в его воинственном кличе словно бы слышалось: «Петухам нельзя давать спуску. Кур следует держать в руках».

Слегка наклонив голову, он недоверчиво осматривал крупными выпученными глазами каждого входившего во двор. Курам, сколько бы их ни собиралось вокруг него, он успевал уделять одинаковое внимание, так что, судя по всему, обид на него у них не было. Свита грозного вожака

оживленно кудахтали: с ним было легко и радостно. К птичнику несущки и наседки, неутомимые в поисках пищи (куры в тропиках наделены способностью склевывать все, что попадает на пути), возвращались дружно, но не торопясь, с последними отблесками почти угасшего дня. Недаром у малагасийцев куриное содружество порой преподносится как символ семейной крепости, счастья. К дружине нашего любимца то и дело липли посторонние куры, даже из соседних дворов. Их владелицы привыкли к легкомысленному поведению своих питомцев и к концу дня в случае пропажи одной из них наведывались в наш двор, чтобы ворча забрать отбивших квочек. Слепое уважение кур еще более поднимало престиж нашего кочета, особенно в его собственных глазах.

Но, кстати, серьезность личных отношений в курином мире, наверное, все же не стоит слишком преувеличивать. «Когда петух зовет курицу, он делает это не столько потому, что он нашел что-то существенное, сколько потому, что хочет проявить свою галантность», — испокон веков говорят малагасийцы.

Тем не менее, даже зная такие детали, я искренне любовался петухом и гордился тем, что именно в нашем дворе выпестовано такое чудо природы. Мне очень хотелось вникнуть в его африканскую душу, по крайней мере, уловить в гордой птице то, что ее отличает от европейских сородичей. Иногда ко мне подсаживался сторож Нозль Ракутумахефа, и мы вели с ним душевный, насыщенный философскими размышлениями и неожиданными для нас самих обобщениями разговор о том, сколько серой, однообразной выглядела бы наша жизнь, не будь на свете петухов и кур, и сколь много поучительного может человек извлечь для себя — при желании, конечно, — из куриного житья-бытья. Мой собеседник поражал меня здравыми рассуждениями и поистине энциклопедическим знанием народных изречений.

— В петухе мы искони видим средоточие достоинств, красящих любого мужчину, — толковал он. — Более того,

горластый певун, по нашим поверьям, посредничает между живущими и миром предков. Не случайно на празднествах и обрядах он — первая жертва, которую мы приносим Занахари и неисповедимой судьбе во имя счастья. «Петух и солнце назначают друг другу свидание, хотя и страшно далеки друг от друга», — говаривал, бывало, мой дед, отсекая голову очередной священной птице, возлагаемой на алтарь семейного благополучия.

Внимая Ноэлю, я мимоходом припоминал кое-что из собственного малагасийского опыта. Как-то в Туамасине одна жена, разгневавшись на безвольного повесу мужа, стала чисто по-малагасийски, без крика, ровным голосом, но со сквозящей в голосе обидой отчитывать его:

— Ты пуглив и ленив, словно обшипанный в потасовке петух. Пойми же, в семье должен быть хозяин: в плохом доме петух не поет. Мне надоело быть предметом насмешек соседей.

Муж, словно провинившийся школьник, робко молчал, упершись взглядом в ее тапочки, лишь однажды он не стерпел и осадил пословицей раздосадованную супругу:

— Слов нет, виноват я, но и ты не забывай: курица, которая берется кукарекать вместо петуха, приносит несчастье.

Я рассказал этот случай Ноэлю.

— Не нахожу ничего удивительного, — проронил тот. — Это в духе нашего бытия. Когда наши женщины приохотились надевать брюки вместо юбок, у нас родилась пословица-вопрос: «Почему вы стараетесь походить на курицу, поющую петухом?» У нас есть пословица: «Курица, поющая на манер петуха, сама набивается на беду». В старину стражи идолов тут же приказывали убивать и выбрасывать кур, которые пытались кукарекать под петуха.

Однажды после бурного, но короткого ливня я вышел на улицу — погреться под лучами выглянувшего из-за разрежавшейся пелены свинцовых туч солнца. Наш любимец, победоносно квохтая, утолял жажду из быстро засыхавшей лужи. А рядом со мной остановилась соседка и,

кликнув своего забежавшегося сорванца-сына, принялась учить его уму-разуму:

— Всегда хорошенько поразмышляй над своими словами и поступками. Посмотри на этого кочета. Недаром в народе советуют: будь подобен петуху, который всегда гордо задирает голову, когда пьет воду.

— Есть еще очень похожая пословица: «Мало ли, много ли воды пьет петух, он непременно задирает голову», — улыбнулся Ноэль.

Блистательными, метко подмеченными параллелями между поведением людей и петухов, умных и глупых, изворотливых и простофиль, искрится малагасийский фольклор. Тех, кто не в состоянии унять свой дурной язык, любит всласть посплетничать, в народе зовут «петухами, поющими ночью». Бдительных сравнивают с «любимым петухом, который, завидев приближающегося гостя, предупреждает хозяев пением на пороге». О чем-то разорении сообщают иносказательно: «Если петух утром не прокукарекал, значит, его сцапала дикая кошка». Обсуждая нелепую тяжбу, дорого обошедшуюся обоим сутягам, малагасийцы вздыхают: «Бой петухов с короткими клювами: и победитель и побежденный вконец измотаны». Про искусную дуэль торговца и покупателя говорят: «Петухи, бьющиеся на песке, стараются предохранить глаза от пыли».

На Мадагаскаре уважают красноречивых людей, умеющих произносить длинные, благоухающие метафорами речи: косноязычным политикам-пустомелям, через каждое слово подбадривающим себя словами-сорняками вроде «понимашь», «значить», «тасать», «шта», «шобы», даже жиденьких аплодисментов не сорвать. Искусством произносить «кабари» (речь) владеют даже жители самых глубинных деревень. Восхищаясь остроумием участников диспута, которые, не теряясь, мгновенно парируют взаимные выпады, люди, качая головами, говорят: «Да это же настоящая схватка знатных петухов, все время метящих друг другу в голову».

— Наверное, наш петух выиграл бы чемпионат острова, если бы таковой проводился, — как-то, расчувствовавшись, сказал я Ноэлю.

— Петух красивый, ничего не скажешь. Любимец кур. Но не боец, а чистой воды феодал, — презрительно, с видом знатока процедил мой собеседник. — Посмотри, какой он гладенький, жирный, обрюзгший. У нас говорят: «Водясь все время с курами, не станешь героем, героями становятся в бою». Думаю, предки здесь не ошибаются. А бои, кстати, у нас бывают регулярно. Если хочешь, давай как-нибудь посмотрим.

...В укромном уголке столичного квартала Амбухипу есть утоптанная круглая площадка диаметром метров восемь, обрамленная зарослями банана, тенистыми авокадо и эвкалиптами. Зеленый наряд оживляют низкорослые кусты лэнгомена, сплошь усыпанные мелкими ярко-красными цветами. В будние дни здесь безлюдно. Лишь окрест пасутся круторогие молчаливые зебу. А по субботам к 14.00 сюда стекаются любители петушиных боев. Многие — со своими петухами.

Сразу оговорюсь: петушиные баталии — забава на любителя. Одних они привлекают, вводят в азарт, других — отталкивают жестокостью. Когда две окровавленные, обессилевшие птицы, отчаянно вцепившись клювом в клюв, выворачивают друг другу шеи, или безжалостно долбят друг друга в зоб и голову, или, резко взмахивая крыльями, взлетают, норовя шпорами поранить или сбить с ног противника, толпа горланит, танцует, подбадривает пернатых всеми способами.

— Вы видите только кровь, а мы — красоту и пользу, — сказал мне Нихайна, один из завсегдатаев Амбухипу. — На аренах складываются наши взгляды на красоту и силу петухов, мы заботимся об улучшении их породы.

Это народное зрелище можно в какой-то степени сравнить с испанской корридой; некогда его завезли в Индийский океан английские колонисты. Когда же в эпоху королевы Виктории в Англии начали плодиться об-

щества охраны животных, родоначальники ристалища запретили его. Но было поздно: на островах Индийского океана оно вошло в привычку.

В Антананариву бои в мои времена разворачивались по субботам и воскресеньям в Амбухипу, Анцахадите, Амбатурухе и других кварталах. В Фианаранцуа особо прославившиеся «спортсмены» дерутся в квартале Апурурукуву, в Анцирабе — на восточной окраине города...

Бойцовую породу не спутаешь с иной. Гордо расхаживают длинноногие петухи со слегка загнутыми книзу ястребиными клювами и похожими на толстые гвозди шпорами. Как заправских спортсменов, их содержат на специальной диете, кормят чуть увлажненными рисовыми зернами, затем кукурузой. Во избежание ожирения им запрещены какие бы то ни было смеси, каши, разваренный рис и мясо. Считают также, что такой рацион питания делает их горячими, раздражительными, задиристыми.

— У каждого из нас есть свои секреты, — хитро шурил-ся простоватый на вид Антуан Ракутуаривелу. — Некоторые из нас дают питомцам перед боем одну-две капли пальмового вина и даже туака гаши (самогона из сахарного тростника). Этого достаточно, чтобы петух рвался в драку настолько, что его приходится удерживать. Одна беда — некоторые птицы от алкоголя теряют выносливость и быстро выдыхаются в бою.

— Вы тоже поступаете так? — любопытно спросил я.

Антуан рассмеялся, но ничего не ответил.

Бойцовых петухов никогда не содержат вместе с другими петухами, изолируют от кур и цыплят.

— Почему так? — переспрашивает меня Нихайна. — Да потому, что куры, по нашим наблюдениям, расслабляют петухов, прививают им вкус к сладкой и спокойной жизни деспотичного полигама.

Иными словами, понял я, личной жизни у пернатых гладиаторов нет, а слава их призрачна и мимолетна.

Когда петухи достигают бойцовского возраста, их отделяют от остальных кур, потихоньку начинают воспиты-

вать, готовить к боям — наступает период поддержки. Первым делом будущему профессиональному драчуну отрезают гребешок и сережки. Лишенный их петух, объяснили мне, становится вспыльчивым. Но, скорее всего, с помощью небольшой хирургической операции ему удаляют уязвимые атрибуты петушиного убранства.

Первое занятие проводится по классическим канонам: будущего бойца ставят перед зеркалом. Молодой неопытный петушок, завидев свое отражение, полагает, что ему противостоит враг, и сломя голову кидается в атаку на самого себя. Цель такого «боя с тенью» — укрепить клюв, которым петух долбит по стеклу, и выработать у будущего бойца выносливость. Затем его учат настоящей драке с другими коллегами по профессии, чтобы он привыкал «держаться» удары, чтобы его голова не «плыла» после клевков, чтобы он не страшился кровотока ран и ссадин. «Смелого петуха узнают по шрамам», — часто повторяют здешние знатоки петушиных баталий.

Каждые два дня петуху моют лапы, чтобы предотвратить инфекцию. Кусочками стекла ему осторожно затачивают шпоры. Во время отдержки хозяин приучает молодого задиру к себе. Чужому нянчить будущего бойца не разрешается: птица может потерять задор, обессилеть. Побывавшие же в переделках переежки (двухлетки) и особенно третьяки (петух-трехлетка) добровольно, без согласия хозяина, чужакам в руки не даются: с ожесточением хлопают крыльями и клюют незнакомца, осмелившегося приглубить их.

Перед началом каждой схватки — а их за вечер случается до десятка — выбирают двух достойных соперников. Хозяева усаживаются в кружок, а их питомцы рвутся из рук друг к другу. Обычно выбор падает на самых обозленных, примерно равных по силе забияк. Хозяин одного из них бросает вызов, ставит петуха в центре площадки и ходит вокруг, на все лады расхваливая достоинства птицы. Тут же происходит размежевание: появляются «члены

клуба петуха Ралиберы»¹ и «члены клуба петуха Ракуту». Перед тем как поставить деньги, то есть стать членом клуба облюбованного бойца, разумный болельщик, знающий цену своим сбережениям, испытующе оглядывает птицу, дабы убедиться в ее мускулистости и тренированности.

Боже упаси, прельститься ее импозантным внешним видом, массой тела, не обратив должного внимания на мускулы! Петухов с разрешения хозяев по несколько раз взвешивают на ладонях (кстати, после боя присмиревшие и поглупевшие от боли петухи даже позволяют болельщикам дотрагиваться до себя), прикидывая их вес. Нормальный вес — не меньше 3 килограммов. На глазок меряют длину их крыльев, дотошно пересчитывают число перьев в них, проверяют дыхание — ни гипертоникам, ни гипотоникам на арене места нет, — осматривают голову, подсчитывают на ней шрамы, ощупывают клюв снизу, чтобы убедиться в его остроте и твердости, и, наконец, принимаются изучать форму шпоры. Изнеженных петухов бракуют и отправляют к курам, которые, по крылатому изречению островитян, «без петухов скучнее и теряют смысл существования». Правда, судя по всему, ни один петух пока не пожаловался на такую ссылку, поскольку жизнь быстролетна, или, как сетовал Старик из поэмы «Алеко»: «Ах, быстро молодость моя звездой падучею мелькнула».

После выбора соперников делаются заклады, которые достигают порой двухмесячных зарплат рабочего, а это весьма приличная сумма, если учесть, что болельщики — люди небогатые.

У меня сложилось твердое убеждение, что в петушиных турнирах бывают только пирровы победы. Вид победителей и побежденных до боли жалок и вызывает чувство горького сострадания. Недаром пошла пословица: «Все сложилось как в петушином бою: побежденный разбит наголову — победитель вконец истерзан». Да и

¹ Имя хозяина. (Примеч. авт.)

судьба бойцов, в том числе и кумиров, незавидна. Слава их столь же эфемерна, сколь короток их век. Рассерженный хозяин одной знаменитости, которая только что в честном поединке потеряла глаз, безапелляционно изрек:

— Сегодня же он пойдет в суп. Кроме хулиганских замашек у него ничего не осталось.

Правда, здесь есть свои «но». Воинам на Мадагаскаре не рекомендовалось есть мясо павшего в схватке петуха или другого животного, пораженного копьем. Да и вообще, отправляясь в поход, они всячески остерегались петушиного мяса. К слову сказать, в порядке почти лирического отступления, мадагаскарским воинам нельзя есть также мясо дикобраза, так как это животное с его склонностью сворачиваться при малейшей опасности в клубок может передать свой робкий нрав вкушившему его плоть. Ни один воин не притронется к колену быка, как бы аппетитно оно ни было приготовлено, — чтобы не стать, подобно быку, слабым в коленях и неспособным участвовать в боях. Он также не должен есть почки, потому что на малагасийском языке «почки» и «выстрел» обозначаются одним словом. Кроме того, ни одно животное мужского пола, в том числе и петух, во время отлучки воина не должно быть ни под каким видом убито в его доме.

Но возвратимся к нашим «баранам»: лавры побежденных несчастных птиц вмиг забываются. А слепые петухи и в самом деле опасны. Как по малагасийской мудрости: «Ты словно слепой петух, который в бою не сражается, на насесте клюет своих».

Петухи сделали солидный взнос в народную мудрость. По-видимому, от петушиных боев повелись многие ходовые пословицы: «Здоров, как петух», «Дерутся, как два петуха», «Хорошей женщине нужен муж, а не петух»...

Гладиаторы гибнут, а на смену им приходят новые кумиры. Интерес к петушиным схваткам не ослабевает.

— Даже в дни больших футбольных матчей на нашей площадке не убывают зрители, — замечает Нихайна.

Петушиные бои популярны и на других островах Индийского океана. На Реюньоне даже родилась идея про-

вести чемпионат Индийского океана. Говорят, что малагасийские петухи мечтают (мечтать же не заказано и петухам?) о победе на столь ответственном соревновании и стараются постоянно, как я заметил, поддерживать высокую спортивную форму.

Хозяйки острова

В Андранумену привело меня желание познакомиться с Эрнестиной Марен, одной из редких малагасиек, возглавляющих фукунулуну. В деревнях, где всегда заправляла традиционная знать, избрание хозяйкой общины женщины — нарушение извечного уклада, явное отступление от обычая.

Эрнестина собирала валежник и тростник в соседней рошице, когда наш лимузин, пыля, ворвался в деревню. Почувствовав гостей, Эрнестина нырнула в хижину и через мгновение уже появилась в нарядном малиновом платье. По убеждению малагасийцев, красное лучше всего передает праздничность.

— Что такое женщина в сегодняшней деревне? — начал я расспросы.

— Женщина по старинке готовит пищу, нянчит и воспитывает детей, работает с мужем в поле. Но мы начинаем жить по-новому. Рождается новое понимание жизни. Мои дети будут жить иначе. Они будут полностью свободными людьми.

Женщины, обступившие нас, поддакивают, вмешиваются в беседу. Они наперебой сообщают, что Эрнестина научила семерых из них грамоте, получила для деревни швейную и пишущую машинки. Они уверяют, что мужчины также довольны своей руководительницей.

Эрнестина слушает похвалы и добродушно смеется.

— Эрнестина, я впервые вот так беседую с деревенской женщиной в вашей стране, — признаюсь я.

— А зря. Значит, добрая половина нашей жизни проходит мимо вас, — ее лицо озаряет милая улыбка.

Эрнестина права. Это действительно так, особенно когда дело касается «острова королев».

Женщины — «серые кардиналы» на Мадагаскаре. Сметливые, деятельные и прекрасные, они вершат всеми делами в семьях. Целыми днями они трудятся в поле. В пути жена несет тяжелую поклажу, дома обрушивает рис, ходит за водой и дровами, занимается уборкой. Я наблюдал на западе, как женщины охотились за раками и крабами, а мужчины продавали их автомобилистам на дорогах. У их крепких жилистых ног стояли корзины, в которых шевелилась масса спутанных ракообразных, перемешанных с влажной землей. Продавец вытаскивал шоколадное копошащееся существо и протягивал навстречу мчавшимся автомашинам.

По обычаю, все семейные деньги хранятся у хозяйки. Муж отдает ей весь заработок. В малагасийское законодательство даже включен старинный обычай — мисинтака. Согласно ему, если в семье вспыхивает ссора, супруга имеет право покинуть мужа на любое время. Муж может лишь направить к жене «посла» с поручением уговорить ее возвратиться домой.

Тем не менее неравноправие женщины — факт.

До колониального захвата женщина участвовала в политической жизни. Мадагаскар был «страной королев», хотя фактически власть принадлежала премьер-министрам. Введя имущественный ценз на участие в политической жизни, колонизаторы лишили гражданских прав и женщин и мужчин. К тому же они прибавили множество разных барьеров, специально ограничивающих социальную «активность» женщин узкими пределами домашнего очага.

Последствием такой политики стал высокий уровень неграмотности среди женщин. Профессионально-техническое образование для девочек ограничивалось чисто «женскими» ремеслами, в специальных учебных заведениях занималось около 7 процентов девушек. В вузы допускалось весьма малое число женщин, да и то только на литературные и медицинские факультеты.

Правители стремились закрепить неравноправное положение женщин. В указе 1962 года говорилось: «Муж — глава семьи, и жена должна помогать ему обеспечивать моральное и материальное руководство семьей и воспитывать детей». Законодатели отвели малагасийской женщине незавидную роль рабыни и «родильной машины». Она была обязана родить, иначе ей грозила участь отверженной. Рождение ребенка, по обычаям малагасийцев, — выполнение главного завета предков о том, чтобы продолжался род. Иметь семь детей здесь означает получить социальное признание, уважение общины, а рождение четырнадцатого дает право на знатность. Колониальные власти не скрывали заинтересованности в избыточной рабочей силе: чем больше население, тем дешевле рабочая сила. Инициатива развода по закону и по обычаям принадлежала мужу. В этом случае жена имела до 1975 года право на треть имущества (теперь на половину), а дети оставались с отцом. Адюльтер по вине мужа не наказывался, но горе было изменившей жене.

У мадагаскарки, конечно, были свои права и преимущества. «Женщина священна, потому что слаба», «Женщина — мебель хрупкая», — многие постулаты предков диктуют уважение к женщине и заботу о ней как о слабом существе. Однако тот же обычай, противореча себе, ставит ее в подчиненное положение в семье и обществе. Неравноправие проявляется и в мелочах. «Кто приветствует женщину, тот умрет молодым». Смысл заповеди: мужчина, который первым приветствует женщину, признает свою неполноценность. «Излишняя снисходительность к жене навлечет на мужа беду», — предупреждали старики новобрачного. Рождение дочери не вызывало особой радости, ибо, по общему убеждению, продление рода зависело от мужчины. Однако когда семья была бездетной, то винили в том жену.

Однажды актеры Элина и Анри Рабариндзаки пригласили мою семью на ужин. Обносили сначала мужчин, вплоть до сыновей, потом женщин. Мне положили гузочку курицы, а моей дочери — куриные лапки.

— Анри, можно передать гузочку Ирине — она любит ее, а мне любой другой кусок. Безразлично какой.

— Тебе-то да, а нам нет. Мы с Элиной умышленно решили показать тебе, как обедают в малагасийских семьях. Гузочка считается у нас изысканным блюдом и подается мужчинам, которые также первыми обслуживаются. Только не думай — в нашей семье все по-новому.

Сколько еще таких семей, где женщина обслуживает гостей, но сама не смеет сесть за стол, пока они не уйдут! И все же в большинстве очагов тон задает женщина, или, как говорят, курица кукарекает, а петух высиживает яйца. Про некоторых глав семейств говорят, что они спят на полу, между кроватью и стеной, волей властной супруги, оккупирующей всю циновку!¹

Даже во времена феодальных королевств женщина занимала в обществе высокое положение. Некогда правитель сакалава Андрианцули, потерпев поражение в бою, отрекся от престола в пользу своей сестры Уантици, которую сменила ее дочь Изиумеку. Обе властительницы правили решительно и создали крепкое царство, павшее лишь с возвращением к власти мужчин. Быть может, учитывая сильный характер женщин, островитяне на протяжении всей истории смотрели на полигамию как на излишнюю роскошь, пустое расточительство. Многоженцев подвергали осмеянию. «Мужчина, если у тебя уже есть супруга, не поддавайся ласкам хитрой молодежи — иначе растеряешь достоинства и богатства, накопленные в молодости», — назидает одна пословица. «У многоженца запасы риса истощаются быстрее», — констатирует другая.

Заняв трон, королева Ранавалуна I объявила войну полигамии, а 29 марта 1881 года Ранавалуна II издала указ, ограничивающий ее. Строгая суверенша разрешила мужчинам иметь до 12 жен при условии, если они способны прокормить их. Для каждого нового брака требовалось согласие старших жен. Теперь, когда грамотность повсю-

¹ Кровать в деревне — еще роскошь, спят там на циновке. Иногда делают деревянную рамку в человеческий рост и вкладывают в нее нечто вроде соломенного матраца.

ду растет, редко кто из малагасийцев осмеливается сделать шаг к лишь внешне соблазнительной полигамии, по крайней мере к открытой.

Однако то, что жизнь возбраняла Цезарю, позволялось его супруге. Одно из «темных пятен» в истории Мадагаскара — таинственная смерть 27 июля 1828 года короля Радамы I, обнародованная лишь 3 августа, а также приход к власти королевы Ранавалуны I, одной из жен его отца, перешедшей к Радаме по наследству. Некоторые утверждают, что король, злоупотреблявший спиртным, заболел белой горячкой и во время одного из приступов сам перерезал себе горло. Новая королева, дабы не ущемлять гордости сильного пола, стала считаться «лицом мужского пола» и, следовательно, наследницей двенадцати супруг короля. Так женщина официально сделалась... мужем такого большого количества жен. Последующие королевы по ее примеру имели как «мужчины» гарем и в то же время как женщины — «официальных любовников», занимавших попеременно пост премьер-министра. У Ранавалуны I было четыре премьер-министра: Райнимахан, юный и красивый Андриамихадза, ставший отцом короля Радамы II, затем Райнихару и Райнидзухари.

Ранавалуна I показала себя отважной женщиной. Она отвергла советы европейцев, временно добилась прекращения их вмешательства. До самой смерти (1861 год) она сумела сохранить власть, опираясь на народ в борьбе с иноземным господством. Королева расторгла кабальный англо-мадагаскарский договор и изгнала из страны английских миссионеров. Такое не удавалось королям-мужчинам в те времена!

Если отвлечься от всякого рода публичных церемониалов и традиционного разделения труда, главой семьи здесь считается тот из супругов, кто верховодит в житейских буднях, победив в состязании характеров и энергии.

В большой цене на Мадагаскаре любовь и лад в семье. Про недружные семьи говорят: «У них как в царстве лягушек». Даже высокочтимые предки учат: «Нет большего счастья, чем брак по любви», «Лучше красота и доброте-

тель, чем богатство». О достатке тоже не забывают и на свадьбе желают: «Да будет ваш очаг, как шелкопряд, тучнеющий в своем коконе». В иных районах невеста доставалась жениху после нелегких испытаний. У бецимисарак, бецилеу, цимихети и их соседей девушек умыкали не без родительского согласия. Жenu можно было выиграть и на народном празднике, когда устраиваются соревнования по бегу. Если юноша догонял улепетывающую во все лопатки возлюбленную, то она становилась его добычей на всю жизнь.

Близ Анцухихи я был зрителем на состязаниях, очень «болел» за понравившихся мне юношей и сделал заключение, что некоторые девицы действовали не по правилам. Они чересчур откровенно позволяли себя настигать, нарушая обычай, предписывавший им вкладывать в бег всю энергию. Старики беззлобно шутили по этому поводу.

— Старая как мир хитрость, — подмигнул один из них своей жене, которая прыснула в край платка.

Одним словом, женщину не проведешь.

У сакалава невеста прячется, и будущий муж обязан найти ее, чтобы его не сочли несообразительным и неловким, а у антаймуру жених идет ночью к родителям невесты и устраивает дикую драку с ними до синяков и шишек. Бывает, юноша после побоища еле держится на ногах во время свадьбы, а лица отца и братьев невесты сияют свежими синяками и кровоподтеками, но они дружески обнимают друг друга.

— Хороший обычай, — убеждали меня в Амбалавау. — Пусть кандидат в мужья на себе ощутит боль и не причиняет ее своей подруге.

Любовь любовью, но островитяне — прирожденные фаталисты — никогда не ручаются за то, во что обернется самый счастливый поначалу брак. Брак, предупреждают мерина, подобен дележу мяса: одному достается кусочек от горба, другому от коленки. Все проблемы возникают потом, при притирании, при дележе «мяса». Хочешь не хочешь, а от женитьбы же не уйти, ибо старый холостяк здесь — всеобщее посмешище. Едва подросток переходит в юно-

шеский возраст, как родители начинают вбивать ему в голову мысль о невесте. Разумеется, они предупреждают его и об издержках этого смелого предприятия: «Тому, кто женится на высокой, не нужна лестница; у того, кто берет низенькую жену, под руками будет барабан; тот же, кто соединяется со сварливой, получает в дом молнию».

Видимо, во избежание «молний в доме» исторически еще недавно на Мадагаскаре бытовали «пробные браки». Будущие супруги в течение определенного срока жили вместе — у антаймуру восемь дней, а обычно от нескольких недель до одного-двух лет. Родители примеряющихся к брачной жизни знали об этом, но делали вид, что ничего не ведают. Ясно, что без их предварительного согласия «проба» не состоялась бы. После такой проверки физических и моральных качеств либо скреплялся окончательный союз, либо пара распадалась.

Погрейтесь у ночного костра с каким-нибудь бывалым дедом, и он расскажет вам тысячу занятных историй о том, как на острове приспосабливаются к участи мужа, даст тьму рецептов сохранения семейного мира. И одним из них непременно будет: «Надо любить жену, но холить тещу». Действительно, правы малагасийцы — «в разных странах растет разная трава», то есть в разных странах разные обычаи!

Чтобы уравнивать шансы в выборе спутника или спутницы жизни, были заведены и браки по контрактам. Заключая временный договор, муж отдавал жене энную сумму денег, часть земли и скота в зависимости от продолжительности контракта. Нажитое же делилось по велению обычая так: одна треть шла жене, две — мужу. Когда истек срок действия брачных уз, супруга собирала пожитки и говорила бывшему мужу: «Велума, тумпуку» (в переводе на русский — «До свиданья!»). Чаше же временный брак из-за рождения ребенка или благоприобретенной привычки друг к другу переходил в постоянный.

Существовала также любопытная практика временных разводов.

— Плоть человеческая слаба, — мудрствовал на острове Нуси-Бе старый рыбак Андрианчалама в ответ на мой

вопрос о разводе. — У нас сызмальства учат: «Не заглядывайся на женщину, за которую уплачена задняя часть барана» (в переводе на русский это может звучать: «Хороша Маша...»). Однако в юности кровь играет в жилах, и не все разумные советы легко выполнить. Вот почему, когда солдат отправлялся воевать, в том числе на чужбину, в далекую Европу, он разводился с женой до своего возвращения. Если же она тем временем находила себе другого мужчину, разведенному мужу не грозили ни смерть, ни плен — неотвратимая, по поверьям, кара судьбы для солдата в случае сохранения брака.

— Ну а женщины имеют право на такой развод?

— Нет, они же не воюют. Временный развод — привилегия мужчин.

Положение и психология женщины на острове меняются. Теперь она — и поэт, и инженер, и философ, и политический деятель, как, например, первая в Африке женщина-инженер Рахантавулулуна Андриамандзату; поэтесса и писательница Кларисса Рацифандрихаманапа; доктор лингвистики, одна из лучших знатоков местного фольклора Бакули Доменикини-Рамиариманана; преподавательница университета, журналистка Люсиль Рабеариманана и многие, многие другие.

— Завоевать благосклонность женщины становится все труднее, — вздыхая, говорили мне некоторые мои местные друзья. — Теперь они настоящие хозяйки острова.

Последний колдун

Руиву был гордостью деревни, ее ходячей историей. По округе гуляла слава о его проникательности, умении исцелять от любой болезни и заглушать в душе человека невесть откуда взявшуюся грызущую тревогу, сняв с него «злые» чары. Цокая языком, его односельчанин — инженер с дипломом Парижского университета в кармане — восторгался старым кудесником.

Это был закят жизни знахаря. С поразительной интуицией, выработанной за долгое общение с людьми, он

предчувствовал приближение конца. Он был утомлен одиночеством, слабостью, но умирать ему не хотелось. Приняв меня как чужестранца, с вежливой холодностью, чуть даже подозрительностью, Руиву потом по-своему привязался ко мне и ждал встреч. Он делился тем, чего никогда бы не сказал своим землякам.

— Мои слабости и сомнения не принадлежат тем, кому я обязан облегчить существование. Если они узнают о моих немощах и тоске, они потеряют веру в мое могущество и — что хуже — в самих себя.

Для меня старик был частью и мерилom окружавшей его жизни, недавним прошлым и настоящим своей страны. Иногда в субботу или воскресенье я выбирался к нему — благо деревня была недалеко от столицы.

— Я такой же, как все. На красной земле и трава краснеет, — сказал один раз Руиву.

В 1947 году он не задумываясь присоединил свое копые к копиям тысяч повстанцев, временно оставив ворожбу и знахарство.

Он радовался, когда я навещал его, сетовал на одиночество.

— Я не живу, а доживаю, — грустно улыбался знахарь. — Счет годам потерян. Мои сверстники стали предками. Близок день, когда луна не взойдет для меня.

В последние месяцы он нашел себе новое занятие. Вечерами в полнолуние, кряхтя и бормоча себе под нос, старик взбирался на крышу, чтобы наблюдать за восходом и движением луны.

— Знаешь, мне стало казаться, что «серебряный глаз» встает все позже и позже. — Правду говорят люди, что вечер — старость дня. Не успеют опуститься сумерки, как занимается заря, — удивлялся он.

Руиву явно страдал от бессонницы. Быть может, его угнетала мысль о том, что ему недолго осталось созерцать луну.

Устремив неотрывный взгляд в холодное светило, добрый колдун шамкал беззубым ртом, произносил заклинания и предсказания, иногда у него вырывались и проклятия.

— Люди столь же легко бывают добрыми, сколь и злыми, — оправдывался он.

Ему жаль было расставаться с хижинкой, заполненной талисманами и целебными травами, белыми камешками, сухой травой, затвердевшей корой, черными зернами, мышинными костями.

Однажды несколько развязных молодых людей, вернувшись на побывку после привольной городской жизни, замахнулись на авторитет знахаря, стали подшучивать над ним. Наутро они внезапно заболели. По простоте душевной они не могли понять, что недомогание вызвано всего-навсего сменой пищи: переходом от шашлыка к квашеному молоку и корням маниока, сваренным в семейном котле.

— Руиву всемогущ. С ним нельзя так легкомысленно обращаться, — корили сыновей напуганные родители.

Их страх передался детям. Поколебленный престиж старца еще более окреп после того, как он легко исцелил желудки городских насмешников снадобьем из диких трав.

За исключением редких случаев, он уже никого не лечил.

— Прошлое не возвращается, о минувших зимах не помнят, — отвечал он пословицами на просьбы о помощи.

Он уже не помышлял о том, чтобы приумножить свое стадо, скопить побольше риса в закромах. За его зебу, по обычаю, присматривала вся деревня.

— У кого есть родные, тот грязную воду не пьет, — гордился он заботой односельчан.

Довольствуясь толикой земных благ, кудесник часами размышлял об ином мире, с мыслью о переселении в который он смирился.

— Минувшее принадлежит прошлому, а то, что случится, — будущему.

Раиву полагал, что, представ перед очами Всевышнего, он обязательно убедит его превратить Мадагаскар в частичку рая на земле, в царство цветущих под вечным солнцем полей, лугов и безбрежных сочных пастбищ. Глядя на луну, он сетовал на предков за то, что они не позаботились об этом в свое время.

— Ракуту, помнится, бахвалился красноречием. Я же говорил ему честно, что в его кабари (речах) много красивых слов, но нет убедительности, — ворчал Руиву. — А вообще-то в наши времена умели говорить.

Он вспоминал о больных, которых ему довелось спасти от недуга на своем долгом веку. Особенно высоко возшла его звезда, когда племянник — молодой фельдшер из города — подарил ему большую коробку с таблетками аспирина. Знахарь давал их всем больным подряд. Разумеется, не в виде таблеток, чтобы не выдать себя, а смешав аспирин с другими безобидными порошками. Лечение происходило в полумраке его халупы, где курилась кора ароматного дерева — катрафэ.

В деревне уважали все чудачества и прихоти старика. Последняя по времени блажь состояла в ежевечернем восхождении на крышу и наблюдении за луной. Руиву пытался «прочитать» в лунных пятнах загадку жизни, столь мучившую его все оставшиеся годы. Он хотел встретиться с Богом во всеоружии, познав смысл сущего.

В полнолуние он собирал совет старейшин и тайком распределял между ними средство против всех напастей и болезней. Наследника у него не было. Жена и дети недолго прожили на белом свете. Он раздавал остатки своего запаса аспирина. Все должно остаться деревне.

Как-то, рассказывали крестьяне, Руиву объявил старейшинам, что, начиная с ближайшей ночи, луна больше не появится на небе. Люди молчали, смутенно переглядываясь. И надо же, в тот момент с неба исчезла яркая дуга антсибен андриаманитра — «большого кинжала Бога», как здесь называют радугу. Плохое предзнаменование!

Смеркалось. Дети, которым, видимо, передалось настроение взрослых, плакали. Матери не укладывали их, желая вместе увидеть, как сбудется пророчество. Даже дисциплинированные в этих краях собаки, которые обычно унимаются к ночи, заунывно перелаивались и подвывали. Вся деревня собралась вокруг костров, разведенных для того, чтобы отогнать блуждавших окрест злых духов. Люди с тяжелым сердцем бросали взгляды то на

хижину колдуна, то на горизонт. Ночь была мрачная, темная. Знахарь не показывался, хотя и предупреждал, что будет сам произносить заклинания на крыше. Ужас охватил деревню. А если умбиаси окажется прав? Никто не осмеливался беспокоить его.

Вдруг кто-то, самый зоркий, уловил бронзовый проблеск на горизонте. «Луна! Луна!» — с облегчением кричали люди. Восход ее задержался — теперь это было ясно каждому, но, скорее всего, виноваты были свинцовые облака, обложившие небо у горизонта. Луна залила деревню бледным мраморным светом. Хижины, деревья и сами люди стали походить на посеребренные скульптурные изваяния. Появились длинные антрацитные тени, а без тени человек — не человек. Колдун так и не вышел.

— Должно быть, старик забыл о своем пророчестве и заснул, — подумали крестьяне.

Тем не менее для него прорицание сбылось. На рассвете женщина, принеся Руиву к завтраку глиняную миску кукурузы, сваренной в молоке, обнаружила его бездыханное тело. Конец пришел спокойный, ясный — от старости...

— Правду говорили предки: мписикиди (провидец) ничего не знает о самом себе, — вздохнул сосед Руиву.

— Луна действительно не поднимется для него, — качали головой люди. — Справедливый не умирает. Руиву перебрался в страну вечного солнца и зеленых пастбищ. Теперь посмотрим, уговорит ли он Занахари, чтобы тот сделал Мадагаскар процветающей, плодородной страной. Вдвоем с Ракуту ему будет легче. Они сотворят чудеса...

Глава третья

ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ — КОЛЮЧИЕ ЛЕСА

Излечение от ипохондрии

Со временем я заметил, что в Антананариву есть районы, стимулирующие хорошее настроение, и есть районы, которые предрасполагают к грусти, хандре и даже подавленности. Точно так же на всем острове есть города, стимулирующие меланхолическое и бодрое состояние духа. Мистики в том нет.

— В столице надо с пристрастием выбирать кварталы для проживания, — посоветовал отец Дюнан. — Специалисты связывают это с разными уровнями магнитных колебаний. В почве здесь содержится много окислов железа, что и влияет на психику жителей. Можете навести справки в геофизической лаборатории.

— Ну а с городами как?

— То же самое. Советую вам регулярно отдыхать от суеты столицы, к примеру, в Анцирабе.

Малагасийцы не рекомендуют надолго засиживаться в столице. Говорят, что город при всей его живости и многоликости может вызывать периодические приступы ипохондрии. У меня они выливались в кризисы ностальгии. Чтобы не впасть в минорное настроение, я старался не засиживаться в Антананариву и колесил по Мадагаскару, нейтрализуя полученными впечатлениями воздействие на психику магнитных колебаний.

Свои путешествия по Мадагаскару я начинал с самого доступного — изучения того, что находится под рукой. Поближе были двенадцать священных холмов Имерины, и я старался мало-помалу вникнуть в их тайны. После Аналаманги вместе с Пьером Буато я «покорил» гору Амбухиманга, где сыздавна размещалась резиденция малагасийских королей. Потом последовали Амбухинианзи у озера Итаси, Абухидрабиби близ Антананариву, Абибухитратриму близ Илафи... В учете «священных холмов» помогали крестьяне и письменные источники. К своему восторгу, я обнаружил, что их число значительно превышало двенадцать.

Двенадцать гор были связаны с правлением самых крупных вождей и королей, которые либо правили на их гребнях, либо похоронены в них. Так, первым, кто «освятил» Амбухимангу, был вождь Андриатсимитувиаминандриана. В других горах были погребены предки королей. Двенадцать холмов носят имена супруг властителей. Например, Амбухидрабиби связан с королевой Расендрасуа, а Амбухитрасина — с Рабудуниверина. Сам по себе этот факт свидетельствует о важной политической роли, которую женщины всегда играли на острове.

Кстати, число двенадцать является здесь символом благословения и силы, числом короля и королевы. В кабари (речах) после того, как спрашивались о здоровье короля, вопрошали: «Как поживают ваши двенадцать супруг (супруги короля) и двенадцать гор (их жилища)?»

Каждый вождь определял степень почитания холмов. У каждого были свои двенадцать. Всего же я насчитал двадцать один священный холм. Впрочем, во все времена вождя после вступления на ватумасину — священный камень в Антананариву (вступлении на трон) — провозглашали «преемником двенадцати, правивших ранее». Передача священности рассматривалась как основа государственной власти.

Целью моего первого большого путешествия был юг. Программа-максимум включала поиски дерева-людоеда, скорлупы птицы рух (если сама птица не попадетсЯ), осмотр пиратских бухт и стоянок, попутные розыски кладов...

Путешествовать было нетрудно и даже приятно — за несколько дней снималось всякое напряжение. Поездки переносились легче благодаря хлебосольству и радушию здешних жителей. Задержавшись в дороге, можно смело стучаться в любой дом. Вас пустят на ночлег, накормят («Готовая пища не имеет хозяина»), ибо отказывать гостю здесь не принято.

Лишь один раз мне не удалось разузнать дорогу у прохожего, и то потому, что, не зная обычая, напугал человека. Взяв курс на Анцирабе, в самый последний момент я решил свернуть на разбитую грунтовую дорогу, скорее похожую на тропу через безлесное плоскогорье, чтобы проехать мимо священных холмов Имерины. После двух-трех поворотов, сделанных наугад, я окончательно сбился с пути.

Уже спускалась ночь. Некоторое время я продолжал упорно углубляться в сгушавшиеся сумерки. Сомнения сменяли меня, хотя вслух я подбадривал и себя, и разувевшийся экипаж. Вдруг впереди, чуть в стороне, показался крестьянин, погонявший перед собой нескольких зебу. Он явно торопился попасть в деревню до темноты. Я вышел из машины и, не захлопнув дверцу, бегом догнал его. Пастух, погруженный в собственные мысли и заботы, заметил меня, когда я был уже в трех-четырех шагах от него.

Едва я подал голос, как он вздрогнул, словно ужаленный. На лице был написан безумный испуг. Улыбнувшись как можно шире и добродушнее, перемежая слова с жестами, я попробовал растолковать свою беду. На какие-то мгновения он остолбенел, потом вдруг с истошным воплем рванулся прочь через рисовые поля, бросив свое стадо. Я опешил, не на шутку перепугавшись столь неожиданной реакции.

Сев за руль, я развернул автомобиль и скоро воротился на асфальт. Уже потом меня вразумили: крестьянин принял меня за мпакафу — злого духа, который по ночам забавляется тем, что пожирает сердца запоздавших гуляк.

— Воображаю, как его всей деревней поздравляли со столь удачным спасением от мпакафу, — потешался, услышав про мое приключение, Мишель Разакандраина. — Обычаи надо знать. Добрые намерения или неосторожные шутки, беззлобные лишь на взгляд чужестранца, у нас могут быть восприняты как оскорбление. Помню, как один француз, желая похвалить эрудицию своего малагасийского коллеги, брякнул: «Да вы собаку съели в своем деле, месье», чем страшно обидел его. Самое грязное ругательство у нас — сказать кому-то, что он «съел собаку» или произнести слова «собачье дерьмо». Более непримиримого врага вам потом не сыскать.

Страх перед неведомым свойствен крестьянам Высокого плато. В своих домиках они делают из-за холодных зимних ночей минимальное количество дверей и окон, через которые может улетучиваться накопленное за день тепло. Ночью мерина и бецилеу наглухо баррикадируются в таких и без того непроницаемых домах. Часто, если вор проникнет на первый этаж или угонит скот, суеверный хозяин не шевельнет пальцем. Ранним же утром, стряхнув ночные страхи и фантазии, он пустится в погоню за грабителем.

С тех пор я не допускал промаха, стараясь засветло заявиться гостем в непредусмотренное программой селение, и не был уже мпакафу — меня принимали доброжелательно, по-малагасийски.

Ода в честь вари лава

В деревушке Суаманандраини по пути из столицы в Анцирабе я заглянул в семью горшечников. Возле их хижины горстка пяти-шестилетних ребятишек усердно лепила замысловатые фигурки из глины.

Потомственный гончар Ноэль Расамуэль корпел над виланимбари — горшком для варки риса, когда неожиданный гость, согнувшись в три погибели, переступил порог. Не простое это дело — гончарное ремесло. За готовым сосудом стоит кропотливый труд.

— Глину мы добываем сами в колодцах глубиной до восьми метров, вырытых в двух-трех километрах от нашего селения, — рассказал горшечник. — В дождливый сезон яма заполняется водой, твердокаменный грунт сдает и постепенно оплывает. Большим бидоном мы вычерпываем глину вместе с водой.

Жена Ноэля пригласила нас к столу. Запив маниок пальмовым вином, гончар вернулся к работе. Перед этим он долго и тщательно, как хирург, мыл руки.

— За изготовление сосуда надо браться чистыми руками. Так велит обычай. Грязные руки — фадии в нашей профессии. Иначе, по поверьям, изделие растает.

К горшкам на острове питают необычайное почтение. Старые разбитые сосуды складывают на бататовом поле, что, как меня уверяли, избавляет его от личинок майских жуков. Черепки зарывают бережно. «Жизнь подобна крышке от горшка: никогда не знаешь, в какой момент она разобьется», — философствуют малагасийцы, глядя на пытящий горшок с рисом.

— Сейчас у нас тьма заказов на виланимбари. Поспевает вари лава (рис). При нашей профессии дел хоть отбавляй. Едва в каком-нибудь доме треснет сосуд, как к нам в дверь стучится клиент. Недаром говорят: кто не раскошелится на крышку для горшка, тот будет есть скверно сваренный рис, — улыбнулся гончар.

Рису поклоняются в здешних краях. Даже малейшая небрежность в его приготовлении может ослабить семью.

Ведь в деревне друг о друге знают все. Для хранения и варки риса в любом доме имеются глиняные сервизы, завешанные предками.

Вари лава — любимое и ничем не заменимое кушанье островитян. «Кто не ест рис, тот не малагасиец», — повторяют здесь. Рис готовят на завтрак, обед и ужин. Однако меню нельзя назвать однообразным. Постепенно убеждаешься в кулинарной фантазии местных хозяек, которые с помощью уймы растительных приправ придают этому продукту специфический вкус.

Недород или нехватка риса означают большое экономическое и даже политическое потрясение.

«Когда-то, — говорится в народной легенде, — рис был пищей богов. В один погожий день дочь Занахари (Бог-предка) снизошла с неба на гору Анкаратра. Про запас она захватила с собой петуха и курицу, напичканных необрушенным рисом. Во время трапезы она неосторожно обронила несколько зерен. Угодив в благодатную почву, они проросли, и пища богов попала на стол людям».

По другой легенде, рис выпал на землю с каплями дождя. Попав в болото, его зернышки проросли. Люди дивились новому растению, спрашивали друг друга о его пользе. Тогда небо послало им вестника Рабекидуну — молнию.

— Это растение послал вам сам Занахари, — сообщила Рабекидуна. — Он желает, чтобы вы сеяли его зерна. Не жалейте сил, когда вы услышите мое ворчание, потому что после него разверзнутся небеса, пойдет дождь, и рис даст всходы. Благодаря вари лава вы никогда не узнаете голода. Пусть вся страна покроется бархатным ковром рисовых полей и пусть мои вспышки и раскаты будут для вас сигналом, который вы не оставите без внимания!

К западу и югу от Аналаманги на огромном пространстве стелется изумрудная гладь рисовых полей, среди которых поблескивает на солнце река Икупа. Эта небольшая река вошла в пословицу: «Тысяча каналов, сто рек, а конец их один — Икупа» — так здесь намекают на то, что ложь неминуемо кончается разоблачением.

Долина Бецимитатра в переводе значит «цельная». 10 тысяч гектаров отлично обработанных земель — наилучшая рекомендация трудолюбию малагасийцев. Лодыри в народе не в почете. Здесь говорят: «Животное не ходит без головы, дерево не растет без корней, вода не попадает в долину без канала, человек не может жить без труда и ремесел». «Когда покончено с войнами, умиротворена страна... и, между прочим, пока есть люди в моем королевстве, — заявлял Андрианампуйнимерина, — я не боюсь ни одного живого существа... Мой единственный враг — голод, и тот, кто не работает, вступает в сговор с врагом и открывает ему врата родины. Сажайте рис и кладите побольше навоза. Сажайте маниок, ямс, кукурузу... Корни маниока — опора моей империи, это мои солдаты в сражении с голодом...»

Икупу и массив рисовых полей от столицы отделяет круговая шоссейная дорога, проложенная по вершине дамбы. Насыпь Анкадимбахуака и другие плотины, которые находятся в черте города, возводились еще с начала XVIII века для полива рисовых полей и защиты от наводнений. В период дождей вздувались окрестные реки, и вода подкатывалась к подножию антананаривских холмов. Тот, кто селился на равнине, всегда имел при себе пирогу, на которой в половодье мог вывезти семью и скарб. Хотя дамбы закрыли путь водной стихии, у некоторых хижин и сейчас стоят пироги.

— На всякий случай, — хитровато шурятся запасливые владельцы лодок.

И они, как всегда, правы, мудрые крестьяне. В памяти трагедия 1959 года, когда за короткий срок пять разрушительных циклонов обрушились на остров. Скорость ветра временами превышала 200 километров в час. Ливни достигали такой силы, что, казалось, целое море опрокинулось на остров. Реки вышли из берегов и слились в бескрайнюю водную гладь. Погибло несколько тысяч человек. В январе — феврале 1977 года под каскады молний, рассекавших небо на части, и пальбу грома, разрывавше-

го барабанные перепонки, циклоны «Эмилия» и «Фифи» сделали Антананариву островком среди безбрежного моря. Люди радовались своей дальновидности, ласково поглаживая пироги.

Многие поколения уплывали в небытие в саркофагах-ладьях. При раскопках старинных могил обнаружены останки и серебряные украшения в двух положенных друг на друга пирогах. Вокруг Таны разбросаны каменные пирамидки могил.

Вся житница риса — от озера Алаутра до Фианаранцуа — испещрена оросительными каналами, плотинами, запрудами, воздвигнутыми многими поколениями крестьян. Люди заставляют воду течь даже к вершинам холмов и гор, подчиняя ее воле разума и мускулов. 85 процентов всех орошаемых земель страны занято под рисом.

На манер капризной невесты вари лава требует чуть ли не ежечасного внимания. Едва оставишь участок без ухода, как по влажным ложбинам расползаются пышные, но бесполезные заросли папоротника, с жадностью пытающегося отвоевать себе каждую пядь земли.

Возделывают рис примитивными методами с помощью извечного заступа — ангади. Сначала в сырой почве рядом с домом выращивают саженцы. Тем временем коллективно с материнской заботливостью готовится земля для посадок — ведь «на рисовом поле одному делать нечего». Обернув кусок полотна вокруг бедер, мужчины, обычно не меньше троих, рыхлят землю, разбивая в порошок каждый комок. Затем участок заливают водой, временно превращая его в болото. От зари и до зари по пояс в грязи гоняют по полю зебу, пока под их копытами не образуется клейкая, нежная, как взбитые сливки, жижа. Люди кричат, жестикулируют, заталкивая в воду животных, которые мычат во все легкие, сбиваясь в кучу, толкаются, скользят, топчут и унавоживают землю.

В пору, когда заливают рисовые поля, окрестности Антананариву на много километров выглядят как настоящее море, поблескивающее в лучах нежаркого солнца. Вдоль

дамбы и на бугорках мальчишки и взрослые удят рыбу, в основном мадагаскарских окуней — паратиляпия Ноллени. Всего же в реках острова водится 92 вида рыб. Вода для полива безостановочно поступает по открытым шлюзам плотин и каналам из Икупы, Мандраки, Ампасимбе, Сисауни и других речушек. На плоскодонках доставляют навоз.

В мягкую черную массу пересаживают рассаду. Это обязанность женщин. Только в случае запоздания работ им подсобляют мужчины. Спорая работница втыкает в землю до 40 саженцев в минуту.

Желтеют рисовые просторы. Повсюду порхают фуди, как здесь зовут ткачиков. Самцы обряжаются в малиновое оперение. Поэты утверждают, что в эту пору борьба за крошечное сердце самки — серенькой и невзрачной — достигает апогея. Не одно сказание описывает любовь среди мадагаскарских ткачиков. Птичья любовь? Звучит немножко странно. Биологи истолковывают это переодевание так: фуди склеывают зреющие зернышки «красного риса» и окрашиваются в их цвет. Но тут же возникает вопрос: почему не меняют наряд самки? Возможно, поэты в чем-то правы?

Говорят также, что по поручению Занахари рис людям принес на своих крыльях ткачик. В напоминание об этой услуге птица меняет цвет, когда колосья наливаются зрелыми зернами.

«Отныне оперение фуди будет приобретать вишневые оттенки, чтобы люди заблаговременно подготовились снять урожай», — изрек Занахари.

Урожай собирают только женщины. Заученными с детства, экономными движениями жницы серпами срезают колоски. К вечеру на широкие циновки подле дома рис рассыпают для сушки и молотбы. Иногда крестьяне подкладывают груды риса на подстилках прямо на проезжую часть дороги под колеса автомобилей, обращая шоссе в «гумно». Рис собирают до зернышка; потери минимальны, в основном лишь за счет поклева птицами, которых не устрашают пугала, развешанные на полях.

За рисом признают чудесные свойства. В обрядовой песне «Хвала выжиганию саванны» крестьяне поют: «Как не любить рис особой любовью, если огонь и вода, эти два земных блага, содействуют его росту».

«Не разглагольствуйте о своей занятости, даже если вы не приступили к севу риса», «Не напускай на себя важность, если не поливал рисовое поле», «Не водитесь с обжорой — он истощит ваши запасы риса», «Не давайте советов глупцу — потеряете время для выращивания вари лава».

Возделывание риса требует целеустремленности, умения выбирать главное. Об этом, например, говорится в пословице: «Не бросайте камней в ткачиков, вы рискуете сбить зерна».

«С первого взгляда его можно принять за мудреца, за мед, достойный ложки вождя, но если взглядеться пристальнее, то этот человек — лишь верхний слой сваренного риса, который выбрасывают собакам». Верхняя часть риса в горшке перемешана с накипью и пахнет дымом.

Еще несколько изречений, поучительность которых не нуждается в пояснениях: «Рассыпанный рис — друг кур», «Не поступайте, как кардинал, который ест созревший рис раньше его владельца», «Не подбирайте упавший рис в чужих домах», «Люди подобны рису, который варится в котелке, — они то наверху, то внизу».

До 1972 года страна экспортировала рис, хотя ощущалась его хроническая нехватка.

— На северо-востоке, в долине Марувуай, — рассказывал мне Жоэль Ракутумалала в свою бытность министром информации, — одна крестьянка обнаружила во время уборочной колосья с длинными увесистыми зернами. Она показала их агроному. Тот высеял их, и так было положено начало новому сорту Али Комбо. Этот сорт выращивался только на экспорт в Европу, главным образом во Францию.

Неутомимые селекционеры выводили новые сорта, а крестьяне упорно хранили верность старому сорту —

красному рису, не очень урожайному, но высокопитательному, который сотни лет высевали их предки. В 1974 году на остров из Китая завезли несколько партий полированного белого риса. Островитяне тотчас начали жаловаться: «Из-за него наши дети страдают авитаминозом».

Завершение жатвы — повод к всеобщему торжеству. Ликование царит на празднике первого урожая. Облачившись в свои лучшие яркие ламбы, самые широкополые шляпы, земледельцы со стеблями риса заполняют улицы городов. Люди шествуют весело, с музыкой и песнями. На площадях танцуют, дают представления народные артисты, устраиваются состязания в остроумии. Так завешали предки!

Город на водах

Утомительно путешествовать по волнообразным холмам плато Имерина. Одна зеленая волна за другой как бы накатываются на машину. Из-за крутых поворотов иногда одолевает приступ «морской болезни», но прямоугольнички рисовых посадок, пшеничные клины, сады персиковых деревьев, слив, груш, яблонь, виноградники, вид черных зебу, мирно пасущихся по склонам гор и холмов, убеждают, что вы плывете не по морю, а по суше.

В июне утренний иней словно отбеливает верхушки взгорий, неширокие холодные долины между ними. Дорога к Анцирабе протекает через гряду потухших вулканов Анкаратры, где некогда прятались от преследования властей беглецы и разбойники. Мы влетаем в полосу тумана. «Встреча с туманом быстро кончается», — говорят здесь, подразумевая, что дружба с плохими людьми не может быть долговечной. Резко замедляю ход, и время в расплывчатой молочной тьме кажется утомительно тягучим.

Город Анцирабе, название которого означает «там, где много соли», служит живой иллюстрацией красоты при-

роды Мадагаскара. С горы Ивухитра (1660 метров), гигантским валуном поднимающейся среди всхолмленного плато, город виден как на ладони. Анцирабе расположен на высоте 1500 метров над уровнем моря. Люди, живущие среди потухших вулканов, не жалуется на горькую долю, хотя иногда случаются подземные толчки. Город прозвали «малагасийским Виши». Еще в 1913 году ученые подтвердили целебность радиоактивных, сероводородных подземных источников, бьющих прямо в городе. По вкусу анцирабийская вода — виши кели — сравнима с минеральными водами Кавказа.

В 1876 году норвежский миссионер Росаас открыл минеральный источник, пробив отверстие у подножия горы. Первым клиентом термальной станции была королева Ранавалуна II, которая имела личный «дом теплой воды». Здесь же исцелился от ревматизма принц Рапануэлина, сын премьер-министра. Колониальные чиновники, уходя в отставку, селились здесь в надежде продлить жизнь в объятиях целительного микроклимата. Сюда приезжают подлечиться от артрита, ревматизма, заболеваний желудка, печени и почек.

«Первоклассный санаторий находится в местности, где температура редко превышает 25 градусов. Даже если утром она опускается до 0 градусов, то к 10 часам утра она никогда не бывает ниже 15 градусов тепла», — написано в одном справочнике. В крытом бассейне «Ранувиси» температура минеральной воды достигает 50 градусов тепла.

Зимы здесь суровые. Один из кварталов зовется Амбавахадимангатсиака («край пропасти, где холодно»). В июле в этой низине бывает прохладно — нередко ниже нуля (до минус 3 градусов), и поверхность озера подернута утром тонкой пленкой льда. По аллеям Восточного парка гарцуют на послушных лошадках туристы, мимоходом любясь розарием. В дендрарии собраны образцы редкостных пород растений. Стоит европейцу выйти из дома на улицу, как отовсюду к нему бросаются кули с крытыми красными колясками, задорно позванивающи-

ми маленькими колокольчиками. Анцирабе — «столица рикш», утверждают горожане.

Босоногие рикши словно отвыкли от нормальной ходьбы и даже вне своего вынужденного ремесла передвигаются трусцой. Здесь их называют «пус-пус» («толкай-толкай»). За день, если он удачный, они могут «набегать» на 400 малагасийских франков. Тачки принадлежат не им, а берутся в аренду за 150 франков в день. Среди «толкай-толкаев» много южан, которых на заработки в Тулиару или Анцирабе гонит засуха.

— Сколько километров вам надо пробежать в день за эти 400 франков и сколько клиентов вы перевозите? — спросил я одного из них.

— Десять—двенадцать в день. Не считая первых четырех пассажиров, то есть 150 франков, которые я должен внести за тачку.

Его лицо, утомленное, рано постаревшее, лоснится от пота, сухое тело кажется комком мускулов и нервов. Ему 18 лет. Три года он возит клиентов. Его коллега чуть старше. «Делом» он занимается уже 15 лет, с 13-летнего возраста.

На весь остров славятся анцирабийские мастера резьбы по камню. В одном из закоулков укрылась мастерская гранильщика Жозефа. Своим умением Жозеф и его рабочие не уступят опытным ювелирам. На дедовских станках, буквально голыми руками, они придают благородные формы турмалинам, бериллам, аметистам, топазам, цитринам, гранатам и другим драгоценным и полудрагоценным камням. Из кости динозавра, окаменевшего дерева и различных самоцветов — агатов, яшмы, лунного камня, амазонита — мастера изготавливают изумительные украшения, настольные игры, пепельницы.

Жозеф продает свой товар виртуозно. Завидев гостя, он кидается к нему со спринтерской скоростью. Долго и даже с некоторым восхищением приветствует любого потенциального покупателя. Затем по-свойски хлопает его по плечу, приговаривая:

— Вы — достойный человек. Вас не обманешь. Я это вижу. Вы — самый интеллигентный и разбирающийся из моих бывших и будущих клиентов... О, да вы еще из самой Франции или Италии, Аргентины, Бразилии, Лихтенштейна!.. Примите от меня этот камень в качестве скромного сувенира.

Он подает прищельцу, взволнованному от неожиданных щедрот, 16-гранный топаз или аметист с едва заметным дефектом. Покупатель, который желает также проявить широту души, торгуется лишь для блезира, оставляя все свои деньги в лавке. Отъезжая от нее, он убежден, что совершил выгодную сделку. Но Жозеф и в самом деле человек добродушный. Если он выгадывает, то только по здешним меркам.

— За такой товар иноземный ювелир, скажем в Париже, сдерет с вас три шкуры, — сказал он в порыве откровения.

По совету Жозефа я съездил к горе Ибити, где любители минералогии охотятся за бериллами, ортоклазами, кварцами и прочими ценными камнями. Кстати, у горы несколько десятилетий назад были обнаружены залежи урана, которые вывезла бывшая метрополия. В Музее естественной истории в Париже имеется богатая коллекция минералов из района Анцирабе.

Ранним зимним утром мы отправились к озеру Тритрива, что в 15 километрах от Анцирабе. Озеро, подобно многим другим водоемам Мадагаскара, овеяно ореолом легенд. Один мой знакомый описал мне его как озеро влюбленных. В старину в его пучины, завернувшись в одну ламбу, бросились двое влюбленных — юноша Рабениумби и девушка Равулахайта, родители которых воспротивились их союзу. После столь трагического случая царь Андрианампуйнимерина выступил с речью, увещевая старших не омрачать принуждением любовь молодых.

— Хотите — верьте, хотите — нет, — рассказал мне старик Андриандзака, кладезь легенд о Тритриве, — но озеро требует к себе почтения. У него есть причуды. В сухой се-

зон уровень Тритривы повышается, а в дождливый — спадает. В канун бурных событий стальные воды водоема приобретают кроваво-красный оттенок. Так было в канун восстания 1947 года и майских событий 1972 года.

Нечто подобное позднее я услышал и от французского путешественника Василя Тары.

— Знаешь, что рассказал мне один здешний агроном? — сказал он. — Когда уровень озера Танганьика понижается, то здесь наблюдается подъем воды, и наоборот.

Андриандзака увлекает нас по тропинке вниз.

— Присмотритесь к дереву на той стороне высокого обрывистого берега — единственному на озере. Оттуда бросилась, обнявшись, несчастная пара. После их гибели выросло дерево, крона которого своими очертаниями напоминает обнявшихся влюбленных. Говорят, что от малейшего пореза из ветки течет кровь... Подплыть к нему не удавалось ни одному смельчаку...

Слушая его, я окунул для пробы палец в воду: она была ледяной...

Право же, на Мадагаскаре есть места, овеянные страшными, душещипательными легендами. Люди чувствуют себя там, мягко говоря, не в своей тарелке. Поудить рыбу у водопадов на берегу реки Икупа близ города Маеватанана — мечта любого заядлого рыболова. Однако не каждый отважится остаться там с наступлением сумерек. Когда-то, рассказывает предание, влюбленный решил переправиться на лодке к своей невесте через строптивую реку, но лодку вместе с женихом поглотили воды Икупы. С тех пор жители окрестных деревень зовут злополучное место «ампамуйзамалала» — «здесь погиб влюбленный». То и дело там замечают привидение, как две капли воды смахивающее на утопленника. Именно оно, утверждает молва, и забирает теперь людей на тот свет.

Встречаются на острове «заколдованные» места, куда запрещен доступ иностранцам и даже многим малагасийцам. Ими может быть роша, грот или ничем с первого взгляда не выдающийся дом, который облюбовали «злые» духи.

Правда, малагасийцы очень часто ведут себя не только в соответствии с нормами культа предков и легендами, но и со своими возможностями. Я знал людей, которые с успехом жили в «проклятых» домах, просто потому, что квартплата за них была ниже, чем обычно.

В окрестностях Анцирабе удивительно плодородны латеритные почвы. Здесь выращивают зеленый горошек, маниок, ямс, картофель, арахис, кукурузу и, конечно, рис. Кроме того, большие площади заняты под садами. Яблоки, груши, сливы, виноград из Анцирабе нарасхват раскупают в столице. Неплохо чувствует себя в этом районе и пшеница.

Местные животноводы разводят горбатых зебу, коров европейских пород, коз, овец, свиней, домашнюю птицу. Именно из Анцирабе развозятся по стране пакеты с молоком, творогом, сливочным маслом, сметаной и сыром с маркой «Сделано в Анцирабе», а ведь раньше страна закупала молочные продукты, особенно сыр, за рубежом...

Пергамент Антаймуру

Миновав Фианаранцуа, мы перевалили через живописные горы, силуэт которых напоминает кисть руки, торчащую из земли. Не случайно их окрестили Танананадриаманитра — «рука Бога». С вершины перевала Амбалавау открылся вид на город того же названия. Мы простояли на гребне и лишь к полуночи добрались до Амбалавау. На ночлег с трудом устроились в гостинице уютного городка, название которого в переводе звучит как «новая деревня». Едва рассвело, как мы, проехав 12 километров по пыльной дороге, остановились у ворот небольшого, единственного в стране предприятия по производству пергамента и художественных изделий из него.

Знакомство с диковинной бумагой состоялось еще в Антананариву, где на ярмарках и зуме продаются альбомы, картинки, книги, блокноты, абажуры и прочие пред-

меты, сделанные из пергамента умельцами антаймуру. Позднее президент Малагасийской академии Цезарь Рабенуру показал мне в академической библиотеке фолианты в потемневших переплетах из бычьей кожи:

— Вот знаменитые сурабе — рукописи народа антаймуру. Названия на обложках, как видите, нет. Их обладатели — обычно знахари и гадалы — отличали один том от другого по цвету переплетов.

В Национальной библиотеке такие же сокровища показала мне директор-хранитель Жюльетта Рацимандрава, посоветовав ознакомиться с антаймуру поближе.

История производства такой бумаги восходит примерно к XV веку, когда на Мадагаскар пришли арабы. Согласно легенде, одна арабская дау потерпела кораблекрушение у юго-восточного берега острова, там, где выбрасывает свои воды в океан река Матитана. Здесь жители радушно встретили экипаж затонувшего судна.

— Не обижайте чужеземцев, они святые люди, — предостерегли соплеменников старейшины. — Видите, их даже не разорвали акулы, которыми кишат наши воды.

Арабам понравился остров, и они осели здесь навсегда, постепенно смешавшись с коренным населением. Их потомки — народ антаймуру, который живет в районе Вухипену. Антаймуру рачительны и трудолюбивы, как и подобает быть прирожденным земледельцам.

Желая сохранить на века текст Корана, арабские поселенцы стали искать сырье для производства бумаги. Вдоль рек в изобилии росло невзрачное деревце авуха, волокна которого, более прочные и эластичнее, чем у папируса, оказались хорошим сырьем для ее изготовления. Антаймуру приспособили арабский алфавит к своему языку, и арабские письма зазвучали по-новому. Писцы запечатлели на желтоватых листах воспоминания о прошлом, вели летопись времен, которая ранее была исключительным достоянием ненадежной человеческой памяти. Согласно этим текстам, предки антаймуру прибыли из Мекки во главе с неким Рамакару.

Постепенно здесь позабыли Коран. Мусульманские каноны ослабели. Сохранились мудрость и ученость Востока, но исчезла фанатичность суннитских предков. Однако влияние ислама ощущается в некоторых обычаях антаймуру. В долине Матитаны неукоснительно соблюдаются запреты на спиртное, мясо собак и свиней. Даже самих антаймуру нет-нет да и назовут крао — от слова «коран».

Еще недавно изготовление бумаги (сатари) было привилегией и тайной колдунов и знахарей, которые делали из нее талисманы, амулеты и книги черной магии. И сейчас на острове не потеряли веру в волшебные свойства сатари, а колдуны антаймуру славятся повсеместно.

В 1936 году французский фермер Пьер Матье вывел у антаймуру ревниво оберегавшийся ими рецепт производства бумаги. Уроженец этих краев и знаток диалекта антаймуру, он сумел заручиться разрешением на создание фабрики, выпускающей бумагу и сувениры из нее.

На предприятии привыкли к многочисленным посещениям туристов. Инженер по фамилии Рагон не пытался скрыть от нас технологию производства сатари.

— Все равно растение авуха на берегах Волги развести вам не удастся, — улыбнулся он.

На наших глазах работницы примитивными деревянными молотками, как и в XV веке, крошили плотную кору авухи. Перетертую в порошок массу долго кипятят в воде с добавлением большого количества золы, перемешивают и ровным слоем размазывают на туго натянутых парусиновых полотнищах. Когда пульпа начинает подсыхать и твердеть, обращаясь в бумагу, женщины накладывают на ее еще влажную поверхность цветы, надолго сохраняющие естественную окраску после консервации. Часто мастерицы складывают из отдельных лепестков замысловатые цветные орнаменты и фигуры. Сушат бумагу при свете заходящего солнца и луны до первых проблесков рассвета, что, по поверьям, наделяет ее красотой и чудодейственными свойствами.

— Писцы готовят специальную тушь — хабуру, ибо обычные чернила расплываются на такой бумаге в кляксы, — рассказал Рагон. — С этой целью они делают из природной смолы — копала — отвар, который оставляют сохнуть, пока он не загустеет. Перьями из палочек сахарного тростника переписывали Коран, вели летописи.

Мы решили поискать знахаря — умбиаси. Нам объяснили, как добраться до его жилища.

— Крестьяне утверждают, что умбиаси Мишель здорово предсказывает судьбу по книгам антаймуру. Может быть, он и вам нагадает что-нибудь хорошее, — засмеялся Рагон на прощание. — Переедете через Матитану, а там рукой подать.

Мост через реку не ремонтировался давно. Сооружение из полусгнивших бревен и досок скрипело под колесами. Матитана — одна из тех коварных рек, которые к концу зимы, в сентябре, вдруг теряют свои притоки, будто прячутся на зимовку под землю, преображаясь в невинные ручейки. Но уже к декабрю, вскормленная первыми летними циклонами, река невесть откуда обретает притоки, вздувается, грозно бурлит и по полноводности уже не уступает крупным рекам.

Оставив машину на обочине, мы побрели по тропинке к дому знахаря. Сквозь просветы между деревьями показалась залитая солнцем поляна, где приютилась одинокая хижина. Возле нее уже были люди. Мы встали в сторонке и стали наблюдать.

Хозяин вынес нужный фолиант из «библиотеки», которая состояла из нескольких сундуков, поставленных в северо-восточной части дома.

В «библиотеке» были алимарины (книга болезней), ларуни (книга земли), алибихар (книга моря), саман (книга неба), самуси (книга солнца), алакамари (книга луны), нузума (книга небесных знаков), зума (книга дня), книги гаданий, ветров, дождя, то есть литература на все случаи жизни.

Как полагается по ритуалу, умбиаси сел на табурет к югу от двери, выходящей на восток, лицом к клиентам.

На колени он положил сандрифи — плетенку со священной книгой. Произнеся короткое заклинание, он развязал шнур, стягивавший чехол, вытащил из него рукопись в красном переплете, три раза поднял ее над головой и затем приложил к груди.

Все заворуженно следили за его движениями. Наконец он подал знак к началу гадания. С важным видом выслушивая вопросы, он наугад раскрывал нужную книгу и зачитывал вслух выдержки, на которые падал его взор. После некоторого размышления умбиаси с бесстрастным лицом толковал прочитанное.

Клиенты складывали на циновку у порога дары: деньги, бутылки со спиртным и растительным маслом, мешки с рисом и прочую снедь. Они предназначались как для жертвоприношений благосклонным предкам, так и для вознаграждения самого ясновидца.

Почти без всякой торговли старый Мишель уступил нам несколько амулетов, лично подобрав каждому подходящий талисман.

Бумажки с затейливыми арабскими письменами должны были спасать их счастливых владельцев от грома, дождя, ветров, ран на войне, измены, яда, грабежа, болезней. Они могли уберечь деревню от заклинаний и сглаза, сулили победу над врагами, храбрость в бою.

Скотовод, который угнал чужой скот, взял два талисмана: один — чтобы завоевать любовь приглянувшейся девушки, другой — чтобы сбить со следу хозяев угнанного им скота. Парень не смущаясь поведал знахарю, зачем понадобились ему талисманы.

Молодица по имени Нуру под благожелательные выкрики добродушной толпы получила талисман, обещающий многодетность.

На пергаменте моего талисмана, вытащенного наугад, было начертано: «Мир и покой были даны мне в день моего рождения».

— То, что судьбе угодно, никому не избежать, — изрек знахарь, не конкретизируя свою мысль.

Покончив с нами, не теряя ни секунды, он повернулся к очередному клиенту — невзрачному крестьянину в соломенной шляпе с поникшими от времени полями, в серой, выцветшей от долгого ношения рубаше и салаке — набедренной повязке из куска ткани. Тот интересовался исходом какой-то мелочной тяжбы. Распахнув книгу, умбиаси продекламировал ответ судьбы и предков:

— «Будет ли иметь человек все, что пожелает?»

На вопрос крестьянина предки ответили философским вопросом. Помолчав, гадатель дал сколь туманное, столь и глубокомысленное объяснение этому кораническому изречению. Мы слышали его, уже шагая обратно к машине.

— Дело решится скоро, но вряд ли в нем будет главное в вашей жизни. На краю дороги лежат яйца жаворонка, но ни вы и ни я, а мать положила их туда. Люди, точно зебу, ложатся спать в одно время, а встают всегда по-разному. Человека можно сравнить с угрем, который туда-сюда мечется в воде. Всякое злорадство, даже легкая улыбка, при виде поскользнувшегося прохожего не проходит безнаказанно. Не желайте невозможного: не выпрашивайте сахарный тростник у того, кто имеет лишь маленький его кусочек, иначе сами напроситесь на ссору. Когда кайман дерется с крокодилом, не разнимайте их, ибо они не порвут друг другу ни салаки, ни ламбы. Ведите себя, как серые ящерицы в поле: каждая из них заботится о том, чтобы ей не оттяпали хвост. Печаль подобна рису в закромах: с каждым днем уменьшается, а если посмотреть подальше, то она вообще исчезнет во мраке времени. Если урожай риса был плохим, все равно не выбрасывайте большую ложку. Зло похоже на пса, который свирепеет, если его дразнят. Подражайте хамелеону, который, передвигаясь, смотрит и вперед и назад. Никто не упрекнет вас в том, что вам не под силу сдвинуть скалу. Всякое дело венчает конец.

Знахарь, жонглировавший пословицами и поговорками, стремился как можно больше затуманить существо

ответа, сведя его к такому, который бы при всех обстоятельствах удовлетворил клиента. Если вдуматься, ответ был простой: «Исход дела не столь важен. Ничто не должно обескураживать вас; судьба сильнее человека, но ему по силам превозмочь любую радость и любое несчастье».

По моим наблюдениям, такие прорицания более удовлетворяли уравновешенных фаталистов-малагасийцев, чем сухие и точные, пусть даже сбывающиеся, предсказания.

Танцы бара. Время, определяемое по мычанию зебу

За Амбалавау мы взяли курс на Тауланару и поехали по запутанным проселочным дорогам. В 90 километрах от Беракеты машина неожиданно-негаданно остановилась. Хотя в баке было вдоволь горючего, мотор заглох. Еще в столице меня предупреждали, что дорога через плато Оромб коварна. Твердокаменная колея, застеленная мелким слоем пыли, скользка и устраивает машине основательные испытания. Здесь нередки случаи, когда автомобиль внезапно заносит и вышвыривает с дороги. И счастье, если поблизости в этих пустынных краях оказываются люди, которые могут помочь выбраться.

Наша остановка, конечно, произошла из-за поломки. Шквалистый ветер донес аппетитные запахи жареного мяса и какой-то неясный гул. Я оставил своих спутников и зашагал в сторону звуков сквозь высокую хлесткую желтовато-зеленую траву. Вот стена ковыля расступилась, и будто из-под земли передо мной выросла деревня. На улице была толпа. Пастухи народа бара отмечали какой-то свой традиционный праздник. С восточной стороны дома старейшины ликующая толпа, пританцовывая, водружала высоченный столб — изображение фаллоса.

— Наши дети вступают в зрелый возраст. По этому случаю мы возводим хузумбуту, — благожелательно пояснил старейшина Рабемисуа, которому меня представили. Я понял, что омрачать с налету праздничное настроение

целой деревни просьбой о помощи нетактично, и решил поступить на малагасийский манер — поближе познакомиться, чтобы потом крестьяне оценили проявленную сдержанность.

Слаженно и эмоционально заливался женский хор, пока хузумбуту вкапывали, заботливо укрепляя так, чтобы ни одна буря не стронула его с места. Ведь вещий монумент гарантирует деревне непрерывность рода, а женщинам — радость материнства.

Не каждое дерево идет под хузумбуту, которое должно стать свидетелем смены нескольких поколений. Для него в саванне разыскивают специальную породу твердого дерева (хазу матандзаки). Столб высится, значит, бара, склонные к кочевничеству, перешли к оседлости. Исполненное деревянное изваяние, захваченное недругами, может, по поверью, стать источником бед для всей деревни. Столб берегут как зеницу ока. От него не отлучаются. Крестьяне, как здесь водится, боятся колдуна-пажурики. Но нет на свете мага, который мог бы околдовать хузумбуту, если рядом с ним живой человек.

Пляски бара были то плавными и лиричными, то бурными и стремительными. Каждое движение почерпнуто из трудовых будней. Мерными, еле уловимыми покачиваниями корпуса передавался ритм. Грустная мелодия, которую затягивал хор, делала танцы еще более выразительными. Оркестр состоял из скрипок, маленьких флейт, неизменных валих и бидонов из-под горячего, превращенных в звонкие барабаны.

Вот семь-восемь мужчин в унисон исполняют танец сери («хвала рису»). На курчавых головах танцоров — сетки из сизалевых ниток с нанизанными на них самоцветами; сетки обрамлены бахромой в виде ниспадающих на плечи металлических цепочек с серебряными монетами на концах. Этот праздничный головной убор венчает диадема, чем-то напоминающая кокошник. На груди — набор амулетов. К удивлению моих хозяев, вслух угадываю смысл изображаемых эпизодов:

— Собирают рис, поливают его, выдергивают сорняки, отбивают снопы...

За сери следуют танцы о чистке батата, о раскалывании камня...

Музыкант Андрициунгу, старик атлетического телосложения, мерно перебирает струны и словно в забытии, поет. К концам мелких косичек, в которые заплетены его волосы, прикреплены украшения. На лбу — медный круг. На шее — ожерелье. Вдоль и поперек, еще обильнее, чем танцоры, он перепоясан бечевками, на которые нанизаны бусинки и кусочки дерева — талисманы от всех зол и капризов судьбы. Поет он заразительно — это признанный односельчанами запевала! В своих танцах бара воскрешают воинственное прошлое — на глазах у зрителей в отчаянной сечи бесстрашно отражаются атаки неприятеля, оборона сменяется наступлением.

Хозяева специально для гостей исполнили популярный танец, названный по имени ястреба саванны «папанго». Эта птица вошла в сказания и поговорки. Женщины поют и хлопают в ладоши, а танцор — ястреб — стремительно носится по кругу: летает, расправив крылья. В пляс пускается другой воин. На лбу у него широкая повязка из бус. Во рту длинная сабля. Руки-крылья удлинены двумя секирами. Перед грозной птицей не устоит никто. На узкий деревянный столб вскакивает другой артист и долго парит над всеми, подражая хищной птице, готовой камнем свалиться на добычу.

Бара — мужественные и темпераментные люди. Их характер выработался в долгих кочевках вслед за скотом по саванне, в суровом быту. Нередко их упрекают в воровстве зебу. Но настоящих воров среди них нет. Теми, кто иногда это делает, движет не страсть к обогащению, а старинный романтический обычай: заслужить благосклонность любимой можно, лишь угнав 10—12 зебу из чужого стада. Юношей тренируют в ориентировании на местности, умении замечать следы и совершать изнурительные многосуточные марш-броски.

Часто ли угоняют скот нынешние женихи? На этот вопрос мне ответили многозначительным молчанием — о некоторых вещах лучше не спрашивать даже у друзей.

— Пойдемте ко мне посидим, — заполняет паузу Рабегисуа. — Тем более праздник уже закончен.

Трапеза оказалась тщательно продуманным ритуалом. Позднее я узнал, что так заведено принимать гостей в простых семьях на всем Мадагаскаре. Сначала едят отец и старшие сыновья. У главы семьи своя тарелка, кружка и ложка. Трогать их никто и никогда не смеет. Раньше отца есть никто не начинает. Затем к столу допускают мальчишек. Жена и старшие дочери едят отдельно, из своей посуды, после того как заморили червячка мужчины. Бара во многом следуют законам патриархата. Даже дети, по обычаю, принадлежат не матери, а отцу.

Я сообщил новым друзьям о наших неприятностях. Один из крестьян оказался автомехаником, приехавшим из города на побывку. Он помог наладить машину, и остаток ночи мы провели уже вместе в деревне.

Наутро нас разбудило мычание коров. Зебу у бара выполняют функции часов. К нуждам стада пастухи приспособили весь свой жизненный ритм. День для них начинается с мычания коров, с выгона скота. Если утром стоит туман, бара пережидают его, так как, по их поверьям, от тумана зебу болеют. Таким образом, иногда утро запаздывает, а сутки укорачиваются. После выгона скота половина молодежи остается в деревне. Женщины выкапывают корни маниока, собирают листья и травы для приправы. Днем пастухи довольствуются корнеплодами или фруктами, раздобытыми в саванне. Для вкуса их иногда поджаривают на костре.

Вечером зебу гонят домой. Женщины хлопочут у костров, варят рис. Юноши доят коров, оставляя немного молока для телят.

Иногда засуха вынуждает целые деревни кочевать с места на место в поисках свежего пастбища.

Зебу сопровождают бара от рождения до смерти. На ушах коров делают клеймо — знак семьи или рода. Скот —

полноправный член семейства. Еще недавно бара не ели мяса, не продавали кожу. Теперь к мясу не притрагиваются только на похоронах. По поголовью скота здесь судят о степени благородства и достатке его владельца. В загонах возвышаются пирамиды коровьего навоза — показатель давности пастушеского рода. Женщинам доить наиболее почитаемых зебу не доверяют. Разбитый кувшин для молока закапывают с почестями в загон.

Предрассудки и запреты поддерживаются легендами и рассказами о заветах предков. Беременные женщины не сидят на пороге. Бара не любят приглашать к себе бездетных гостей. Когда они роют ямы под сваи-столбы для нового дома, то делают это сидя: стоять нельзя. Когда кто-то умирает, с места снимается вся деревня — в поисках счастливого края бессмертия. У каждой семьи — свои запретные животные. В их числе овца, баран, безрогие зебу, зебу с особыми внешними приметами. Не рекомендуется также есть мясо дикобраза, кабана, черепахи, лему-ров, жаворонков и других животных и птиц. В деревнях Марумели и Тамбавала отказываются от баранины, поскольку когда-то овцы и бараны, заблеяв, «выдавали» врагам место расположения деревень.

Табу бывают и сугубо индивидуальными. В деревне Марувула один из жителей ел свинину и подавился костью. На смертном одре завещал семье не притрагиваться к свинине. Его завет бережно соблюдается.

Некоторые бара видят в определенных животных своих предков. Предок рода марумена, по поверью, после смерти ушел в реку и превратился в крокодила.

— Всякий у нас знает, что нарушение фадии грозит семейному счастью. Обычаем предков опасно изменять, — назидательно говорит наш хозяин.

В общении бара между собой проявляется их отношение к скоту. Приветствуя друг друга при встрече или расставании, они говорят:

— Желаю вам много белых быков! Много телят вам! Пусть будет тесен ваш загон! Пусть не хватит вам веревок для привязи скота!..

Под покровительством быка

Один из символов Мадагаскара — зебу. Голова животного изображена на здешних монетах. В его честь называются футбольные команды, магазины и рестораны... Умби (бык) олицетворяет вечную мощь жизни.

— Будь здоров и крепок, как бык, — желают матери своим сыновьям.

Скажите малагасийцу, что он силен, деятелен и отважен, как умби, и его щеки заалеют от удовольствия. Еще бы! Некогда легендарный Андрианампуйнимерина величал себя умбилахибемасу («бык с большими глазами»), а другой вождь, Андриампивува, именовал себя энергичным быком.

Зебу и их предводитель-бык сопровождают островитянина от рождения до смерти. Умби — символ богатырской силы, неодолимого течения реки, стремительности разрушительного циклона. По народным верованиям, в его образе воплощены достоинства божества и нерасторжимая связь с предками, плодородие земли и продолжение человеческого рода.

— Сначала Занахари сотворил быка, а потом человека, — утверждают многие малагасийцы. — Иначе бы человек тотчас почувствовал себя сиротой в этом мире.

В зебу видят божество, вечно сохраняющее узы с предками, поэтому владелец огромного стада, пусть даже из тощих животных, слывет за любимца богов.

Зебу фигурирует во всех жизненных событиях. В семье бара, живущих на западе Мадагаскара, или сакалава, когда рождается сын, забивают быка. Кровь жертвы очищает жизнь новорожденного, охраняет от болезней. Малагасийцы, уяснив полезность мяса, преступили запрет на него: ведь попробовав мяса, человек приобщается к жизненной силе животного и получает некую гарантию счастья. Каждая часть тела зебу издавна наделялась особыми свойствами. Отсюда появилась народная поговорка: «Брак подобен дележу коровьего мяса: кому достается жирный горб, а кому — жесткое бедро». Кстати, горб вку-

шали лишь старейшины, элита. Народ антандруи наловчился вырезать из горба зебу кусок жира, не подвергая жизнь животного опасности. При этой нелегкой операции употребляются любопытные средства асептики: нити из паутины, лекарственные травы; швы «сшиваются» челюстями муравьев.

Не только люди черпают силу в говядине, но и... сами боги. В сказании бецимисарака Бог забивает быка, дабы спасти заболевшего сына. В стране бара вождь раньше никогда не ел мясо быка, убитого вельможами, из-за боязни разделить его участь. Однажды во время битвы короля Андрианампуйнимерину чуть было не ранили. Пуле помешали складки его туники. В честь своего спасения он приказал забить молодого быка, чтобы, как обязывает обычай, соблюсти принцип «жизнь за жизнь».

Иногда на зебу возлагают искупление грехов и проступков хозяев. Если члены фукунулуны чувствуют за собой вину в каком-либо деле, они забивают для самоочищения корову, а лучше быка.

В глуши крайнего юга и деревнях Высокого плато попадаются массивные разрисованные четырехугольные могильные склепы. На их верхней площадке рядом с масками и идолами часто торчат коровьи рога. Чтобы в ином мире усопшему простились все прегрешения, в жертву приносятся зебу. Иногда перед тем как лишить животных жизни, их заставляют прыгать для очищения через горящие ветки священных деревьев.

До сих пор бытуют сезонные жертвоприношения зебу: с наступлением весны, в период солнцестояния, равноденствия, начала полевых работ. Сакалава отмечают праздник зимнего солнцестояния. Из деревни к берегу Мозамбикского пролива направляется веселое народное шествие. Роль симбы — быка, предназначенного в жертву, — по пути исполняет танцор в пышном костюме из банановых листьев. У него на голове коровьи рога, сзади прицеплен хвост. Песчаный пляж под кокосовыми пальмами заранее приготовлен для принесения в жертву быка

на милость духов жизни и воды. Предварительно окропив берег кровью жертвы, быка обжаривают на вертеле и съедают здесь же под шум волн. Остатки выбрасывают в море. Если волна прибывает их обратно к берегу, жертва не принята океаном.

Похожий ритуал бытует у народа цимихети. Когда цимихети устраивают гадание, они связывают жертвенного быка, валят его на землю. Знахарь или самый старший по возрасту житель деревни размахивает хвостом лежащего животного, оставляя на земле следы. В беспорядочных линиях и штрихах прорицатель затем прочитывает волю предков, которой никто не смеет ослушаться.

Цель подобных праздников — вымолить у добрых сверхъестественных сил задержавшиеся дожди, хороший урожай, избежать губительного для посевов града. Зебу олицетворяет собой не только плодородие земли, но и вечность человеческого рода. На проселочных дорогах юго-запада нередко возвышаются изображения быкоподобного рогатого существа с длинным фаллосом. В горах Исалу, в 230 километрах северо-восточнее Тулиары, рядом с «гротом португальцев» высечен бык, оплодотворяющий женщину.

По случаю вступления детей в совершеннолетие островитяне в ряде районов и по сей день устраивают праздники обрезания. На центральном столбе хижины вождя, как знамя на флагштоке, по традиции висит бычий хвост. Во время торжества его обмакивают в кровь жертвы и, размахивая им, окропляют толпу. Одного из детей проносят между рогами зебу.

«Смерть — встреча людей с зебу», — гласит малагасийская мудрость. Конечно, быков больше не хоронят с человеческими почестями, как при королевских дворах XVIII—XIX веков, но когда умирают люди, то по этому случаю забивают быков.

В волшебные чары зебу верят искренне и стараются использовать их как можно полнее. Среди амулетов, приносящих счастье, есть фигурки торо, вырезанные из кос-

ти, золотые или серебряные. Мерина порой носят на запястье браслет с амулетом умбалахивула (магический серебряный бык).

В былые времена в Имерина зебу были причиной раздоров и войн. В день рождения будущего короля Радамы I Андрианампуйнимерина отправил из Амбухиманги по тысяче быков и коров в подарок князькам Антананариву и Амбухидратриму. Те высокомерно вернули скот обратно, утверждая, что он заколдован.

— Ах так! — воскликнул Андрианампуйнимерина в ярости и пошел на них войной. Он расширил свои владения за счет земель обидчиков, а позже основал подобие централизованной монархии. «Границы моего рисового поля — океан», — любил повторять он.

Впоследствии владение скотом получило и престижное значение, что сделало способы его приобретения довольно условными. Так, например, выкрасть десяток коров и пригнать их родителям невесты, дабы получить руку любимой, было делом довольно обычным. Но после мая 1972 года кража скота превратилась в национальное бедствие. При угоне крестьянского скота разворачивались настоящие сражения. На подмогу крестьянам правительство бросило жандармские подразделения, усиленные вертолетами.

Пастушеские племена всегда были в особом почете: пастухов порой рассматривали как слуг Бога. Даже короли и традиционные вожди любили стеречь стада. История сохранила имена знатных пастухов древнего царства Амбухиманга: Рабетрану, Рамампихаингу и Рациринумби. Многие легенды рассказывают о Рациринумби, опекавшем легендарных быков королевы Расуалу. Он был чародеем и советником монархии.

На юге, в Ампанихи, где умельцы ткут ковры из козьей шерсти, я мимоходом завернул как-то в тамошнюю школу. В классе было очень мало мальчиков.

— В чем дело? Быть может, женское сословие у вас самое умное? — спросил я у учителя.

— Женщины как женщины, — поднял он брови. — Родители учат сыновей пастушеству и не желают, чтобы они ходили в школу.

Всю жизнь отдают пастушеству мужчины южных и западных районов, часто так и не научившись читать и писать.

Постепенно островитяне начинают смотреть на разведение зебу как на доходную статью экономики. Мадагаскар способен обеспечить мясом и молоком не только собственное население, но и миллионы жителей соседних стран. В Тауланару (бывший Форт-Дофин) я наблюдал за отправкой живого скота на остров Маврикий. На крюке подъемного крана зебу, схваченные крепкими веревочными путами, «совершают полет» от пристани к барже. А ведь еще три десятилетия назад картина парящего в воздухе быка показалась бы малагасийцам, привыкшим почитать это священное животное, кощунственной.

Священные угри Беракеты

Беракета — деревенька, в каких родится, живет и умирает подавляющее большинство населения страны. Россыпь жмушихся друг к другу хижин, знойной зимой утопающих в едкой пыли саванны, а летом попадающих во власть бесконечных гроз и ветров. В центре деревни, в небольшой лавке, торгует всякой всячиной индийская семья.

Наслушавшись в столице рассказов о водящихся в Беракете священных угрях, мы захотели увидеть их своими глазами. У входа в магазин, на отполированном от старости бревне с продольными трещинками, сидело несколько крестьян, с любопытством взиравших на приезжих. Я прервал их увлеченное созерцание, спросив, как найти источник, в котором обитают диковинные угри. Никто не спешил с ответом. Один из мужичков, по имени Рамбуа, как раз в тот момент, когда я уже было потерял надежду на ответ, неохотно поднялся и сказал:

— На машине туда не проехать. Если желаете, могу проводить вас, но это не очень близко.

Мы тут же тронулись в путь. В 5—8 километрах от Бе-ракеты по каменистому руслу протекает речушка Унила-хи. Летом в разгар дождей речка, словно рассердившись, выплескивает свои воды из берегов, затопляет хижину в низинах и выгоняет крестьян с их нехитрым скарбом на макушки бугров и пригорков.

Наши расспросы отвлекали Рамбуа, и, чуть сбившись с еле приметной тропы, он проворчал как бы в собственное оправдание: «Мягкое дерево не берет ни одна молния». По-русски это означало бы: «Повинную голову меч не сечет», а по-малагасийски — «Признанная ошибка прощается наполовину».

Мы добрались до берега реки. Вода стремительно мчалась, обтекая камни. Между огромными глыбами течение задерживалось, образуя затон. Рамбуа подвел нас к берегу. Перед тем как вызвать угрей, он попросил нас кинуть несколько монет в реку. Затем почмокал губами, помахал рукой, и на гладком, слегка подернутом мхом валуне показались две пучеглазые рыбы головы. Это было потрясающее зрелище по своей нереальности! Растроганные разумными рыбами, мы наперебой стали угощать их. На лету угри подхватывали моллюсков, кусочки мяса и хлеба, мягко шлепаясь в воду и смачно чавкая. Насытившись, они исчезли, несмотря на увещевания Рамбуа, тщетно пытавшегося продлить наше удовольствие.

Угрей почитают за священных и в других районах страны, например в Мангаце, к северо-востоку от Махадзанги. Змееподобные рыбы достигают 1,8 метра длины и толщины человеческой лодыжки. Подобно ракам, они селятся в норах на крутых речных берегах. Рыбаки остерегаются их болезненных укусов. Люди приходят к источнику спрашивать у предков исполнения желаний, они кормят угрей под присмотром сторожа, неусыпно охраняющего их от злоумышленников и рыбаков. Накануне обряда сторож набирает в зарослях у впадения реки в Мо-

замбикский пролив крупных, конической формы моллюсков сифутра. Вначале угрям преподносят улиток. Под растущим здесь же у берега священным деревом складываются подношения предкам: немного спирта или меда, фрукты, другая пища, деньги. Люди взывают к милости предков и самого Занахари (божества). Удить здесь — фадли (табу), но рекомендуется заходить в источник и пить из него воду.

Светло-серые, с черными пятнами хищные рыбы поддаются приручению. Близ Беракеты днем их потчуют с руки. Мало-помалу угри здесь отвыкают от ночного образа жизни и привыкают к свету. Заполучив пищу, они юркают в норы. Вырастая, угри уплывают в море для нереста. Но, по уверениям Рамбуа, есть среди них и такие, которые навсегда осваиваются с беззаботной жизнью и оседают у источника.

Глава четвертая

ЮГ — КРАЙ ПЕСКОВ И БАОБАБОВ

Расправа над райкетой

Мы бы не заметили, как пересекли Южный тропик, если бы он в угоду редким здесь туристам не был обозначен внушительным каменным столбом. Едва тропик остался за спиной, на севере, как мы ощутили себя в совершенно непривычном мире флоры. Взор приковывали гигантские кактусы затейливых искривленных форм, сплошь усыпанные колючками. Этот ершистый лес из кактусов и молочаев высотой от 3 до 10 метров и весь район часто именуются страной колючек (Андруй), а его жители — антандруями (обитателями страны колючек).

Дидиеры, алоэ, фиговые... Растения с сочными зелеными стеблями, похожими на канделябры. Я потянулся к розовому цветку фанцихулитры и тут же вскрикнул от боли. Карликовый ствол и короткие ветки унизаны остры-

ми шипами. Чуть поодаль видны шаровидные эхинокактусы, стройные, в виде колонн, цереусы, 10-метровой вышины алоэ с толстыми рыжеватыми, под цвет почвы, стволами. Стебли и ветви алоэ — голые, безлистые, только их концы увенчаны пучками узких мясистых листьев. Алоэ из семейства лилейных цветет оранжево-красными цветками, собранными в метелки.

Сколько неразгаданного в этих растениях, побеги которых хранят как ядовитые, так и целебные соки! Алоэ вахумбе — эндемичный вид.

Ареал этого вида алоэ — мадагаскарский юг. О его существовании я узнал на заседании Малагасийской академии, где группа ученых из Института Пастера докладывала об открытии первого иммуностимулятора растительного происхождения. Исследование целебных свойств алоэ вахумбе длилось целый год после того, как ученые обнаружили, что у народов антандруи и махафали кактус применяется как средство, повышающее биологическую активность организма. Его экстракт принимают внутрь или вводят в кровь через насечки, нанесенные ножом или иглой на кожу. В лаборатории Университета в Антананариву проводились опыты над мышами: экстракт, введенный под кожу, увеличивал сопротивляемость грызунов к инфекции. Новое лекарство не антибиотик.

Повсюду много кактусов из рода опунций — райкет, как их зовут антандруи. Некоторые опунции выглядят как живописные нагромождения овальных зеленых лепешек, растущих по вертикали, одна над другой. Каланхоэ тубифлора, словно покрытые плотным слоем лака, легко отличить по кожистым сочным листьям, имеющим форму колышков. У их листиков мало устьиц, чтобы избежать излишнего испарения воды.

А вот пахиподиум (*Pachypodium*). Здесь его зовут «слоновой лапой». В Африке растет около 20 видов пахиподиума. Крошечный одутловатый толстячок оброс мелкими тройными листиками. Его колючие побеги так и норовят поцарапать обидчика. Карликовый мадагаскарский пахиподиум легко принять за замаскированный лишай-

никами валун. Почти круглый год деревце стоит голое, иссохшее, без признаков жизни. Лишь летом на короткое время оно зеленеет и цветет, бросая вызов враждебному зною.

Все эти чудные растения с поразительной разумностью приспособились к жизни в условиях засухи. За тысячелетия они сумели «научиться» не только не испарять, но и, наоборот, всасывать влагу из воздуха.

На наших глазах у «колючего ежика» — эхинопсиса распускается яркий цветок, источая аромат нарцисса. Цветы здесь киноварные, шафранно-желтые, оранжевые, самых броских, насыщенных и благородных оттенков. К цветкам обычно не дотянешься — весь исцарапаешься; недаром в моем представлении колючки и шипы являются символом юга. Даже наиболее распространенное здесь животное — еж.

Андруй — это также сплошной песок, зыбучий, раскаленный в полуденный жар, сыроватый и студеный на заре. Друзья предупреждали нас в Антананариву: «Берегитесь песка! В нем может утонуть и ваша машина, и вы вместе с ней». И впрямь, мы ехали по нему как по топкой трясине, которая в самые неожиданные для нас моменты была готова засосать автомобиль. Обливаясь потом, мы выталкивали его на весьма относительную твердь, успевая тем не менее заметить очарование песчаных ландшафтов.

В 100 километрах от Амбувумбе во время короткой остановки мы услышали в отдалении гул барабанов, пение и гомон. Дело шло к вечеру, и мы решили попытаться счастья в веселой деревеньке. Кое-как маневрируя среди колючек, мы подъехали к ней. Я подошел к хозяину ближней хижины — шуплому старичку, закутанному в серую ламбу, — и попросил разрешения разбить лагерь близ его жилища. Старый Хахака — так он нам представился — только широко развел руками и улыбнулся.

— Что это у вас за праздник? — справился я у него.

— Выбирают нового вождя. Старый король Лахирату слагает обязанности.

— Государственный переворот? Кто принудил его? — по-европейски воспринял я его ответ.

— Никто. Он сам устал от власти, от хлопот и уходит на отдых побаловаться с внуками. Он уступает место другому, молодому, более энергичному, не теряя своего почетного звания.

Вождя выбирали демократически, всей общиной. От фукунулуны деревенский «король» обычно получает дом и рисовое поле, которое обрабатывается всем миром. Эти владения остаются в его личном пользовании, пока он вождь. Да и быть вождем ныне уже не то, что раньше. Теперь этот титул становится все более символическим, поскольку в деревне всеми практическими делами вершит общее собрание — дина и исполнительный комитет фукунулуны во главе с председателем.

Антандруи — весьма прелюбопытный народ. Живущие на крайнем юге Мадагаскара, они отличаются неприязнательностью, силой и мужеством. Биологов и физиологов поражает жизнестойкость и выносливость людей, сумевших обжить край экстремально высоких температур, безводья, каменных и песчаных пустынь. Живут они в небольших четырехугольных хижинах высотой до полутора метров. Крошечные домики нередко построены без единого гвоздя, сплетены из веток и стволов лианы, которые скрепляются землей. В центре комнаты площадью два с половиной метра на три располагается очаг, дым от которого идет через крышу. Зато дверей в домике целых три: две выходят на север, третья — на запад.

Антандруи очень терпеливы. Наверное, только им одним под силу часами просиживать под кактусами и с особой тщательностью и предосторожностями, кропотливо снимать с кожицы их плодов почти невидимый пушок. Попадание на кожу (и, не приведи Господи, в глаза) этого колючего пушка приводит к неизлечимым ранам. Именно по этой причине часто встречаются жители юга с гноящимися веками. Однако полученный с таким трудом плод кактуса становится еще слаще.

Заболевших лечат по старинке. Несколько суток подряд гремят барабаны «лангуру», надрываются крестьянские лютни «дзедзулава», скрипки «луканга», не утихают песни и пляски. И наконец наступает день, когда больного можно подводить к стреноженному и опрокинутому на землю быку. После нескольких глотков из надреза на шее животного, которого потом приносят в жертву духам предков, пациент почти гарантированно выздоравливает. Это старинный обряд «сандраце», предназначенный для излечения тех, кого постиг тяжкий недуг.

Порой кажется, что у них бездонный запас сил и они никогда не устают. Антандруи способны идти трое суток без всякой пищи. Великие следопыты, они распознают на песке почти стершиеся следы и могут легко различить следы своего быка или коровы зебу и долгие километры гонятся по следу за угонщиками «родной» животины. Климатические условия в этих краях настолько суровы, что соседние бара вообще не заходят в Андруй из боязни погибнуть от жажды. В некоторых болотах здесь действует фади на купание. Нарушение запретов грозит высыханием этих редких водоемов. Самое страшное ругательство у них — «поедающий черепах». Антануси называют антандруев «пьющие грязную воду».

Они обладают мрачноватым характером, но только не болтливостью. Дело тут не в отсутствии красноречия — когда надо, и антандруй образно выразит свои мысли. Просто на юге в чести сдержанность. Чем объяснить их неразговорчивость? Есть одна антандруйская легенда о рыбаке Кутумбите. Правда, от нее очень веет древнегреческим духом (достаточно вспомнить о цирюльнике, который узнал, что у царя Мидаса ослиные уши, и поведал ее ямке, вырытой им на берегу реки). Но ее и поныне рассказывают старейшины, а обычай велит верить им.

...Было время, когда в этом крае властвовал правитель Фитумукумуку («Семиголовый»). Всегда и повсюду ходил он в широкополой шляпе. Под угрозой смерти к нему запрещалось приближаться во время омовения. Однажды его подданный, некий Кутумбита, во время рыбной ловли

на озере случайно оказался рядом с местом, где решил искупаться вождь.

И он увидел, что шляпа на голове августейшей особы скрывает семь рогов. Чтобы удержаться от соблазна рассказать о подсмотренной им тайне, Кутумбита убежал подалее в заросли тростника, вырыл там ямку и, пригнувшись к ней, стал дико хохотать и кричать: «А у короля и впрямь семь рогов!» Затем он заткнул ямку глиной и со спокойной душой продолжил лов рыбы.

Скоро над ямкой выросло неведомое доселе дерево, на котором появились сначала белые цветы, а потом — золотые плоды. Узнав об этом, повелитель попробовал сорвать их, но у него ничего не вышло. И у других людей тоже. Тогда Фитумукумуку предложил Кутумбите сделать это, пообещав половину урожая. Тот вначале отказался, испугавшись, что вместе с плодами от дерева отделится и тайна и выдаст его проступок. Лишь когда повелитель пообещал оставить ему жизнь, Кутумбита рассказал, почему появилось дерево с золотыми плодами. В награду за преданность и умение хранить тайну вождь помиловал его и вручил половину золотых плодов. Вот с тех-то пор, уверяют старики антандруи, у них повелось крепко держать язык за зубами.

Под ночлег нам отвели хижину для гостей. Новость о приезде быстро собрала у дома Хахаки все здешнее население. Председатель общины Фанехани, худощавый мужичок с мягкой сердечной улыбкой, произнес на смеси французского и малагасийского приветственную речь. Нас потчевали горячим рисом, вкусно сваренным с травами и куриным мясом. На ночь в хижине оставили связку хвороста, если мы захотим разжечь костер, и глиняный кувшин с водой. Вместо спичек дали две сухие палочки, вырезанные из дерева, которые здесь зовут «фатура». Чтобы добыть огонь, надо было терпеливо тереть их друг о друга.

Утром нас водили по всей деревне, и каждый хозяин был рад, когда мы, сгибаясь в три погибели, заходили в его низкую, пахнущую сеном хижину. Крестьяне долго жали нам руки, приглашая за стол.

— Не умиляйтесь приему. Таковы наши законы, — сказал Фанехани. — Некогда в деревне Амбухимиариву наши праотцы проклинали человека, который приготовил пищу и не поделился ею с гостем.

— У пищи нет хозяина, — соглашались односельчане.

Между тем я припомнил, как в деревне бецимисарака близ Фенуариву один крестьянин вечером перед ужином вышел на порог и прокричал: «Я зову вас на севере и юге, на востоке и западе! Приходите ко мне, поешьте со мной».

— Не ответить на приглашение — нарушение традиции, оскорбление для хозяев и деревни. За хлебосольство у нас не расплачиваются деньгами, — добавил Фанехани.

Когда процедура знакомства кончилась, я подсел к Хахаке, гревшемуся у небольшого костра. Глядя на отрывавшиеся и мгновенно таявшие в воздухе языки пламени, он ударился в воспоминания о райкете.

...Мало кому известно, что в 20-х годах XX века юг Мадагаскара стал полигоном для испытания методов биологической войны. Эти края выглядели как неприступный лес, в котором преобладали заросли унизанного шипами кустарника опунция вульгарис. Растение было завезено графом де Модав в Тауланару в 1768—1770 годах и быстро заполонило юг, который его жители называют «страной без рек и воды». Зимой, когда пересыхали болота, райкетой охотно кормились зебу. Для этого пастухи сначала поджигали роши, чтобы выгорели колючки. Потом выпускали скот, который обгладывал стволы. Когда коров забивали, в их языках находили застрявшие шипы.

Кактус создавал среду для других растений, охранял их, служил приютом для животных и птиц, пищей людям. Его плоды — берберийские фиги — созревают между августом и февралем и необычайно вкусны. Сбором урожая и по сей день занимаются женщины. Они ловко отделяют плоды палкой с длинным гвоздем на конце. Чтобы освободить фиги от иголок, их катают по земле, а потом ножом счищают кожуру. С одного куста снимают за полуго-

дие 20—25 килограммов плодов. Иногда их срывают не-
созревшими и варят самбиак — райкетную похлебку.
Берберийские фиги пекут на костре. После кипячения из
них готовят сладкий напиток кидраси.

Путники, истомленные жаждой, выжимают влагу из
стеблей райкеты. Стебли также режут на кусочки, перети-
рают в ступе в муку.

— Соком райкеты мы чистили лицо, да и сейчас это
делают, — отвлекается Хахака. — Растения для нас —
часть жизни. Лицо также оттирают клубнем корнеплода
кисани. Зубы чистят лекарственными растениями тамбу-
ру и самира.

Членики стеблей опунции помогают при лечении же-
лудочных заболеваний. Ее корни обладают мочегонным
свойством, а слизистым соком растения лечат больную
печень.

Редкие тропки были тогда различимы в неприветли-
вом буше. Деревеньки с крохотными хижинами, загона-
ми для скота, посадками кукурузы и проса оставались не-
видимыми для чужеземцев. Только лай собак или мыча-
ние зебу выдавали присутствие человека. Когда тропинки
чересчур зарастали, антандруи прорубали их с помощью
фангале — топорика с широким лезвием и короткой руч-
кой.

С 1900 года колониальные войска тщетно старались
подавить восстание крестьян на юге и закончить завоева-
ние острова. В этом им мешала непроницаемая оборони-
тельная система, возведенная природой. Медленно про-
двигались захватчики по жаркой, засушливой стране, по
дорогам, терявшимся в непроходимых чащобах. Бои ве-
лись вслепую. Из гуши леса в непрошенных гостей внезап-
но метали копья, палили из кремневых ружей.

Колониальные власти сочли, что райкета препятствует
их владычеству. В 1924 году с острова Реюньон в Тулиару
была завезена кошениль (малюсенькое насекомое-пара-
зит из отряда червецов, или щитовок), из которых в Мек-
сике на специальных опунциевых плантациях добывалась
краска кармин.

Быстро плодясь, кошениль продвигалась по юго-западной оконечности острова со скоростью 100 километров в год, омертвляя пейзаж. В 1928 году кошениль, опустошив район махафали, достигла Андруя. За два года весь кактус погиб, оставив фантастические скелетоподобные завалы из бурых колючек, разлагавшиеся потом в течение шести лет.

Вместе с кактусом исчезла и сопутствовавшая ему естественная растительность местности. Пострадала фауна. Пропали маленькие пестрые колибри, питавшиеся нектаром цветов райкеты.

В 1930—1931 годах юг поразила страшная засуха, прямое следствие нарушения экологического равновесия на одной седьмой части острова. Погибли тысячи людей. За год пало 300 тысяч голов скота. Французский историк и этнограф Раймон Декари, служивший тогда в администрации колонии, рассказывает: «Во Франции не знали об этом голоде. Власти острова не доложили о нем правительству, для которого Мадагаскар оставался «счастливым островом». Десять лет спустя на самом Мадагаскаре я пытался отыскать в архивах составленные мной сводки и доклады, досье с перепиской о голоде. Все документы словно испарились».

Засухи и голод следовали год за годом. В памяти населения юга — страшный 1943 год. «Это был год большого, если не самого сильного, голода в Андруе, — писал французский ученый Ж. Сенье. — Выдающийся год и для местных торговцев, мешками собиравших драгоценности, которые женщины народа антандруй меняли на несколько горстей съестного! Изголодавшиеся люди тянулись по дорогам к Менамбуву и Форт-Дофину, чтобы, добравшись туда совершенно изнуренными, чаще всего там и умереть... Детей бросали на произвол судьбы, отдавали или продавали их. Только старики и больные стерегли покинутые хижины, на месте ожидая конца».

Восстание крестьян, длившееся много лет, было подавлено с изощренной жестокостью. Деревни оголились:

заросли райкеты уже не мешали карателям целиться в незащищенных людей.

Старик, на руке которого поблескивает медный браслет — талисман против молний, изредка по инерции одергивает детей, разучивающих приемы местной борьбы — ринга, и продолжает:

— Я помню, как начали сохнуть, буреть кактусы.

На ужин нам подали разваренные стебли райкеты, печеную картошку и абулу-абулу (квашеное молоко).

— Так что же — райкета не вся погибла?

Мой вопрос явно выглядит лишним.

— Вы же сами видели в пути кактус. В те времена сохранились лишь отдельные островки зарослей на севере. Однако когда кустарник вновь разросся, отвыкшие от него зебу уже отказались кормиться им: привычка есть колючки была утрачена... Велутуни! Були! — осадил Хахака не в меру расшалившихся ребятишек. — Не балуйтесь!

— А школа у вас для них есть? — кивнул я в сторону детворы.

— Есть. Под боком. В десяти километрах. Да что в ней толку?

Обычаи в глухой деревеньке берегутся свято, но жизнь меняется на глазах. По вечерам люди слушают радио Антананариву, вещающее на родном (а не на французском, как до 1972 года) языке.

— Да, многое переменялось в нашей жизни, — вздыхает Хахака, потом улыбается и предлагает: — Хотите услышать семейную легенду?

Не дожидаясь ответа, он рассказывает:

— Были времена, когда у нас не знали, что такое стекло. Однажды мой предок Манонга выменял своих зебу у «людей с голубыми глазами» (так называли здесь когда-то португальцев) на ткани и зеркало. Этот кусок стекла (жена просила гребень) чуть не стал причиной крупной семейной ссоры. Через десять дней после сделки Манонга наконец добрался до родной деревни. Сисину, его моло-

дая жена, ждала возвращения мужа с нетерпением и тут же спросила, выполнил ли он поручение. Он молча протянул ей круглое зеркальце, которое привело ее в замешательство.

— Что это? Разве это гребень? — воскликнула жена.

Вглядевшись в зеркало, Сисину внезапно разрыдалась и бросилась к хижине матери. Манонга чесал затылок с недоумением:

— О, эти женщины!

Мать вышла навстречу дочери и спокойно выслушала ее жалобы. Мудрость и опыт всегда хладнокровны.

— Смотри, мама, он принес издалека изображение своей новой жены. — Сисину протянула блестящий предмет матери.

Мать отбросила рукой назад седые пряди волос, повертела во все стороны зеркало. Затем рассмеялась и успокоила дочь:

— Тебе нечего бояться. Ты молода и красива. А она! Ты ничем не рискуешь. Я только не понимаю нашего Манонгу: зачем он привел с берега эту маленькую сморщенную старушку?

...Хахака, кряхтя, поднялся — пора спать. Еще один день жизни остался позади.

Яйца эпиорниса

Лет 50 назад по югу страны путешествовали либо пешком, либо с носильщиками. С тех пор дороги здесь почти не изменились. Но появились мощные автомобили вроде лендровера, которым «по плечу» любое бездорожье. Наша машина — «Пежо-404» — была послабее, но и на ней, как выяснилось, можно творить чудеса.

От Амбувумбе мы ехали напрямик к Цихумбе, где перед нами встал выбор: либо продолжать путь по более наезженной дороге к Тулиаре через Белуху, либо рискнуть на довольно сложный крюк через безлюдные районы к Белухе, затем через Фо-Кап и мыс Сент-Мари.

— Если вы застрянете между мысами, то надолго. Места там пустынные и помощи ждать неоткуда, — предупреждали нас в Антананариву.

Юг — стихия сыпучих песков. По пути встречаются вздыбившиеся, словно океанские волны, гряды чистого мелкого песка. Дюны перемещаются в зависимости от направления ветров. Нередко под песком исчезают обозначенные на карте пунктиром тропинки, и целые деревни вынуждены уходить под его натиском на новые места.

Решение было принято быстро. Мы избрали второй вариант под девизом: «Даешь яйца эпиорниса!»

О легендарной птице рух, которая кормит своих птенцов слонами, рассказывалось в «Тысяче и одной ночи», в сказке о втором путешествии Синдбада. Марко Поло в 1298 году писал в своей «Книге о разнообразии мира» об огромной птице рох на некоем острове Мадейгаскар, способной поднять корабль или слона. Сведения о пернатом великане подхватил арабский географ Ибн-Батута (1304—1377). В 1661 году француз Э. де Флаккур сообщает, но явно с чужих слов, о большой птице вурупатре, которая обитает в пустынных местах и несет яйца внушительных размеров, похожие на страусиные.

В начале XIX века французский исследователь Мадагаскара В. Станзин нашел скорлупу крупнейшего в мире птичьего яйца и переслал находку в Кейптаун натуралисту Жюлю Верро, который описал найденный предмет и передал его в коллекцию Музея естественной истории в Париже. Последнее слово в поисках эпиорниса сказал выдающийся ученый Альфред Грандидье, которому в Антананариву воздвигнут памятник за вклад в познание Мадагаскара. В 1868 году он исследовал район западного побережья Амбулцате (Амбулисатра), изрезанный лагунами и изобилующий трясинами. В одном из болот ученый с помощью племенных вождей обнаружил скелет исполинской птицы. Ее большая берцовая кость достигала в длину 70 сантиметров. В Парижском музее естественной истории останки птицы были изучены специалистами-ор-

нитологами. Они восстановили облик могучей бескрылой птицы, жившей на острове до VII века, и окрестили ее эпиорнисом.

Открытие Грандидье положило начало многочисленным зоологическим экспедициям на запад острова, где были найдены нетронутые яйца емкостью до 8 литров. Скелеты эпиорниса были отысканы и в центре острова, поблизости от Анцирабе, на крайнем юге и юго-западе.

Орнитологи различают три вида эпиорниса. Самый крупный экземпляр, высотой 268 сантиметров, выставлен в Музее естественной истории в Париже, а в Нью-Йоркском музее естественной истории птица-слон весит 500 килограммов. В музеях и частных коллекциях хранится около 60 яиц.

Когда-то коренные жители использовали скорлупу яиц эпиорниса в качестве сосудов для хранения питьевой воды. До сих пор можно услышать слухи об этих птицах, живущих в гуще недоступных лесов.

Тропу к Цихумбе проложила сама природа, человек разве что выкорчевал часть колючих кустарников. Земля в этом краю покрыта мощным пластом тонкого песка, по которому не очень-то легко ехать на машине. Лес тянул свои иглы и шипы к нашим лицам, и мы пожалели, что пустились в такой долгий путь. То и дело мои спутники помогали вытаскивать автомобиль из песочных трясин.

Довольно часто у поворотов я жал на тормоза, чтобы не наехать на очередную черепаху, которая, слышав шум, замирала, втягивая голову и лапки под звездчатый панцирь. Так она и оставалась лежать на пути, как круглый камень. Приходилось перетаскивать шипящее, фыркающее, недовольное пресмыкающееся в сторону. Некоторые экземпляры были 60 сантиметров длиной и весили не меньше пуда, а при 40-градусном зное упражнения в тяжелой атлетике не приносили удовольствия.

Сухопутная лучистая черепаха — тестудо радиата — встречается здесь чуть ли не на каждом шагу. Ее сфериче-

ский панцирь как бы сложен из пяти шестиугольных черных пластин. От желтого пятна в середине пластинки расходятся радиальные светло-коричневые лучи, благодаря чему черепаха выглядит полосатой. В 1770 году англичанин Коммерсон назвал этот вид «прекрасной сухопутной черепахой Форт-Дофина».

— Сукаке (черепаху) нельзя обижать и брать с собой, — предостерегали крестьяне-антандруи, видя наш неумеренный интерес к ним. — Она священна.

Повстречать ее в начале пути — доброе предзнаменование. В Цихумбе перед дальней дорогой на ее панцирь кладут кусочек дерева и молят сукаке о помощи в пути. Французский ученый Раймон Декари рассказывал, что, странствуя в колючем буше, он перевернул понравившийся ему крупный экземпляр тестудо радиаты в надежде увезти его в Антананариву на обратном пути. Ночью его носильщик, пока все спали, тайно совершил 20-километровый марш, чтобы выручить из беды почитаемую пленницу. Поскольку касаться ее рукой запрещал обычай, он перевернул черепаху палкой.

В XIX веке вид тестудо радиата стал быстро исчезать. Мясо черепах привлекало европейских гурманов. Миллионы лет черепаха свободно жила и размножалась на острове, но со времени прихода европейцев ее популяции стала угрожать гибель. Они организовали хищнический отлов и экспорт сукаке в метрополию через Реюньон. Таким образом в год истреблялось до 6 тысяч экземпляров. Сейчас промысел и вывоз пресмыкающихся запрещены.

Всего же на острове встречается семь эндемичных видов сухопутных и пресноводных черепах. Позднее на острове Нуси-Бураха (Сент-Мари) я посетил ферму, где разводили молодь тестудо радиата, а потом отвозили на юг. В загонах, огороженных невысокими железными сетками, толкались десятки тяжеловесных неуклюжих невольниц. Они миролюбиво налезали друг на друга, степенно жуя свежую траву.

Едва повернув на юг, мы увидели в буше очертания белой гробницы. Это было захоронение народа каримбула. Спинной к нам сидел старик, не отрывавший глаз от каменного «дома предков». Он не обратил никакого внимания на нашу суету и шелканье фотоаппаратов. Его мысли витали где-то далеко, возможно в прошлом, а быть может, в будущем, которое виделось ему коротким.

Мы не тревожили погруженного в себя незнакомца. Оценив нашу тактичность, он прервал молчание, когда мы уже собрались занять места в автомобиле:

— Откуда вы, вахини?

В географии Фанатера, как звали его, не был докой. О России он ничего не знал. Как часто водится, в глухих уголках Африки и Мадагаскара для местных жителей все европейцы включены в общий разряд белых людей, а затем подразделяются на добрых и злых.

Фанатера был из деревни Амбаватани, которую нам еще предстояло проехать. При условии, что мы подбросим его домой к вечеру, он согласился быть нашим провожатым.

— До мыса Фо-Кап рукой подать, но на машине не проехать, — сказал он.

Он повел нас вниз по волнистым дюнам, прилизанным накануне свежим морским ветром, к молочно-белому пляжу.

— Если хотите, покопайтесь в песке, — сказал проводник. — Может, и вправду что найдете. Раньше здесь было много скорлупы.

Раскопки начались тотчас. Один из нас нашел желтоватую скорлупку толщиной 2—3 миллиметра.

— Это она и есть, — подтвердил Фанатера. — На земле махафали в песке таких скорлупок тысячи. Когда-то, рассказывал мой дед, здесь были густые леса, в которых водилось много больших птиц-слонов. Предки говорят, что Андриаманитра забрал к себе на небо птицу-слона, когда любопытные люди проникли к ее гнезду и она уже не могла называться вурупатрой — «птицей, которую никто

никогда не видел». Вурупатры жались поближе к морю, болотам и озерам. Потом они неожиданно перемерли. Молва утверждает, что они задохнулись, а мой дед, ссылаясь на предков, говорил, что их убило поредение лесов.

Ученые также подозревают, что птицу-слона погубило резкое изменение климата на крайнем юге.

— Здесь вы можете искупаться в полной безопасности, — сказал Фанатера, когда мы спустились к берегу.

Он очертил рукой пространство до черных барьеров кораллового рифа, которые постепенно накрывал начавшийся прилив. В древности мореплаватели, огибавшие остров с востока на запад, часто принимали мыс за самую южную точку Мадагаскара. От Фо-Капа до мыса Сент-Мари почти сплошь простираются заросли ксерофитных кустарников. Крайняя южная точка острова представляет собой скалистый выступ высотой 150 метров над уровнем моря. В одной из ниш прибрежного утеса кто-то изваял статую Пресвятой Девы, увенчанную двойным крестом. Его лучи точно указывают на страны света.

Держась за камни, мы осторожно спустились по почти отвесной тропинке к подножию скалы. Фанатера подвел нас к нише высотой в человеческий рост, зиявшей у основания базальтовой стены. Я заглянул в нее. В растворяющемся полумраке угадывалось начало пещеры.

— Пошли туда, — позвал я проводника.

— Нет, — заупрямился он. — Там живут кукулампу. Оттуда нет выхода.

Пожав плечами, я двинулся внутрь. Через пять — семь шагов споткнулся о что-то твердое. Нагнувшись, различил ржавый якорь с обрывком цепи. Белая чайка чуть ли не села мне на голову, когда я выбирался из грота, не решившись продолжить его исследование. К тому же начался прилив.

— Ничего удивительного, — спокойно воспринял результаты моей экспедиции старый каримбула. — Кукулампу, как говорили предки, завлекали к этим скалам много кораблей, которые разбивались о рифы.

Говорят, здесь возникают вихревые течения, которые не осилить парусному кораблю. Ныряльщики могут откопать здесь на дне не одну пушку. Потом я выяснил, что в здешней мифологии кукулампу — крошечные призраки-гномики, редко приносящие добро. Они выходят на «охоту» по ночам.

— Вечереет. Пора трогаться, иначе нас застанут кукулампу, — поторопил нас Фанатера.

Пальма в шляпе

Спросите малагасийца о его любимом напитке, и вы услышите уйму ответов в зависимости от района, где он живет. В Амбаватани в шалаше Фанатеры, который он гордо именовал домом, мы отведали из кружек свежей... росы.

— Наш народный напиток, — изрек хозяин, намекая на честь, которой мы удостоились.

На дворе стоял август, прощальный месяц сухой зимы. Наутро, когда все вокруг было затянуто густой дымкой тумана, я пошел вместе с женщинами за росой. Начинало светать. Струи тумана понемногу уползали в низины и там словно прятались в землю. Я восхищался, глядя, как споро антандруйки собирают капельки влаги с зеленых листьев и стебельков. Широким фронтом они надвигались на высокотравье. В руках у сборщиц были двойные калebasы. В верхний калebas они наклоняли верхушки трав, и живительная влага стекала в нижний сосуд, не расплескиваясь. За два ранних утренних часа, прежде чем солнце успело выпарить ночную сырость, селянки набрали по 2—3 литра росы.

Несколько дней спустя, близ Тулиары, крестьяне махафали рассказали мне, что они запасаются росой с помощью клочка ваты, периодически выжимая из нее влагу в сосуд.

На юге и западе любят молоко зебу. Молоко — бесценный дар зебу — пользуется особым почтением. В гостях у

бара в Беракете я попытался выпить молоко из глиняного кувшина стоя, по-морскому расставив ноги. Мои любезные хозяева вежливо предостерегли меня от кошунственного проступка.

— Вахины, пить молоко надо в уважительной позе, присев на корточки и согнувшись, — молвил старейшина Рабемисуа.

Много запретов регулируют потребление молока. Запрещено кипятить его. Калebas для доения, вырезанный в форме миски, не должен ни мыться, ни использоваться для еды. После употребления его переворачивают вверх дном, чтобы стекала оставшаяся жидкость.

Доение — благородная профессия.

— Дело избранных, — определил ее Рабемисуа. — Женщин к этому не допускают. Такая ответственность им не по плечу.

В пастушеских поселениях к доению приступают в теплый сезон дождей, когда появляется нежная молодая травка и скот наливается ее соками. Доят только с неповрежденной головой. Делают это утром в загоне при телятах, которые тут же лаstятся к матерям, что часто затрудняет всю процедуру. Животное сопротивляется, брыкается, и часто его приходится крепко держать. Приземистые рогатые коровенки дают немного молока — в среднем 2—3 литра в день. Молоко пьется парное или квашеное.

В ходу и спиртное. Бецабеца — спутник народных и семейных празднеств на севере и востоке, но я испробовал этот напиток в одной дружеской компании в столице. Бецабецу гонят из сока ароматизированного сахарного тростника, добавляя отвар из коры некоторых деревьев или из диких плодов. Самогон душист, приятен на вкус, если долго не бродил. Его крепость не превышает 4—5 градусов. Однако после изрядной дозы выпитого начинает болеть голова. Теперь бецабецу готовят не только из сока сахарного тростника, но и из фруктов, деревьев сакуа, нату, сева.

Уже в XVI веке путешественники сообщали о вине, которое островитяне приготавливают из меда и для крепости выдерживают на солнце в течение трех-четырех дней.

На западе, недалеко от Махадзанги, крестьяне угостили меня кактусовым напитком. Жидкость из перетертых плодов растения кипятят часа два-три на слабом огне, несколько часов выдерживают, подсахаривают и употребляют как напиток.

В саванне близ Амбунгу на юго-востоке или около бухты Буени, где живут сакалава, радостные события отмечают, поставив на стол харафу — кисловатый сок пальмы рафия. Подобно тому как собирается латекс каучуконосов, сакалава делают надрез и получают сок пальмы. Из надреза на стволе капля за каплей он стекает по специальному желобу, а затем в подставленный под него калebas или бамбуковый стакан. Всю эту сложную систему — от ранок на дереве до сосудов — прикрывают от солнечных лучей старой соломенной шляпой.

— Наше дело в шляпе, — шутил сборщик харафу, выплескивая стакан белесой жидкости в кувшин.

Забавно видеть на стволах десятков деревьев висящие шляпы. Примерно семь дней подряд рана на пальме как бы кровоточит, выделяя сок. Харафа освежает и не представляет никакой опасности для здоровья.

Близ гранатовых разработок

Мы держали путь от Амбаватани к Ампанихи. В окрестностях последней геологи давно обнаружили месторождения граната. Перспектива увидеть малиновые камни, которые обладают чудесными целебными свойствами и внушают испуг даже священным зебу, привлекла нас в эти края. Дорога была охристо-желтая, а воздух словно пропитан пылью.

До Ампанихи было рукой подать, когда из-за зелено-рыжего увала вынырнула деревенька махафали, обсаженная чахлыми деревцами. У первой же хижины я затормозил, заметив груды самоцветов. Машина остано-

лась в тени баобаба. Под соломенным, свисающим метра на полтора-два скатом крыши на низеньком табурете восседал старичок. Жестом он пригласил нас облюбовать себе любой шедевр природы из его коллекции агатов, яшм, кальцитов, кварцев, родонитов, аметистовых друз, сваленных в беспорядке. Камни продавались глыбами и мелкими осколками в необработанном, первозданном виде. Мне приглянулся увесистый, пудовый агат. Слом на нем обнажал дивный рисунок. От пенно-белых точек расходились буровато-красные концентрические круги. В центре цвет был интенсивный, кроваво-красный. К краям его густота терялась, переходя в более нежные прозрачно-алые полосы, а затем в небесно-голубую каемку, которая также отграничивалась от других таких же повторяющихся пятен-кругов четкой молочной полосой. Рисунок оживлялся прозрачными вкраплениями кварца.

— Берите, не пожалеете, — уговаривал старик, отдававший глыбу совсем за бесценок. Предложение было соблазнительным.

Но путь был далеким, а машина — перегруженной запасами бензина, воды и провизии. Для того чтобы не расстраивать доброго крестьянина, мы купили несколько камешков, в том числе золотисто-розовых гранатов.

Старик отговорил нас от самостоятельных поисков гранатовых россыпей:

— На дороге они, конечно, не валяются. Надо знать, где их искать. Если вы задержитесь на два дня, я могу быть вашим проводником. Сами вы граната от щебенки не отличите.

Времени на «геологическую разведку» у нас не было. Знакомство с минералами Мадагаскара я продолжил на антананаривском рынке, а также беседуя в Анцирабе с гранильщиком Жозефом. В его магазине-мастерской была тьма зеленых и нежно-розовых турмалинов, васильковых и алмазно-чистых бериллов, прозрачных кварцев, внутри которых желтели «волоски Венеры» (рутила), фиолетовых аметистов, кофейных топазов, золотистых цитринов, а также целестинов, амазонитов, халцедонов, лаб-

радоров, которые здесь называют лунными камнями, и многие десятки прочих самоцветов. Перечислить все декоративные минералы, имеющиеся на Мадагаскаре, — трудная задача даже для геологов. Французы нередко называли Мадагаскар «островом образцов».

Советский геохимик академик А. Е. Ферсман, выделявший на Земле целый ряд важнейших узлов месторождений полезных ископаемых, относил Мадагаскар к Южно-Африканскому, весьма перспективному узлу. Пока же недра острова плохо изучены.

В экономике страны декоративные камни всегда играли ничтожную роль. Ими больше интересовались иностранцы. С X века арабы разрабатывали кварц. С XVII века кварц вывозится в Европу. За год, по статистике, здесь добывается 180 килограммов ценных камней.

Островитяне не любят держать камни в своих домах. Во дворе или у порога они иногда складывают розовые кварцы, обломки амазонита или яшмы, но в доме — ни камешка. В домах андриана изредка увидишь розовый кварц — «камень жизни», считавшийся талисманом от стихийных бедствий, но и это почти изжитая привилегия «благородных».

— У нас думают, что холодный камень может приносить несчастье. Природа самоцветов еще не осмыслена, поэтому мы остерегаемся их, — услышал я однажды.

Другое объяснение: камни идут на строительство гробниц, и здесь опасаются сделать из жилища склеп.

Во время гаданий провидцы издавна пользуются кварцем или агатом. В книгах черной магии много внимания уделяется агату и графиту, якобы обладающим сверхъестественной силой, графит олицетворяет очищение и искупление.

Жозеф много рассказывал о чудесных свойствах минералов, которыми торговал. Я тогда не спросил его, откуда он почерпнул знания: из кладезя народной мудрости либо где-то вычитал? Но последнее маловероятно, ибо где взяться книгам в Анцирабе?

— Агат с рисунком дерева, — рассказывал он, — крестьяне иногда хранят как талисман, сулящий добрый урожай, аметист навевает приятные сны; берилл исцеляет от глазных болезней, спазмов и конвульсий, оберегает от опасностей; карнеол — разновидность насыщенно-красного агата — укрощает ярость, отгоняет кошмары и страх, придает отвагу; яшма с красными пятнами вызывает дождь, умиряет лихорадку и боли в желудке; оникс смягчает страх перед бурями, снимает печаль; синий сапфир очищает глаза, спасает от обмана, придает храбрость.

— Ну а гранат? — спросил я его.

— Этот камень люди носят при бессоннице, когда у них сдают нервы. Говорят, что гранат укрепляет сердце и мозг.

Из самоцветов меня особенно завораживали агаты с их красивыми рисунками из параллельных замкнутых кривых, прихотливых завитушек и тонких филигранных линий. Иногда их срезы удивляли правильными сочетаниями прямых линий и цветных слоев. Но всегда они рождали впечатление молниеносно схваченного и навеки запечатленного движения.

В плавных сочетаниях красок и линий улавливались звездные пейзажи, кипенно-белые облака, гордо плывущие по бездонной лазури, бушующие волны, руины крепостей, задернутая туманом река, силуэты животных. Размывы акварельных — алых, малиновых, шафранных, голубых — пятен оживали в воображении, превращаясь в земные цветы, пейзажи, одушевленные существа, и душа радовалась от соприкосновения с таинствами великого творца — природы.

Дерево, наделенное душой

По пути часто попадались баобабы. По ним мы ориентировались на дорогах юга. Их мощные стволы с кронами, повернутыми на север, к солнцу, безошибочно указывали на местоположение хижин деревенских вождей. В мадагаскарской саванне есть баобабы всех возрастов,

форм и размеров. Восемь видов баобаба легко различают здесь даже неспециалисты. Некоторые деревья имеют цилиндрическую форму, другие похожи на бутылку. Местные жители зовут его деревом, растущим корнями вверх.

— Некогда, — поведал мне антандруй Фанехани, — баобаб вознамерился дорасти до самого неба. Тогда разъяренный Андриаманитра вырвал дерево и воткнул его в землю, заставив расти скрюченными корнями вверх. Бог посадил дерево в засушливой саванне, чтобы зной вечно терзал честолюбца, замахнувшегося на извечный порядок.

Дерево с лапчатыми листьями в форме пятиконечной звезды удивительно во всех отношениях. Его не берет ни огонь, ни вода. В сухой сезон оно погружается в зимнюю спячку — полгода стоит голое, без единого листа. Только иногда под сучьями у эндемичного баобаба — адансония грандидиери — свисают на длинных веревочках-плодоножках овальные плоды, которые созревают в июне-июле. Их арбузного цвета мучнистая кисловатая мякоть освежает в жару и утоляет голод.

Баобаб жизнелюбив и, возможно, был бы вечным, если бы не люди. Чтобы свалить такого гиганта, они применяют мышьяк, а когда отравленное дерево умирает, делают с ним что хотят, как правило, пускают на дрова.

Согласно легенде, в давние времена дерево, растущее близ Андруци, спасло людей от жажды, отдав им воду из своего дупла. Путь же к дереву показала птичка соинга, за что она, как и баобаб, пользуется у антандруев большим уважением.

Листья дерева идут в пищу. Их, а также плоды и кору местные знахари используют для приготовления лекарств от малярии, глазных и желудочных заболеваний.

Дву-, а порой трехглавые «бутылочные баобабы» с могучими голыми кронами, напоминающими шупальца огромных спрутов, молчаливо приветствовали нас на всем пути от Туаланару до Тулиары. Ими были аккуратно обрамлены центральные площади населенных пунктов. Священные деревья играют роль жертвенников и мест поклонения.

В нише одного гиганта мы обнаружили жертвенные камни. На другом — влюбленный навечно вырезал надпись в почти шекспировском духе: «Малитера и Сисини — значит женитьба». Действительно, кто, кроме могучего баобаба, способен столь преданно донести это послание?

Каждое дерево дарило нам сюрприз. Одно из них служило почтовым ящиком. Мы заполнили в качестве эксперимента короткую открытку и бросили ее в дупло. Через некоторое время наши московские родственники получили весточку. Малагасийская почта работала исправно.

Близ Ампанихи мы наведались к самому толстому на Мадагаскаре баобабу. Внутри исполина мы перевели дух в прохладном просторном зале площадью 20 квадратных метров и высотой 7 метров. Путники нередко укрываются в нем от зноя и непогоды.

Я отщипнул от одного из деревьев клочок губчатой мягкой древесины и с удовольствием, как истый антандруй, высосал освежающую влагу. В самом городке Ампанихи ковровщик Калиуки подвел меня к баобабу-водохранилищу. На метровой высоте в его стволе была выдолблена «ванна», до краев заполненная прозрачной, изумительно чистой водой. Баобаб сам фильтровал ее и — что поразительно — рос и плодоносил, несмотря на такую глубокую рану.

— Мы делаем воронки, которые в период дождей направляют воду внутрь баобаба, — объяснил Калиука.

— Но как же дерево не погибает от такой хирургии? — изумлялся я.

— У нас говорят: «Дух превозможет силу». Баобаб наделен душой, способной перебороть боль и страдания. Он старается быть нам полезен. За это мы и чтим дерево.

Встреча с вечностью

Некрополей в Андруе и на юго-западе, где живет народ махафали, больше, чем селений. На пути к Ампанихи мы то и дело останавливались среди безбрежных просторов саванны и с замиранием сердца взирали на «домики

мертвых». Некоторые могилы жались к дороге, поближе к людям, другие прятались в зарослях среди скал.

Могильные холмы представляют собой прямоугольные монолитные блоки высотой полтора метра и с боковинами до 20 метров. Наверху частоколом из рогов зебу складывается ровный слой камней. Чем больше жертвенных рогов, тем знатнее и авторитетнее был владелец вечного жилища. На одной, видимо королевской, могиле я насчитал около 700 пар рогов, на других было всего несколько пар.

Почти каждое захоронение увенчано алуалу (это слово означает «посредник с предками») — деревянными столбами, точнее, плоскими отполированными досками с вырезанными фигурками или изображениями различных бытовых сцен. Иногда эти своеобразные эпитафии состояли из причудливых сочетаний геометрических узоров и линий. В большинстве случаев мотивы резьбы были реалистическими, ибо малагасиец и в небытии не желает порывать с обыденной жизнью. На одной из могил в позах сторожей застыли «деревья-спруты» — разновидность кактуса. На малагасийских могилах нет атмосферы неизгладимой грусти, столь характерной для наших кладбищ, где прошлая жизнь человека запечатлена в надписях и портретах и никогда не покидает чувство безвозвратной утраты близких. Местные захоронения — это вехи в истории отдельных людей и целых поколений, символы перехода человека в иной мир, памятники вечности человеческих помыслов и чувств.

Над нами пронеслась стая розовых фламинго.

— К источнику, — пояснил подошедший пастух-антандруй Ралам Суалара.

Наши шаги вспугнули в кустах черного попугая. По пути мы видели цесарок, серых куропаток, ибисов, каких-то хохлатых птиц, а ближе к побережью — белоснежных цапель. Охотилась за мелкими зверьками малагасийская лиса — фуса (латинское название криптопрокта). Где-то рядом ползала рыжевато-коричневая змея — анкома, четырехметровое и совершенно безобидное существо.

Кстати, о змеях. Ядовитый зуб у мадагаскарских видов посажен глубоко в пасти. Желаящему быть ужаленным надо засунуть палец глубоко в зев. Анкому убивать запрещает обычай. Марулунгу — «имеющие много родичей» — надо беречь. Это духи-хранители. На кладбище в деревне Бефуруна, затерянной в лесах Восточного Мадагаскара, я видел, как змея выползла из могилы солдата, погибшего в 1947 году. «В каждой могиле обитает змея, — наставляли меня тамошние жители — безанузану. — Она — дух усопшего». Крестьянин бецилеу из района Фианаранцуа, встречающий змею, спрашивает ее, откуда она родом, и перечисляет ряд населенных пунктов. Когда она делает движение головой при упоминании одного из них, ее везут туда, кладут в одну из могил. В честь возвращения духа предка в родной дом забивают корову. Впрочем, этот обычай соблюдают немногие — только те, кто верен уходящей старине.

Однажды в рощице на Высоком плато я прилег отдохнуть под деревом. Вдруг услышал чей-то зов. Приподняв голову, увидел крестьянина.

— Там нельзя спать. На дереве живет лангаха, — предупредил он.

Лангаха насута — остроносая змея, которую описал естествоиспытатель русского происхождения Д. Олсуфьев. Он жил и работал на острове в 30—40-е годы XX столетия. Ученый дал остроносым змейкам свое название — фандрефиала, то есть по-малагасийски «измеряющие лес». Малагасийцы говорят, что, «если человек или зебу находятся под деревом, где прячется лангаха, змея может, уловив мгновение, свалиться на них и пронзить своим острым носом сердце или мозг». Погладив однажды пальцем головку юркой змейки, я ощутил что-то нежно-мягкое, безобидное. Из раздумий о змеях меня вывело предостережение Ралама.

— Когда переворачиваете камни, остерегайтесь скорпионов, — предостерег он.

Нам посчастливилось рассмотреть черного волосатого паука величиной с кулак (маноцентропус ламбертони),

укус которого если не смертелен, то чрезвычайно болезнен. Это коварное существо способно проглотить довольно крупную добычу. Под камнями затаились и сколопендры.

Все захоронения были сориентированы с запада на восток. Сиротливые столбы-одиночки с рогами зебу напоминали о пропавших без вести или умерших далеко от отчего крова. Некоторые могильники были огорожены палисадниками.

— Духи предков, — показал добровольный проводник на клубок вившихся в воздухе мотыльков. Взмахивая черновато-оранжевыми крыльями, бабочки папилио играли в догонялки, порхая с одного деревянного изображения (алуалу) на другое.

За поясом у пастуха была скульптура женщины. Я невольно коснулся рукой ее шероховатой поверхности.

— Я выточил ее куском гранита из священного дерева сакоа. Дома бываю редко. В разлуке статуэтка-талисман соединяет меня с семьей, — сказал Ралам.

Мое внимание привлекли алуалу, на которых в несколько этажей были вырезаны группы людей: родичи умершего, ремесленники за работой. Можно было различить изображение хижин, крокодилов, зебу, женщин с ребенком за спиной или с кувшинами на голове. Часто использовался мотив — птица на голове человека. Отменной белизной сияли современные могилы. Их цементные стены — цемента, к слову сказать, на Мадагаскаре пока не хватает — были броско расписаны красками: тут и летящий самолет, и охотник с добычей, и пастух со стадом.

По художественному оформлению гробниц угадывались профессии их хозяев. Изображение пироги с пассажирами означало, что здесь покоится лодочник, фигурки военного — отставной солдат. Над другой могилой парил ярко раскрашенный самолет. Такое впечатление, что живописец умышленно прибег к сочным радостным краскам, с которыми вяжется лишь представление о жизни. Быть может, южане, умирая, надеются испытать или по-

лучить в загробном мире то, о чем они мечтали и чего им не довелось испытать в жизни. Смерть уравнивает — так гласит давнее малагасийское изречение.

В 2 километрах севернее Мурундавы мы посетили «селение мертвых», состоящее примерно из 40 прямоугольных надгробий сакалава. Этим захоронениям не меньше века. Деревянные скульптуры изображали, судя по всему, близких и соратников, священных зебу, птиц, символизирующих чистоту чувств. Деревянные фигурки нельзя было назвать абстракционистскими по стилю, но их реализм подлежал сомнению. Это были немые свидетели древней полинезийской культуры. Сакалава и в какой-то степени махафали и антандруи уберегли то, что в других районах страны уже утеряно.

— Ну а где же знаменитые массовые скульптурные изображения? — полюбопытствовал я у крестьянина близлежащей деревеньки.

В ответ он сделал кивок, сложив губы в нужном направлении, как принято здесь показывать дорогу. Протиснувшись сквозь кустарники, я зашагал, ориентируясь на верхушки высоких деревьев, и очень скоро за зеленой чахлого подлеска увидел могилы, огороженные полусгнившими дощатыми заборами и укрытые тенью деревьев сакоа.

На ближнем захоронении замерли в жарких любовных объятиях мужчина и женщина. За ними точно живые стояли другие деревянные пары. Типичное для сакалава скульптурное решение: мужчина был ниже ростом, хрупкий. Женщина же походила на толкательницу ядра и как бы воплощала победоносную женственность и плодородие. И все-таки торжествующую вечность человеческого рода, согласно жизненной философии сакалава, всем своим обликом выражало именно изображение мужчины. Окружавшие меня изображения обывателю-туристу могли бы показаться эротическими, но для самих малагасийцев они выражали смысл жизни, продление рода, сохранение преемственности поколений.

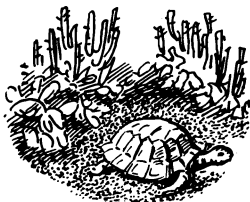
Солнце, дождь и ветер выщербили, подточили скульптуры. Я потянулся рукой к одной из них. Мое инстинктивное движение было остановлено громким шепотом крестьянина:

— Фади, фади... (Нельзя, нельзя...)

Дотрагиваться до могил, а тем более реставрировать их запрещает обычай. А это значит, что участь этих произведений искусства предопределена.

— Профессия скульптора вымирает. Заказов становится все меньше и меньше, — вздыхают умельцы.

Смерть теряет ореол таинственности, воспринимается проще, чем прежде. Оригинальное искусство сменяет ширпотреб; в столице ремесленники штампуют алуалу по шаблону — под размер туристских сумок и чемоданов. Как заметил один мой знакомый: «Последние скульпторы будут похоронены без статуй».

Глава пятая
НА ДАЛЬНОМ ЗАПАДЕ
Под музыку раковин

Протяжные глубокие звуки трубы оживляют монотонное пекло саванны. Мои спутники вздрагивают.

— Так трубят в случае войны. Благоразумнее переждать здесь, — советует один из них.

— Войны между малагасийцами? В наше-то время? — успокаиваю я нервничающих товарищей. — Былое не веротишь. Наверняка гуляют по поводу рождения или свадьбы.

Не доезжая до деревни, мы бросили автомобиль под тенью баобаба и гуськом побрели по песку навстречу нарастающим звукам. Крестьянин в набедренной повязке трубил в длинную ракушку кассис.

— В семье Ракуту родился сын, десятый ребенок. Везет же ему, — наперебой сообщали нам радостную весть сосе-

ди, собравшиеся перед хижинкой счастливчика. — Как же не гордиться нашими односельчанами, такими достойными людьми, как Ракуту, к которым благоволит Бог. Надо же, перегнал всех нас! Неутомимый, сильный человек! А с виду и не подумаешь, что в нем столько энергии.

Односельчане вслух завидовали герою дня. Сам Ракуту полулежал в хижине подле роженицы и, охая, принимал похвалы и поздравления. Кто из них родил? Сразу не отличишь. Жена тоже счастлива. Время от времени покрывания «родившего» мужа переходили в стоны. Такое впечатление, что родила не Борошня, со стоическим молчанием взирающая на эту мелодраму, а он сам. Видимо, надо было обмануть злых духов, внушить им, что женщина не имеет никакого отношения к событию.

Помнится, кое-где в отдаленных африканских деревнях приходилось наблюдать, как суеверная мать тотчас после родов по тем же мотивам бралась за домашние дела, присоединялась к товаркам в поле, а муж занимал ее место в постели и слабым голосом благодарил соседей и родичей за поздравления, дурача духов и колдунов. У малагасийцев этот обычай выражен менее ярко, но и они стремятся тысячью уловок оградить ребенка в первый год его жизни от злых сил.

Трубач опустил свой инструмент, и я смог разглядеть раковину. На конце ее было просверлено отверстие, к которому музыкант прикладывает губы. В разных уголках острова для таких рожков используются длинные конусообразные харонии тритонис, королевские раковины (кассис корнута) и другие виды моллюсков. Со временем ухо привыкает различать, по какому случаю поет раковина-рожек. Прерывистые звуки предупреждают о несчастье, протяжные, напевные — о радости. Под Антананариву я слушал короткие тревожные трели рожка в момент наводнения, принесенного циклоном. По звуку раковин легко узнать, кто родился. В данном случае — мальчик, ибо анцива лахи — раковина крупная, с мощным звучанием, в отличие от анцива вави — женской трубы, меньшей по размеру, с более слабым звуком.

Для мужских рожков используются раковины тритонов, для женских — фасциолария. Мужскому рожку может подпевать женский, но никогда мужской рожок не снизойдет до аккомпанемента женскому анцива вави.

Велумпу устроил для нас маленькое пиршество в своей хижине. Нам подали аппетитную румазаву, какой не отведаешь в самой столице, — бульон из курицы с листьями маниока, клубнями батата и острыми специями.

Молодая женщина, облаченная в передник и юбку из множества ракушек каури, внесла тарелки — листья бананов. Ракушки мелодично шуршали в такт каждому ее движению. На юбке я узрел даже редкие каури маппа, на которой была как бы обозначена карта мира.

— Моя сноха, — представил ее Велумпу. — У Ваукели нет детей. Каури — символ женственности и бесконечности рода. Вглядитесь-ка получше в их рисунок.

Морской наряд и в самом деле придавал Ваукели нежность и привлекательность.

— В каури живет божество, делающее женщину плодородной, а поля урожайными. Его голос слышен, если приложить ракушку к уху. Каури носят как талисман от бесплодия и мужчины и женщины. Как бахромю передников и на поясе, — продолжал Велумпу.

Каури прославились еще и тем, что с XVI века ходили в Африке как деньги. Их завозили с берегов Мадагаскара. Когда же «залежи» ракушек были открыты у побережья Занзибара и Габона, эта «валюта» обесценилась.

Знакомство с миром ракушек продолжалось и в других районах Мадагаскара — ведь в его прибрежных водах насчитывают тысячи видов 300 родов моллюсков. В обиходе им находят массу применений. На северо-востоке и северо-западе жители собирают для еды некоторые виды моллюсков, прилипающие после отлива к камням, кипятят и едят их с рисом и острой приправой. Крупными створками лелабаси — рода пинны — в Маруанцетре и Мананаре вычерпывают воду из пирога. Они же употребляются как тарелки для еды. Из биссусных нитей моллюсков черная пинна, обитающих среди морских водорослей и на песча-

ных банках, делают похожую на шелк ткань — виссон, которая, по поверьям, оберегает от ревматизма, подагры и простуды. В раковинах пинны находят и жемчужины (правда, низкого качества). Ракушки видов нерита, турбо и мурекс идут на грузила для морских неводов, ибо в них сподручнее, чем в камнях, проделывать отверстия для протягивания нитей.

Пляжи западного побережья сплошь усеяны обломками раковин устриц, скорлупой и иглами морских ежей. Сначала мы думали, что это море выплескивает на берег останки животных организмов, погибших в его пучинах. Но оказалось, что рыбаки сакалава, везу и цимихети применяют моллюсков и ежей как наживку при рыбной ловле.

Кстати, услышанные нами ранее звуки трубы означали в XIX веке для бецимисарака призыв к бою. На рожке из моллюсков анцива играли при торжественных встречах важных персон. Под его бравурные звуки антандруи и махафали и сейчас хоронят близких. Рыбаки везу, попавшие в штиль, трубят на все четыре стороны, вызывая задремавший ветер. Под Антананариву музыка раковин извещает о прорыве плотин или нашествии саранчи.

Моллюск вида кассис тубероза (королевский шлем) ползает на мелководье по чистому песку, питаясь морскими ежами. Из его красивых раковин вырезают камеи. Ракушки каури аннулус ценятся как талисманы. Антандруи во время длительных переходов носят их на лодыжках, что якобы делает путешествие более легким. Близ Тулиары можно видеть, как рыбаки с корзинами на поясе собирают бемампи — перламутровые ракушки с голубовато-зеленоватым отливом благородного опала. Их используют для инкрустаций и изготовления пуговиц. В Анкифи, на островах Нуси-Бе и Нуси-Лава охотятся за жемчугом, который дают моллюски рода мелеагрин. Поскольку малагасийцы не умеют нырять, то они ищут их на мелководье, затем оставляют гнить в лохани, чтобы легче было извлечь жемчужинки — как правило, они средние по качеству, размером не более 2—3 миллиметров.

Раковины у сакалава играли и кое-где еще играют ритуальную роль, а в центральной части страны сохранились дома с каминами, украшенными мозаикой из ракушек.

— Вы купите себе любые ракушки в Тулиаре, — уверяли нас в столице перед поездкой.

Там были, конечно, не любые ракушки, но очень много. Под свою опеку нас взял коренной тулиарец, старейшина Мундза. Он подвез нас к рынку морских чудес.

— Где вы собираете все это?! — воскликнул я.

— Езжайте в Анакау. Народ там хороший. Если сойдется с ними, то и не то увидите.

В деревушке везу

По совету Мундзы мы неожиданно-негаданно забрались в деревушку везу — Анакау, что в 50 километрах к югу от Тулиары. Адрес был прост: спросите рыбака по имени Фихили.

Осмотрев по пути залив Сент-Огюстен, куда некогда приставали корабли пиратов, мы форсировали реку Унилахи и по пыльной дороге через плато Махафали совершили бросок к деревушке. Вряд ли мы бы отыскиали ее, если бы не проводник Фамарине, которого отрядил с нами Мундза.

Деревня приютилась на гребне массивной дюны. Хижины вытянулись в шеренгу лицом к набегаящим волнам, а потому селение с моря кажется чуть ли не городом. Ближе к кромке берега, также в ряд, построились пироги с балансирами. Шаловливые малыши шоколадного цвета возились у суденышек, с веселыми криками забегали наперегонки по шиколотку в пенистую волну, затухающую у берега ослепительной белизны.

Из крайней хижины высунулась женщина. При виде незнакомцев она нырнула обратно в жилище, всполошив всю деревню пронзительным криком. Моментально оттуда выскочил хозяин с гарпуном в руках:

— Кто вы такие, вазахи?

Из-за моей спины выдвинулся шуплый Фамарине:

— Салама! Привет от Мундзы. Проведи вахини к Фихили.

Мы с проводником через узкий, как щель, вход, согнувшись в три погибели, прошли в обиталище Фихили. Я огляделся. Стены и потолок хижины сплетены из камыша и тростника, доставленных на пирогах с берегов реки Унилахи. Чтобы ветер, нередко готовый растерзать все и вся на своем пути, не снес легкие строения, везу врываю в песок в виде опор бревна, прочные шесты или вынесенные морем мачты. Вместо пола в хижине песок.

— Вы наши гости и будете ночевать под одной крышей с нами, — пригласил Фихили.

Он приветлив и добр. После долгих уговоров он даже согласился взять меня назавтра в море.

— Только просыпайтесь сами. Вас никто не разбудит. Спящего у нас будить — табу, — добавил он. — А пока я покажу вам деревню, познакомлю с односельчанами.

Освободившись от обуви, мы побрели вдоль берега, то и дело заходя в воду, чтобы охладить ноги, обжигаемые горячим песком. Встречные везу снимали шляпы, прикладывая руки к сердцу.

Возле дома нашего нового хозяина несколько выцветших кактусов и серо-зеленых молочаев с мелкими фиолетовыми цветками красноречиво говорят о суровости местного климата, о редких дождях. Эвфорбии гололобые, искривленные от пережитых сильных ветров, бросают редкую тень. Неловким движением я сломал ветку лианы, прилепившейся к кактусу. Из ее сломов сразу выделилось белое молочко, которое быстро сгущается.

— Не притрагивайся к млечному соку, — предупреждает Фамарине. — Это ломбири. Если потом рукой коснешься глаз, беды не оберешься: они будут долго болеть. Из молочка ломбири делают смертельный яд.

Там и сям попадаются тамариндовые деревья. Везу почитают их как священные, поскольку кроме баобаба в выжженной саванне это единственное растение, похожее на живое существо.

Фихили подвел нас к небольшому белому строению.

— Ариомба (дом птиц), — сказал он.

Перед путинной рыбаки устраивают вокруг ариомбы искупительные обрядовые пляски. Танцоры изображают чаек, всегда везучих в охоте за рыбой. В домике сложены жертвоприношения — панцири морских черепах, плавники акул, кораллы, «нити жизни», как называют здесь стеклянные бусинки, нанизанные на шнурки. Последние дарятся предкам, чтобы они выручали рыбака из беды.

Фихили познакомил нас с вождем. Рассудительного старца величали Лонгобиби — «родич животных».

— Вы и в самом деле состоите в родстве с животными? — осмелился я задать нетактичный вопрос.

Он окинул меня оценивающим взглядом, как бы удостовериваясь, что вопрос задан без подковырки, и ответил:

— В детстве я обменялся кровной клятвой не только с могущественными соседями, но и с животными, которые водятся вокруг: с крокодилом, крысой, кабаном и акулой.

— Союз помог вам?

— Хищники никогда не докучали мне и моей деревне, тогда как соседние деревни страдают от крысиных нашествий. Кабаны временами опустошают их поля, акулы атакуют рыбаков, а крокодилы, бывало, без жалости пожирали женщин, пришедших к реке за водой.

С берега рукой подать до гряды коралловых рифов, которая принимает на себя всю мощь удара волн, гонимых из глубин пролива. Величаво раскинулись водные просторы лагуны, отливающие аквамариновыми, а кое-где изумрудными оттенками. На отмелях выступает золотистый песок. При отливе обнажаются причудливые башни коралловых замков и букетов. В затончиках между ними плещутся рыбки, всякая мелюзга, ошетинились темно-коричневыми иголками морские ежи. За рифами нет-нет да и выпрыгнет дельфин или вспенит синь моря черный акулый плавник, настораживая рыбаков. Вся жизнь Анакау связана с морем. Земля, приютившая ее, столь скудна и неплодородна, что кажется, будто она сотворена только для того, чтобы здесь рыбаки могли поставить свои непритязательные хижинки.

Мы спускаемся к пирогам с балансирами. Это второе жилище везу. Едва на свет появляется сын, как вся семья начинает долбить ему лодку. Для этого договариваются о сотрудничестве с соседями — народом микеа. Сухопутные микеа знают саванну не хуже, чем везу море. В обмен на рыбу они охотно приволокут издалека толстое, длинное и к тому же легкое бревно. Лодка из кряжа пятиметровой длины весит всего 20—30 килограммов. Каждой семье отведен свой участок берега, где стоит пирога, имеющая много общего с индонезийской лодкой. Рядом, в хижине, хранятся нужные для рыбной ловли стрелы, копье, гарпуны, рожки, сети.

Лодки делают обычно из баобаба. Мягкое дерево не выдерживает никаких гвоздей и металлических деталей, поэтому требует особой обработки. Ствол долго обтесывают, скоблят ракушками, основательно просушивают — порой в течение двух-трех путин. Затем каменными теслами — везу избегают железных инструментов — долбят ствол. Бригада из пяти-шести рыбаков недели две углубляет его. После этого к лодке крепят балансир и парус. Балансир вдвое тяжелее пироги. Это нечто вроде полоза-поплавка, прилаженного с правого борта. Касаясь воды, балансир придает суденышку устойчивость. Прилагивается он к твердой доске, которая вставляется в борта. Полоз связан с лодкой двумя поперечинами, соединенными в свою очередь между собой либо палками, либо веревками. Концы поперечин свободно нависают над водой. Пирога приспособлена ходить и по мелководью — ведь рыбакам часто приходится преодолевать и рифы и стремнины. При лодке обязательны гарпун, шест и короткие весла. Лодки изготавливают и из других пород дерева. Есть пироги-мотыльки, рассчитанные на одного рыбака, есть большие, длиной 7—8 метров. Последние служат для перевозки пассажиров и груза.

...На потухшем небе словно веселые искорки мерцают звезды, а в море мелькают факелы и керосиновые фонари. В путину ловят рыбу и ночью.

Акио биби, или «Спасайтесь, кто как может!»

К лодкам я успел раньше самих рыбаков, еще до первого крика петухов. Солнце не всходило. С материка тянул прохладный бриз. Мглистая пучина моря вдруг начала светиться изнутри стальными отблесками и наконец превратилась в дымчато-голубую гладь. В экипаже я был третьим. От берега разом отчалила вся флотилия. Путь лодки, ритмично покачивающейся от синхронных гребков, пересекла вместительная пирога, где также двое — один на носу, другой на корме — мерно гребли, а остальные пристроились среди вороха корней маниока, мешков с рисом, вяленой рыбы и пакетов со снедью. Полуобнаженные, с лоснящейся от воды и пота кожей гребцы играли мускулами. Они выглядели кентаврами, сросшимися со своей пирогой. На мелях, когда киль чуть скреб о песок, они отбрасывали весла и отталкивались шестами.

Отдалившись от берега, рыбаки распустили белые прямоугольные паруса, скрепленные веревками в двух местах. Везу назубок изучили режим ветров в своих краях. В течение дня ветры с суши и моря чередуются. Надо лишь дожидаться подходящего момента, чтобы ветер дул в спину. Ждать же здесь умеют. Терпение — черта национального характера. Люди ждут, погрузившись в сон на песке или коротая время в приглушенной беседе. Но как только потянет ветерок, пирога тут же оказывается на плаву с гордо развернутым, наполненным парусом. Рыбаки вновь берутся за работу. Вернувшись домой и делясь увиденным и услышанным, они часто теряют грань между правдой и вымыслом.

Наша флотилия разрасталась. К ней подходили лодки из соседних деревушек, точно мы шли не на рыбалку, а на морскую битву с врагом. Рыбаки узнавали друг друга, весело перекликались, перебрасывались шутками.

Ветер изменил направление и подул косо, с левого борта. Моряки засновали по пироге, ловко сохраняя ее остойчивость и курс. Делали они это непринужденно, без

видимых усилий. К морю и его капризам здесь привыкли сизмальства.

— Какую рыбу ловите? — спросил я.

— Тунцов, макрель (ламатру), индийскую сельдь, осьминогов, мелких акул, — перечислял Мандрара. — Если попадаются черепахи, берем и их.

Наш караван — лодок 50 — лег в дрейф, чуть перевалив через линию кораллового рифа. Лодки жались одна к другой, мешая, на мой взгляд, друг другу ловить рыбу. Одни рыбаки замерли с удочками, другие всматривались в прозрачную воду с гарпунами в руках.

В глубине блеснул серебряный бок какой-то рыбы. Я показал на нее пальцем гарпунщику. Мандрара кивнул головой, но бить не стал.

— Это рыба-соль. На плоскую рыбу нельзя охотиться, — назидательно произнес он. — По-нашему, это не рыба, а половина ее.

Еще один запрет, подумал я. А ведь на базаре в Антананариву соль — дорогой деликатес. Для европейцев, конечно. Кстати, о кивке. Сколько раз я попадал впросак с этим молчаливым ответом малагасийцев на вопрос. Я приглашал к себе друзей в гости, они качали головой, как бы отказываясь, и... приходили к нам, когда мы не ждали их. Они утвердительно — с нашей точки зрения — кивали в ответ, и мы потом напрасно ждали их целый вечер. На Мадагаскаре все наоборот: мерное покачивание головой — да, кивание — нет...

Мандрара резко размахнулся и метнул гарпун. Затем, перегнувшись через борт, он долго вытаскивал оружие и нанизанную на него жертву — тунца длиной с руку.

— Может быть, я спущусь в воду и помогу вам? — предложил я. Рыбак энергично закивал головой: мол, нет, нет.

Везу — ловкие гарпунщики. Они метки и удачливы, потому что до тонкостей знают повадки морских животных, их глазомер безошибочен. Однако они не любят нырять. Вообще малагасийцы — ныряльщики весьма заурядные. Видимо, причина тому — их страх перед акула-

ми, кишашими в Мозамбикском проливе и иногда заходящими даже в лагуны.

Я бесцельно закидывал в море свой архисовременный спиннинг, но рыба, будто нарочно, не клевала. А вокруг везу на самодельные удочки времен бронзового века вытягивали одного тунца за другим.

— Акио биби! — вдруг раздался истошный крик. Вмиг рыбаки побросали удочки и гарпуны на дно пирог и распустили паруса. Для ускорения отступления к берегу они подгребали. Я вычерпывал раковинной воду из лодки.

— Акио биби (белая акула), — сказал Мандрара с испугом на лице.

Малагасийцы ловят мелких акул, но крупные, достигающие, как белая, десятиметровой длины, приводят их в неопикуемый страх. Инстинктивное чувство бессилия перед хищницей понуждает их поклоняться им. Большую акулу везу почитают почти так же, как легендарную тумпундрану — гигантскую морскую змею. Во избежание опасной встречи с тумпундрану люди не отваживаются на дальние плавания. Морские же змеи в изобилии населяют пролив. Позднее, при переправе на остров Нуси-Бе, я наблюдал с парома, как на пристани Амбандза жители убивали в море двух-трехметровое пресмыкающееся.

Наша флотилия на всех парах неслась к берегу, откуда долетали тревожные восклицания: «Акио биби!» Вся деревня высыпала на берег. Ни одной шутки по поводу преждевременного возвращения рыбаков. На лицах — отчаяние.

Встреча с белой акулой — дурная примета, объяснили мне. Она либо предвещает бурю, либо болезнь и даже кончину близкого родственника. Обычно одно из предзнаменований сбывается, и тем самым в сознании везу поддерживается это суеверие. А если вдуматься, то все страхи проистекают от того, что на промысел люди идут, по сути, с голыми руками.

Малагасийцы верят в судьбу, потому что море часто оказывается сильнее их. Перед плаванием люди прибегают к популярному на острове гаданию на песке. Они берут зерна священного дерева, высыплют на песок или ци-

новку. Затем по их расположению заключают, будет ли удача.

В большинстве случаев везу добывают себе пищу близ берега. Когда наступает путина, за макрелью отправляются всей деревней. Недалеко от берега расставляют сизалевые сети и гонят макрель на лодках, немилосердно хлопая по воде веслами и улюлюкая, к сетям. Женщины во время отлива охотятся с гарпунами на рыбу у входов в коралловые пещеры. На наживку из осьминога они ловят лангустов. Мужчины, накручивая леску на шиколотку, вытягивают двухметровых тунцов весом до 30—40 килограммов, добывая обессиленных от долгого сражения рыб гарпунном.

Излюбленное блюдо везу — морские черепахи и их яйца. Как ликует рыбаки, засекавшие черепах на яйцекладке! До 200 яиц зарывают пресмыкающиеся в песок, тщательно разравнивают его так, что почти невозможно найти место кладки. Везу любят черепашее мясо настолько, что устраивают торжества в честь поимки животного.

В море кроме черепах они добывают гарпунами скатов и дюгоней. Дюгонь, которого зовут морской сиреной или морской коровой, для везу — существо близкое к человеку, и добывать его считается преступлением. Чтобы смягчить свою вину, люди маскируют под жертвоприношение расправу над дюгоном или черепахой, которую также причисляют к священным животным. Перед охотой на черепаху пьют магический напиток, окропляют им пирогу. Мне дали попробовать эту горьковатую жидкость перед выходом в море. Поразив черепаху, рыбаки, как рассказывал мне Мандрара, торопятся заделать кровоточащую рану в панцире. Черепаху любой ценой следует доставить до суши живой, чтобы успеть принести ее в «жертву», согласно ритуалу. Ступая на берег, пирогу мажут черепашеей кровью в память об уважаемой мученице. Ее приканчивают топорами в присутствии всей деревни. Варят всегда в одном и том же котле, и только в морской воде. Внутри хижин ее не едят и никогда не хранят впрок. Панцирь ставят перед хужиной. Везу употребляют в пищу

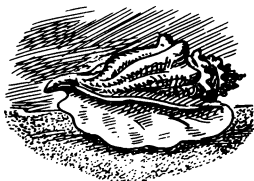
только свежую рыбу, исключение составляют сушеные осьминоги и акулы. Спрутов разрезают по лучам и сушат на солнце. Мясо акул перед сушкой нарезают длинными полосками.

Вокруг хижин между колышками или кустами молочаев натянута бечевка, к которой подвешивают за хвост макрели. Высушенная таким образом рыба пользуется спросом у соседей везу — земледельцев масикуру, живущих по берегам Унилахи. Провисев неделю на солнце, ламатра остается съедобной еще недели три. Масикуру снабжают рыбаков-везу рисом.

В оставшееся время дня жена Фихили — Амбулахани повела нас на поиски ракушек.

— Ракушки мы продаем вазахам в Тулиаре, — сообщила она. — В нашем обиходе они почти не нужны. Иногда ребяташки играют ими.

Везу продают розовые шлемы, мурексы, конусы, перламутровки, тридакны. Самые крупные ракушки тритонов они оставляют себе. На уровне второго витка спирали от вершины в раковине просверливают отверстие. Такой музыкальный инструмент есть на каждой пироге. Как только подует свежий ветерок и наполнятся паруса, раздаются два-три коротких звука, заканчивающихся на торжественной ноте.

Глава шестая
В ДЕБРЯХ ВОСТОКА

Чудные мгновения на канале Пангалан

Одним из моих заветных желаний на Мадагаскаре было поплавать на лодке по каналу Пангалан, и при первой возможности я уговорил своего друга Мишеля Разакандраину помочь мне в осуществлении мечты. Он согласился, но при условии, что мы отправимся только в воскресенье.

— Так лучше. Дорога туда трудная, а алахад (воскресенье) — день, обладающий большей силой, чем другие дни недели, поэтому всем делам, выпадающим на него, сопутствует успех.

В раннее августовское утро мы взяли курс на восток, в Туамасину. Путешествие по Великому острову — всегда открытие удивительной земли и неповторимых нравов ее

уникального народа с весьма своеобразной цивилизацией, за которую я с радостью отдам дюжину самых современных.

Почти у самого побережья на развилке я свернул от главной дороги к югу от Туамасины, главного порта Мадагаскара, в сторону маячивших поодаль высоченных дюн. Подъехав, я не удержался, чтобы с ребячьим задором не вскарабкаться на внушительную песчаную гору. Довольно непростой подъем в одуряющую духоту отнял уйму сил, но вид, открывшийся с гребня, окупил все труды. У меня захватило дух от поистине волшебной панорамы. С одной стороны пенился синий бескрайний Индийский океан. Повернувшись к нему спиной, я увидел прямо подо мной изумительной красоты цепь тянувшихся вдоль побережья лагун различной глубины и разнообразных расцветок: от почти золотисто-желтых, едва заполненных лужиц до нежных, аквамариновых глубин, а за ними — убегающие в глубь материка, за горизонт изумрудные волны холмов плато Имерина.

— Вот тебе канал Пангалан, — махнул рукой в сторону лагун Мишель.

Дующие с океана пассаты, продвигая дюны в глубь острова, то и дело меняют здешний ландшафт. Узкие перешейки, некоторые наподобие небольших скал, — пангаланы, спускаясь к океану, придают видимую устойчивость этому подвижному пейзажу. Издревле малагасийцы — в этих краях живут бецимисарака, антаймуру и антайсака — упорно, не жалея сил, старались соединить лагуны, создавая вдоль восточного побережья острова единый внутренний водный путь, который связывал все населенные пункты, позволял людям плавать «спокойной водой», а не штормящим океаном.

— Заедем в Махавелуну. У меня тут недалеко знакомые живут. Они помогут нам найти надежного лодочника, который покажет канал Пангалан, — предложил мой спутник.

Здесь поблизости мы успели искупаться на одном из крайне редких на всем восточном побережье пляжей.

В здешних водах глубина начинается чуть ли не с первого шага, а воды кишат самыми разнообразными и вовсе не дружелюбно настроенными акулами. Этот же пляж был опоясан искусственными барьерами кораллов, так что на нем можно было почти не опасаться акул. Метрах в 50 дюжина отважных рыбаков-бецимисарака охотилась на акул на лодках с высоким квадратным парусом, а другая группа вытягивала рыбу из огромной сети-ловушки, по форме напоминавшей сердце. Им попадались тунцы и макрель. Но, как объяснил мне Мишель, все они наверняка заранее погадали на удачу рыбалки — иначе не были бы сейчас в океане. Вообще рыбачить — почетное дело. Здесь даже умерших хоронят в пирогах.

Окунувшись у берега, мы помчались в деревню. По знаку Мишеля я остановил автомобиль у домика из стволов, листьев и коры вездесущей пальмы путешественников — равеналы. Мы с Мишелем объяснили цель приезда, но поселяне в один голос твердо заявили, что не отпустят нас, пока мы не разделим их трапезу. Нас угостили попои — тестообразной массой из таро. Увесистые клубни таро женщины сначала отваривают, потом толкут в ступе и заквашивают фруктовым соком. Потом полученное тесто по традиции тщательно промывают в канале, держат на солнце и, обернув в банановые листья, подают к столу.

Хозяева понимали, что мы торопимся, и отпустили нас быстро. Рыбак по имени Рахуну подрядился провезти нас на лодке с балансирами по каналу. Ловко орудуя шестом, он лавировал на лодке между отмелями. Бесчисленные лагуны, отделенные друг от друга песчаными косами, вились и соединялись недолговечными искусственными руслами. Приливы и отливы, а также ливни в период циклонов меняют их конфигурацию, но опытный лодочник знает и чувствует дорогу. Местами, правда, нам все-таки приходилось перетаскивать пирогу через свежие намывы.

Канал здесь поддерживают всем миром. Каждая деревня добросовестно расчищает участок, который ей выделили местные власти.

Вдоль канала изредка попадались роши и остатки девственного леса, а в основном чаровала взор привольная саванна. Мы плыли мимо маленьких журчащих речушек, спокойных озер, за спиной оставались лагуна за лагуной.

Раньше бецимисарака перетаскивали пироги через пангаланы волоком до следующего водоема. Всего таких протянувшихся цепочкой водоемов насчитывают 21. Еще в 1827 году при короле Радаме I были предприняты попытки прорыть и даже пробивать канал через перешейки и скалы. Постепенно возник единый водный путь, идущий в 5—10 километрах параллельно берегу океана. Так по указу монарха и инициативе с мест самыми примитивными орудиями труда была создана единственная в своем роде водная артерия — канал Пангалан, протянувшийся от Ивулуины, в 20 километрах от Туамасины, до Фарафанганы на 655 километров. Канал периодически то тут, то там заносило песком, но люди снова и снова раскапывали заносы.

Во время нашего плавания мы попутно заглядывали в деревушки бецимисарака, которые когда-то дружили с пиратами, облюбовавшими восточный берег Мадагаскара под свои базы. Деревни бецимисарака строят квадратом вокруг площади, жители кормятся рисом, овощами, фруктами, рыбой. Мяса едят мало. Мужчины, обычно невысокого роста, любят побаловаться бецабецей — самогоном из сахарного тростника.

На одном из берегов довольно глубокого водоема я увидел трогательную картину. Муж с женой ловили рыбу, выкопав глубокую яму в песке. Из-за спины у женщины выглядывал малютка в соломенной шляпе.

Путешествие мы завершили в одном из живописнейших уголков канала — Ватумандри, что переводится как «уснувшие скалы». На зеленой полоске земли между океаном и каналом в лесу росли фикусы, орхидеи, лианы.

— Смотри, как тебе повезло, Владимир! — показал мне вверх на два переплетенных побега лианы Мишель. — Удивляюсь, как это никто здесь еще не срезал это чудо

под талисман. У нас талисман из двух сплетшихся побегов лианы называется «то, что не хочет расставаться» и помогает, по поверьям, сохранить богатство, мужа, любимую женщину... Короче говоря, все что хочешь!

Мы прилегли под дикорастущим анакардиевым деревом, дающим орех кешью. В окружавшем пышном царстве плодоносящей природы оно казалось невзрачным. Тут же рядом росло долговязое боготворимое крестьянами дынное дерево — папайя.

Я много путешествовал по Африке, но канал Пангалан неповторим и ни с чем не сравним. Водный путь, родившийся в сотворчестве природы и усилий человека, — уникальное явление, пример того, как рачительно, бережливо люди должны относиться к природе и друг к другу.

Лицом к лицу с лемурами

Сафари по местам расселения лемуров, возглавляемое Эммануэлем Фулу, — редкая удача. Будучи проводником многих научных экспедиций, изучавших условия обитания и образ жизни этих полуобезьян, Эммануэль, как никто, узнал леса острова.

Первая вылазка была из Антананариву на восток, где в лесном заповеднике Андасибе, близ Туамасины, жили самые крупные из лемуров — индри. Сначала дорога вилась среди рисовых полей. Эвкалиптовые рощи и соснячки оживляли однообразие полуголых холмов и аккуратно возделанных равнин. Эвкалипт, даже если его срежут или сожгут, быстро возрождается, если целы корни. Однако у жизнестойкого дерева есть недостатки: оно истощает почву, и в его купах не живет ни одно мадагаскарское эндемичное животное, тем более лемур, для которого толстые кожистые листья эвкалипта несъедобны. Лемуры быстро погибнут, если заменить их естественную среду на благоприятные для человеческого здоровья эвкалипты.

Километр за километром, и незаметно холмы нагорья сменил густой кустарник — савука, выросший на месте

дождевого леса, сведенного в результате хозяйственной деятельности людей. Веками жители острова практикуют подсечно-огневую систему земледелия, нанося непоправимый вред природе. За год огонь губит около 100 квадратных километров ценнейшего девственного леса. На освобожденной таким путем площади выращиваются горный рис, овощи и бананы, пока не оскудеет почва. Затем поле переносится на новые участки.

Камни на дороге немилосердно барабанили по днищу автомобиля, хотя я старался объезжать каждую рытвину, каждый камешек. Воздух становился влажнее, небо — синее, а над головой плыли облака, уже чистые, белые-белые, словно их только что прополоскали. Сухая, приникшая к земле трава уступала место наливной, сочной. Появились гигантские вееры равеналы — деревья путешественников. Делая крутые виражи, мы кружили по коническим горам, оставляя сбоку деревушки, где на изгородях висели для продажи тяжелые низки бананов.

— Начинает пахнуть лемурами, — проронил Фулу.

Красно-коричневые мазанки мерина сменились деревянными, мышинного цвета хижинами бецимисарака. Эти жители побережья не убивают индри, но уничтожают другие виды лемуров, мясо которых пополняет их рацион белковой пищей. Охота на лемуров запрещена, но не было случая, чтобы браконьеров здесь наказали. Законы в тропическом лесу? Только те, которые утвердили предки.

— У нас не понимают значения лемуров, — вздыхает Эммануэль. — Раньше наши дети учились в школе по французским учебникам, где говорилось о зайцах, волках, медведях и ни слова о лемурах. С тех пор люди полагают, что лемуры не заслуживают уважения, если о них умалчивают «умные книги».

Возле железнодорожной станции Андасибе мы сняли номер в гостинице. Поднялись задолго до рассвета. Через 6—7 километров свет фар выхватил из тьмы табличку с надписью: «Лесной заповедник». Мы оставили машину и

крадучись, по-кошачьи, зашагали по тропинке. Лес встретил нас немой тишиной.

Внезапно до нашего слуха дошла странная, волнующая мелодия, перерастающая в мощный лесной хор.

— Индри приветствуют вас. Они поют гимн восходящему солнцу, — пошутил гид, прочитав смятение на наших лицах.

Запевала выводил надрывно высоким серебряным тенором мелодию, раздававшуюся с близлежащего холма. Ему отвечали с пригорка, а затем все сливалось в тысячеголосую песню. Голос лемура показался мне очень похожим на человеческий. Он только был значительно тоньше. Крик из далекого прошлого! Вот так индри приветствовал зарю миллионы лет назад, задолго до появления человека. Оратория гремела несколько минут и оборвалась столь же неожиданно на самой высокой ноте, как и началась.

— Здесь обитает три-четыре вида индри, — сказал проводник. — Повстречать их с первого раза удастся нечасто. Половина видов семейства вымерла. Их легче услышать, чем увидеть. Даже в глухом заповедном лесу лемуры редки. Их прирост незначителен, а жизни молоди с первых дней угрожает опасность.

С самого рождения детеныши крепко цепляются за шубку непоседы матери, стремительно перелетающей с дерева на дерево. Слабенькие малышки часто расшибаются насмерть, оторвавшись в полете от лихой родительницы. Эти самые тяжеловесные (чуть больше макаки) лемуры не могут долгое время быть в движении. От дерева к дереву их прыжки укорачиваются. Усталые, они сходят на землю, и опытные ловцы берут их, печальноглазых, голыми руками.

Пройдя с полкилометра, мы набрали на небольшую вырубку, где стояли пустые клетки. Их история оказалась небезынтересной. Управление водных и лесных ресурсов заключило контракт с неким дельцом из Техаса Львом Леопардом (поразительное имя!). Американец под солидный аванс подрядился приучить лемуров жить в клетке и

мимоходом сделать их ручными. Смелый прожект застыл на стадии сооружения клеток. Мистер Леопард бежал, прихватив деньги. Надо сказать, что индрии не живет в неволе долго, а особи его ночного вида — авахи — гибнут тотчас после поимки. Говорят, что юного лемура еще можно приручить, но поймать его в младенческом возрасте, не убив его матери, просто невозможно.

Клетки остались за спиной. Лес вновь сомкнулся вокруг нас.

— Подождем здесь, — прошептал чуть слышно Эммануэль, боясь спугнуть животных.

Мы поеживались от утреннего холода. Успокаивало щебетание птиц, насвистывавших одну из своих бесконечных симфоний. Ждать нам изрядно надоело. Хладнокровное терпение Эммануэля уже казалось нам неоправданным, раздражало наши «деловые» души.

— Где же индрии? — спросил самый нетерпеливый из нас.

— Перед вами. Вот он, — показал проводник на тропу.

Наша слепота потрясла нас самих. Обняв ствол дерева, на нас смотрел озорной зверек в черной шубе с белыми пятнами, без хвоста. Он взирал на нас с таким же интересом, как и мы на него. Мы украдкой приблизились к нему метров на 10—15. Он не шелохнулся. Огромные, чуть ли не во всю голову, желтые глазенки горели любопытством. На лбу топорщился пучок коричневых волос. Носик был словно слегка припудрен. Я загляделся на его стройные конечности. Длинные тонкие пальчики были увенчаны изящными коготками.

На соседнем дереве хрустнула ветка, и перед нами предстал еще один лемур. Между тем первый успел потерять интерес к нам. Он подпрыгнул вверх и, схватившись за высокую ветку четырьмя лапами, стал с видимым удовольствием раскачиваться. Его примеру последовал напарник. Минут десять мы наблюдали за гимнастическими упражнениями двоих друзей, пока они легкими, невесомыми прыжками не скрылись в чаще леса.

— Ну как бабакуту? — горделиво посмотрел на нас Эммануэль. В переводе «бабакуту» значит «маленький отец», как называют на Мадагаскаре индри.

Разве ответишь на такой вопрос? Осталось ощущение встречи с олицетворением робости и беззащитности. Некогда, гласит легенда, в лесу тихо-мирно жили мужчина и женщина. Они питались тем, что добывали в лесу, — плодами, орехами, сладкими корнями растений, травой и листьями. У них было много детей. Поначалу дети довольствовались такой беззаботной жизнью. Потом некоторые из них проявили предприимчивость и, расчистив клочок земли от леса, посеяли рис. Эти непоседливые и трудолюбивые люди стали предками малагасийцев. Менее честолюбивые дети отстали от братьев и сестер, предпочтя жизнь на деревьях. Со временем они и превратились в бабакуту. Суть легенды: труд облагораживает человека, лень и бездействие делают из него обезьяну. Так вот, поскольку индри — братья человека, их нельзя убивать.

— Табу соблюдают только простые люди, — объяснял мне Пьер Буато. — Образованные и опытные в них не верят. Миссионеры под видом искоренения «туземных языческих суеверий» на деле боролись с культурой покоренного народа. Они не щадили и табу, охранявшее индри. Я знал католического пастыря, который решил убедить паству, что ничего священного в лемурах нет. Он убил нескольких индри и накормил их жареным мясом приход.

Возраст найденных останков лемурув датируют 36—58 миллионами лет. Тайна лемурув и в их вымирании. Почему животные, населявшие весь мир, выжили только на Мадагаскаре? Сейчас там обитают десять родов и 22 вида лемурув из более 30 видов, существовавших тысячу лет назад.

За абсолютную точность, а тем более за окончательность этих цифр никак нельзя полностью ручаться, так как и по сей день в лесах острова, который ученые ласко-

во величают своей «любимой природной лабораторией», то и дело открываются новые виды приматов. В ноябре 2000 года международная группа ученых обнаружила сразу три новых вида мышиных лемуров и дала им латинские названия: микроцебус бертае, микроцебус самбираненсис и микроцебус таваратра. Вся тройка крошечных существ с удлинёнными мордочками, оттопыренными ушами и непропорционально огромными глазами легко умещается на ладони десятилетнего ребенка. Таким образом, на Мадагаскаре обитают уже семь видов мышиных лемуров, а не четыре, как считалось до этого открытия.

Существуют разные легенды о бабакуту. В Мананаре у северных бецимисарака человек по имени Куту пошел в лес за диким медом. Заметив улей на высоком дереве, он взобрался на него, достал соты, наполненные медом, и положил их в котомку. В отместку пчелы накинулись на вора. Несчастный погиб бы на дереве, если бы не индри, снесший его на спине вниз. С тех пор лемур стал священным отцом Куту. Другая легенда рассказывает, как однажды жителей деревни разбудил нечленораздельный крик из глубины леса. Догадавшись, что к ним крадутся разбойники, крестьяне схватились за копья и топоры. В благодарность за своевременное предупреждение индри были объявлены священными. Малагасийцы верят, что бабакуту придают целебность и мощь деревьям, на которых живут. Крестьяне подбирают листья и побеги, упавшие с таких деревьев, и лечатся ими.

Воодушевленные первым успехом, мы в тот же день продолжили экспедицию к порту Туамасина, чтобы оттуда, взяв путь на север к Фенуариву, попасть на маленький остров Нуси-Мангабе.

Вечерело, когда мы подъезжали к Туамасине. Кровяного цвета солнечный диск медленно уходил за мрачневшие от быстро сгущавшихся сумерек тропические заросли. Километрах в 12—13 от города в воздухе возникла странная картина. Мы наблюдали какие-то непонятные фигуры, снующие силуэты людей, чудовищ, зверей, при-

чудливые башни воздушных замков. Я резко замедлил ход, чтобы мои спутники полюбовались неожиданным зрелищем.

— Быть может, мы сбились с пути после встречи с инд-ри? — недоумевал я вслух.

Это была не первая поездка в Туамасину. Ничего подобного раньше я не видел.

Мираж в тропическом лесу? Это казалось абсурдом. Видение длилось недолго и исчезло так же внезапно, как и появилось. Моим рассказам о воздушных замках поначалу никто не поверил.

Впоследствии я узнал, что именно на этом вираже, после того как несколько зазевавшихся шоферов, проскочив мимо поворота, угодили в кювет, кто-то поставил написанный от руки дорожный знак: «Осторожно: мираж!»

Мы задержались в городе на ночь, а утром продолжили путь к Нуси-Мангабе, где имели один шанс из тысячи, чтобы увидеть лемура ай-ай. Его чучело выставлено в музее Малагасийской академии. Бесподобное творение природы имеет резцы кролика, уши летучей мыши, хвост лисицы и передние конечности обезьяны. Обнаруживший его в 1788 году французский натуралист Соннера утверждал, что название лемура произошло от «изумленного восклицания жителей Мадагаскара». Высохшие кисти передних конечностей лемура с вытянутыми когтистыми пальцами похожи на часть скелета. Средний палец особенно сильно удлиннен. Ай-ай, как врач, постукивает по стволам сухих деревьев, чтобы отыскать насекомых. Тем же пальцем он извлекает из пустот древесных жуков, иногда, чтобы облегчить себе работу, подгрызает кору, а потом ловко орудует пальцем. Раньше ай-ай принимали за белку.

В 1957 году американские натуралисты супруги Питерс нашли двух ай-ай в лесу близ Фенуариву-Анцинанана. Попав в этот район двумя десятилетиями позже, я захотел узнать у Эммануэля, правда ли, что лемуrow ай-ай

здесь считают колдунами и убивают их на месте при встрече.

— Везде по-разному, — ответил он уклончиво. — В одних местах стараются убить, в других — перебираются подальше, на новое местожительство, слышав о таком соседстве. Там, где живет ай-ай, неистовствуют демоны, злые духи, и он — их вестник. Ай-ай говорит деревне: вы обречены. Только местный доктор способен предотвратить худшее. Для лечения доктору нужен палец лемура-колдуна. Этот палец надо вырвать, не убивая обезьяну.

Встретить ай-ай трудно, потому что днем до сумерек он спит, зарывшись с головой в вороха веток и листьев. Питается он насекомыми, яйцами птиц, кокосовым молоком или сосет сладкий стебель сахарного тростника.

Произносить его имя вслух не рекомендуется. Ночной лемур никогда не фигурирует в сказаниях и легендах. Бецимисарака утверждают, что ай-ай живут в плохо закрытых могилах и что на самом деле этот лемур — преобразившийся человек. Найденного в лесу мертвого ай-ай нередко хоронят с почестями. Если он попадает в ловушку, его выпускают, принося ему очистительную жертву, смазав его жиром. У народа сиханака есть другое поверье. Когда человек засыпает в лесу, ай-ай приносит ему подушку из сухой травы. Если она будет положена спящему под голову, он разбогатеет, если под ноги — он станет бедным и жертвой колдунов. Впрочем, здесь никто не боится бедности, ибо никто не знает, что такое богатство.

Обычно местные жители отказываются помогать натуралистам в поисках ай-ай.

— Ай-ай — это сильный мира сего, ставший маленьким, — говорят крестьяне. — Если поймать лемура, он умрет быстро, а ловец навлечет на себя опасность...

В 1974 году доктор Питерс вернулся на Мадагаскар. За полтора года он отыскал четырех самцов и пять самок, живших среди кокосовых пальм и фруктовых деревьев. Он перевез ай-ай на островок Нуси-Мангабе. Питерс да-

же убедил малагасийское правительство объявить пустынный остров заповедником.

Судьба робинзонов — тайна. Летом 1974 года на северо-восточном побережье доктор Ян Таттерсол из американского Музея естественной истории обнаружил на дороге мертвого ай-ай с проволокой, стягивавшей шею. Грустная находка подтвердила его мнение о том, что животное еще не истреблено до конца.

Мы блуждали по чащам Нуси-Мангабе часа три-четыре, но признаков присутствия ай-ай не нашли. Лемура я увидел позже в столичном зоологическом саду Цимбаза. Эти доверчивые малыши с наивными глазами способны по несколько лет жить в неволе — в среднем 8—10 лет. В Амстердамском зоопарке ай-ай прожил 23 года. Антананаривский пленник погиб от человеческих болезней — расстройства желудка и хронического гепатита...

На следующий год я продолжил поиски лемуров в Тауланару. Близ города на берегах реки Мандраре есть заповедник лемуров, который является собственностью владельца плантации сизаля француза Анри де Хольма. В 1928 году семья де Хольмов переехала с Режюньона на Мадагаскар. Один из плантаторов выделил среди сизалевого моря «островок» под заповедник.

На опушке колючего леса с преобладанием сочного кактуса дидиера стоял особняк для приема гостей. На пороге нас приветствовала специалист по лемурам Джей Рассел. В ее руках нежился бурого цвета лемур фулвус колларис по имени Чико. Малыш вперился в нас любопытными глазенками. Он подчеркивал свой интерес к пришельцам, смешно раздувая ноздри и шумно втягивая воздух. Чико охотно пошел ко мне на руки, ласково терся мордочкой о руку. Отпускать его не хотелось. Он был подобран слабеньким крошкой с больным глазом и сломанной ногой, быстро, с привязчивостью, свойственной его роду, привык к человеческой заботе и ласке.

Из леса доносилось курлыкание голубей, залиvistое пение живущей только в этих краях птицы куа гигас. Чи-

ко проводил глазами промелькнувшего над нами на бреющем полете пестрого ястреба.

...Мы шагали по песчаной тропе среди деревьев кили, напоминавших могучие дубы. На них зрели сладкие плоды, которыми лакомятся лемуры. Жухлые листья потертым ковриком стелились под ногами. Кое-где с веток кили свешивались ползучие растения и, сцепившись с подножным кустарником, образовывали подобие чаши.

Едва углубившись в лес, мы оказались лицом к лицу со стаей кошачьих лемуров — катта, или маки, как их здесь именуют. Грациозные, желтовато-серенькие, с белыми ушками и пестрыми закрученными хвостами, окрашенными черными и белыми полосками, они соскакивали с веток и любопытно взирали на нас. Свое прозвище катта получили за кошачьи мордочки. Несколько животных деловито утоляли жажду из поставленного специально для них корыта с водой. Самки держали за спиной детенышей. Катта чаще спускаются с деревьев на землю. Вообще в лесах юго-запада и юго-востока Мадагаскара на разных ярусах леса — чуть ли не на разных ветках одного дерева — мирно уживаются лемуры различных видов.

— Достаточно сюда завезти нескольких обезьян, особенно человекообразных, — заметил Буато, — чтобы эта гармония быстро закончилась.

Я попытался приблизиться к лемурам. Однако бдительные катта словно на крыльях взлетели на деревья. Самый смелый, набрав в пригоршню воду, напился и тоже шмыгнул к товарищам. Мы остались «у пустого корыта».

Метров через 300 перед нами открылся вид на реку Мандраре, тонкой струйкой журчавшую по широкому песчаному руслу. У берега, поджав под себя одну ногу, дремали белые цапли. Чуть поодаль теснились на водопое зебу. Небольшой заповедник занимает всего 40 акров. В неохраняемой части леса лемуров поджидают опасность и даже гибель.

На обратном пути состоялось приятное знакомство с лемуром сифака. Сифаки одеты в белые шубки. Лишь их

премиленькие мордочки с вытаращенными глазами были черными. Две пары сифак лазили по дереву кили, срывали плоды и угощались ими.

Сифаки чрезвычайно нежны друг к другу. Французский ученый Р. Декари описывает случай на охоте. Он застрелил из револьвера самку, которая упала к его стопам с раненым детенышем. Малыш сначала пытался вскарабкаться по ноге человека, а потом вернулся к бездыханной матери, вцепился в ее шерсть, как бы в поисках защиты зарылся мордочкой ей под мышку, издавая горестные стенания. Как только люди отошли, несчастного быстро подобрала другая сердобольная самка. С тех пор Декари не стрелял в лемуров.

В заповеднике де Хольмов живет примерно до 300 катта и сифак. Водятся и ночные лепилемуры, и мышиные лемуры — микроцебусы. Микроцебусов — самых крошечных, меньше белки, лемуров — мне позднее показала в университетской лаборатории с микроклиматом тропического леса Лала Генриэтта Ракутувау.

— Эти красноглазые крошки не поддаются приручению. Они мгновенно тяпнут вас за палец, если вы попытаете их погладить, — сказала она.

Микроцебус — единственный вид лемуров, отличающийся относительной свирепостью.

— Во многих из наших одиннадцати заповедников живут лемуры, — рассказал директор зоологического и ботанического сада в столичном районе Цимбазаза Жорж Рандрианасулу. — Охота на лемуров запрещена у нас повсюду, но пресечь ее порой трудно.

На прощание Джей Рассел устроила нам сюрприз:

— На заре я покажу вам молитву сифаки.

...В теплых лучах утреннего солнца на суку у самой верхушки дерева сидел сифака с воздетыми вверх, по-буддистски, руками, обратив мордочку к востоку. Он сушил мокрую после влажной ночи шубу. Малагасийцы утверждают, что так сифака молится солнцу.

Другим «солнцепоклонником» считается лемур вари, обитающий на северо-востоке. С вари, который относит-

ся к вымирающим видам, я играл в Цимбазе. Черно-белый примат любил, прислонясь спиной к дереву и раскинув лапки, купаться в ласковых лучах солнца.

О сифаках ходят довольно правдоподобные легенды. Рассказывают, что самка строит для будущего детеныша гнездо из веток, укрепляя его камнями, чтобы постройку не снес ветер. Потом вырывает из груди шерсть и готовит теплую подстилку. Говорят также, что самка, застигнутая охотником, перебрасывает малыша на спину и защищает его грудью. Утверждают, что сифака и бабакуту порой перехватывают копьё на лету и швыряют его обратно в агрессора.

В некоторых деревнях Андруя сифак охраняют.

— Когда-то на наше племя напали сильные враги, — рассказал мне крестьянин из деревушки Талака, близ Амбумбе. — Люди спасались от преследователей в лесах. Стая сифак, увидев беглецов, начала кричать. Преследуемые в страхе упали на землю, а нападающие бросились вперед и увидели... множество лемуров, которые прыгали по кругу с кактуса на кактус, с дерева на дерево, странно жестикулировали и не обращали на людей никакого внимания, так как никогда ранее их не видели. Победители решили, что в лемуров обратились их враги, и в панике скрылись. Поэтому-то спасенные возвели приматов в ранг предков.

Другой антандруй уверял меня, что раненые сифаки пережевывают листья некоторых растений, а затем прикладывают их к ранам как тампон.

— Сифака помог нашим предкам открыть целебные свойства многих растений, — утверждал он.

Жители Андруя нанизывают кости и фаланги сифак, найденных мертвыми в лесу, на бечевку и носят на лодыжке в качестве уди. Этот талисман, называемый цимиликутра, якобы снимает утомление, облегчает дальние переходы.

В Тулиаре на пляже Ифати мальчик, взяв в руки лемура фулвуса, убаюкивал его. Лемур умиленно глазел на

мальчишку, поглаживая его по груди и щекам. Я наблюдал за сценкой и думал: неужели всемогущий человек не пожалеет «глупого предка» и не примет своевременных мер к его спасению?

Урания на волнах памяти

Однажды служащие корпункта Эме и Моник подняли гвалт. В полутьме коридора, ведущего во двор, они отчаянно размахивали белыми шарфами, изгоняя из дома что-то, чего я не мог узреть при всем старании.

— Эме, вы что, с духами сражаетесь?

Моя шутка была отвергнута с глубочайшим презрением, а женщины ответили еще более воинственным натиском на невидимое, но опасное чудовище.

— Владимир, не обращай в шутку серьезные вещи, — укоряла Эме, когда суматоха улеглась. — В дом залетела бабочка-бражник «мертвая голова».

Едва услышав новость, я с воплем краснокожих кинулся наружу в погоню за ценным экземпляром чешуекрылых. Однако бражника и след простыл. Когда я упрекнул Эме и Моник в том, что они чуть ли не сорвали научный эксперимент, они обиделись.

— Неблагодарный человек! — возмушалась Эме. — Мы спасали обитателей дома, в том числе и тебя, от беды. Да знаешь ли ты, что, по поверьям наших предков — а правдивее и лучше их нет никого на свете, — если «мертвая голова» залетит в дом — жди беды.

Я притворился, что меня гнетут угрызения совести, но мысли о приобретении в свою коллекцию бражника не оставил. «Мертвая голова» — ночная бабочка. Через год мы с сыном поймали ее, опознав по рисунку на спинке, который напоминал череп. Малагасийцы панически боятся безобидного четырехкрылого рыжевато-коричневого существа, полагая, что в него обратился после своей смерти человек.

На восточном побережье верят, что все большие ночные бабочки, или пулу, вмещают в себя душу умершего, не имеющего могилы, а нередко и колдуна. Блуждает эта неприкаянная душа по миру и мстит всякому, кто попадется на ее дороге.

Где бы ни настигли на Мадагаскаре путника сумерки, лучше всего остановиться на ночлег в первой встречной деревушке. Самый закоренелый разбойник возьмет вас под свою защиту и будет добрым хозяином, если вы постучитесь к нему в дом.

Бродя по лесам на востоке острова, мы оказались такими путниками и на закате остановились в деревушке под Фенуариву-Анцинанана. Она приютилась на тесной поляне посреди дремучих зарослей.

К вечеру хмурые чашобы присмирели, поутихли. Черные, все поглощающие тени быстро перемещались к востоку, пугая, казалось, даже обитателей леса: все живое забило в свои норы, боязливо замолкло.

Но как только дотлел закат, лес ожил. Душераздирающие, получеловеческие вопли лемуров, свист цикад, многоголосье птиц, редкий лай деревенских собак или одичавших псов — все сливалось в дикую какофонию.

На тусклый свет лампы в отведенной нам хижине летели из мрака рои ночных бабочек-лулупатов. Некоторые, нерасторопные, на глазах вспыхивали коротенькими огоньками и падали во мглу.

— У нас есть пословица: «Неосторожен, как белая бабочка, по своей вине сгоревшая от светильника», — молвил хозяин, тоже заглядевшийся на схватку насекомых и огня.

Когда я шевельнул рукой, чтобы накрыть ладонью одну из них, он предостерег:

— Фади! Лулупаты предвещают смерть.

За годы жизни на острове я стал предусмотрительным и, прежде чем рвануться за бабочкой, наклониться к цветку или погладить дерево, заранее узнавал мнение малагасийцев и соответственно ему поступал. Лишь тогда,

когда был предоставлен самому себе, я действовал на свой страх и риск.

Мир мадагаскарских бабочек настолько прекрасен и своеобразен, что ученые выделяют его в самостоятельную зоогеографическую область. Натуралисты насчитали на острове 3 тысячи видов бабочек. Разнообразие форм, апофеоз красок и оттенков, причудливые гусеницы придают чешуекрылым неизъяснимую прелесть, неповторимость. Среди них царит своя иерархия. На вершине лестницы находятся невиданные силачи-гиганты вроде сатурнии кометы и урании. На нижней ступени — самые маленькие бабочки, которые подразделяются более чем на 300 видов.

Один мой знакомый — Раймон Рамандимбилахатра как-то зазвал меня познакомиться с разработками мрамора в Амбатуфинандрахане, где он учительствовал. Последний его довод, против которого я не устоял, был: поохотимся на лулубе (сатурнию комету)!

Первую вылазку из деревеньки Тапия мы совершили вечером после прибытия. В экспедиции за бабочками нам помогал 12-летний чумазый сорванец по имени Бетай, что в переводе на русский язык звучит как «Поганец». Почему родители сохранили ему явно неблагозвучное имя, которое дается только на первый год жизни, я так и не дознался. Возможно, это было прозвище. Но Бетай оказался отличным пареньком. Он быстро раздобыл нам сфинкса. Сорвав яркий распутившийся цветок датура с резким ароматом, он спрятался в кустах, высунув руку с цветком над зеленью. Стоило бабочке проникнуть в глубь венчика, как ловец уже держал ее в руке.

С полчаса я проторчал в кустах с датурой в руке, но ни одна бабочка не поддавалась на обман. Пока я терпеливо ждал у моря погоды, жизнь шла своим чередом. Меня жалили и грызли насекомые. Вокруг порхали бабочки. Внезапно чуть ли не в лицо мне бросилась какая-то большая желтая птица. Я вскочил на ноги и застыл в живописной позе, продолжая держать цветок над головой. Передо

мной был лулубе — гигантский шелкопряд, размах каждого крыла которого достигает 20 и более сантиметров. Позднее я нашел серебристый кокон лулубе величиной с птичье яйцо.

— У нас его называют ландивула (серебряный), — сообщил Раймон. — Из его нитей получается царственная шаль.

Во многих районах сатурнию комету запрещено трогать. Ученые прозвали ее так за длинные желтые отростки на концах ее крыльев, напоминающие хвосты комет, а воображение крестьян приравнило «хвосты» к носилкам, на которых усопших обычно несут из деревни к гробнице. За это грустное сходство люди причислили бабочку к лику священных и взяли ее под свое покровительство. И все же над редким видом нависла угроза исчезновения. Дельцы извлекают прибыль из массового отлова бабочки-исполины, чучела которых вывозят на продажу в заморские страны.

— Знаешь, комета любопытна еще и тем, что она — самая сытая бабочка в мире: она ничего не ест, — удивил меня Раймон.

На авеню Независимости, напротив обгоревшего остова здания бывшего столичного муниципалитета, в тени длинной улицы-галереи расположился магазин сувениров, где продаются чучела птиц и бабочек, черепах и хамелеонов, всевозможные ракушки, бесчисленные диковинки здешних краев. Я подружился с семьей, владевшей этим мелким предприятием.

Как-то я похвастался в магазине своими приключениями в Тапии.

— Мы делаем проще, — усмехнулась хозяйка магазина. — На ферме под Мурамангой мои сыновья разводят комету, уранию, ванессу Радамы и других редких бабочек. Едва бабочка высвободится из куколки, как мы усыпляем ее эфиром. Так легче сохранить бабочку в свежем, первоизданном виде. Поймать же ее сачком или, хуже того, руками и не повредить — едва ли выполнимая задача. Пред-

ставьте себе, лулупаты носятся со скоростью около 60 километров в час!

Когда я приехал к ним на ферму, сын хозяйки Шарль повел меня на прогулку по влажным тропикам сумеречного леса. В лучах заходящего солнца сверкали парусники махаоны (папилио) с голубым, изумрудным или металлическим отливом; будто обряженные в парчу, носились огненнокрылые шараксы, нимфалиды с меняющейся на глазах расцветкой, прозрачные бабочки вида акреа.

На бледно-розовую орхидею мягко спланировала дневная павлиноглазка (ванесса Радама) ярко-синего цвета.

— Эта бабочка была завезена с Реюньона в 1850 году и быстро прижилась, — сказал Шарль. — За благородный наряд ее окрестили павлиноглазкой Радамы в честь тогдашнего короля.

Размеренно, лениво покачивая смоляными крыльями, украшенными красными и белыми пятнышками, пролетел другой махаон — папилио антенор.

Мы забирались все глубже в чащу.

— Внимание! Урания! — крикнул Шарль, показывая на верхушки бамбуков, и я застыл от восторга. Прямо надо мной поднималась ввысь, ритмично взмахивая крупными, как у птицы, крыльями, самая прекрасная дневная мадагаскарская бабочка. Ей как бы доставляло удовольствие насмехаться над нашим любопытством. Наконец она сжалась и подлетела чуть ли не к моему носу. Ее крылья были окрашены в глубокие антрацитные тона, прерывающиеся зелеными, турмалиновыми продольными полосками и крапинками, то тут, то там мелькали пятна лазури, а зубчатые кончики нижней пары крыльев были оторочены шоколадной каймой. Вся эта гармоничная гамма красок была щедро позолочена, и изящная бабочка источала вокруг себя светящийся ореол. В зависимости от положения к солнечным лучам урания переливалась на лету многими красками, которых на самом деле не было в ее роскошном наряде.

— Чудо природы! — вывалось у меня.

— Любопытнее всего, — сказал Шарль, — что это самое ручное насекомое из своего отряда. Француз Катала подвергал ее гусениц и куколок воздействию различных температур и выводил уранию многочисленных и самых неожиданных оттенков, вплоть до аспидно-черного.

— Как же вы ловите уранию? — спросил я, наблюдая за ее мерным парением.

— Так же, как и сатурнию комету. Прямо из кокона. Иначе, как бы деликатно ни ловить ее, стряхнешь пыльцу, испортишь ее узоры. Кстати, бецимисарака величают ее бабочкой с восемью хвостами, а мерина — королевской бабочкой.

Мадагаскарские воспоминания неизгладимы. Когда в мыслях вдруг воскрешаются картины жителя-бытия на Тани-Бе, то весь их беспорядочный калейдоскоп успокаивающе заслоняют крылья плывущей по волнам памяти урании...

Остров с интересной судьбой

Нечасто найдешь на Земле такое средоточие красоты и романтики, как на острове Нуси-Бураха (Сент-Мари). Этот вытянутый клочок суши, 63 километра длиной и 5 километров шириной, находится близ восточных берегов Мадагаскара и похож на пирогу, плывущую рядом с громадным кораблем. Плавание к «пироге» из порта Туамасина на плоском самоходном пароме типа тех, на которых в 1944 году союзники высадились в Нормандии, — деликатная операция. В любой миг капризы погоды могут сделать приятную прогулку испытанием. Особенно тогда, когда на летний Мадагаскар надвигается циклон. С неба хлещет настоящий водопад. Видимость — несколько метров. Паром, как щепку, бросает во все стороны.

Метрах в 100—150 к западу от Сент-Мари два островка с экзотическими названиями Мадам и остров Корсаров закрывают вход в бухту, глубоко врезавшуюся в Сент-Ма-

ри. В этом заливе в конце XVII века после своих кровавых походов отдыхали пираты. На северном мыске, возле деревушки Амбудиатафа, сохранилось кладбище пиратов. Среди чащи кокосовых пальм, фалио и панданусов и сейчас можно найти заброшенные могилы бывших властителей морей. На их гранитных плитах выбит череп с двумя скрещенными костями, кое-где виднеются почти стершиеся надписи. С трудом читаю одну из них, в ней — просьба усопшего корсара похоронить его лицом к родине. По этой земле ходили известные морские разбойники — Дэвид Вильямс, Томас Тью, Томас Уайт. В 1685 году пираты обосновали здесь свою базу и на протяжении целого века совершали вылазки. Близ берегов Сент-Мари нет-нет да и обнаружат остовы полусгнивших пиратских и купеческих судов. Где-то в тайниках запрятаны и сокровища корсаров.

Когда в начале XVIII века в Западной Европе было объявлено помилование пиратов, некий Натаниэль Норт решил воспользоваться амнистией. Он отплыл в Европу на корабле «Дельфин», который после страшной бури затонул на рейде Сент-Мари. Норт и красавица малагасийка, которую он хотел увезти с собой в качестве «трофея», доплыли до берега. Увидя нагих людей, островитяне с воплями разбежались, приняв их за «детей морского царя». Только одна женщина отважилась приблизиться к ним и, прикрыв их куском ткани, привела в деревню...

В Амбудиатафе я посидел на просторном пустынном пляже, куда, по преданию, выбрался Норт. С 30-метровой высоты на берег струился водопад.

Островок Мадам — составная часть городка Амбудифутутра. Он соединен дамбами с Сент-Мари. Отсюда в былые времена аборигены занималата (потомки мулатов, происшедших от брака европейцев-пиратов с бецимисарака) охотились на кашалотов, акул, дюгоней и дельфинов. Теперь в штиль они ловят осьминогов, морских черепах, лангустов, креветок и мелкую рыбешку. Подле большого аквариума перед зданием муниципального со-

вета стоит каменный памятник — крест из кованого железа. Он водружен на месте, где зарыты черепа французов и англичан, убитых восставшими малагасийцами в Туамасине в 1845 году. Чуть поодаль — крепость XVIII века; на ее воротах — гербы короля Франции и Вест-Индской компании.

У маленького Сент-Мари большое прошлое, и самое любопытное в том, что остров и по сей день сохраняет первоначальное название — Нуси-Бураха, или Нуси-Ибрагим. По легендам, чужеземец Абрахам, или Ибрагим, приплыл сюда на дельфине, спасаясь от Всемирного потопа.

Когда он высадился на берег, на него набросилась толпа женщин и попыталась схватить его. Еле-еле он ускользнул от них и потом долго блуждал по острову и исследовал прилегающие к нему островки. Но никого, кроме тех же амазонок, там не встретил. Измученный голодом и жаждой, он нашел приют на крошечном островке у одной сердобольной старушки, осмелившейся спрятать в своей лачуге неприкаянного робинзона. Она помогла ему утолить жажду, а потерпевший крушение в знак признательности обещал своей благодетельнице, что она и ее потомки никогда впредь не испытают недостатка в пресной воде. Сказано — сделано! В месте, неведомом другим женщинам, где-то в районе залива Ампанихи, вдруг забил гейзер, который превратился в родник. Этот уголок стал именоваться Амбуабуака — «там, где бьет гейзер».

В XVII веке французский путешественник Флакур был поражен тем, что «туземцы» знают имена библейских пророков и придерживаются обычаев, описанных в Ветхом Завете. Тогда еще о миссионерах не имели понятия. Следы культуры, привезенной Абрахамом, затерялись в прошлом.

Еще совсем недавно островитяне заботами метрополии имели сразу два гражданства: малагасийское и французское. До сих пор многие его жители носят иностран-

ные имена и фамилии. Как-то я беседовал с вождем с острова Циновок по имени... Наполеон. Одного из его сыновей звали Бонапарт, дочь — Мария Луиза.

— Владелец гостиницы, француз, посоветовал мне, как благозвучнее наречь детей, — объяснил Наполеон.

Вежливость здесь — закон. Увидев незнакомца, крестьяне первыми добродушно приветствуют его, охотно отвечают на его вопросы. Поначалу, правда, боязно к ним приближаться: все они носят при себе купкупы — ножи с широким лезвием на длинной палке. Потом к этому привыкаешь. Я справился у одного из них, зачем нужны эти орудия, напоминающие мачете.

— В дождь срубить лист дерева путешественников под зонтик, расколоть кокосовый орех, — сказал он и добавил: — Купкуп — традиция. По нашим поверьям, путника с тесаком не тронут злые духи.

Во время одной из прогулок я познакомился с крестьянином Жаном-Батистом Талейраном. Он зазвал меня к себе в дом на кружку пальмового вина. Местные крестьяне живут в хижинах, сплетенных из побегов равеналы и поставленных на сваи. Талейран показал мне свое хозяйство, рассказал, как перегоняется масло из листьев гвоздичного дерева, угостил вяжущими рот кисловатыми плодами аноны.

— Мы выращиваем в основном гвоздику, ваниль и кофе, а для себя немного также фруктов и овощей, — пояснил он.

Во дворе у него росла, обвивая священную драцену, лиана с толстыми светло-зелеными побегами и едва приметными зеленовато-желтыми цветочками. Это была ваниль, самая важная на острове и во всей республике экспортная культура.

В 1828 году ваниль, родина которой Мексика, добралась до островов Индийского океана. На острове Реюньон ее посадил в своем ботаническом саду как декоративное растение француз Маршан. Долгое время ваниль была в мире редкостью и росла только в диком виде. Даже в

Мексике ее скудные урожаи шли только в закрома вождей. На чужбине ваниль не плодоносила, что рождало толки о ее «мистической душе», о «факте ботанической ностальгии». Ларчик просто открывался. Пестик ванили отделен от тычинок язычком-перегородкой. В Мексике язычок приподнимала, донося пыльцу до пестика, крошечная пчелка мелипона. В 1841 году пытливого слугу Маршана — Эдмона Альбэнса осенила мысль опылить цветок, осторожно приподняв язычок. Так ваниль стала сельскохозяйственной культурой. Уже через восемь лет на Реюньоне производилось 50 килограммов этого продукта. На Мадагаскар ваниль привезли из Реюньона в 1860 году — сначала на Сент-Мари, а потом на побережье в Самбаву. Наступая с востока в глубь Мадагаскара вверх по долинам рек Лукуху и Анкаванана, полезная лиана прижилась между 15-й и 20-й параллелями на северо-востоке.

Центр ареала — город Анталаха теперь слывет мировой столицей ванили. Температура в этом районе ровная — 25—28 градусов тепла при постоянной высокой влажности. Теплый, нежаркий климат позволяет здесь, в отличие от побережья, даже обходиться без посадки тенистых деревьев.

Ваниль, растущая на бамбуке, драцене, какао и прочих опорных деревьях, капризна и требует заботливого ухода. Женщины и дети опыляют ее цветки. Самые умелые способны за день опылить около тысячи цветков. С одного дерева в июне — августе снимают по 35—40 стручков, весом до 10 граммов каждый. В среднем же на Мадагаскаре урожайность достигает 410 килограммов с гектара.

В настоящее время Мадагаскар дает 70 процентов мирового сбора ванили — примерно 1500 тонн в год, что приносит острову десятую часть всей его валютной выручки. 260 тысяч крестьян получают от разведения ценной культуры три четверти денежного дохода.

Щедра плодами земля Сент-Мари. Личи, анона, мандарины, памплемусы, авокадо — всех фруктов не пере-

числить. Здесь я впервые попробовал кисло-сладкий плод с редкого в Африке дерева, которое местные жители зовут «эви». Листьями оно напоминает акацию. Дикорастущее анакардиевое дерево, дающее орех кешью, кажется невзрачным в этом необычайном разнообразии плодоносящей флоры. Крестьяне боготворят дынное дерево — папайю. Его вкусные калорийные плоды народные медики предписывают для исцеления желудочных заболеваний и гипертонии. Млечный сок завязи плода обладает сильным бактерицидным действием и свойством смягчать ткани. Гуляя в воде у берега, я нечаянно наступил на морского ежа. Крестьяне быстро обработали мне ступню соком папайи, затем выдавили иглу, да так умело, что на следующий день от занозы не осталось и следа. Листьями дынного дерева лечат простуду, бери-бери, гонят глистов.

В гуще леса я набрел на редкостную фиолетовую орхидею, прицепившуюся присосками к панданусу. В закрытых бухтах острова около самого берега наклонились к соленой воде невысокие ризофоры — мангровые деревья, которые легко узнать по курчавым купам. Отлив обнажал их похожие на ходули корни.

Пляжи острова, отгороженные от акул коралловыми рифами, совершенно безопасны. Плавая в маске, обнаруживаешь в изумрудном царстве восхитительный мир рыб всех форм, окрасок и оттенков, коралловые заросли.

— У наших мирных берегов даже акулы безобидны, — уверяет Жан-Батист Талейран.

На острове нет хищных животных. Единственный бич — комары и микроскопические москиты, неведь как проникающие в защищенные одеждой места. Когда-то эти разносчики тропической малярии «косили» первых колонизаторов и миссионеров.

С первого дня моей жизни на острове я пытался найти следы пребывания здесь русских моряков. Но, за исключением отрывочных рассказов, близких к легендам, ничего не находил. В апреле 1890 года здесь бросил якорь клипер «Джигит», первый российский корабль на Мадагас-

каре. «Джигиту» было поручено изучить острова Индийского океана. В «Деле о портах Индийского океана с чертежами и рисунками акварелью», которое находится в Архиве Военно-Морского Флота в Санкт-Петербурге, привлекают внимание акварельные картины острова в явно импрессионистском стиле. Среди документов доклад командира клипера капитана 2-го ранга Никонова министру. Вот отрывок из него:

«О-в St. Mary имеет небольшую высоту с холмами до 150 футов, покрыт весь растительностью, в особенности бросаются в глаза 10 кокосовых пальм, расположенных на южной вершине холма острова... Порт St. Mary расположен между о-вами St. Mary и Madame на запад от первого... На о-ве Madame сосредоточено все управление портом и о-вом St. Mary.

...Здесь же почта, склад угля и портовые магазины; все постройки заброшены и имеют ветхий вид... Вечером и ночью по большей части были штили и гроза с дождем... За 17 дней стоянки клипера дождь принимался с перерывами 17 раз...»

В начале 20-х чисел декабря 1904 года к Сент-Мари пристала эскадра адмирала Рожественского. Она стояла на рейде в проливе, отделяющем его от Мадагаскара. Чуть позднее госпитальное судно «Орел», задержавшееся в южноафриканском порту Капстаде, принесло печальную весть о гибели порт-артурской эскадры, которую шли выручать корабли Рожественского. В канун католического Рождества эскадра снялась с якоря и артиллерийским салютом в 31 залп отметила 24 декабря праздник в гавани Диего-Суареса (Анцерананы).

Русские люди чувствовали себя одинокими на этой чужой земле. «Вокруг было тихо и безмятежно, словно под жгучими лучами солнца все погрузилось в нескончаемые грезы», — пишет А. С. Новиков-Прибой в романе «Цусима». О том, что происходило в мире, по словам писателя, «трудно было что-нибудь узнать, находясь в той первобытной и дикой глуши, в какую мы попали. На острове

Сан-Мари, на этом французском Сахалине, где содержались осужденные на каторгу политические и уголовные преступники, не было телеграфа».

Теперь маленький остров стал просто чудесным клочком суши, настоящим домом для своих жителей, которые мало-помалу приобщаются к современному укладу жизни. В 6 часов утра по дорогам и лесным тропинкам, часто за 8—10 километров, тянутся в школы стайки ребятишек с портфелями на головах. Однажды я увидел промчавшуюся на вызов машину «Скорой помощи».

В некоторых дворах сентмарийки толкли в ступах деревянными пестами рис или маниок под музыку транзисторов. В эфир лилась популярная песня на слова поэта Ни Аваны:

Надежда, дай руку скорей
Тем, кого ты забыла давно,
Сердце мое отогрей,
Без тебя замерзает оно.

Надежда наконец добралась и до Нуси-Бураха.

Глава седьмая
ПРОРЫВ НА СЕВЕР
Флаги неповиновения

Все прекрасное трудно достижимо! Это особенно остро сознаешь после того, как пройдены 220 километров между Анцухихи и Амбандзой. О существовании этой дороги упоминает лишь один французский «Голубой справочник» — путеводитель по Мадагаскару. Там говорится о трассе, которую «не преодолеть без паромов».

На ней не проходит и часа без приключений. При переправе через широкую реку Маеварану на самой ее середине машина забуксовала, и ее начало засасывать в пуховое илисто-песчаное дно. К счастью, несколько крестьян строили рядом мост для пешеходов. Они поспешили к нам на помощь и вынесли машину на руках.

Другую речушку, Аномалазу, поначалу удалось обмануть, но крутой въезд на противоположный берег проезжие машины превратили в черное месиво, и его пришлось преодолевать с помощью целой деревни, которая от мала до велика расположилась под тенью нескольких деревьев в ожидании верного заработка.

На прибрежной мели мы задержались у арабской дау. Небольшая парусная шхуна длиной около 20 метров, с мачтой, резко наклоненной к носу, месяца полтора назад прибыла сюда с товаром из Аравийского моря. Два моряка счищали с бортов судна шашень — мелких двустворчатых улиток, въевшихся в дерево.

Наконец показался городок Амбандза. Мы поставили машину на паром и поплыли к острову Нуси-Бе, ради которого стоит перенести любые тяготы пути.

Глубоко изрезаны северо-западные берега Мадагаскара. Щедро разбросаны вдоль них островки: Тани-Кели (Маленькая земля), Нуси-Кумба (Остров обезьян), Нуси-Фали (Запрещенный остров), Нуси-Ирандза (Остров черепах) и другие. Самый крупный из них — Нуси-Бе (Большой остров). Он имеет не одно название. Его именуют либо Таити Индийского океана — за очаровательные пейзажи с полинезийским колоритом, за пурпурные и оранжевые закаты, обрамленные силуэтами склонившихся к морю кокосовых пальм, либо Островом благоуханий — за обилие эфиромасличных растений.

Природа и ландшафты Нуси-Бе поразительно разнообразны. На 293 квадратных километрах суши бойко журчат, пробиваясь сквозь зеленые пуши, маленькие речушки; в жерлах уснувших вулканов лежат глубокие, богатые рыбой озера. На острове есть и привольные долины, и дремучие леса, где обитают нежные лемуры и птицы, чарующие пением, вроде зеленой с красной грудкой нектарницы, обладающие радужным оперением. Берега острова обрамляют золотые песчаные пляжи. Здесь 310 солнечных дней в году, но туристы предпочитают сезон между июлем и октябрём, когда стоит сухая теплая пого-

да. В остальное время Нуси-Бе — раскаленная жаровня, кроме того, в это же время его осаждают несметные полчища комаров и москитов, на него обрушиваются сокрушительные циклоны и эпидемии тропической малярии и разного рода лихорадок.

Остров населяют бемихиситра, ветвь народа сакалава. Прирожденные мореплаватели, они полтора века назад на 16-метровых пирогах с балансирами совершали набеги на Коморские острова.

На Нуси-Бе воздвигнут памятник иланг-илангу. Это редкое эфиромасличное растение по праву разделяет славу французских духов. Иланг-иланг, жасмин, гвоздику и прочее изысканное тропическое сырье для парфюмерии выращивают на Нуси-Бе и Сент-Мари, на северо-восточном побережье Мадагаскара. Чтобы рост иланг-иланга не превышал 2,5 метра и растение лучше плодоносило, его подсекают и искривляют, тогда сок приливает к цветоносным побегам. Такая хирургия также облегчает сбор цветов. Одно дерево дает 15—25 килограммов цветков в год, а это 75—100 килограммов стойкого и душистого эфирного масла в год с гектара.

Цветы собирают ранним утром. Они должны полностью распуститься, приобрести сочный желтый цвет с красным пятнышком внутри бутона и у основания каждого лепестка. Из 100 килограммов цветков выжимают 2 килограмма масла, используемого как фиксатор для духов и одеколona. Еще И. Тургенев упоминал о понравившихся ему духах «Иланг-иланг» в романе «Новь».

Нашим гидом на острове был предприниматель русского происхождения Дмитрий Владимирович Агоев, архитектор по профессии, автор книги о Нуси-Бе. Он показал нам экспериментальные плантации кокосовой пальмы. Здесь росли деревья-карлики с огромными, тяжелыми, как дождевая туча, орехами. Чтобы сорвать их, не надо было карабкаться на десятиметровую высоту пальмы. Плоды были под рукой. Авторы высокопродуктивного гибрида из местных сортов — мадагаскарские и

малайзийские селекционеры — доказывали, что ссылки на непогоду при плохом урожае — отговорка лентяев и неорганизованных людей.

Центр океанографических исследований находится в красивой бухте в нескольких километрах от Эльвиля, главного города острова. Однажды директор Центра Жан Питон пригласил нас прогуляться по морю на катере с прозрачным пластмассовым дном. Мы мчались по синим пенистым просторам, попутно слушая рассказ о местной ихтиофауне. Сквозь днище хорошо наблюдать жизнь подводных обитателей: скатов самых разнообразных форм, дорад, желтых и белых тунцов. Рыб всевозможных расцветок было великое множество. Над одним из коралловых рифов Жан Питон заглушил мотор.

— Вот рыбка-зебу, — показал он на рыбку с рожками. — А вот смотрите — рыба-еж.

Почуввав опасность, а быть может, наше присутствие, рыба начала надуваться, ошетиливаясь иглами.

— Остерегайтесь коварной рыбы-бабочки. Ее колючки ядовиты, — заметил нам Агоев.

На банке возле островка Нуси-Милахи, заросшей подводным лесом, мы вновь бросили якорь.

— Глубина здесь до 20 метров. Однажды я видел зеленоватую морскую сирену. Еще ее называют дюгонь, или ламантин, — сказал Дмитрий Владимирович. — Вес самки ламантина доходит до 200 килограммов. Дюгони не могут оставаться под водой более четверти часа. Сакалава зовут их «трузу». Нередко животные попадают в створы плотины или в плетенные из прутьев ловушки, которые бемихиситра расставляют на рыбу. Много дюгоней погибает при отливе. В неволе ламантины долго не живут. Одна сирена прожила в бассейне Центра три месяца.

Сакалава чтут ламантинов, причисляя их к сонму предков или, по крайней мере, родственных существ. Поимка животного сопровождается оригинальным ритуалом. Рыбак первым делом обязан дать самую страшную

клятву, что он не «попользовался» своей жертвой. Затем сирену душат с помощью шнура, но никогда не убивают копьем или ножом. Голову животного вождь деревни зарывает в потайном месте, поэтому добыть клыки самца ламантина невозможно. Мясо ламантина похоже на свиное, и его любят в деревнях, хотя охота на дюгоней ограничена.

Если у побережья Мадагаскара рыщут акулы, то в водах вокруг Нуси-Бе можно плавать беззаботно.

— Есть здесь, конечно, и акулы, но мы не знаем ни одного случая нападения на людей, — заверил нас Питон.

Французский ихтиолог П. Фурмануар, работая на станции, описал 54 вида акул, встречающихся в зоне Индийского океана — от Коморских островов до южной части Мозамбикского пролива. Большинство акул в спокойной прозрачной воде безобидны. Чаще всего они агрессивны в мутной воде. И что вы хотите от чудовищ, если их мозг на многотонное объемистое тело не превышает по размеру пачки сигарет!

— Наша океанографическая станция начиная с 1960 года зарегистрировала несколько акул редких видов в водах близ Нуси-Бе. Помню, как яростно билась акула-гитара, когда мы втаскивали ее на борт исследовательского судна, — сказал Жан Питон. — Один взгляд на ее пасть, в которой уместились 42 острых зуба, вызывает страх. Местные жители любят акулье мясо, оно нежное, как у морского карпа.

В конце 1955 года на рыболовных банках к северу от Нуси-Бе была замечена 13-метровая голубовато-черная, с серебристым отливом к брюху, китовая акула. За последние 100 лет, по данным южноафриканского ученого профессора Смита, было зарегистрировано всего 20 китовых акул в здешних водах. После этого китовую акулу поблизости от «острова пряностей» видели четыре раза.

Встреченную впервые у берегов Мадагаскара редкую акулу с шестью жабрами исследователи поймали ночью на глубине 170 метров, днем же она держится на глубине

до 1000 метров. Это единственная акула, живущая и в теплых, и в холодных морях.

Песчаную акулу сакалава называют мицангой. Из ее зубов, вставленных в золотую или серебряную оправу, делают медальоны, поэтому ювелиры охотно скупают челюсти акул. Мицанга охотится на песчаных отмелях. Акула часто вгрызается в пирогу в тот момент, когда ее, вроде бы уже уснувшую, втаскивают на борт.

В деревне Амдимакабу я сфотографировал возвращение рыбака сакалава, поймавшего небольшую тигровую акулу. Длина хищницы достигала 4 метров. Она может плавать как на поверхности, так и уходить на 140 метров под воду. На глубине 80 метров была поймана акула-молот. По бокам огромной головы, напоминающей молот, зло смотрели крошечные глазки. Встречается здесь и голубая акула.

Есть рыбаки, которые ловят акул на специальный деревянный крючок, сделанный по подобию тех, которые привозили когда-то предки из далекой Индонезии. Поплавком служит лист кокосовой пальмы, а в качестве наживки используются маленькие скаты, мясо черепах (любимое блюдо многих акул), летающие рыбки и прочая живность.

Местные жители и многие европейцы любят мясо и плавники некоторых видов акул. Велик спрос на акулий жир, которым, ко всему прочему, пропитывают борта парусников и шхун, курсирующих вдоль западного побережья Мадагаскара.

Наш катер взял курс на юг.

— Вот там, между деревнями Амбалахунку и Антафи-амадиру, — показывает в сторону берега Агоев, — при отливе на метровой глубине собирают перламутровые ракушки-жемчужницы. Это занятие женщин.

Здесь ищут не только жемчуг, но и клады, поскольку в этих местах бывали пираты. На Нуси-Бе сохранились руины старинной португальской фактории. Торговали на острове и арабы. Член Малагасийской академии Нуарье

нашел у берегов медную лампу, очень похожую по форме на сказочную лампу Аладдина.

Во времена пиратов золото и драгоценные камни прятали в форштевне корабля, пробуравив там углубление-тайник. Клад законопачивали подобранным куском того же, обычно тикового, дерева. В 1693 году у берегов Нуси-Бе затонул корабль, в сундуках которого было полмиллиона золотых монет, а в 1764 году — фрегат «Глуар» с драгоценностями на борту. Где-то укрыл свои сокровища на острове пират Ла Бюс. Здесь ходит легенда о сокровищах русского императорского флота, которые в заливах Ампасиндава и Амбавутубе якобы захоронил адмирал Рожественский перед отплытием к Цусиме. Еще и сейчас в деревнях встречаются золотые пятирублевки и червонцы.

Для любой доброй открытой души Мадагаскар напоен влекущей к себе таинственностью, овеян устремленной в вечность, полной недосказанности, обещающей неожиданные открытия юношеской романтикой. На острове есть много неповторимого, того, чего не найти больше нигде на свете. Для описания местной растительности и животного мира на других языках нет слов, поэтому на Мадагаскаре подчас немеешь, не в силах описать увиденное, свои впечатления. Не случайно сюда всегда тянуло творческих людей, в том числе и русских.

Как-то я прочитал высказывание А. И. Куприна о французах и Мадагаскаре. «Славный народ, но не говорит по-русски, в лавочке и в пивной — всюду не по-нашему... — писал он. — А значит это вот что — поживешь, поживешь, да и писать перестанешь. Есть, конечно, писатели такие, что их хоть на Мадагаскар посылай на вечное поселение — они и там будут писать роман за романом. А мне все надо родное, всякое — хорошее, плохое — только родное».

На далекий остров на краю света тянуло Чехова. Писатель, любивший путешествовать, не раз уговаривал своих друзей: «Послушайте, вы же молоды, здоровы, чего бы вам не поехать на Мадагаскар? Или в Китай? Это же замечательно».

Остров пленил А. Новикова-Прибоя, вдохновлял К. Бальмонта, не говоря уже о плеяде французских литераторов, писавших на Мадагаскаре и о Мадагаскаре.

Мне же еще до поездки в Индийский океан просто мечталось побывать там, где в конце 1904 — начале 1905 года волей судеб бросил якорь российский флот, плывший навстречу цусимской трагедии, мне очень хотелось поискать следы пребывания русских моряков, посидеть у их могил... И эта мечта сбылась.

Хочу сказать еще несколько слов о Дмитрие Владимировиче. Русский человек по натуре добр и отзывчив, а на чужбине эти его свойства проявляются во всю ширь: он всегда выручит земляка. Именно таким он мне и запомнился. Судьба Дмитрия Владимировича похожа на легенду. Семилетний терец — сын генерала Агоева и родной племянник головного атамана терского казачества, сражавшихся против красных в Гражданскую войну, — оказался в эмиграции. Повзрослев, окончил Лувенский университет, получил степень магистра геологических и минералогических наук, стал архитектором-строителем. Ненависти к России никогда не испытывал — его томила лишь горечь разлуки, тоска по родной земле. Как только вспыхнула Вторая мировая война, архитектор не задумываясь надел мундир офицера бельгийской армии.

— «На родину грех обижаться, а сводить с ней счеты — просто преступно», — учили меня отец и дядя. Они воевали под Одессой и в Крыму. В Гражданскую люди по обе стороны бились за идеи, за то, что считали справедливым, за лучшую Россию в своем представлении. Но никогда не боролись против России, — сказал однажды Дмитрий Владимирович.

Редко можно встретить человека, столь влюбленного в свою землю, как он. На Нуси-Бе он как-то повез меня на креветочный завод, директор которого был его другом. Там мы приобрели «по блату» прямо с рыболовного судна несколько увесистых мороженных креветок и омаров. Директор, как и подобает истому французу, был веселым

словоохотливым человеком. Мы разговорились, и я из вежливости и благодарности восхитился отборными размерами креветок.

Дмитрий Владимирович тут же возразил:

— У нас в России они крупнее. Вот примерно такие, в длину руки.

Я улыбнулся и спросил:

— Где же вы таких видели?

Он даже чуть побагровел и перешел с французского на русский:

— А раки! В Тереке и на Дону!

Я только разинул рот и протянул:

— А-а-а... ра-а-аки...

— Я тут о России с душой и любовью рассказываю. Большую работу, можно сказать, с французами провожу. А вы приезжаете на несколько дней и сразу все портите, только мешаете правду о Руси рассказывать.

Мне оставалось лишь, потупив глаза, повиниться и втихомолку восхищаться им, его преданностью стране, в которой он практически и не жил. Голос крови великое дело!

В погожий солнечный день Дмитрий Владимирович привел меня на старинный, почти заброшенный погост на северо-западной окраине Эльвиля. Среди безымянных мусульманских надгробий, готически выверенных католических и протестантских крестов, уже редких памятников пиратам, рядом с могилой французского корсара словно чужие понуро стояли два проржавевших одиноких православных креста из корабельной стали, вделанные в бетонные постаменты. Я уже прежде приходил сюда, но не отыскал их.

Обтерев тряпицей зеленовато-бурую патину и пыль с медных табличек, я прочитал: «Алексей Лубошников. Матрос российского императорского крейсера «Урал» — 31 декабря 1904 года»; «Анатолий Попов. Прапорщик по механической части императорского крейсера «Урал» — 30 декабря 1904 года». Я сфотографировал надгробия.

И вовремя. Потом эти таблички исчезли. Мне рассказали, что табличку с могилы Лубошникова свинтил японский турист.

По словам эльвильцев, еще в 30-х годах таких крестов было 15 или 16.

Впоследствии Дмитрий Владимирович, написавший увлекательную книгу о Нуси-Бе, помог мне отыскать две неопубликованные рукописи свидетелей захода русских на Мадагаскар. Автором воспоминаний «20 лет на Мадагаскаре» был француз, председатель сельскохозяйственного управления Нуси-Бе Поль Локаму, наживший состояние на снабжении царской эскадры. Другие мемуары оставил владелец магазина и популярного среди русских офицеров ресторана «Кафе де Пари» Андре Мортеж.

К тому времени, когда я впервые приехал на кладбище в Эльвиль, минуло почти 80 лет со времени цусимской трагедии, когда Россия без всякой надежды на успех втянулась в войну с Японией и снарядила на помощь блокированному японцами Порт-Артуру десятки кораблей под командованием вице-адмирала З. Н. Рожественского. В самых неблагоприятных условиях был тогда поставлен до сих пор никем не побитый рекорд: никогда еще чей-либо флот в составе нескольких эскадр не совершал столь дальний переход вокруг Европы, Африки и Азии.

Тернистым было все плавание российской армады. Первые жертвы появились в Дакаре. Там по приказу Рожественского загрузили углем не только трюмы, но и многие свободные помещения вплоть до батарейных палуб. Жара в Дакаре не спадала ниже 40 градусов. Густые угольные облака окутывали суда. Уголь был везде, даже в пище. На эскадренном броненосце «Ослябя» от «угольной лихорадки» скончался сын русского посла в Париже лейтенант Нелидов. Едва Дакар скрылся за горизонтом, на транспорте «Корея» сошел с ума матрос. Аналогичный случай произошел на броненосце «Орел». Но пределы нелепой гибели моряков были перейдены на Нуси-Бе, где в заливах Ампасиндава и Амбавутубе была долгая стоянка.

В начале 20-х чисел декабря 1904 года эскадра остановилась у острова Сент-Мари в проливе, отделяющем его от Мадагаскара. Чуть позднее госпитальное судно «Орел», задержавшееся в Капстаде, принесло печальную весть о гибели порт-артурской эскадры, выручить которую надеялся флот Рождественского.

Моряков послали на верную смерть, они это предчувствовали, и настроение у них было подавленное. Эскадра состояла главным образом из старых, тихоходных кораблей с орудиями, дальноточность которых заметно уступала японским. Позже на мысе Доброй Надежды подобрали бутылку с запиской, сброшенную кем-то из русских. «Пусть рыбаки, которые, быть может, найдут и прочитают это письмо, помолятся за тех, кого посылают на гибель, за то, чтобы эта ужасная война поскорее кончилась», — говорилось в этом письме, которое опубликовала газета «Кейп аргус».

13 февраля 1905 года в эскадру влились крейсера «Олег» и «Изумруд», вспомогательные корабли «Рион» и «Днепр» и два миноносца. Они привезли прессу, сообщавшую о революционных событиях в России. «Впечатление, произведенное на 10 тысяч моряков, изнывавших в атмосфере лихорадочной неизвестности на рейде Нуси-Бе, было чрезвычайно глубоким, — писал англичанин Ричард Хоу в книге «Флот, осужденный на смерть». — Тайные собрания проводились на всех судах». Торговец Локаму передает разговоры русских моряков о надвигающихся событиях: «Какой будет русская революция? Один весьма нигилистически настроенный офицер говорил о том, что революционное движение, когда оно проявится в массах населения, разбросанных на огромных расстояниях друг от друга, будет всепокрушающей, неодолимой силой. Этот офицер думал, что час революции близок и что сигнал будет дан общим мятежом флота и армии. Флот, рассуждал он, уже наготове, и первая искра воспламенит порох».

«Русские ежедневно посещали мой магазин, — дополняет картину Мортаж, — что позволило мне убедиться: у

большинства офицеров, особенно врачей и механиков, были весьма передовые идеи. Доктор с броненосца «Бородино», которого легко можно было принять за парижанина — столь лихо он изъяснялся по-французски, — сказал мне, едва переступив порог магазина: «О господин Мортаж, сегодня или завтра мы будем петь «Марсельезу» или «Карманьолу». От старшего механика крейсера «Светлана» я услышал: «Зачем нам эта война с Японией? Это непатриотическая война».

День за днем один или несколько кораблей под традиционные одиночные выстрелы выбрасывали флаги неповиновения. На «Урале» разжаловали офицера за избиение капитана. Арестантские помещения были переполнены. Рождественский решил отправить арестанта на транспорте «Малайя» на родину. Накануне отплытия там поднялся бунт. Мятежники арестовали офицеров и захватили судно. Моряки сдались только после того, как флагманский броненосец «Князь Суворов» нацелил орудия на «Малайю» и на ее палубу высадился вооруженный отряд.

Моральный дух экипажей подтачивала коррупция. Локаму, сам, видимо, прожженный плут, поведал, как мошенничали интенданты, вымогая скидки для себя и своих начальников. «К каждому оплаченному счету меня вынуждали прилагать несколько бланков, оформленных как оплаченные, которые были нужны якобы для перевода счетов на русский язык, — пишет он. — Эти счета, как мне потом рассказывали, служили оправданием расходов высшего офицерства. Перед отплытием эскадры хищения достигли умопомрачительных размеров. Видно было, что эти офицеры предчувствовали скорую гибель и старались обеспечить будущее своих семей». Неприглядность своего поведения они осознавали, а один из них откровенно объяснил Локаму: «Все это надо отнести в пассив нынешнего общества, будущее сведет свой баланс».

Впрочем, многие оценки Локаму спорны. Изрядно погрели себе руки в те дни и французские дельцы. Как признал Локаму, «во время прощального визита адмирал

Рожественский объявил администратору провинции, что его эскадра была ограблена коммерсантами Нуси-Бе, которые оказались алчнее евреев Танжера».

16 марта 1905 года флот снялся с якоря. «Весь Нуси-Бе был в порту и на холмах до тех пор, пока русские корабли не скрылись из виду. Музыканты на двух французских эсминцах играли «Марсельезу». С нескрываемой грустью люди наблюдали за исчезающими на горизонте русскими кораблями», — писал Мортаж в неизданных мемуарах, которые я обнаружил на Нуси-Бе в июле 1975 года.

После поражения под Цусимой транспорт «Анадырь», принявший на борт спасшихся моряков с вспомогательного крейсера «Кубань», пришвартовался в Диего-Суаресе, на северной оконечности Мадагаскара. Население и власти с энтузиазмом встретили русских, сообщает А. Мортаж. Четыре дня «Анадырь» стоял на рейде. Позднее командир корабля прислал телеграмму, в которой благодарил город за сочувствие и хороший прием.

Добрую память оставили моряки среди местных жителей народности сакалава. Впервые белые обращались с ними как с равными. Русские не грабили, не пытались надуть их. Они платили сполна за каждый апельсин или банан. Один француз, вспоминая об эскадре, писал об «отсталости русских, обращавшихся на равных с туземцами».

Перед моим отъездом из Нуси-Бе Дмитрий Владимирович заехал в гостиницу и предложил встретиться с очевидицей давних событий.

— Есть тут такая старушка-долгожительница! Примечательная личность, я тебе скажу! Русских обожает, — сказал он.

И вот мы перед хижинкой — образцом африканской пальмовой архитектуры всех времен и народов. С четырех ее углов возвышались деревья с широкими, крупными лопухообразными листьями, отходящими прямо от ствола. Согласно тамошним преданиям, это растение отводит молнии.

— В юности я была прекрасна, — кокетливо прошамкала темнокожая и сморщенная хозяйка хижины, когда мы сообщили о цели визита. — Русские были незабываемо милыми людьми. С сакалава они обращались как с друзьями. О, это были brave парни! А как им нравились наши девушки! — При этих словах лицо старушки озарилось улыбкой и залучилось тысячью морщинок.

— Бабушка, а у вас ничего не осталось от тех времен?

— Как же, самые дорогие реликвии!

Она проковыляла к сундуку, сплетенному из волокон пальмы рафия, извлекла из него стакан, почти наполовину наполненный золотыми червонцами и пятирублевыми монетами.

— За все они платили золотом, а я была такая молодая и такая красивая...

— Бабушка, — с деланным равнодушием сказал я, оглядывая нищее обиталище. — Вы бы не уступили хотя бы одну монету за приличное вознаграждение?

— Что ты, родимый! Разве можно? Это же память о моей далекой юности. Память не продают. Вот уму — можете взять у наследников даром.

И она снова погрузилась в воспоминания, бурча себе под нос:

— Какие это были мужчины! Даже деньги давали!

Дмитрий Владимирович улыбнулся:

— Я давно уже упрашиваю ее уступить мне что-нибудь из заветного сундука. Тщетно! Человек, в каких бы условиях он ни жил и в каком бы состоянии ни находился, не может жить без светлых воспоминаний.

В гротах

Едва рассвело, как паром перевез нас на Мадагаскар, и мы взяли курс на Анцеранану. Километров через 100, миновав плантации сахарного тростника, мы, свернув с шоссе на проселок, сделали небольшой крюк в 20 кило-

метров к гротам Анкара. Гористый край Анкарана (на наречии цимихети — «острая скала») тянется от сахарных плантаций вдоль берега почти до горы Амбр (1475 метров). Гранит и базальт задают тон здешнему пейзажу. Лишь речушка Анкара мечется среди скал, устремляясь к Мозамбикскому проливу. Не в силах перевалить через каменную кручу, она приноравливается к трещинам и расщелинам в скалах, упорно долбит в них подземные туннели, завивается под землей, с умением скульптора вырезая в породе удивительные гроты.

В сухой сезон Анкара — это ручеек с прозрачной водой. В период дождей она вздувается, становясь полноводной рекой. Ее вода, коричневая от грязи, течет стремительно, шумно. Подступиться к гротам невозможно. Мы приехали сюда, когда вода в Анкаре начала спадать, но река еще совсем не обмелела. В Амбилубе нам посоветовали взять проводника по имени Рангунци.

— Мы поплывем по Анкаре, как по Волге, — пошутил Рангунци, рассаживая нас на пироге так, чтобы она не перевернулась.

Каждый из нас вооружился фонариками. Рангунци ловко лавировал на лодке среди огромных валунов. На носу пироги светила большая керосиновая лампа. Иногда нам казалось, что утлое суденышко с обгрызанными бортами вот-вот стукнется о камень, но опытный лодочник вовремя менял направление.

В глубоких местах здесь было много крокодилов. Временами Рангунци сворачивал в один из протоков и командовал:

— Нагнитесь!

Мы падали на дно пироги, чтобы не задеть лбами надвинувшуюся твердь сузившегося прохода. Один раз неустойчивая пирога резко закачалась от сильного толчка. Проводник успокоил нас:

— Не бойтесь. Крокодилы тут безобидные. Они убегают от малейшего шороха. Достаточно хлопнуть палкой по воде, бросить в речку несколько камешков или выстрел-

лить из ружья, чтобы они трусливо расползлись по логовищам.

Антанкарана считают гроты священными. Их предки там укрывались в трудные дни жизни. В гротах захоронены останки именитых королей. Вот почему туристов пускают туда только с проводником.

Когда неприятель оккупировал страну, антанкарана переживали тяжкое время в подземелье. Проникнуть туда было нелегко. Через скрытые выходы на поверхность со стороны пролива жители запасались продуктами.

Антанкарана верят, что утопленники живут под водой в виде сказочных духов — покровителей рода. Их зовут антандрану. По поверьям, души членов королевской семьи переместились в оболочку живых людей и дают о себе знать во время церемоний трумба.

Этот старинный обряд был распространен во многих районах, особенно среди сакалава и бара, для предсказания будущего, а также для лечения больных. Во время танца в атмосфере всеобщего иступления медиум — обычно им бывала женщина, — впадая в транс, становился как бы посредником между духами и людьми. В него, по поверьям, вселялся дух царственного предка, который заставлял медиума вещать от своего имени. Иностранцу на трумбу, если она еще где-то и проводится, попасть трудно. Надо достаточно пожить на острове, войти в доверие к малагасийцам, чтобы быть на него приглашенным.

Между Амбилубе и Анцерананой мы вновь поехали по неровной пыльной тропе к деревне Анивурану (по-малагасийски — «посреди воды»).

На пороге одной из хижин у околицы мы увидели группу женщин. Они сидели нарядные, веселые и жевали листья растения лаингомаибу (сифомерис лигнум), которые не совсем приятно пахнут, но, как говорят здешние жители, обладают свойством делать зубы белоснежными. Перед употреблением листья покрывают какой-то черной смолой.

— Попробуйте, — протянула мне листик одна из красавиц.

Я вежливо отказался и пояснил, что мы хотели бы осмотреть озеро Антанаву.

— Наш сосед Рахуну как раз собирается туда, — сказала женщина, только что угощавшая меня.

Мы тут же наняли его в качестве проводника.

— Вам повезло, — сказал Рахуну. — Сегодня у священного озера праздник.

Он повел нас к озеру Антанаву («приподнятая деревня»), которое покоилось в обрамлении вечнозеленых деревьев на дне уснувшего вулкана. Продолговатый водоем был заключен в створе холмов.

— Я расскажу вам легенду об озере, — предложил Рахуну. — Давным-давно на его месте была небольшая деревушка Антанаву. Ее жители слыли в округе за невероятных скряг и отличались нелюдимостью. Однажды к ним забрел старик из рода зафицимахиту. Его томила жажда.

Зафицимахиту — родственники антаймуру, слывающих на острове искусными колдунами и чужаками.

— Жители, неприязненно относившиеся к чужакам, отказались напоить его водой, — продолжал Рахуну. — Лишь одна пожилая женщина сжалилась над ним. В благодарность старый колдун посоветовал ей немедленно покинуть деревню с детьми и пожитками. Он предупредил ее, чтобы она никому не говорила об этом. Как только ее семья оставила деревню, старик вышел на площадь и воскликнул: «Люди этой деревни! Я проклиная вас. Пусть вы никогда не разлучитесь с водой, которую вы пожали для меня. Да утонет ваша деревня, а вы сами обратитесь в водных существ».

— Что же было дальше?!

— Старик колдун ушел. И сразу же затряслась земля. Деревня рухнула в пропасть и исчезла под водой.

— А вы хорошо знаете все подробности трагедии, — заметил я.

— Та женщина и ее дети были моими предками, — ответил Рахуну. — Мой дед говорил, что узнает в крокодилах Антанаву своих предков. Самые старые из нас, потомки детей счастливицы, нет-нет да и приметят знакомые черты предков среди страшных на вид существ. Мы кличем их Мбути, Бакари, Калу, Жау, то есть именами давних родичей. Детей мы нарекаем теми же именами ради скрепления союза живых и мертвых. Такова легенда.

Очевидно, катаклизм в Антанаву застал крестьян деревни врасплох. После землетрясения образовалось озеро, в которое каким-то образом попали крокодилы.

Одно упоминание о крокодиле вызывает у малагасийцев беспокойство и даже подчас смятение. Цимихети и некоторые другие народности считают крокодилов и кабанов самыми могучими существами на свете. С акулами здесь сталкиваются лишь жители побережья. На западе острова из крокодила сотворили настоящее божество, и до установления христианских церквей в начале XIX века там регулярно устраивались торжественные церемонии подношения жареного мяса. По окончании трапезы произносилась пламенная речь, после которой священное существо ретировалось в воду. В 30-х годах XIX века перед тем, как перейти реку, пресмыкающегося просили не нападать, бросали деньги или же показывали ему талисманы против крокодилов.

Одним из таких оберегов был нифимбой — зуб, который вырывался у живого священного крокодила. В конце специального живописного ритуала на спутанные лапы беззубого кумира нанизывали серебряные кольца или большие серебряные браслеты и отпускали его в водоем. Зуб-талисман предназначался не только для того, чтобы обезопасить человека от зубастой рептилии, но и для того, чтобы сделать его сильным и неуязвимым. Внутри зуба набивали порошок из различных перетертых укрепляющих растений и средств. «Крокодил силен в воде: воины также будут могучими в ней, как и он. Раз все боятся его, то и воинов тоже будут бояться», — скороговоркой приго-

варивал жрец при этом. Для усиления этих чар к ним прибавляли чешуйки крокодила. Наиболее реалистично жрецы предостерегали своих подзащитных от самообольщения и призывали при всем при том к осторожности: «Голодный крокодил добычи не выбирает», «На голодного крокодила никакая ласка не подействует».

В разных вариациях историю обожествления крокодила я слышал во многих районах острова. Во всяком случае, два-три века назад в нем видели Бога. В водоемы, где жили крокодилы, опускали останки королей, вождей и знаменитых воинов. Крокодил стал дедушкой, просто предком. Его не едят до сих пор, а жертвы приносят. Еще бы — предки нынешних крокодилов ели предков нынешних людей, так что связь между рептилией и человеком просматривается довольно четко.

Однако, как бы малагасийцы ни боготворили крокодилов, но, судя по народным пословицам, истинную цену коварным существам они знают. «Сотворил Бог крокодила. Существо это некрасивое, но совершенное», — вздыхают они, напоминая, что во всякой вещи есть свои недостатки. Более откровенные разводят руками: «Сотворил Бог крокодила: хорошего мало, да дело сделано», «Страшнее крокодила зверя нет», «Крокодилу кланяются не из любви, а из страха», «Крокодил, упустив добычу, злится на нее».

Однако из общения с грозным грязновато-зеленым чудовищем можно извлечь и немало полезного. В общении старших с младшими нередко слышишь такие мудрости: «Свиреп крокодил, да других крокодилов не кусает», «Когда дерутся крокодилы, разнимать их не стоит», «Копье, брошенное в крокодила, назад не вернешь», «И крокодил не съест, если войти в реку толпой», «Река рождает крокодила, родник рождает реку», «Когда в озере крокодилы умирают, там купаются даже дураки»...

Когда мы прибыли к озеру, праздник начался. Еще издали слышались песни и панегирики самому большому животному Мадагаскара. Животных, превосходящих кро-

кодила силой и величиной, островная фауна не знает с незапамятных времен. Цимихети на северо-западе считают крокодилов и кабанов самыми могущественными существами в мире.

У южной оконечности озера была узкая полоска пологого берега. Метрах в 10 от воды росло священное дерево, которое легко было распознать по белевшим перед ним костям и насаженным на шестах вокруг дерева черепакам зебу. В 15 метрах от капища толпились участники обряда. В первом ряду женщины в нарядных платьях, за ними сидели и стояли мужчины. Все пели, прихлопывая в ладоши. То и дело в круг выскакивали два-три танцора. Плясали, не трогаясь с места, двигая только корпусом и руками. Уставших сменяли тут же. «Хорошего танцора видно по рукам», — подмечает пословица. Суть мадагаскарских танцев, особенно у мерина и бецилеу, — это игра рук.

Тишина наступила, когда знахарь обратился к озеру.

— Помогите нам избавиться от хворей и голода, разделите с нами веселье... — взывал он к крокодилам.

Один из мужчин молниеносным движением перерезал острым ножом горло присмирившему в путах быку, а несколько других крестьян проворно начали свежевать тушу, делить ее на части.

Знахарь положил филейный кусок у берега. Прошло несколько часов, во время которых продолжались пения и пляски, когда в середине озера стали показываться головы крокодилов. Рептилии совершили несколько кругов, а затем дружно поплыли к берегу. Все заворуженно следили за крокодилами. Первое пресмыкающееся выползло на берег, одним махом проглотило, закинув голову, кусок и, не обращая внимания на пение, погрузилось в воды озера.

Все, особенно дети, хлопали в ладоши и смеялись. Крокодилы выползали один за другим.

— Получи, Мбути! — бросал кусок очередному гостю знахарь. — А теперь твоя очередь, Бакари! Калу и Жау, не торопитесь, настанет и ваш черед...

Знахарь старался никого не обидеть и беседовал с ними как с друзьями. Остатки туши крокодилы терзали без посторонней помощи.

Между тем к предкам обращались за помощью их потомки. Одни просили послать деревне хороший урожай, другие — вылечить их от недуга, третьи — помочь в тяжбе или споре. Одна женщина умоляла вылечить ее от бесплодия. Девушки, как полагается в их возрасте, с притворной стыдливостью просили послать доброго жениха.

— Крокодилы всегда откликаются на зов деревни? — спросил я Рахуну.

— Случается, что крокодилы не выползают на берег.

— Что же вы тогда делаете с забитым зебу?

— Делим между собой поровну.

Покидая озеро, мы прокричали несколько раз на тихой северной стороне бассейна, и один крокодил милостиво выглянул из воды на наш зов...

Тайна и капризы Анцерананы

Мадагаскарский север давно привлекал внимание любителей чужих земель удобством своего стратегического положения, бухтами, защищенными от циклонов, удобными стоянками для кораблей. Стратегам из-за моря казалось, что, завладев им, можно безраздельно хозяйничать в западной части Индийского океана. 10 августа 1500 года португалец Диего Диаш пристал в бухте, которая по размерам уступает лишь заливу Гуанабара в Рио-де-Жанейро. В 1605 году сюда причалил португальский адмирал Фернан Соареш. Возникший порт и сам залив окрестили по имени двух моряков — Диего-Суаресом. В 1883—1885 годах Франция одержала верх в кровопролитной войне с Мадагаскаром, и адмирал Миот овладел портами Диего-Суарес и Вухемар. За 10 лет до полного захвата французскими колонизаторами всего острова Диего-Суарес уже стал колонией.

До 1975 года здесь находилась основная военно-морская база Франции в Индийском океане. В 1979 году правительство республики переименовало Диего-Суарес, являющийся центром Северной провинции, в Анцеранана («порт» — на диалекте цимихети).

Город спланирован по современным градостроительным канонам. Его как бы пронизывают три прямые магистрали: бульвары Свободы и Этьен и улица Кольбера. Все они в конце пересекаются улицей Ришелье, на которой теснятся административные здания. Высокий выступ, вклинившийся между заливами Дордонь и Мельвиль, занимает больница. Отсюда просматривается вся бухта. Юго-западная окраина города раньше была объявлена колонизаторами «запретным районом». Теперь можно свободно погулять по местам, еще сохранившим названия: Квартал колониальной артиллерии, Казармы колониальной пехоты, Поле для маневров. На бывшей военно-морской базе сооружен сухой док, где ремонтируются двигатели, обшивка и поврежденные винты океанских судов. Портовики одновременно обслуживают четыре судна, из которых одно стоит у причала.

Обогнув залив с юго-востока, мы попали на пляж Рамена, куда по выходным дням стекаются любители морского купания. В гостинице «Равинала» оказались свободные номера. Из ее окон лучше виден вулканообразный островок — Сахарная головка.

Изредка на островке, очертания которого и впрямь будто скопированы с сахарной головы, проводят обряд поклонения предкам — фидзуруана — с жертвоприношениями зебу. К северу от островка, на берегу материка, вздымается скала — гора Французов. Здесь стоял в 1885 году первый гарнизон военной базы.

На вершине горы Французов я размышлял об увлекательной загадке мадагаскарской истории — легендарной республике Либерталии (или Либертатии). Местные жители пожимали плечами, когда я просил их показать, где же находилась республика. Большинство не знало, что

это такое. Но существовала ли вообще республика-призрак, которая описана лишь во «Всеобщей истории пиратов» капитана Чарльза Джонсона, вышедшей в 1728 году. Молва, а за ней некоторые историки утверждают, что капитан Джонсон — не кто иной, как писатель Даниэль Дефо. Отсюда и другая догадка: гипотетическое государство рождено фантазией писателя. В бюллетене Малагасийской академии французский ученый М.-Т. Ардиман высказывает предположение, что, возможно, Дефо, удрученный возрастающей поляризацией богатства и нищеты в Англии, хотел противопоставить обществу несправедливости свой идеал в виде «флибустьерской республики равенства и братства».

Легенда о Либерталии отражает давнюю мечту человечества о счастье, братстве и равноправии. В конце XVII века в Генуе подружились моряк Миссон и доминиканский священник Караччиоли, который вскоре расстригся и поступил матросом на корабль «Виктуар». Друзья, увлекшиеся идеями Т. Кампанеллы, поклялись отдать жизнь освобождению людей от власти золотого тельца, а средством для этого избрали пиратство.

В 1694 году около сотни морских разбойников, их жен и несколько рабов-африканцев высадились на скалистые берега залива. Миссон, Караччиоли и их друзья решили объявить республику, где «сильный не будет забивать слабого». «Мы провозглашаем равенство всех без исключения людей», «Мы творим добро угнетенным, бьемся с их угнетателями», «Наши помыслы сосредоточены в стремлении к Свободе», — гордо заявляли трибуны Либерталии. Принципы либеров — жителей страны — звучали как вызов миру, привыкшему на практике попираť свои лучшие декларации. В книге Тома Нарсежака и Робера де ла Круа «Либерталия, или Пират, ниспосланный Богом» провозглашение десяти принципов прав и обязанностей граждан Либерталии датируется 6 марта 1703 года.

Все либеры были равны независимо от расы, прошлых дел или особых заслуг. Частная собственность была отме-

нена. В городе была общая казна из разных товаров. Из нее по надобности распределялось необходимое между гражданами, выдавалась пенсия нетрудоспособным и старикам. Деньги внутри республики не имели хождения. Надо сказать, что казну пополняли за счет пиратства.

Миссон поощрял браки флибустьеров на малагасийках, поскольку со временем замыслил превратить Либерталию в столицу свободного острова. За оскорбление африканца, за ругань и пьянство публично наказывали палками. Разноплеменным было население страны грёз — англичане, итальянцы, французы, голландцы, португальцы, арабы, африканцы, сплоченные единым идеалом свободы. Ее гражданином стал и отважный пират Томас Тью.

Либерталия, обосновавшаяся на крутом берегу залива, была обнесена крепостными стенами с пушками на бастionaх. Ее флот насчитывал несколько кораблей. Эскадра из пяти португальских кораблей пыталась штурмовать крепость, но была разгромлена. Республика была бельмом на глазу у европейских монархов. Не понимали ее утопических целей и малагасийцы, для которых граждане странного города были иноземцами, чужими. Развязка наступила, когда Миссон с флотом однажды ушел в плавание на север, оставив в заливе небольшой бот.

Отряды воинственных племен из внутренних районов, объединившись, подкрались ночью к крепости и неожиданно атаковали ее с суши. Население — в основном старики, женщины и дети — было вырезано. Тем более что все укрепления Либерталии смотрели на восток, к морю. Лишь горстка людей доплыла до бота и успела выйти в море.

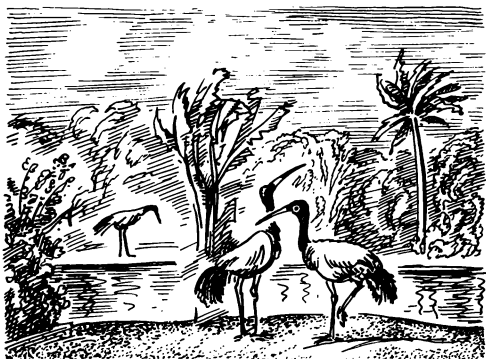
Через несколько дней флот Миссона, вернувшись, обнаружил одни развалины. А еще несколько дней спустя во время бури восточнее мыса Доброй Надежды, близ мыса Игольный, погиб шлюп Миссона со всей командой.

Была ли республика, которую описал капитан Джонсон, реальностью? Историкам предстоит еще раскрыть

эту тайну. Есть смутный намек на существование личности Т. Тью. В книге «Здесь, посреди океана» малагасийский ученый Л. Рамарусун пишет об отце королевы Бети, царе-метисе Рацимилаху, который был сыном Томаса Уайта (или Томаса Тью), английского пирата, и принцессы северных бецимисарака Рахены. Рацимилаху основал королевство бецимисарака. Этот факт подтверждает и другой историк — Рабеарисон в книге «Цимихети перед лицом своей судьбы».

Минули годы. Изменилась Анцеранана. Теперь портовый арсенал — ведущее государственное предприятие. На ремонт в нем швартуются и российские суда, которым прежде заход сюда был запрещен.

Глава восьмая

ЧЕРТЫ ГРЯДУЩЕГО В НАСТОЯЩЕМ

Чудесные открытия с Пьером Буато

Дружба с Пьером Буато — сердечным человеком, известным ботаником и историком — помогла мне познать Мадагаскар. Однажды, когда мы прогуливались по ботаническому и зоологическому саду в столичном районе Цимбазаза, он подвел меня к громадному гранитному осколку, служившему крышей старинному склепу.

— Как ты думаешь, откуда и каким образом эта глыба попала сюда?

— На деревянных катках? На волах?.. — стал гадать я.

— Ни то, ни другое, ни третье. Ее принесли сюда на руках из самой Амбухиманги.

— Невероятно! Маленькие малагасийцы, и вдруг на руках?

— Тем не менее местные жители утверждают это. Они говорят, что, перед тем как таскать сверхтяжести, их предки пили какой-то настой из коры и листьев одного дерева и становились необычайно сильными. Я ишу это чудодейственное растение. Но, к сожалению, никто не помнит, что это за дерево... Найти его — мечта моей жизни.

...В 1933 году выпускник агрономической школы в Париже 22-летний Пьер Буато прибыл на остров с дипломом «специалиста по тропической агрономии, инженера-садовода». Накануне поездки, определившей его судьбу, юноша успел пройти курсы директоров ботанических садов при Музее естественной истории. Поначалу он обслуживал в Антананариву сады колониальных сановников. Его предложение создать центральный ботанический сад генерал-губернатор отверг, пожурив молодого чиновника за «вольномудство». Однако Буато проявил строптивость. Когда его друг — начальник Управления парков и садов — уехал на полгода в отпуск во Францию, Пьер не замедлил реализовать свой замысел.

— В отсутствие друга я обратил часть бюджета не на благоустройство садов чинуш, а на создание зооботанического сада Цимбазаза, — рассказывал он. — В известном смысле это, конечно, было растратой. Мне грозили обвинения в казнокрадстве, но я знал, что Мадагаскару нужен парк — центр исследований флоры и фауны.

На месте Цимбазазы тогда были рисовые поля, небольшое озеро в складках голых холмов. Из сада генерал-губернатора Буато привез в парк клетку со страусами, первыми животными ныне богатого зоопарка. На холмах были высажены растения. Помогал Буато Перье де ля Бати, привозивший из глуши лесов и из саванны растения. Буато пересаживал их в сад, сам совершая вылазки в леса восточного побережья для сбора растений. В 60 километрах от Тананариве он основал станцию, где выращивались орхидеи и пальмы.

Вдоль озера парка — любимого места белых и черных ибисов — были возведены естественные изгороди из бамбука. Бамбуковый частокол защищал даже от ураганных ветров.

В 1936—1937 годах Буато и его друзья стали издавать журнал «Флора Мадагаскара». С 1936 года они наладили сотрудничество с Музеем естественной истории в Париже, пополняли мадагаскарский гербарий, включающий теперь 160 томов.

— Некоторые из растений, хранящихся в гербарии, я уже больше никогда не встречал, хотя исходил остров вдоль и поперек, — говорил Буато.

Участвовал молодой ботаник и в составлении фундаментального исследования «Флора Мадагаскара», насчитывающего 81 том, под общей редакцией профессора Гумберта.

К началу Второй мировой войны Буато выпустил несколько оригинальных научных трудов, среди которых «Вклад в изучение роли света в растительной экологии на Мадагаскаре». Война помешала работе.

Мадагаскар привлекал гитлеровскую Германию своим стратегическим положением, поскольку она отводила особое место в своих притязаниях на мировое господство поэтапному созданию собственной колониальной империи, скорейшему установлению контроля над зоной Индийского океана посредством «длительной оккупации и захвата территории».

11 ноября 1940 года ведомство Риббентропа предоставило проект захвата Африки, предусматривающий, в частности, «передачу Германии Мадагаскара». 3 июня 1940 года в меморандуме штаба руководства военно-морскими операциями говорилось: «Огромное значение имел бы захват одной или нескольких баз на островах, расположенных невдалеке от побережья Африки, а также овладение Мадагаскаром и французскими островами в Индийском океане». Для начала германские фашисты планировали «создать на Мадагаскаре особое государство» руками ви-

шистов, о чем писал в меморандуме имперскому министру экономики Функу гаулейтер для особых поручений фон Корсвант в июне 1940 года. В другом меморандуме, от 27 июля 1940 года, главное командование военно-морских сил рекомендовало Гитлеру создать опорные пункты на африканском побережье и вблизи его. Помимо Мадагаскара (Диего-Суарес) гитлеровцы намечали основать базы на Реюньоне, Маврикии, Бассас-да-Индия, Сейшельских, Коморских и Амирантских островах, на Занзибаре, в Момбасе и Дар-эс-Саламе. Специально сформированный штаб под кодовым названием «Сизаль» занимался разработкой операции по занятию Восточной Африки.

Завоевание Африки и зоны Индийского океана Гитлер и его приспешники ставили в зависимость от успеха плана «Барбаросса». «В тот момент, — говорил Гитлер в кругу своих приближенных 22 ноября 1942 года, — когда мы установим в Европе наш твердый порядок, мы сможем обратить свой взор к Африке». Примечательно, что тотчас после разгрома под Сталинградом аппарат «германской колониальной империи» — колониально-политическое управление и имперский колониальный союз — был распущен.

К операции по захвату Мадагаскара гитлеровцы приступили сразу после начала Второй мировой войны. Причем на начальной стадии стремились опереться на вооруженные силы Виши в своей борьбе с Англией и для захвата новых территорий. Военное командование, высшие чиновники, крупные промышленники колонии открыто переметнулись на сторону фашизма, выразив поддержку режиму Виши. Генерал-губернатор колонии Мадагаскар и его преемники без колебаний примкнули к вишистам. По рассказам очевидцев, нацисты отрядили на остров специальных агентов для координации действий коллаборационистов. Однако большинство французов отвергли вишизм. В поддержку генерала де Голля высказывались и малагасийцы. Небольшая группа французов-демократов во главе с Буато создала организованную сеть

борцов против фашизма. Власти развернули кровавый террор, выносили смертные приговоры. Многие участники Сопротивления были брошены в тюрьмы. В целях «усиления обороны Мадагаскара» по подсказке гитлеровских стратегов вишисты обратились за помощью к Японии. Японские подлодки уже обслуживались на Нуси-Бе. В сложных условиях патриоты героически боролись за освобождение острова. Они сообщали союзникам сведения о действиях коллаборационистов. 5 мая 1942 года англичане высадились в Диего-Суаресе. Буато немедленно установил контакт с союзниками, отправив в северный порт связного — своего ученика из столичного лицея Гальени. 23 сентября английские войска при поддержке патриотов овладели Антананариву.

В военные годы не прекращал работу научный центр в Цимбазае. Ученые по заказу союзников основали лабораторию растительной химии для изыскания новых лекарств и продуктов питания. На базе местных растений изготавливали краски, лак, жир, муку.

В 1945 году ботанический и зоологический сад был преобразован в Институт научных исследований Мадагаскара. При нем возникли лаборатории, которые действуют и сейчас.

— Я предложил правительству проект программы научных исследований института, — рассказывал Буато. — Например, я рекомендовал создать лабораторию почвоведения, которая бы изучала почвенный покров Мадагаскара, степень и перспективы плодородия земли. 80 процентов почв на острове — это латериты, лишь вокруг озера Итаси, западнее Антананариву, лежит могучий пласт чернозема. Важно знать, как изменяются эти почвы, покрытые водой или лесной растительностью, а также что происходит с ними в случае исчезновения лесного покрова.

В марте 1947 года разразилось всеобщее восстание на Мадагаскаре, и Буато высылают во Францию. Он долго не мог устроиться на работу. Малагасиец профессор Альбер Ракуту-Рацимаманга взял опального ученого в свою лабо-

раторию в Национальном центре научных исследований Франции. Вместе они занимались проблемами биосинтеза, органической химией, изучением и практическим использованием малагасийских лекарственных растений.

В экскурсиях с Буато я открывал для себя Мадагаскар, его людей, поэтичную, словно одухотворенную природу, щедро дающую человеку все: пищу, одежду, дом, лекарства, покой и обостренное ощущение прекрасного. Его знания обычаев малагасийского народа были поистине энциклопедическими. Он мыслил конкретно потому, что много знал. На международном коллоквиуме по лекарственным травам в Антананариву в апреле 1972 года П. Буато сделал доклад о высокой ценности для медицины некоторых малагасийских традиций, которые многие западные ученые презрительно называли «колдовскими».

— К примеру, обычай набивать матрасы листьями определенных растений, — говорил он, — объясняется тем, что эти растения обладают целебными свойствами, а вовсе не «туземным способом изгнания злых духов». Достаточно задуматься над тем, что на тропическом Мадагаскаре многочисленные насекомые-паразиты мешают людям спокойно спать, и тогда станет ясно, каких духов изгоняют малагасийцы.

В 20 километрах от столицы находится заповедник Сисауни, названный по протекающей рядом речке Сисауни. Это высокий холм с 20—30-метровыми глыбами гранита на вершине, поросшей хвойными деревьями — елями и соснами, завезенными сюда из Юго-Восточной Азии, Австралии, Канады и других районов.

Мы идем вдоль берега озера, раскинувшегося у подножия холма, и Буато увлекательно рассказывает о том, мимо чего обычный человек наверняка бы прошел, ничего не заметив.

— Долго не приживались в Сисауни хвойные деревья. Привозили для них жирный чернозем из Итаси. Ничего не получалось. Потом посадили грибницу, и произошло

чудо — деревья начали жить. А там, на верхушке холма, кое-где сохранились островки девственной растительности — папоротники и алоэ.

Вот на крошечном листике травки уместился еще более крошечный лягушонок.

— Вилия ан цауна, — представляет растение Буато. — В переводе с малагасийского «травка лягушки». Как говорят в народе, эта трава может передвигаться с помощью корешков. Ну а лягушка любопытна тем, что она самая маленькая в мире. Селится попрыгунья на травинках и листиках деревьев, слизывая с них росинки. Запомните: на Мадагаскаре водятся самые крупные в мире черепахи, весом до 300 килограммов, и самое крошечное млекопитающее — землеройка.

Я чуть-чуть не наступаю на травку с сердцевидными листиками и маленькими нежными цветочками. Это сентелла азиатика (*Centella asiatica*). Работая в молодости в лаборатории Мананканарали, Буато заметил, что местные жители заживляют сентеллой раны. Он попробовал давать ее сок прокаженным и помог многим больным.

— А вот мундулия (*Mundulia*), — поясняет наш экскурсовод. — Фамаму по-малагасийски, что означает «опьяняющий». Из растения изготавливают инсектициды. Его листики тонкие, вытянутые. Стручки повторяют форму листьев. Рядом с фамаму можно хорошо отдохнуть — комары и мошкара держатся от нее подальше.

Крестьяне растирают листики фамаму, делают настой. Затем выплескивают его в озеро или заводь реки. Рыба в этом месте становится вялой, ее движения теряют координацию, дыхание парализуется, и рыбаки могут спокойно подбирать уснувшие жертвы.

Мы поднимаемся на взгорок, где цветет бессмертник, который представлен на острове 94 видами. В прохладной, влажной низине находим растение с колоритным местным названием «духи девушки, носящей воду», а чуть подальше Буато показывает травку сенесио (*Senecio*), у которой такие же свойства, как и у фамаму. А вот расте-

ние колеус крассиссимус (*Coleus crassissimus*), обладающее антибиотическими свойствами.

— Идите сюда, — торопит нас ученый. — Вот ваки амбиати. Уважаемое дерево. По обычаю, как только распустится половина его цветов, но не раньше, крестьяне начинают переносить рисовые саженцы в черную слизь поля.

В другой раз Пьер, несмотря на свой почтенный возраст, совершил с нами «восхождение» на один из священных холмов плато Имерина — Амбухимангу. Священными считаются холмы, на вершинах которых находились хижины королей или где есть их захоронения. Точное число таких холмов не определено. Для короля Андриамасивалуны священных холмов было 12, то есть по количеству его супруг. Я насчитал по преданиям 21.

В 1749 году на вершине Амбухиманги была деревня, которой правил честолюбивый вождь. Он понял, что, пока остров расколот на враждующие между собой мелкие феодальные домены, это лишь на руку врагам. Со своей дружиной он покорил 11 князьков, царивших на других священных холмах, и положил начало централизованному государству.

На вершине холма высится крепость с хижинкой короля Андрианампуйнимерины. С ней соседствует зелено-красный загородный деревянный дворец более поздней постройки с загонами и ямами для принесения в жертву. Высокая сплошная крепостная стена опоясывает обитель королей.

Под южной стеной — большая площадь Фидасиана, обсаженная эвкалиптами, джакарандами, филоа, а также священными фикусами и драценами. Здесь когда-то стоял самый первый королевский дворец. Посреди зеленой поляны-площади — еле приметная ямка, обложенная камнями. Гость или придворный, перед тем как пройти в цитадель, вонзал копьё в ямку и клялся предкам в благих намерениях. Нарушение клятвы верности монарху влекло за собой смерть. Простолюдинов, бездетных и больных за стены крепости не пускали. В стороне, в сиреневой

тени джакаранды, лежит массивная глыба, которую по бокам как бы сторожат два фикуса. На этом заветном камне восседал король во время различных церемоний.

Мы въехали на холм через ворота Амбатумицанга («поднятый камень») и запарковали машину на деревенской площади, где шла оживленная торговля. Сбоку от проема в крепостной стене были прислонены «ворота» — огромный каменный диск диаметром метров пять. На ночь или в момент нашествия неприятеля стражи с помощью всей деревни запечатывали вход многотонным кругом и обороняли этот первый пояс укреплений.

— Отсюда вверх к крепости я проведу вас не туристическим маршрутом, а через ворота Амбавахадиициумби («где не пройти быку»), — сказал Буато. — Раньше этим путем пользовались только во время коронации.

Мы пробрались через узкую, разукрашенную сырым зеленоватым лишайником расщелину между двумя прижавшимися друг к другу скалами и оказались на тропинке, врезанной, как ров, в крутой подъем горы. На высоте человеческого роста над тропинкой во рву, чуть в сторону, тянулась небольшая поляна, на которой росли деревца с интересными листиками — один лист как бы вырастал из кончика другого.

— Это захана — филлартрон (*Phyllarthron*), — пояснил ученый. — Посажено в 1780—1800 годах. Сорвите лист... Теперь посмотрите внимательно на листья и догадайтесь, для чего они служили.

Я погладил листики. Они были словно лаковые, полированные. Пьер продолжил объяснения:

— На таких листиках короли писали послания и записки. Нацарапанные щепкой или хворостинкой буквы навечно оставались на листиках. Стереть написанное было невозможно. Плоды этого растения шли в пищу.

Мы долго развлекались, рисуя на природной бумаге буквы, различных животных.

В тесном туннеле было душно. По мшистым черно-зеленым стенам, будто змеи, извивались сверху вниз ветви

лиан. Одно из растений закинуло петлю почти до земли, заслонив весь проход, и мы, прежде чем пойти дальше, по очереди покачались на ней, как на качелях.

Скоро туннель кончился, и тропинка уткнулась в открытый, поросший деревьями склон.

— Перед вами вандика (*семейство Aprocynacees*) — родственник олеандров и лавровых деревьев, — подвел нас ученый к дереву. — Его сок тотчас выступает на срезах и повреждениях коры. Корни очень горькие на вкус, богаты алкалоидами. Местные жители приготавливают из коры питье от кашля.

Шагов через двадцать мы очутились перед отвесным подъемом, взобраться по которому можно было, держась за попадавшие под руку камни, пучки травы и кустики.

— Как же поступал здесь король? Наверное, сходил с носилок и поднимался самостоятельно? — недоумевал я.

— Нет. Он должен был возлежать на носилках, балансируя и не покидая их, иначе коронация сорвалась бы. И сейчас среди малагасийцев довольно много суеверных людей, фаталистов. Но как могли слуги нести носилки, поднимаясь по практически отвесной стене, — вот что удивительно. Этим королю как бы намекали на то, что он обязан хорошо знать и уважать подданных. В противном случае они «помогут» ему «упасть» с трона.

Чем ближе к крепости, тем больше попадалось нам стройных белоствольных драцен. В тропиках редко бывает, чтобы лес был однородным. Прямолистная драцена заметно выделялась среди других пород. За ней здесь признают волшебные свойства и сажают у каждого из четырех углов жилища, чтобы «отпугнуть злых духов и злонамеренных людей». В народной символике она всегда олицетворяет владение чем-то. Отправляясь в путешествие или просто переезжая в другое место, малагасийцы с кисетом родной земли захватывают и отросток драцены. Дерево предков принимается везде, и, видимо, именно это качество способствовало тому, что островитяне поверили в его чудодейственную силу.

Белый ствол драцены невольно напоминал березу. Чуть в стороне я заметил дерево, на белой коре которого расплылись серые разводы, и сделал шаг к нему.

— Не притрагивайся к нему. Это амиана (*Obetia ficifolia*), дерево из семейства крапивных, — предупредил меня Буато. — Его кора покрыта мельчайшим ворсом. Колючие волоски, видимые под лупой, мгновенно впиваются в ладони, жгут, вызывая аллергию. Дерево амиана тоже считают священным.

Вот несколько деревьев андрарезина (трема восточная). И они считались священными, поскольку их древесину использовали как топливо для королевского дворца.

К концу подъема я начал убеждаться, что все растения вокруг королевской резиденции были возведены в сан благородных за свои полезные функции или необычайный вид. Ни одно растение, известное как паразит, обманщик или «склочник», не было сюда «допущено». Наконец, добравшись до остатков древней крепостной стены, мы присели отдохнуть недалеко от огромных фикусов.

— Эта площадь называется Амбатурангутина («камень почитания»). Здесь произносились речи, читались королевские указы. Эти фикусы здесь называют амунтана, что означает «обладающие силой воспроизводства».

Фикусы — любимое дерево малагасийцев. Их сажают повсюду, веря в то, что они гарантируют потомство.

Восхождение закончилось на площади Фидасиана под стеной королевского замка. После осмотра дворцов мы вышли на край гранитного обрыва за крепостью. Со скалистой площадки открывался прекрасный вид на окрестности.

На скальном уступе сидели двое: невеста в белой фате и юноша в светло-сером костюме. Метрах в 10 от них молча сгрудились родственники. Они взирали на священнодействовавшую пару. Рядом с молодоженами дергалась принесенная в жертву курица с только что отсеченной головой, а юноша и девушка поочередно скатывали камешек за камешком, стараясь попасть в крошечную лунку в базальте,

вокруг которой растеклось масляное пятно (растительное масло также входит в число предметов жертвоприношения).

— Если камешек попадет в углубление, то у них будут дети и брак будет счастливым. Старинная традиция, — объяснил Буато.

Его друг А. Ракуту-Рацимаманга рассказывал мне, что ему не повезло с этим ритуалом:

— Своих детей у нас с женой не было, но мы усыновили и удочерили двенадцать малышей. Мы счастливы с ними. А как мы старались попасть в лунку!

Едва познакомившись с Пьером, я забросал его вопросами о дереве-людоеде, вокруг которого столько пролили чернил авторы и журналисты.

— Выдумки, — досадливо поморщился он. — Обычная погоня за сенсацией. Вообще-то хищных плотоядных растений много — около 500 видов. Они растут на почвах, бедных питательными минеральными солями, азотом, поэтому и приспособились добирать недостающий азот из насекомых, которых заманивают в ловушки. Как-нибудь я покажу тебе росянку и непентес.

Мы долго бродили по трясинам в окрестностях столицы, пока Буато не нашел росянку. На болотной почве рос кустик, распустив алые коварные листики величиной с копейку. Во все стороны щетинились они волосиками-щупальцами, на которых поблескивали еще не выпаренные утренняя роса капельки росы. Один листочек поймал растяпу комара. Волосики задвигались, лист свернулся, насекомое исчезло.

— Местные жители делают из росянки настой от кашля, применяют как успокоительное, — не удержался Буато от комментария о целебных свойствах миниатюрной хищницы.

В августе 1974 года мы отправились с ним в Тауланару, откуда совершили несколько коротких походов по лесам юго-востока. Это было незадолго до того, как свирепый циклон «Дебора», обрушившийся на город со скоростью 200 километров в час, разрушил его на 90 процентов. По

пути к деревушке Сен-Люс, где когда-то было прибежище пиратов, мы сошли с обочины проселочной дороги и углубились в болото, где по колено в воде любовались непентесами — мадагаскарскими кувшинолистами. Они росли среди веерообразных равенал. Здесь непентесы называют рамутаку — «где прячется что-то».

Их видоизмененные солнечно-желтые листья выглядели как бутоны благородных кувшинок. Конец лакированного плотного листа переходит в изящную рюмку, наполненную жидкостью — протеазой. По совету Буато я попробовал ее на вкус: она была приторно-сладкой. Внутренние стенки рюмки-ловушки отполированы до блеска, скользки как лед. Муравей или муха, «клюнувшие» на душистый запах жидкости, неудержимо сползают по стенкам и, одурманенные, падают в нее. Белковые вещества перевариваются, и от насекомых остаются лишь роговицы.

— У непентеса большое будущее в медицине. Протеазой можно обрабатывать мясные продукты, чтобы они легче усваивались, — сказал Буато. — Это поможет желудочным больным. Лечебный сок усиливает действие антибиотиков.

Местные жители верят, что, сорвав листья кувшинолиста, они могут вызвать дождь. Заболевая, люди пьют из кувшинок воду, которую считают целебной.

Ну а легендарное дерево-людоед? «Дерево-людоед», похожее на увеличенный ананас, я впервые увидел в одном из столичных кварталов. Тогда я прошел мимо него.

— Смотри, вот саговник, которому приписывали каннибализм, — представил мне впоследствии Буато случайного «знакомого» в дремучей тропической гилее на юго-востоке.

Я погладил ствол, который не отличался от ствола обычной пальмы. На верхушке, где, подобно фонтану, по кругу расходились длинные, почти трехметровые, такие же по форме, как у папоротника, листья, наливался «ананас» — цветочная шишка. Саговник отказался проглотить меня.

— Безобидное дерево, — от души потешался Буато, глядя на мои опыты. — Оно не кусается. Кровожадность ему приписывает не совсем порядочное воображение искателей острых ощущений.

В 1769 году мадагаскарский саговник открыл французский натуралист Коммерсон, отправивший образцы растения в Париж. Приживается оно повсюду на восточном побережье — от Вухимарины до Тауланару, в лесах, на соленых почвах и дюнах. Иногда корни саговника свешиваются к набегаящим океанским волнам. На кладбище бецимисарака укрывшийся в тени саговник, перевитый побегами лианы-ванили, почитается деревом предков. Танала собирают и употребляют в пищу зерна фатры, как они называли растение. Бецимисарака во время неурожая делают из его спелых плодов довольно питательную муку.

Раньше неприхотливый саговник обитал по всему земному шару. Сегодня этот вид — вымирающее растение, ставшее живым ископаемым в дикой природе, даже на Мадагаскаре.

— Любопытна одна особенность мнимого «людоеда», — сказал мой спутник. — Двудомное растение обладает способностью менять пол. Натуралисты утверждают, что если пальму распилить сверху донизу, то ее вновь высаженные половинки дадут каждая мужское и женское соцветия. Были случаи, когда дерево вдруг по одному ему известным причинам меняло пол.

— Ну а все-таки, Пьер, каковы истоки страшной легенды о растении-каннибале? — упорствую я.

— В Индийском океане, по мнению некоторых ученых, слухи о дереве-людоеде распускали пираты. Они боялись, что люди найдут в лесах запрятанные ими сокровища, вот и выдумали дерево-пугало. Быть может, под одним из таких деревьев зарыт клад, — предположил он. — Ну а если говорить серьезно — существуют ядовитые растения. Они ведь тоже по-своему людоеды. Завтра попробуем «поохотиться» за тангинией.

Надо сказать, что позднее, через год, в деревеньке под Мурундавой я рассказал крестьянам о дереве-людоеде. Один из них, по имени Раберанту, подумав, неожиданно предложил:

— Ладно, мы покажем тебе, вазаха, такую страхолюдину, что ты потом всю жизнь плохо спать будешь.

Вместе с крестьянами мы пошли к дереву, одиноко стоящему на косогоре. Оно было сплошь покрыто белыми цветами, словно инеем.

— Куманга, — промолвил кто-то из моих провожатых. — Теперь оно встречается редко, и увидеть его — счастье.

Я рванул к нему, потому что хотел рассмотреть диковинку поближе. Но за спиной раздался общий испуганный крик.

— Остановитесь. В пору цветения куманга проявляет все свои чары, — объяснил Раберанту. — Ее запах смертелен. К растению опасно приближаться вплотную. Птицы, севшие на его ветви, падают замертво. Кабан, подрывающий корни дерева, погибает.

Знахари-сакалава употребляют кору куманги для настоев и амулетов, снимают с ее помощью чары с «заколдованного человека». В давние времена на деревенских судах обвиняемого заставляли отрезать кусок коры, и если он умирал, то считали, что он виновен. Вот так неожиданно я сам увидел ядовитое дерево.

Однако вернемся к нашему походу с Буато. Поутру в непромокаемых брезентовых костюмах мы отправились на поиски дерева тангиния (*Venenifera madagascariensis*).

Мы пробирались сквозь непроходимую чащобу, проваливаясь в болота, отдыхали на полянах и кочках.

— С тех пор как миллионы лет назад Мадагаскар откололся от Африки, он жил обособленно, поэтому большинство растений на нем эндемичные, — рассказывал Буато по пути.

Он не скрывал пристрастия к древовидным папоротникам — очевидцам древних эпох, когда на Земле еще не было живых существ. На острове 900 видов папоротни-

ков. Возраст некоторых их видов — около 700 миллионов лет.

Мы задержались перед рипсалисом — единственным эпифитным кактусом, прижившимся во влажных лесах, деревом семейства *Rutaceae* (в него входят и цитрусовые), из коры и листьев которого на юге готовят обрядовый напиток — ампули. Горечь напитка, говорят южане, придает мужество. Перед сражением или объяснением в любви мужчин для храбрости потчуют ампули.

Пьер остановился перед тшедушным деревцем с гибким, как прутик, стволом, увенчанным пучком листвы.

— Такого нигде больше не увидишь, — волнуясь, сказал он. — Это *Tacca umbraculifera*, древнее одностеблевое растение. Оно должно помочь ученым раскрыть одну из загадок природы — происхождение покрытосемянных. Из учебников известно, что размножение первых наземных растений зависело от наличия воды. Позднее появились анемофильные, к которым относится большинство голосемянных. Их пыльца переносится ветром. Затем внезапно появляются покрытосемянные, оплодотворение которых — дело высокоразвитых насекомых.

— Однако все же какое отношение имеет ко всему этому такка умбракулифера? — перебил я его.

— Подожди, — продолжал Пьер. — Дарвин полагал, что первые покрытосемянные произошли в третичный период на изолированном острове и с него переселились на континент. Любопытная гипотеза! Так как же при отсутствии чешуекрылых и перепончатокрылых, обычно опыляющих современные растения, размножались предки покрытосемянных? Для ответа нужна встреча с предками современных растений. Где их найти? Вот один из них перед тобой. Эту проблему можно решить именно на Мадагаскаре. Остров входил в древний материк Гондвана, в флоре каменноугольного периода уже имелись такие ныне исчезнувшие группы, как глосоптеридные, являющиеся первичной формой цветковых растений. Повсюду в мире архаичные растения исчезли, а здесь, у границы

древней Гондваны, на ее окраинном осколке сохранились такие роды, как акантовые, стрелизиевые, лилейные и другие. На Мадагаскаре выжили четыре вида одноствольных, в том числе и на острове Сент-Мари. Внимательно слушай меня. Это моя гипотеза: ствол такки заканчивается пучком листьев, образующих своими крыльчатыми черешками гнездо, где скапливаются опавшие листья и другие растительные остатки. У некоторых видов цветки развиваются в листовых пазухах, на выходе из этого гнезда, то есть их развитие происходит внутри массы разлагающегося гумуса. Опыление наверняка осуществляли низшие насекомые вроде коллемболы, живущие в гумусе.

Древнее растение «заговорило» благодаря проницательному уму ученого. Предки покрытосемянных впервые появились, по-видимому, на Мадагаскаре. Их распространение было незначительным, пока не появились летающие насекомые-опылители. И по мере дифференцирования и распространения чешуекрылых, двукрылых и перепончатокрылых покрытосемянные начали вытеснять предшествовавшую флору. Один из современных видов мадагаскарских орхидейных ангракум секипедале (*Angraecum sesquipedale*) достиг такой «специализации», что его может опылять только одно насекомое — бабочка-бражник. Ее хоботок достигает 30 сантиметров, благодаря чему она добывает нектар из нектароносной железы, глубоко расположенной вдоль шпорца этого цветка.

«В наш век инсектицидов подобная специализация грозит гибелью прекрасной орхидее», — подумал я.

В поисках тингинии в попутных открытиях текло время. Буато рассказывал об умении малагасийцев находить паразитической целебности лекарственные растения и готовить из растений сильные яды, от которых еще не всегда известны противоядия. В феодальную и колониальную эпохи яды применялись на острове для устрашения противников, избавления от них. Для расправы достаточно было заложить под ноготь крошку ядовитого порошка и потом незаметно сбросить его в сосуд или стакан.

Как правило, название растений-ядов начинается с приставки «ра», означающей высокую степень почтения, так же как по отношению к людям. Часто случается, что одна и та же трава приносит беду и облегчение. Трава афутани ранункулус пиннатус (*Ranunculus pinnatus*) означает в переводе «огонь земли». От нее гибнет скот, но... она же помогает людям от головной боли. Отсюда ее второе местное название — удиандуха («лечащая голову»).

Тангиния оказалась обычным деревцом, чем-то похожим на молодой каштан, довольно хрупким и низкорослым. Однако, как говорят здесь, не радуйтесь плоду тангинии, даже если принес его ваш брат.

В давние времена, когда не было следователей, адвокатов, прокуроров и вообще судов в современном понятии, в расследовании проступка или преступления полагались на голос судьбы и волю предков. Подозреваемого испытывали. Еще до 1955 года бытовала церемония «цубу». В котел с кипящей водой клали кусок кварца. Обвиняемый должен был переложить «живой камень» из кипятка в холодную воду. Если его рука после этого не покрывалась волдырями, невиновность испытуемого была доказана. В отдельных районах подозреваемому предлагали преодолеть реку, кишашую крокодилами. У мерина и некоторых других народов с начала XVII века применялось испытание тангинией.

В октябре тангиния наряжается в праздничную одежду с рубиновыми цветочками. В ноябре цветы уже вянут, а до декабря на дереве держатся плоды, которые легко перепутать с желтыми сливами. Вкус их неприятен. В ядре концентрируется сильный яд, действующий на сердце.

За мелкие проступки и прегрешения плоды тангинии давали собакам, хозяева которых их совершили. Чья собака подыхла, тот и считался виноватым. При разборе дела об измене, колдовстве и других тяжких преступлениях подозреваемый принимал плоды тангинии. Накануне суда родственники советовали бедняге: «Мы принесли тебе деньги, ламбу и рис. Беги отсюда! Ты же, наверное,

колдун. Лучше ты погибнешь на чужбине, чем опозоришь нас всех здесь».

Однако никого обычно не прельщало такое предложение, ибо бежать — значило выдать себя с головой.

Плоды тангинии рубил секирой знахарь, председательствовавший на церемонии. Перед принятием ядовитого сока, выдавленного камнем, обвиняемый тут же должен был проглотить, не жуя, три прямоугольных куска куриной кожи, немного недоваренной рисовой каши. Затем он пил яд из кожуры банана. Наконец, чтобы вызвать рвоту, «закусывал» большим количеством рисового отвара. Если все три кусочка выводились и испытуемый оставался жив, то судьи оправдывали его, осыпая градом похвал. Тогда наветчик платил выкуп за нанесенные им оскорбления, а родители оправданного торжествующе кричали: «Чем больше цветы топчут, тем сильнее их аромат!»

Многое, конечно, зависело от концентрации яда. Кроме того, пристрастный жрец мог затянуть свою заклинательную речь между приемом плодов тангинии и отвара. Этим обрядом нередко пользовались и для сведения личных счетов. Бывало и так, что монарх или вождь, желая приблизить к себе подданного, испытывал его плодами тангинии, то есть предварительно «очищал» его совесть от злого умысла. Такому же опасному испытанию подвергался получавший ответственное задание, скажем вельможа, назначенный послом или дипломатом перед поездкой в Париж (чаще всего в те времена ездили только туда).

В Антананариву правосудие вершили в квартале Исутри. Это слово происходит от «вуну-сутри», как называют лист похожего на мяту растения фамуа. Из вуну-сутри, согнутого в форме ложки, потчевали плодами тангинии.

Походы с П. Буато позади. В конце 70-х годов он завершил публикацию «Словаря малагасийских названий растений», а также работу над четырехтомной «Ботаникой Мадагаскара».

В октябре 1980 года я получил от жены Пьера Буато — Марты письмо, извещавшее, что 1 сентября он скончался.

Принц из латеритной хижины

Страна познается через ее жителей, потому что в жизни и облике каждого человека есть что-то самобытное, зависящее от облика и судьбы его родины, а в его личном нраве так или иначе, в большей или меньшей степени проявляются черты национального характера. Надо лишь уметь видеть это. Именно к такому человеку я приехал однажды в столичный пригород Итауси — в Малагасийский институт прикладных исследований (ИМРА), который еще величают здесь Институтом трав. У ворот пылала, как волшебный красный цветок, мадагаскария, считающаяся символом Великого острова.

— В Европе много говорят, но мало знают о нас. Для них Мадагаскар — чистая экзотика, и глупые представления о нашем народе проистекают от неведения, от взгляда на нашу страну через призму сугубо собственных понятий. Для меня же нет ничего благодатнее и драгоценнее, чем наша земля. И что в том невероятного, что мы, ее сыновья и дочери, похожи на нее и друг на друга? Любовь единит людей, — говорит мне приземистый седовласый сухошавый человек с поистине просторным лбом, директор института.

Альбер Ракуту-Рацимаманга родился в 1908 году, но в действительности выглядит значительно моложе своего возраста. Он энергичен, быстр в мыслях и движениях, непоседлив до смешного. Его знания колоссальны в самых различных областях, а идеи буквально захлестывают его. Разговорить его трудно, поскольку принцип этого делового человека: «Тот, кто не умеет унять свой язык, подобен петуху, поющему ночью». С помощью Пьера Буато мне все же удалось его разговорить.

— Старость — понятие относительное. Кто-то сказал: «Легко узнать момент наступления старости. Она приходит, как только уменьшается наша жажда познать мир, в котором мы живем». Я вижу прок в конкретных земных делах, в добром личном примере. Все наши слова, тем бо-

лее о самих себе, ничто по сравнению с нашими реальными поступками и делами. Жизнь грешно растрачивать по мелочам, она такая короткая, летучая, что часто задумываешься о том, успеваем ли мы хоть чуточку оправдать данный нам свыше величайший задаток — быть образом и подобием Божиим.

Ученый наклоняется, берет с грядки комок красного латерита и, растирая его в руке, добавляет:

— Благодаря этой земле я живу на белом свете. Верьте не верьте, но сам я уже десятки лет не принимаю никаких патентованных промышленных лекарств. Зачем делать это, когда есть Мадагаскар и его флора? Да и дожил я до столь преклонного возраста, потому что лечусь только своими лекарствами, которые вместе со своими коллегами разрабатываю на основе малагасийских растений. Таким путем я, кроме того, доказываю и плодотворность своих трудов. «Сила, не знающая цели, — мать лени», — учат нас предки. Наша земля — колыбель тысяч целебных растений, и далеко не все их виды и свойства известны. Причина поразительного количества эндемичных растений на острове — его ранняя «автономия». Мадагаскар откололся от Африки в конце палеозоя, и, на наше счастье, все дальнейшие эволюционные процессы шли на нем по-особому.

Он чуть помолчал, потом сказал:

— Мы часто даже не представляем, что именно утрачиваем, когда исчезает по вине человека то или иное растение. Порой мне кажется, что в этот момент мы теряем возможность спасти тысячи и тысячи людей. В лабораториях ИМРА сейчас исследуются лечебные свойства более полутысячи растений, которые растут здесь же, в нашем ботаническом саду.

В каждом человеке с рождения заложены таланты, которые ему заповедано приумножить, но не всем удастся выполнить этот долг, а нередко даже сохранить отпущенные таланты. Альбер Ракуту-Рацимаманга фантастически многогранен. Про него здесь говорят пословицами: «Справедливый человек, словно памятник, отовсюду ви-

ден», «Куст алоэ на скале украшает всю местность». Он химик, биохимик, биолог с мировым именем, бывший директор Национального центра научных исследований Франции, бывший посол Мадагаскара во Франции, первый посол своей страны в СССР...

Кто-то подумает, будто ему, принцу крови по происхождению, было легче жить, чем простым смертным, — и ошибется. Это далеко не так. Когда он рассказывал мне свою жизнь, я порой не верил ему — не верил, что в тех обстоятельствах можно было вообще выжить.

— Как вам удалось преодолеть все невзгоды? — спрашивал я.

Он весело смеялся и отвечал, показывая вверх:

— Кузнечик всегда о небе помнит. Уповай на Бога, но и сам не сдавайся. Не нагнувшись, кузнечика не поймашь.

У профессора Ракуту-Рацимаманги на зависть светлый, благодатный взгляд на жизнь и людей, который не смогли омрачить бесчисленные беды и печали, щедро валившиеся на его голову. Он не разочаровался в жизни, потому что выверял свои поступки по голосу совести и справедливости.

— Я жил в эпоху высочайших штормовых волн, грозных ураганных ветров, бушевавших в истории, и выдержал их лишь потому, что в самые безысходные моменты своей жизни уповал на Господа, на Его волю, потому что старался идти по пути истины и добра, крепко веря в животворящую силу добра и бессилие кажущегося непобедимым зла, — говорит он.

От природы этот малагасиец до мозга костей наделен сердечностью, наполняющей каждое его слово и жест. Таким можно стать, лишь пройдя самые тяжелые испытания и закалившись в них. Его семья боролась против французских колонизаторов за независимость Мадагаскара. Утром 15 октября 1896 года французы расстреляли его деда — принца Рацимамангу «за сотрудничество с мятежниками». Перед казнью он, не дожидаясь залпа, по-

шел навстречу пулям... Не в духе ли национального характера малагасийцев не бояться смерти, презирать ее, когда знаешь, что твое дело правое?

Отец Альбера сделался коммерсантом, попытавшись конкурировать с французскими фирмами, но «перемирия» не выдержал и включился в националистическое течение молодых интеллигентов «Ви вату сакелика» (ВВС). Его арестовали, и в 1919 году он умер под домашним арестом.

— Отец стал торговцем, потому что не хотел работать на французов, — говорит Ракуту-Рацимаманга. — Власти сулили ему золотые горы, предлагали пост губернатора провинции, стараясь залучить на свою сторону одну из знатных семей Мадагаскара. Без отца юность наша была нелегкая. Моя бабушка говорила: «Молния не бьет дважды в одно место». А у меня порой складывалось впечатление, что молния избрала нашу семью своей излюбленной мишенью. Мы с братом — два принца, оборванные, босые, вечно полуголодные, — бегали по улице. На собственной шкуре мы познали горечь народной мудрости «нет ничего тяжелее пустого желудка». Все имущество семьи было конфисковано. Мы жили в бедняцкой халупе. Но я помнил слова отца: учись, и ты будешь полезен родине. По-своему я благодарю винтану за то, что благодаря ей моя психология чужда таким понятиям, как «сытое брюхо не знает укоров совести». Непростая юность научила меня неусыпно прислушиваться к голосу совести!

— Как же тогда в таких условиях вам удалось выбиться в ученые? — не выдержал я.

— То, что я буду учиться, я знал всегда. Я лишь колебался в выборе профессии между врачом, учителем и пастором. Будучи старшим и единственным кормильцем семьи, я спросил себя: «Как же я стану врачом, если у нас нет денег на жизнь?» Поначалу решил одолеть начальную школу и получить право на преподавание в первых классах, чтобы зарабатывать себе и близким на хлеб, а глав-

ное, продолжать учение. Теперь, когда я вижу детей, лишенных возможности учиться, у меня сжимается сердце, я вспоминаю свое детство. Власть запретила мне поступление в лицей. Лишь к 14 годам я с грехом пополам освоил французский.

И это говорил человек, который впоследствии стал гордостью Франции, занимал высший пост в Национальном центре научных исследований Франции. Его взлет показался мне сказкой.

— В 15 лет я добился права преподавать в сельской школе. Чуть позднее удалось поступить в старейшее учебное заведение страны — медицинское училище Бефелатанана, готовившее «медиков низшего ранга».

16-летний юноша дневал и ночевал в лаборатории. В Антананариву тогда вспыхнула чума. Французы предпочитали не рисковать, и Альбер был единственным, кто добровольно вызвался ухаживать за больными в чумном бараке. Его подвиг был замечен.

— Вы хотите медаль за борьбу с эпидемией? Вы же чуть-чуть сами не погибли, — обратился к нему директор училища, француз.

— Медали мне не нужно. Помогите учиться, — прозвучал лаконичный ответ.

На Мадагаскаре вузов тогда не было (сегодня там шесть университетов), учеба же в метрополии была для малагасийцев несбыточной мечтой. Директор Бефелатананы все-таки добился для лучшего студента стипендии на зубо врачебном факультете в Париже.

За два года юноша сдал экзамены экстерном на степень бакалавра и поступил на медицинский факультет Парижского университета. Ему везло на хороших людей. Там отец известного впоследствии голлиста, бывшего премьер-министра Франции, профессор Дебре оценил старания малагасийца и рекомендовал его в Институт Пастера.

— В лаборатории я всегда чувствовал себя как рыба в воде. К тому же я поступил на факультет по специальности «химия и биохимия».

На чужбине, как он не раз признавался, в душе Альбер мечтал о возвращении на родину предков. У него не было и мысли прельститься головокружительной карьерой и почить на лаврах и деньгах вдали от Мадагаскара.

В 1939 году Альбер, первый малагасиец, был удостоен степени доктора биохимических наук. Во время агрессии итальянских фашистов против Абиссинии он окончил еще и Высшую международную школу политических наук.

— Зачем вам это было нужно? Не достаточно ли было реальной науки? — удивился я.

— Отец завещал мне служить свободе нашей родины, и я старался выполнить его наказ, накапливая знания и силы. Мог ли я ослушаться старшего?

Альбер от природы был наделен массой талантов и честно стремился реализовать свой потенциал. Был момент, когда он едва не стал скрипачом. С восьми лет отец научил его играть сложные пьесы Паганини, Вивальди, Крейцера. Малагасийцы очень одарены музыкально. В 15 лет он был второй скрипкой в филармоническом оркестре Антананариву.

— В 1934 году я услышал во Франции на концерте, как играет Жак Тибо, и понял свою беспомощность в музыке. В жизни надо выбирать, разбрасываться на многое немыслимо. У нас говорят: «Заниматься многими делами одновременно — все равно что нести два кувшина на одной голове».

— Но вам как-то удается носить два кувшина на своей голове, — улыбаюсь я.

— Есть и другая пословица: «Довольствоваться малым — все равно что уподобиться кабану, глотающему комаров», а я люблю здоровую пищу, — смеется он.

Любовь к музыке сохранилась у него на всю жизнь. В те годы он также сочинял стихи на классическом малагасийском языке. Но более всего его занимала политика. Альбер никогда не дрожал от страха перед опасностью неудачной карьеры — он всегда говорил то, что думал, все время шел вперед. Чего бояться, если у людей «волосы на голове все сосчитаны». Он был одним из активистов движения соли-

дарности с абиссинским народом. Его, единственного «цветного» аспиранта Сорбонны, вызвал префект Парижа.

«Какое вам дело до Эфиопии? — зло допрашивал он. — Вы же у нас сами здесь на птичьих правах. Зарубите это себе на носу!»

«Эфиопия не Мадагаскар, не часть французской империи, — смело возразил молодой ученый. — Я — за справедливость!»

— Всякий малагасиец считает, что «люди не рождаются равными», но в душе отказывается признавать это неравенство как главное и непереносимое условие человеческого существования, — разъясняет мне ученый один из постулатов национальной психологии. — Мой соотечественник — человек своей среды и своего мира, в большей степени мира, а не времени, поскольку мир, в котором мы живем, как бы находится вне времени и в определенной степени вечен, поэтому жизнь наша протекает главным образом в настоящем.

Мировоззрение Ракуту-Рацимаманги меняла жизнь. Воспитанный на Библии, он боготворил Ганди и Толстого. В ту давнюю пору коренным правилом жизни и поведения он считал принцип «непротивления злу насилием».

— Испанские события, Мюнхен потрясли меня. В 1939 году я вступил добровольцем во французскую армию. Борьба с гитлеризмом, разоблачение ужасной сути нацизма сделались тогда моей главной целью. Вместе с Фредериком Жолио-Кюри и особенно с Ирен Жолио-Кюри я участвовал в движении Сопротивления. Так из пацифиста я превратился в борца. Предки учили: «Комара давят не за то, что он питает, а за то, что кровь у людей сосет». Кланяющимся комарам я никогда не доверял, ибо какой малагасиец не знает, что «комар кланяется, чтобы посильнее укусит».

Альбер Ракуту-Рацимаманга был одним из основателей Демократического движения мальгашского возрождения (ДДМВ), сыгравшего ведущую роль в борьбе за независимость в послевоенные годы, а также партии Национальное движение за независимость Мадагаскара.

— Шестьдесят пять процентов времени я отдавал науке, остальное — политике, делу независимости родины, — говорит он.

За его спиной сотни и сотни открытий и трудов. Своими лекарствами он спас миллионы. В 1931—1932 годах Ракуту-Рацимаманга напечатал первые статьи в научных журналах о сходстве туберкулеза и сифилиса, методах их лечения лекарственными травами и мышьяком, а также о хлорофильном действии витамина С. Он участвовал в создании кортизоновых препаратов. В области физиологии исследователь внес вклад в изучение роли надпочечных желез, щитовидной железы и гипофиза.

Он тепло вспоминает о дружбе с биохимиком академиком А. В. Палладиным:

— Палладин был для меня братом и большим ученым. Он знал французский язык и переводил мне работы советских биохимиков. Многие мои открытия вдохновлены сотрудничеством с советскими учеными.

Ракуту-Рацимаманга был первым местным этнографом, написавшим обстоятельное исследование о происхождении населения острова, за которое ему присудили Большую премию Французской академии.

Институт прикладных исследований — владение его семьи, возвращенное ему в годы независимости и подаренное им своей республике. Это первый в стране научно-экспериментальный центр в большей степени частное предприятие. Работать там бок о бок с Ракуту-Рациманангой — мечта любого ученого. Об этом мне говорили главный врач ИМРА доктор Чок, французские химики супруги Луазо. Здесь, в пригороде Итауси, всегда сотрудничают исследователи из разных стран. У малагасийского ученого не счесть учеников и последователей.

Каким только болезням не бросает вызов этот человек! Вот крохотный комар-анофелес — разносчик тропической малярии. Прогуливаясь однажды по рынку Антананариву, я увидел сидящего на тротуаре человека. По всему было видно, что ему нехорошо. Крупные капли пота выступили на его лбу, глаза были полузакрыты.

— Что с ним? — схватил я за рукав своего друга Жюля Рацимамангу.

— Малярия, — вздохнул он, — обычное дело в наших краях.

— У нас уникальный по своим природным особенностям остров, — объяснил мне Ракуту-Рацимаманга. — На нем насчитывается восемнадцать климатических поясов, и в любом из них малюсенький пискун с вызывающим зуд болезнетворным укусом чувствует себя вольготно. Хотя столица взобралась на высоту, дворец королевы — на 1429 метров, а фундамент города стоит на высоте 1245 метров, — вокруг нее на многие километры раскинулись залитые водой рисовые поля. Антананариву — «райский уголок» для анофелеса.

— Что же спасает от малярии малагасийцев, которым не по карману патентованные лекарства? — сам собой вырвался у меня вопрос.

Он подвел меня к деревцу с нежно-серой светловатой корой и погладил его:

— Пять граммов коры этого растения, заваренные как чай, равнозначны одной таблетке нивакина. Поэтому мы стараемся убедить крестьян сажать такие деревья рядом со своими домами.

Это было знаменитое хинное дерево.

— В нашем саду культивируются два десятка основных лекарственных растений Мадагаскара, которые спасают примерно семь соотечественников из десяти. Хинное дерево — один из главных спасителей. У нас говорят: «Хорошо выздороветь без лекарств». Но как это осуществить? Наш институт рекомендует лечение травами. Во-первых, я по собственному опыту убежден, что травы более приемлемы для человеческого организма, чем химические препараты, а во-вторых, лекарство в данном случае растет под боком. У моих земляков есть одна, если даже хотите, национальная особенность: крестьяне настороженно относятся к лечению в больнице. По нашим обычаям и традициям, больного нельзя отторгать от общества, от семьи, болеть принято в

семье, а в больницу обычный гражданин ляжет разве что умирать. По этой причине многие лечебные учреждения, в том числе и наш институт, не имеют клиник, а лечение проходит амбулаторно.

Этого неумного человека хватает буквально на все. Еще в 1970 году вокруг института ютилось несколько нищих деревень, живших по старинке. Ракуту-Рацимаманга помог их жителям объединиться в производственный кооператив и наладить образцовое хозяйство.

— Крестьяне нашего кооператива уже не верят, что всего несколько лет назад они, кроме риса, ничего не видели вокруг себя. Впрочем, поедem посмотрим деревни, — приглашает ученый. — Заодно прихватим с собой Пьера Буато, а то он уж слишком увлекся работой, а «усталой цесарке не взлететь», — шутит ученый.

В деревне Мандрака нас встретили председатель фукунулуны Жан-Батист Рамилидзауна и его заместитель Рамилиарисуа.

— Мы, конечно, в лучшем положении, чем другие деревни, — признался Жан-Батист. — С нами Альбер с его колоссальным мозгом и ИМРА.

Мандрака — обычная общинная деревня. Дома в ней отвечают всем требованиям народной архитектуры, с той разницей, что построены из обожженного кирпича.

Одно из новшеств — свинарник — пока редкость в этих краях. Кооператив освоил 33 гектара залежных земель, из них 20 — под разведение шелкопряда.

— Шелк летает в воздухе, — шутит ученый, показывая на бабочек, порхающих с куста на куст.

Ландибе — общее название шелколичного червя бабочек местных видов бороцера (*Borocera*). Коричневые, красноватые или серенькие насекомые встречаются по всему острову, особенно в центре и на западе. Шелководство — старинный народный промысел. В 1868 году после смерти королевы Разухерины слово «сухерина» — куколка шелкопряда — было запрещено в королевстве Имерина и заменено на «занаданди» — дитя шелкопряда. Эта лингвистическая реформа, подтверждающая давность

и популярность шелководства, была вызвана обычаем, запрещавшим произносить вслух имена умерших, а слово «сухерина» входило в имя королевы. Это правило касалось созвучных названий и слов. В ходе подобных «реформ» языка терялись многие полезные знания, но шелководство сохранялось, меняя лишь свое название.

Ландибе дает светло-серую крепкую нить. Ткани красят растительными красками. Красную получают от деревьев року и нату, желтую — от шафрана, синюю — от индиго, зеленую — перемешивая шафран с индиго. В настоящее время все шире применяют химические красители.

Мадагаскарский шелк высоко ценится на мировом рынке. Наиболее дорогие материалы пурпурного или красновато-коричневого цвета для перезахоронения предков производят ткачи бецилеу.

Малагасийцы исстари собирают коконы и разводят шелкопряда. Раньше оплодотворенных самок клали на кусты здешнего тутового дерева — амбревады. Иногда их даже привязывали к листьям. После окукливания коконы открывали, трясли в закрытой корзине или же били палкой, чтобы избавить от колющегося ворса. Затем коконы продавали ткачам.

— К сожалению, разведение шелкопряда забрасывается, и крестьяне ограничиваются только сбором коконов. Мы пытаемся возродить этот промысел. Как видите, моя подсказка понравилась крестьянам.

На плантациях зеленеют кормовые насаждения для шелкопряда: амбревады, персиковые деревья, тапия, авиценния, цитавина. В ИМРА ученый скрестил местного шелкопряда с привезенным во времена Советского Союза из Армении. Сейчас с каждого кокона получают нить длиной 1500 метров — вдвое длиннее, чем раньше. Над этой задачей долго и не особенно успешно бились ранее японские специалисты. У Альбера же блестящая интуиция: он умеет находить самые оптимальные решения.

— Теперь ежегодно мы поставляем ткацкой мастерской ИМРА две тонны коконов, — с гордостью сообщает Рамилидзауна.

В день мастерская выпускает 50 метров шелковой ткани, в основном на экспорт.

К деревням кооператива тянутся подъездные пути, строятся мосты. В одной из них мы осмотрели новую птицеферму. Кроме риса в Мандраке стали выращивать кукурузу.

— Только трудом можно выйти из нищеты — никакие внешние займы не помогут. «Только блохи живут за чужой счет», — смеется Ракуту-Рацимаманга.

— Не слишком ли много нового для человека, который должен исполнять принципы цини и туди? — интересуюсь я с некоторой подковыркой.

Ему моя скрытая ирония даже, как мне показалось, понравилась.

— Я не вижу прока в слепой приверженности к прошлому и фанатическому преклонению перед опытом предков, — ответил ученый. — У нас, малагасийцев, есть одно свойство. Обычно мы привыкли оправдывать свои провалы или неудачи, возлагая ответственность на других, считая, что не мы сами, а кто-то еще заслуживает кары. Но если здраво рассуждать, то для того, чтобы найти свою нишу в современной жизни, необходимо, чтобы малагасиец ясно осознал свои задачи и потребности и попытался соответственно перестроить свою личность с помощью мудрого дозирования того, что он должен сохранить от прошлого, и того, что можно после тщательного отбора принять среди вороха ценностей, порой сомнительных, которые предлагает ему нынешняя цивилизация. Каждый малагасиец, как выразился один наш известный писатель, находится на перекрестке двух очень непохожих цивилизаций и должен разобраться во всем сам. Мы должны сознательно и любовно беречь в себе все, унаследованное от отцов и дедов, лелеять переданные ими ценности, возродить то, что подчас дремлет в нас и проявляется лишь неосознанно, но в то же время наша обязанность — вырваться из неясной туманной среды, создаваемой повседневной рутинной, из инерции традиционной жизни и впитать в себя все лучшее в совре-

менной жизни народов. Только так нам будет гарантирован успех. Но к новому, в котором доброе порой с трудом отбивается от злого, следует относиться осмотрительно и не забывать, что малагасийской душе чужд эгоизм западной цивилизации.

Возле деревни Махали мы заметили рощицу белоствольных деревьев.

— Хинные деревья, — махнул рукой Ракуту-Рацима-манга. — Из камерунского города Джанга я привез саженцы и объяснил крестьянам, что хина поможет им победить малярию. Около каждой деревни у нас высажено десять—двенадцать деревьев. Никто не верил, что камерунские гости приживутся. Но уже был положительный опыт с разведением в центре кофейных деревьев. Лекарства стоят дорого. Не по карману нашей стране. Вот мы и стремимся обеспечить себя собственными лекарствами.

Он уже не раз собирал национальные совещания народных лекарей, чтобы подсчитать целебные ресурсы флоры, чтобы изготавливать больше нужных лекарств.

В округе при ИМРА проводятся эксперименты по разведению плантаций лекарственных трав. Мы останавливаемся перед посадками внешне ничем не примечательного растения с маленькими розово-белыми цветочками. Среди зарослей близ Тауланару, вспоминаю я, его кустики мелькают на каждом шагу. Это барвинок малый, перванш Мадагаскара.

На Мадагаскаре на него обратили внимание давно. Еще в XVII и начале XVIII века, предпринимая на больших пирогах набеги на Коморские острова, пираты-беци-мисарака брали с собой в плавание аптечку. Главное место в ней отводилось барвинку, обладающему поистине магическими свойствами. Он помогал при простуде и утомлении. Растению не страшна соленая вода. Перванш быстро принимается на новом месте, подчас в тысячах километров от острова. Переплыв Мозамбикский пролив, барвинок мадагаскарский зацвел в Африке, а затем, «форсировав» Тихий океан, и в Америке.

Ранее знахари лечили им диабет. Химики обнаружили в побегах, листьях и корешках барвинка 71 алкалоид. Установлено антилейкоцитозное действие некоторых алкалоидов барвинка, их эффективность при лечении лейкемии и болезни Ходжкина, гипертонии, болезней кровообращения и сердечно-сосудистых заболеваний.

Ракуту-Рацимаманга осуществил успешный эксперимент по разведению плантаций барвинка уникального мадагаскарского вида. На полях в Махади под наблюдением Пьера Буато посадки давали приличный урожай.

— На Мадагаскаре, — включился в разговор Пьер, — семь видов барвинка. На юге он мало-помалу пропадает, и, если мы не успеем развести его здесь, будет утрачена чудодейственная лечебная трава. Многие лекарственные растения исчезают с флористической карты острова, становятся редкостью на юге и востоке, поэтому их разведение на плантациях — назревшая необходимость. Кстати, фитотерапия — конек малагасийцев. Еще в 1864—1868 годах Равухинахитриниариву написал «Книгу о лекарствах и различных болезнях».

Мы любим полями мадекасоли (*Centella asiatica*) с синими, как у подснежника, цветочками и круглыми листиками. Из этой травы получают алкалоид азиатикозид, помогающий заживлению ран, язв и даже проказы. 50 тонн сухой травы с гектара собирают здесь в год (500 тонн свежей травы). Мадекасол вывозится и в Россию.

— А знаешь, кто выделил азиатикозид? Твой приятель — Буато, — показывает Ракуту-Рацимаманга на Пьера и тут же отвлекается: — Посмотри, Владимир, внимательнее на эту траву. По-малагасийски она называется сатрикоазамаратра, что переводится как «я ранен». Еще во времена колониальных войн малагасийцы заметили: ее листья помогают ранам быстрее заживать.

Вдруг я увидел знакомое растение, у нас его называют японским деревом, его сочные толстые листья нередко можно увидеть в московских квартирах.

— Тоже «золотой фонд» мадагаскарской аптеки?

— Это растение мы только испытываем, — улыбаясь, вставил свое слово доктор Чок. — Пока замечено, что если разрезанный вдоль лист приложить к суставам, то ослабевают ревматические боли.

Позднее в своем кабинете Ракуту-Рацимаманга показал мне фотографии:

— Вот на этих — проказа в действии, а на этих — те же больные после нескольких месяцев лечения.

— Неужели и проказа лечится травами?

— И не только проказа, — кивает ученый. — Во всем мире основной способ борьбы с камнями в почках — оперативный. Мы же используем фитотерапию, и довольно успешно.

Две тысячи жителей округи и других районов собирают лекарственные травы для ИМРА. На полях кооператива выращивают жасмин и ветивер для парфюмерного цеха при институте.

— Кстати, для советских космонавтов мы создавали питательные вещества, обогащенные протеином, — бросает вскользь Ракуту-Рацимаманга.

700 человек работают в мастерских и цехах ИМРА. Из его стен расходятся лекарства, мыло, духи, одеколон, ткани, вышивки и другие изделия с малагасийской маркой. Здесь восстанавливаются полузабытые народные промыслы, проводятся научные опыты. У Альбера Ракуту-Рацимаманги самые сердечные отношения с людьми, которые работают на него. Он дал им работу — и они благодарны ему за это, но более всего благодарны за то, что он такой замечательный человек. Когда он в который раз повторяет им: «Не будьте иждивенцами. Только блохи живут за чужой счет», — они хохочут.

— Как часто я твержу себе: «Береги людей. Ущипни свое сердце, прежде чем шипать сердце другому». Причины всех неприятностей ищу в себе. В детстве мне однажды было сказано: «Не глазей на чирей соседа: у самого вскочит». К себе следует предъявлять самые высокие, максимально жесткие требования. Людей же обижать нельзя. У них и так нелегкая жизнь, — вздыхает он.

— Альбер лечит одним своим присутствием, — с нежностью смотрит на него инвалид, один из рабочих мастерской.

И как не благодарить Бога, что на свете есть люди, которые словно бы отражают своей душой и делами характер и потенциал своего народа, его историю. По ним можно со сравнительно большой долей вероятности предугадать, как сложится дальнейшая судьба страны и ее народа, чего вообще можно ожидать от людей, живущих в данном уголке Земли. Ракуту-Рацимаманга, с моей точки зрения, представляет именно такой тип людей — типичного сына земли малагасийской. Как-то, поправляя одного из своих сотрудников, он пошутил: «Работу, начатую шелком, не кончай грубой ниткой». Это в его натуре! «О пахаре судят по его пашне», — искони говорят малагасийцы. Надежное будущее под силу только вершителям добрых справедливых дел, но тон задают первопроходцы, те, кто верит в грядущее и отваживается выполнять заветы предков, улучшать прошлое, в то же время не отрываясь от него. К их числу принадлежит и очень скромный малагасиец, великий труженик — Альбер Ракуту-Рацимаманга, принц из латеритной хижины, как он себя в шутку величает.

Оглавление

Глава первая. В обычаях — своеобразие страны	5
Остров на краю света	5
С обычаем следует считаться.	24
Что у малагасийца на душе	32
Цини и туди	37
Фукунулуна сменяет фуку	42
Крестьяне предпочитают север	45
Бог, божества и духи	49
Култ предков	57
Песня-речитатив	68
Турнир деревенских рыцарей поэзии	74
Судьба, гадания, гороскопы	79
Что им стоит дом построить	101
Человек, имя, судьба	116
«Родители ближе к Богу»	128
Лысины на Мадагаскаре бывают разные	134
Время по-малагасийски	137
Новый год из тьмы времен	141
Глава вторая. В столице и ее окрестностях	150
Цветовая гамма Антананариву	150
На свадьбе	165
Халабе расставляет свои тенета	174
Матч в фануруну	179
Хамелеоний заповедник	182
Смелого петуха узнают по шрамам	186
Хозяйки острова	195
Последний колдун	202
Глава третья. Пункт назначения — колючие леса . . .	207
Излечение от ипохондрии	207
Ода в честь вари лава	211
Город на водах	217
Пергамент Антаймуру	222
Танцы бара. Время, определяемое по мычанию зебу	228
Под покровительством быка	233

Священные угри Беракеты	237
Глава четвертая. Юг — край песков и баобабов	240
Расправа над райкетой	240
Яйца эпиорниса	250
Пальма в шляпе	256
Близ гранатовых разработок	258
Дерево, наделенное душой	261
Встреча с вечностью	263
Глава пятая. На дальнем западе	269
Под музыку раковин	269
В деревушке везу	273
Акио биби, или «Спасайтесь, кто как может!»	277
Глава шестая. В дебрях востока	282
Чудные мгновения на канале Пангалан	282
Лицом к лицу с лемурами	286
Ураания на волнах памяти	298
Остров с интересной судьбой	303
Глава седьмая. Прорыв на север	311
Флаги неповиновения	311
В гротах	324
Тайна и капризы Анцерананы	331
Глава восьмая. Черты грядущего в настоящем	336
Чудесные открытия с Пьером Буато	336
Принц из латеритной хижины	355

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
присылать по адресу:*

127018, Москва, ул. Суцеский вал, д. 49

Издательство «Дрофа»

Телефон редакции: (095) 795-05-43

Оптовое-розничную продажу книг производят:

Торговый дом «Школьник»

Москва, ул. Малые Каменники, д. 6, стр. 1а

(м. «Таганская», радиальная)

Тел.: (095) 912-15-16, 911-70-24, 912-45-76

Магазин «Переплетные птицы»

Москва, ул. Октябрьская, д. 89, стр. 1

Тел.: (095) 912-45-76

Корочанцев В. А.

К 66 Мадагаскар — остров загадок / Худож. В. Э. Брагинский. — М.: Дрофа, 2003. — 384 с.: ил. — (Вокруг света).

ISBN 5-7107-6365-9

Известный журналист и автор нескольких книг В. А. Корочанцев долгое время жил на далеком острове Мадагаскар. О своих впечатлениях он рассказал в книге «Мадагаскар — остров загадок».

Спор о происхождении этого острова идет давно. Одни считают его осколком древнего материка Гондваны, другие говорят о нем как о клочке суши, чудом уцелевшем от легендарного континента Лимурии, который утонул в пучинах Индийского океана. В XIII веке Марко Поло дал острову имя Мадейгаскар, или Мадагаскар. Необычная форма огромного острова, его геологическое строение, неповторимые флора и фауна, удивительное разнообразие этнических типов и обычаев делают его очень привлекательным для ученых и любителей загадок.

УДК 82-311.8(02)

ББК 84(2Рос=Рус)6-44я5

РЕДАКЦИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Литературно-художественное издание

Зеленая серия
Вокруг света

Владимир Алексеевич Корочанцев
МАДАГАСКАР — ОСТРОВ ЗАГАДОК

Заведующий редакцией
Е. В. Туинов
Ответственный редактор
Л. В. Лобанова
Художественный редактор
М. К. Гуров
Технический редактор
И. В. Грибкова
Компьютерная верстка
А. В. Перепелкин
Корректор
Т. С. Дмитриева

Подписано в печать 31.08.02. Формат 84х108¹/₃₂.
Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 7000 экз. Заказ № 4210225.

ООО «Дрофа»
127018, Москва, ул. Сушевский вал, 49
Изд. лицензия № 061622 от 07.10.97

По вопросам приобретения продукции
издательства «Дрофа» обращаться по адресу:
127018, Москва, ул. Сушевский вал, 49
Тел.: (095) 795-05-50, 795-05-51. Факс: (095) 795-05-52

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ФГУИПП «Нижполиграф».
603006, г. Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

СЕРИЯ «ВОКРУГ СВЕТА»

СБОРНИК

***Тигр* снегов**

*Автобиография Тенцинга,
записанная с его слов Джеймсом Ульманом*

Чарлз ЭВАНС

Неприкосновенная Канченджанга

*Сборник посвящен покорению
альпинистами величайших вершин мира Джомолунгмы
и Канченджанги*

29 мая 1953 года Тенцинг Норгей и Эдмунд Хиллари вступили на высочайшую вершину мира и провели там 15 минут. Тенцинг Норгей — первый в истории Азии человек из простого народа, который завоевал всемирную известность и славу. Он был неграмотным и поэтому историю своей жизни рассказал Джеймсу Ульману, который постарался сохранить во всех подробностях размеренную и неторопливую речь самого знаменитого шерпа.

Чарлз Эванс, выдающийся английский альпинист, врач по профессии, участник успешного восхождения на высочайшую вершину мира Джомолунгму (Эверест) в 1953 г., в своей книге рассказывает о покорении третьей по высоте вершины мира — Канченджанги.

З Е Л Е Н А Я С Е Р И Я

Дорин Тови

*Загадочные
и независимые*

Начало этой истории было прозаическим — в доме Дорин и Чарльза завелись мыши. Чтобы избавиться от этой напасти, был выбран самый простой и действенный способ — сиамская кошка.

На мышей она большого впечатления не произвела, но хозяев дома поразила в самое сердце... Отныне все их свободное время, внимание и любовь были отданы блюпойнту Саджи и ее отпрыскам — коту Соломону и кошечке Шебе.

И не зря! Общение с представителями кошачьего племени вдохновило Дорин Тови на создание замечательной книги «Загадочные и независимые», от которой невозможно оторваться. В ней есть все — и легкий английский юмор, и добродушная насмешка над собой, и масса уморительных и полезных сведений и подробностей о поведении животных и людей.

Дорин Тови

Девять жизней

Кошки — удивительные и загадочные существа, независимые, дружелюбные, гордые. Именно о них рассказывает сборник произведений английской писательницы Дорин Тови. Она относится к своим любимцам как существам мыслящим, имеющим право на личную жизнь...

В течение тринадцати лет жизнью в доме Дорин Тови на западе Англии дирижировала пара сиамских кошек — умница Шеба, миниатюрная блюпойнт, и Соломон, ее шумный братец, дюжий силпойнт, растяпа и клоун. Об их юности и первых проделках вы читали в книге «Загадочные и независимые».

В книге «Девять жизней» вы встретитесь не только со старыми знакомцами, но и с новыми героями... Мягкий юмор, эмоциональное повествование, необыкновенная трогательность, художественные достоинства сближают эту книгу с лучшими произведениями Дж. Даррелла и Дж. Хэрриота.

Дж. Корбетт

*Наука
джунглей*

В Индии Джим Корбетт личность легендарная. Большую часть своей жизни он проработал подрядчиком на индийской железной дороге, но прославился как непревзойденный охотник на хищников-людоедов и защитник обездоленных.

С детских лет Корбетт изучал сложную науку джунглей — как отыскать съедобные корни и клубни, какие цветы и плоды могут заменить чай или кофе, кора каких растений спасает от лихорадки и нарывов, как не натереть ногу и избежать солнечного удара, что сделать при укусе змеи или расстройстве желудка... Джим Корбетт рано понял, что джунгли не прощают легкомыслия и невежества. Все это помогло ему выходить победителем из противостояния с жизненными трудностями. Он не дрогнул, встретившись один на один с тиграми-людоедами, на счету которых были десятки и сотни жертв.

В данный сборник вошли повести «Моя Индия», «Наука джунглей», «Храмовый тигр».

З Е Л Е Н А Я С Е Р И Я

Жан-Пьер Халле

Китабу о животных

Жан-Пьер Халле родился в Бельгии, но Африка стала его вторым домом. Большую часть жизни он провел в Конго, был принят кровным братом в племена балега, масаев и ватуси, прошел обряды посвящения в воины, что требовало не только смелости, но и чрезвычайной физической выносливости. Халле выучил 17 местных диалектов, собрал самую большую коллекцию африканских артефактов и написал несколько книг. Одна из них называется «Китабу о животных». КИТАБУ на языке суахили означает «книга».

В книгу-китабу вошли рассказы о самых популярных африканских животных. На языке суахили их называют: Чун — истинный царь зверей; Симба — джентльмен-лодырь; Мбого — бдительный воин; Тембо — гражданин с твердыми устоями; Кифару — несостоявшийся преступник; Мамба — бомж с физическими недостатками...

**Кто из зверей скрывается под такими
хлесткими характеристиками, вы узнаете,
прочитав «Китабу о животных»!**

Владимир Бобров

Королева джунглей

Если составить хит-парад животных, которых больше всего боятся люди, наверняка первое место в нем займут змеи.

Ни об одном животном на земле не столько мифов и легенд, как о змеях. Люди боятся их, но в то же время с глубокой древности обожествляют, поклоняются и используют их яд для исцеления. Больше всего легенд связано с королевской коброй, названной Владимиром Бобровым Королевой джунглей, но книга не только о ней...

«Королева джунглей» — это увлекательные рассказы-наблюдения за животными, которых автору приходилось встречать и изучать в его многочисленных путешествиях по пустыням Кызылкум и Гоби, дебрям Уссурийского края, джунглям Индии и Вьетнама, саваннам Австралии.

СЕРИЯ «ВОКРУГ СВЕТА»

Альфред БРЕМ

Путешествие по Африке

1847 — 1852

в 2-х томах

Сеннар, Россерес, Кордофан, Нубия, Судан — страны, полные загадок, экзотических животных и растений, где народы живут по древним законам и обычаям, — издавна привлекали путешественников. В середине XIX века барон Джон фон Мюллер, авантюрист, забияка и аферист, организовал научную экспедицию в Северо-Восточную Африку... Получилась она не очень удачной, и о ней давно благополучно забыли, если бы барон не пригласил в качестве орнитолога

недавнего выпускника строительного колледжа, Альфреда Брема. Будущий знаменитый автор «Жизни животных», несмотря на трагические происшествия и многочисленные трудности, не только блестяще справился с возложенной на него задачей, но и написал увлекательную книгу об этом путешествии. Мир, который он так талантливо описал, ушел вместе с XIX веком в далекое прошлое. Тем интереснее в начале XXI века прочесть о людях, событиях и животных той далекой эпохи.

Все краски мира в «Зеленой серии»

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

Готовится к печати:

<i>В. Бобров</i>	«Королева джунглей»
<i>Д. Тови</i>	«Загадочные и независимые»
<i>Д. Тови</i>	«Девять жизней»
<i>Сборник</i>	«Черная пантера из Шиванипали»
<i>Н. Формозов</i>	«Среди природы»
<i>Я. Киселев</i>	«Рыбы наших вод»
<i>В. Ануфриев</i>	«Мой зверь — росомаха»

ВОКРУГ СВЕТА

<i>В. Романенко</i>	«ВьЮжная Америка»
<i>А. Давид-Неэль</i>	«Путешествие парижанки в Лхасу»
<i>Л. Грин</i>	«Острова, не тронутые временем»
<i>М. Эрцог</i>	«Аннапурна»
<i>Т. Хейердал</i>	«Аку-аку»
<i>Ф. Моуэт</i>	«Испытание льдом»
<i>В. Фукс, Э. Хиллари</i>	«Через Антарктику»
<i>Б. Шанько</i>	«Под парусами через два океана»
<i>С. Кулик</i>	«Черный феникс»
<i>Н. Пржевальский</i>	«Путешествия по Азии»
<i>Т. Хейердал</i>	«Экспедиция «Кон-Тики»

Готовится к печати:

<i>А. Брем</i>	«Путешествие по Африке. 1847 — 1852 гг.» (В 2-х томах)
<i>Сборник</i>	«Типр снегов»
<i>В. Корочанцев</i>	«Мадагаскар — остров загадок»
<i>Вс. Овчинников</i>	«Сакура и дуб»
<i>Вс. Овчинников</i>	«Вознесение в Шамбалу»

Все краски мира в «Зеленой серии»

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

Основана в 1994 году.

До конца 1998 года
выпускалась
издательством
АРМАДА

Д. Эттенборо

Ж.-И. Кусто

Ж.-И. Кусто

О. Леопольд, Д. Маккланг

Дж. Даррелл

Дж. Даррелл

А. Севастьянов

Дж. Даррелл

А. Смит

Дж. Даррелл

А. Карр

А. Онегов

Дж. Даррелл

В. и Ю. Смирны

С. Полозов

Л. Котлоу

П. Мариковский

Дж. Хантер

Ж.-А. Фабр

Ж.-А. Фабр

В. Корочанцев

П. Мантейфель

Ж.-П. Халле

«К югу от экватора»

«Могучий властелин морей»

«Живое море»

«Исчезающие животные
Америки»

«Рози — моя родня»

«Новый Ной»

«Мой знакомый медведь»

«По всему свету»

«Две горсти песка»

«Гончие Бафута»

«Наветренная дорога»

«Планета-тайга»

«Земля шорохов»

«Звери в природе»

«Фасциатус»

«Занзабуку»

«Неожиданные встречи»

«Охотник»

«Жизнь насекомых»

«Осы-охотницы»

«Голоса животных и
растений»

«Рассказы натуралиста»

ПРЕДСТАВЛЯЕМ

новую серию «Свидетели времени»

Максим
МОГИЛЕВСКИЙ

**ПОЛОСАТЫЙ
РЕЙС**

Тигр на съемочной площадке... Трудно найти зверя, в котором природа соединила, казалось бы, несоединимое: необыкновенную силу и грациозность, смелость и незаурядный ум. А ведь для многих тигр - олицетворение жестокости, коварства и кровожадности. Эта книга рассказывает лишь об одном тигре - легендарном полосатом артисте по кличке Пурш, снявшемся в фильмах "Укротительница тигров" и "Полосатый рейс". Оба фильма произвели сенсацию!

Никаких комбинированных съемок!

Пурш стал кинозвездой и всенародным любимцем!

Не каждому актеру выпадает такая слава!

